

Джозеф Зинкер

В поисках
хорошей формы
**Гештальт-терапия с супружескими парами и
семьями**

Перевод с английского А.Я Логвинской

Под редакцией М.И. Берковской

Независимая фирма "Класс"
Москва
2000

“НА ФОНЕ ПУШКИНА СНИМАЕТСЯ СЕМЕЙСТВО...”

Вот оно — мгновение “хорошей формы”, полноты и совершенства, контакта, значимости и безопасности! Толика иронии вполне понятна: обычно хорошая форма дается не столь просто. Тем не менее, эта метафора вполне раскрывает правду жизни. Хорошие мгновения нашей жизни в каком-то смысле устроены именно так: они коммуникативно завершены, осмысленны, безопасны. Когда они не очень хороши, это прежде всего значит, что в них чего-то недостает (а вовсе не что-то избыточно, как нередко считается). Или, если посмотреть с другой стороны, мы про них что-то не осознаем. Под осознанием понимается полнота видения, она же полнота контакта.

Таким образом, “хорошая форма” — это эстетическое переживание завершенного контакта. Приближение к ней — захватывающее путешествие, которое часто проявляется в том, что мы начинаем вдруг видеть “другую сторону медали” и понимать, какое она имеет отношение ко всей медали в целом. Как заявил честертоновский персонаж по имени Хорн Фишер, один из его сыщико-любителей: “Думается мне, что роль, которую он здесь не сыграл, еще любопытнее”.

Эта книга посвящена “поиску хорошей формы” как методологии семейной гештальт-терапии. Своими главными учителями ее автор считает Фрица Перлза и Карла Витакера, а свой подход к терапии — разновидностью искусства. Как в семейных взаимодействиях, так и в самой терапии, стремятся прежде всего к улучшению контакта. Симптом — своего рода “ограничитель”, сигнализирующий о неполноценном контакте. Нарушение контакта рассматривается как результат нарушения цикла взаимодействия — торможения или прерывания его на каких-то этапах. Задача терапевта — увидеть и привести в сферу семейного осознания “хорошую форму” данной семьи. Как уже отмечалось выше, эта хорошая форма отнюдь не рассматривается как нечто абсолютное, — скорее это целостное видение ситуации в границах симптома. Соответственно, хорошая форма также не есть нечто “объективное” — это результат совместного творчества семьи и терапевта. Осознавание семьей своей хорошей формы меняет ситуацию. Когда осознание достигнуто, семья может получить новый опыт взаимодействий в процессе терапевтического эксперимента.

В книге подробно изложена теория, связывающая всю эту философию с психотерапевтической практикой: устройство цикла взаимодействия, возможные виды его нарушений, путь ведения терапевтического приема, структура терапевтических интервенций.

В отличие от системного семейного терапевта, предпочитающего лично беседовать с семьей, семейный гештальт-терапевт предлагает членам семьи поговорить друг с другом в его присутствии о том, что их волнует. Он наблюдает за семейным взаимодействием, отмечая не только какие-то выраженные проявления, но и — что порой значительно труднее заметить — “выраженные отсутствия”, такие, например, как отсутствие взаимодействий в какой-либо семейной подсистеме. Его интересует при этом не содержание разговоров, а сам процесс контакта: кто с кем наиболее интенсивно взаимодействует, кто при этом слушает или не слушает, кто включается, кто с кем совсем не контактирует, когда убывает и прибывает энергия, где происходит торможение и так далее. Исходя из полученной таким образом информации, он создает психический образ “хорошей формы” семьи, на основании которого строит свои терапевтические интервенции. На первом этапе они должны служить осознанию семьей своих положительных качеств — потенциала *отыгрываемых* ролей; на втором — осознанию *неотыгрываемых* ролей, “упакованных” в симптоме; наконец, на третьем — получению семьей нового опыта коммуникации.

Со многими психотерапевтическими подходами происходило так, что в результате их применения к определенным проблемным сферам они теряли свою идентичность и превращались в нечто другое. Отчасти отсюда происходит нынешнее невероятное многообразие терапевтических теорий, методов, техник. В этом процессе много позитивного. Однако “несыгранная роль”, как всегда, приобретает тем более высокую значимость, чем интенсивней процессы, которые она должна дополнить. В данном случае речь идет о целостности, единстве взгляда, позитивном терапевтическом мировоззрении.

Это то, чем обладает предлагаемая вашему вниманию книга. Кроме вполне конкретного подхода, методологии, она выражает целостный *взгляд* — ясный и отчетливый, но в то же время не рассыпающийся на отдельные фрагменты; позволяющий формировать представление о конкретных проблемных сферах, но во всех этих преломлениях остающийся одним и тем же. В частности, очень интересны разделы, посвященные темам лжи и правды в человеческих отношениях, терапии горя и утраты.

Книга завершается обзором ценностей гештальт-подхода, по сути — отчетом о состоянии терапевта. И это действительно завершение: “Наша теория побудила нас завершить гештальт и тем самым разрешить некоторые свои задачи”.

Остается пожелать читателю — будь то терапевт-профессионал, вдумчивый дилетант или иной неведомый искатель хорошей формы — практической пользы и эстетического удовольствия

от контакта с этой книгой.

“... Мы будем счастливы – благодаренье снимку...”

Татьяна Драбкина

Вступительное слово

Всем, кто знаком с гештальт-терапией в разных ее воплощениях и применениях, хорошо известно имя Джозефа Зинкера. Он основал Гештальт-институт в Кливленде и возглавляет его вот уже более тридцати лет. Воспитал огромное количество специалистов не только в Кливленде, но и по всему миру, что сделало его одним из наиболее известных и популярных современных мастеров преподавания гештальт-терапии. В течение последних двадцати лет Джозеф Зинкер совместно с Соней Невис руководит Центром по изучению малых систем, который лидером в применении гештальт-модели в работе с супружескими парами и семьями.

Популярность Зинкера еще больше возросла в 1976 году после выхода в свет его монографии “Творческий процесс в гештальт-терапии” (*Creative Process in Gestalt Therapy*). Это исследование вышло за рамки простого клинического исследования и является классической работой по гуманистическому и целостному подходу к психотерапии, до сегодняшнего дня оно остается бестселлером.

Книга, которую вам предстоит прочесть, стала долгожданным продолжением первой монографии. Новая работа Зинкера — “В поисках хорошей формы” — основана на тех же основных принципах гештальт-терапии, которые многие годы были ведущими как в практических, так и в теоретических изысканиях автора. В своих исследованиях он опирается на опыт работы по изучению наиболее сложного и глубокого явления человеческого существования – интимной жизни семьи и супружества.

В этой книге автор постоянно делает ударение на ключевых принципах семейной терапии – *наблюдении* и *“пребывание с”*. Такой подход является истинно феноменологическим по духу в том смысле, что терапевт вместе со своими пациентами становится участником совместного творческого процесса, взаимного выражения их собственных переживаний и смысла их собственного существования. Такой подход резко контрастирует с отношением других терапевтических школ, он более новаторский и одновременно более архаичный, в зависимости от вашего взгляда.

По словам Ирвина Польстера, другого яркого представителя авангардного поколения гештальт-терапевтов, “переставить кушетку” *[[[*Reintroduce the couch – намек на кушетку в кабинете психоаналитика.] — значит ввести некоторые фиксированные техники или аналитический инструмент для “объективного” исследования переживания клиента снаружи, чтобы вынести суждение об этом переживании и в тоже время сохранить безопасное (для терапевта!) расстояние между “доктором” и “пациентом”. Здесь нет ни кушетки, ни “Прокрустова ложа” для диагнозов или правил “построения” переживаний клиента, здесь есть мудрый и гуманный совместный поиск места, где это переживание заблокировано, искажено, смазано или снижено.

Такая терапия является искусством, *ритуалом*, по определению Зинкера; это определенный вид глубокого личного контакта, который не становится суррогатом общения и в котором субъект или личность не теряется, как это происходит во многих других терапевтических направлениях.

Однако нельзя сказать, что у Зинкера нет методологии или интеллектуальных рамок. Напротив, он посвящает этому всю первую часть своей книги. Начиная с первой главы книги, Зинкер в повествовательной манере описывает теоретические предпосылки и концепции, которые затем подробно рассматриваются в последующих шести главах. Обладая зорким глазом и кистью живописца (Зинкер известен как талантливый профессиональный художник), он мастерски описывает Фрица и Лауру Перлз как “художников-импровизаторов”. Он вспоминает, как психоаналитическая элита послевоенного периода восприняла Перлзов “в лучшем случае как ренегатов, а в худшем – как шарлатанов”. Затем Зинкер излагает основные теоретические посылы перлзовского различия между “отыгрыванием” (*acting out*) и “проигрыванием” (*acting through*), что, по существу, является различием между осознаваемым и неосознаваемым действием. Можно сказать, что это положение стало кардинальным пунктом всех работ Зинкера, да и других гештальт-моделей.

Что же делает Зинкера таким ярким примером блистательного и успешного преподавателя и писателя? Прежде всего – конкретное, зримое и ясное изложение и только потом теоретические разработки и замечания. Он всегда приводит феноменологические и экспериментальные данные и никогда не диктует догматические соображения, не подкрепленные реальными примерами.

Зинкер перечисляет ученых и практиков, оказавших значительное влияние на гештальт-терапевтическую модель семейной терапии, – Витакер, Сатир, Минухин, Боуэн и другие. В то же время он открывает новую тему, которая становится лейтмотивом всей книги, – *эстетика и форма* в клинической работе с семьей или супружеской парой. Характерно, что и эта тема в изложении Зинкера не остается простой абстракцией. В своих построениях он опирается на конкретные описания, используя модель Интерактивного цикла опыта для анализа семейных процессов и качества жизни семьи.

В конце главы 1 автор делает обзор содержания остальных глав, поэтому мне нет нужды повторять его. Я хотел бы только коротко обсудить все одиннадцать глав этой книги, останавливаясь на некоторых важных практических открытиях, представленных читателю.

Глава 2 излагает основные ценности положения гештальт-подхода, разработанные Зинкером совместно с Невис. Это само по себе поразительно. Давно ли вы сталкивались с клинической работой, которую автор начинает с перечисления собственных убеждений и принципов, а затем уже связывает теоретические принципы с индивидуальными методами, положениями и клиническим инструментом своей работы? По своей сути эти ценности и положения напоминают позицию выдающегося искусствоведа Гомбриха, эстетическая теория которого основывалась на определенных эстетически предпочитаемых визуальных формах, где “процессы” различия зависят от содержания, культуры и даже средств массовой информации. Подобно Гомбриху, Зинкер приводит свои аргументы в защиту *эстетики процесса*, которые становятся диагностическим инструментом, не опираясь на громоздкие системы правил поведения и исторические интерпретации.

Глава 3 описывает системы и их границы в необычном ключе, особо выделяя теорию поля Курта Левина. Новизна подхода состоит в том, что Зинкер нашел плодотворное сочетание системного подхода и эстетических основ. Еще в начале нашего столетия гештальт-психологи обнаружили, что зрительное восприятие не является простым пассивным восприятием того, “что есть”. Это открытие стало ядром наследия гештальт-психологии, и с тех пор практически не существует таких психологических школ, которые не содержат основы гештальт-психологии.

Весь смысл теории и метода автора заключается в том, чтобы создать руководство по исследованию именно этой конструкции – то есть объяснить нам, что искать и куда смотреть. Эпиграфом к главе 4 послужило известное изречение Курта Левина: “Нет ничего практичнее, чем хорошая теория”. Зинкер действительно демонстрирует нам ценность этого соображения, побуждая читателя принять новую позицию и увидеть “всю картину” процесса, происходящего в семье или супружеской паре.

Разработку Интерактивного цикла опыта Зинкер доверил Невис. Этот цикл описан в главе 4 и является инструментом или “оптическим стеклом” для рассмотрения процесса, базирующегося, в свою очередь, на Гештальт-цикле опыта. Гештальт-цикл опыта, выросший из работ Перлза и Гудмана, создает основу многих книг, статей и методических разработок, выполненных членами Кливлендской школы гештальт-терапии. Ее приверженцы распространяют свою практическую деятельность по всем направлениям, начиная от индивидуальной и групповой терапии, кончая работой с организациями и политическими объединениями.

В главе 5 концепция осознания продолжает свое развитие, акцентируя внимание читателя на процессах изменения как таковых. В конце концов именно изменения являются целью психотерапии, хотя многие модели семейной терапии не отвечают на вопрос о том, что изменяется и как это происходит. Взаимосвязь осознания и поведения и изменения поведения составляет сердцевину феноменологического подхода, который отстаивает Зинкер, и определяет центральное и организующее начало гештальт-модели. Ведь мы формируем свое поведение в русле *организованного* нами *осознания себя*, своих чувств и планов, нашего мира и его возможностей (они и определяют задачи и цели, по направлению к которым мы движемся). Поэтому, для того чтобы изменить поведение, нам надо изменить осознание того, какие возможности удовлетворения существуют в мире и какие возможности, цели и чувства существуют для нас самих.

Работать на “поведенческом уровне”, идя наперекор нашему собственному чувству опасности и возможностям, значит создавать “сопротивление”. Для Зинкера это означает просто просить людей делать то, что не соответствует их собственному представлению о себе и о мире. Он считает, что единственным решением этой наиболее распространенной и фрустрирующей клинической дилеммы является всегда *поддерживаемое сопротивление*. Клиническая польза, которую он извлекает из данного положения и иллюстрирует в книге своими клиническими зарисовками, может служить вдохновляющей идеей и моделью для тех, кто борется за здоровье семьи.

Глава 6 целиком посвящена теме сопротивления. Зинкер снова рассматривает сопротивление через призму того, что человеку надо преодолеть, достичь или защитить. И снова здесь проявляется его вера в силу осознания. Речь идет не о том, чтобы немедленно снять сопротивление, но перевести его на уровень выбора.

Глава 7 завершает теоретическую часть книги. В лучших гештальтистских традициях теория и практика постоянно переплетаются в книге, подкрепляя и обогащая друг друга. То теория, то практика становятся фигурой, а затем уходят в фон.

Граница, безусловно, является ключевой темой семейной терапии в целом. Это понятие часто используют в литературе, но редко дают ему определение. В этой книге Зинкер предлагает ясные перспективы применения термина "граница" и его роли в построении смысла и поддержания энергии ("энергия" – другой часто употребляемый термин и также плохо определяемый). Зинкер показывает, что качество и количество энергии, необходимые системе для совместного существования, напрямую зависят от состояния границы системы – границы внутри людей, границ между ними и между различными переплетающимися подсистемами.

Глава 8 начинает раздел "Практика". В отличие от многих других авторов, Зинкер подробно описывает процедуру проведения сессии. Снимая завесу тайны с практической терапии, он позволяет читателю оставаться в независимой позиции и делать осознанный выбор – снова в лучших гештальтистских традициях.

Глава 9 продолжает тему практической терапии, но уже в более сложном поле большой семейной системы. Здесь, так же как и везде, основные положения и "ориентирующие принципы" автора помогают нам (как, впрочем, и клиентам) связать теорию с практикой, так, чтобы это было доступно читателю. Так же, как и в главе 8, Зинкер настаивает на диалектическом видении человеческих противоречий ("я" и другого, индивидуума и группы, слияния и автономии). Он избегает упрощения органических процессов и вариантов выбора, предлагая теоретическую систему и методологический подход на том уровне сложности, который соответствует сложностям жизни как таковой.

Глава 10 описывает противоречивые проблемы человеческих взаимоотношений – обособленность и общение – и исследует эту проблему с удивительной простотой и философским толкованием. Однако здесь читатель не найдет легких ответов, клинических или этических предписаний – скорее, это тщательное описание взаимоотношений между правдой и ложью. Как и во многих трудах Зинкера, в данной работе он также уделяет большое внимание проблеме *поддержки*. Когда люди занимаются деструктивной или самодеструктивной деятельностью, возникает вопрос: почему никто не поддерживает их, чтобы предотвратить этот процесс? Но даже в этом случае автор избегает категоричных оценок, не определяя поведение как здоровое или нездоровое, плохое или хорошее. Как клиницист, да и как человек, он хорошо знает, что такая категоризация не приносит пользы и не ведет ни к изменениям, ни к улучшению жизни. В таких случаях он предпочитает говорить об эстетичном или неэстетичном поведении.

Зинкер снова и снова обращается к реалиям человеческой жизни. И глава 11 посвящена острой проблеме семейной жизни – горя и утраты. Эта тема, пожалуй, никогда адекватно не обсуждалась в клинической литературе. В центре внимания автора снова контакт, осознание и поддержка – в контексте веры в присущее человеку стремление к воссоединению, творческому созиданию и смыслу.

В заключительной главе 12 Зинкер предлагает "помедитировать" на тему эстетических процессов и над тем, что на протяжении всего повествования он называет *хорошей формой*. Заканчивает свою книгу он там же, где и начал, снова перечисляя те важные понятия, которыми руководствовался в работе, – ценности, изящество, развитие, причастность, взаимосвязанность, "бытийность", ценность опыта, целостность формы, завершенность, рост, определенность, эстетика.

Так что же имеет в виду Зинкер под термином *эстетика* в контексте работы с супружескими парами и семьями? Я попробую ответить на этот вопрос в манере Зинкера, вспомнив, как мы собирались вместе с ним идти на свадьбу к нашим общим друзьям. Тогда я, помню, спросил Зинкера о женитьбе и о том, какой смысл она заключает в себе. "Женитьба? – он уставился взглядом в пространство, точно так, как он описывает это состояние в главе 1. – Женитьба... – долгая пауза, возможно, для большего эффекта, – это что-то, от чего ты не можешь так легко уйти". Затем еще одна пауза. "Да, – добавил он, – думаю, ты *мог бы*, но это было бы *неэстетично*".

Быть "эстетичным" – значит быть причастным к цельности и целостности завершенной формы. В прологе своей книги Зинкер говорит о цельной личности своей коллеги Сони Невис, которой доверил центральную роль в разработке многих идей. Он говорит о ее бережном отношении к опыту каждого человека. На протяжении всех лет их совместной работы Зинкер никогда не слышал, чтобы она говорила о "болезни" семьи или супружеской пары. Такая чистота, заключает он, встречается редко.

То же самое можно сказать и об отношении Зинкера к эстетической форме, к видению, приятию и уважению к человеческим переживаниям, которыми пронизана вся книга. Подобное отношение действительно большая редкость. Парадоксально, но, опираясь на терапевтическое присутствие, его "*пребывание с*", Зинкер добивается гораздо больших результатов, чем его коллеги с "научным" подходом к терапии.

В занятиях психотерапией, как и в любых других человеческих занятиях, существуют приливы и отливы. Два поколения назад Гордон Олпорт призывал "вернуть в психологию человека". Сегодня, когда семья и супружество нуждаются в помощи, голоса, призывающие к быстрым решениям, звучат особенно громко. Поэтому именно сегодня нам следует прислушаться и к другим, менее громким голосам, которые напоминают нам, что каждый человек, каждая семья, каждые человеческие отношения, с их собственной эстетической формой и потенциальными возможностями раскрытия красоты жизни, - одинаково важны. Когда наступит прилив (который уже начался), который будет направлен на гуманизм и человеческое созидание, Джозеф Зинкер всегда будет рядом — таким, каким мы его знаем, — ярким, остроумным, страстным, обаятельным, мудрым и эстетичным. Как терапевт — он артист, а как человек — художник жизни.

Гордон Уиллер

Кембридж, Массачусетс

Июль, 1994

Об авторе

Джозеф Зинкер родился в 1934 году в польском городке Люк. В годы Второй мировой войны он потерял почти всех своих родных. Однако он сам, его родители и брат спаслись, оказавшись беженцами, побывав даже в Узбекистане. После войны он и его семья провели четыре года в лагерях для перемещенных лиц в Польше и Германии.

В 1949 году Зинкер эмигрировал в Нью-Йорк. С детства Зинкер демонстрировал художественные таланты. В университете Нью-Йорка он начал изучать изобразительное искусство, а позже психологию и литературу. Он заинтересовался экзистенциализмом и феноменологией и закончил аспирантуру в Вестерн Резерв Университете в Кливленде, сосредоточившись на изучении теории познания и клинической психологии. В 1963 году он получил докторскую степень за исследование личностного роста при неизлечимых заболеваниях. Эта диссертация легла в основу его первой публикации — "Роза Ли: мотивация и кризис умирания" (*Rose Lee: Motivation and Crisis of Dying*, 1966).

В 1958 году, будучи аспирантом, Зинкер начал посещать лекции первых гештальт-терапевтов в Кливленде, его первыми учителями были Фриц и Лаура Перлз, Гудман и Фромм. Эта группа выросла в Гештальт-институт Кливленда, где Зинкер вошел в состав руководства, а также возглавлял факультет.

В 1976 году Зинкер опубликовал монографию "Творческие процессы в гештальт-терапии" (*Creative Process in Gestalt Therapy*). Эта книга до сих пор остается классическим исследованием психотерапии как формы искусства. Журнал "Психология сегодня" признал эту работу Книгой года, и она переведена на три языка.

Профессиональному гештальт-сообществу Зинкер известен как специалист в области совершенствования концепций взаимного дополнения, работы с супружескими парами и разработки творческого эксперимента в индивидуальной, семейной и групповой терапии. С 1980 года он активно сотрудничает с Центром семейных систем Гештальт-института в Кливленде.

Художник, писатель, поэт и преподаватель, Зинкер с 1962 года также занимается частной психотерапевтической практикой. Популярный лектор и тренер, Зинкер много времени посвящает путешествиям по Америке, Южной Африке, Европе и Ближнему Востоку. Его клинические интересы находятся в сфере эстетики и полемики о человеческих взаимоотношениях. Он отец двух дочерей-художниц. Живет Зинкер в Кливленд Хайтсе, штат Огайо.

Благодарность автора

В начале 1980-х годов Эдвин Невис подталкивал меня написать эту книгу, а затем поддерживал до самого ее завершения. Пока я приобретал компьютерное оборудование, Мирна Фридман терпеливо распечатывала и перепечатывала комментарии и редактуру рукописи, позже ее сменила Мэрилин Айсман. Главная редакционная работа была проделана Ширли Лоффер, которая редактировала также и мою книгу "Творческие процессы и гештальт-терапия" (*Creative Process in Gestalt Therapy*).

Мне очень помогала Соня Невис. Она подготовила материал по гештальт-теории семейной терапии: интервенции, принципы и положения, "действие с сожалением" и соображения по поводу лжи как преграды к близости. Эти темы были затронуты в интервью, которое Элеонор Уорнер, Соня и я дали для нашего издания "Newsletter" в Центре по изучению семейных систем в Гештальт-институте Кливленда в 1980-е годы.

Большую моральную поддержку и помощь я получил от многих сотрудников Гештальт-институтов Кливленда, Феникса, Калгари, Чикаго, Нью-Орлеана, Ричмонда и Новой Англии; моих терапевтических групп в Блумингтоне, Индиане и Далласе; моих коллег из Великобритании, Мексики, Франции и Израиля.

Долгие беседы и годы работы с моим близким другом Донной Руменик обогатили мое понимание многих проблем. Мы говорили о том, как тайны и "тайная жизнь" формируют семейные и супружеские отношения; о том, что в семьях существуют одинокие преследователи; что гештальт-терапевт несет большую ответственность перед клиентом; о том, как близость в супружестве порождает любопытство и повторяющиеся вопросы и ответы; о том, что терапевтическое "присутствие" является важной составляющей психотерапии.

Я хочу назвать своих друзей, которые постоянно повторяли мне, что я все делаю правильно: Гордон Уиллер, Вендел Прайс, Филипп Розенталь, Томас Рейф, Анни Тичворт, Пенни Бекмен, Джозеф и Глория Мелники, Ричард Боровски, Флоренс Зинкер, Роберт Баркус, Джанин Горбейл, Джудит Гри, Эд Харрис, Эдит Отт, Ира Розенбаум, Клер Страфорд, Роберт Вайскопф, Ирвин и Мириам Польстеры и многие другие.

Многие идеи, касающиеся эстетики, были изложены мной с подсказки Сони Невис и Донны Руменик, а также взяты из моих тезисов к конференции Гештальт-журнала в 1986 году и Кембриджской (Англия) конференции в 1993 году. Пауль Шейн, человек, опубликовавший мои работы, блестящий писатель, редактор и преподаватель феноменологического экзистенциализма в Сэйбрукском институте добавил ясность и молодую энергию в окончательный вариант моей рукописи. Книга была закончена в атмосфере диалога между Паулем и мной.

Тони Скиннер – талантливый художник-график – перенес мои наброски в книгу.

Личные несчастья периодически лишали меня творческой энергии. Я имею в виду развод, а также смерть моих родителей, брата и дяди. Уход старших членов семьи Зинкеров оставил опустошение в моей душе. За моей спиной исчезла стена. Я сам стал стеной. Но после моего развода все стены рухнули. И я хочу поблагодарить двух выдающихся молодых женщин, вдохнувших в меня желание жить и творить, – моих дочерей Джудит и Карен Зинкер.

Джозеф Зинкер

Кливленд Хайтс, Огайо

Июль 1994 года

*Посвящается Соне Невис и Эдвину Невису,
верным коллегам и дорогим друзьям.*

ПРОЛОГ

Более десяти лет назад Соня Невис пригласила меня на работу в качестве сотрудника факультета Гештальт-института в Кливленде в Центре малых систем. Это случилось после смерти нашего любимого коллеги Уильяма Уорнера, с уходом которого в нашей программе образовалась брешь. Он был блестящим гештальт-терапевтом, особенно в работе с детьми, супружескими парами и семьями. Заняв место Билла, мы почувствовали себя птичками, занявшими место красивой лошади.

У меня было слабое представление о семейной терапии. Я пережил Вторую мировую войну, был беженцем, и в моей семье не было ни теток, ни двоюродных братьев, ни сестер, ни племянников, ни дедушек и бабушек. Мои родители, брат и я не составляли единую семью. Сегодня я бы сказал, что вырос в "неблагополучной" семье.

Семья, которую я создал со своей женой, была не намного здоровее. И хотя я и писал о супружеских конфликтах и любви, но не обладал "личным знанием" о святости и красоте супружества, семьи и жизни детей в семье.

Соня заказала для меня груды книг и продолжала обучать меня. С каждой лекцией и терапевтической сессией я обучался у нее фундаментальным ценностям не только семейного терапевта, но и вообще человека, который хочет быть целителем. Они таковы:

- Уважай человеческие переживания такими, какие они есть.
- Относись к каждому "симптому" как к творческому усилию людей сделать свою жизнь лучше.
- Любое несогласие пациентов с терапевтом – хороший признак и утверждение их силы и способности учиться для себя.
- Оказывай поддержку сопротивлению супружеской пары или семьи.
- Устанавливай четкие и ясные границы между собственными чувствами и феноменологическим полем пациентов.
- Поддерживай умения пациентов.
- Создавай такую среду и степень своего присутствия, при которых самый жестокий обидчик может вступать в контакт со своей болью и уязвимостью.
- Мы все способны на плохие поступки – терапевт должен уметь сострадать как жертве, так и обидчику.
- Терапевт создает или охраняет границы между членами семьи – каждое переживание человека *реально*, и его надо принимать в расчет.
- Присутствие терапевта и уважение к семье позволяет каждому ее члену расти и развиваться.
- Занимай четкую позицию и не допускай грубого поведения членов семьи – устанавливай четкие ограничения.
- Терапевт моделирует образ хорошего лидера и учителя пациента.
- Терапевт оказывает поддержку, избегая чувствительности или чрезмерной снисходительности.
- Каждую семью характеризует определенная этническую принадлежность, культура быта и поведения. Не пытайся "пичкать" семью своими собственными социальными или этическими представлениями: они могут быть неприемлемыми для них.

Годами работая вместе с Соней в качестве ко-терапевтов, мы выработали определенный стиль. Прежде всего, один из нас представляет другого и просит супругов или семью рассказать что-нибудь, что бы они хотели сообщить о себе в первую очередь. К каждому члену семьи мы обращаемся отдельно, в это время никто не говорит с другими и не перебивает. Соня, например, может сказать: "Простите, но Джон еще не закончил говорить, я обещаю, что дам вам слово позже". Мы всегда скрупулезно следовали нашим обещаниям.

Следующий шаг – дать возможность членам семьи поговорить друг с другом, обещая им, что в любой момент они могут обратиться к нам за помощью, или мы сами можем прервать их, чтобы рассказать о наших наблюдениях.

После некоторого периода наблюдения за семьей мы останавливаем участников и просим их послушать наш разговор. Поворачиваясь друг к другу, мы сравниваем наши наблюдения и выбираем то, что важно для нас обоих. Затем один из нас представляет семье тему, которую мы выбрали, и спрашивает, имеет ли для них смысл сказанное нами и происходит ли это у них дома.

Обычно наши наблюдения совпадают. Например, мы можем сказать: "Вам очень хорошо удается выражать свои чувства, независимо от того, насколько болезненными они могут быть для вас". Это наблюдение указывает на сильную сторону семьи. Когда мы работаем вместе, второй шаг чаще всего делает Соня, показывая оборотную сторону этой силы. Она может сказать: "Вы заметили, что, выражая свои истинные чувства, некоторые члены семьи начинают съеживаться, а их глаза наполняются слезами, настолько это болезненно? Возможно, прежде чем сообщать остальным свои личные переживания, вам нужно представлять себе, как может отреагировать кто-то в семье. Правы ли мы в своих наблюдениях?" После этого мы снова уходим в тень и даем семье возможность поговорить о том, как они травмируют друг друга, говоря нелюбимые вещи. Члены семьи могут жаловаться друг другу на то, что под видом искренней реакции их открыто критикуют и обижают.

В нужный момент мы снова просим прощения у участников за то, что прерываем их беседу, и предлагаем им выслушать наши очередные соображения. При этом, как правило, Соня поворачивается ко мне и говорит: "Знаешь, Джозеф, может быть, ты мог бы провести эксперимент, который помог бы им научиться выражать свои чувства, не задевая друг друга так сильно?"

А я могу ответить на это: "Хорошо, есть один способ – каждому из присутствующих попробовать подумать о том, что они хотели бы высказать другим членам семьи, а затем сказать этому человеку, какую, по его представлениям, реакцию он мог бы продемонстрировать. При этом вы не сообщаете содержание своего высказывания. Например, Джо мог бы сказать Марлин: "Если бы я сказал тебе, что думаю о том, как ты общаешься со своим парнем, боюсь, ты бы стала плакать". А Марлин могла бы возразить Джо: "Я не считаю, что ты можешь критиковать меня, и не готова это слушать". Таким образом, эксперимент может научить семью выражать свои чувства и при этом защитить друг друга от ненужной боли".

Далее, я могу предложить несколько вариантов эксперимента, а Соня выбирает наиболее простой и легкий для проведения. Затем один из нас поворачивается к участникам и подробно объясняет задачи эксперимента, проверяя, правильно ли каждый понимает, чего мы хотим.

Если нам везет, семья соглашается. Тогда, с некоторой помощью и поддержкой с нашей стороны, им удастся достичь успеха и научиться регулировать выражение своих чувств, учитывая ранимость каждого члена семьи. После этого один из нас дает обратную связь, оценивая, насколько хорошо каждый участвовал в эксперименте. В этот момент сессия приходит к концу, и один из нас предлагает участникам попрактиковаться дома в приобретенных навыках общения. У Сони есть дар завершать сессии с изяществом, обаянием и здравым смыслом. Обычно она говорит что-то вроде: "Смотрите, снег пошел еще сильнее. Как далеко вам ехать домой?"; или: "Хотите узнать, где здесь можно хорошо перекусить?" Так заканчивается сессия.

В процессе работы мы с Соней начали замечать, что разработали определенную эстетику процесса работы и тщательно ей следуем. Этот процесс мы разделили на следующие шаги:

1. Короткий разговор (предварительный контакт, или "преконтакт").
2. Знакомство с семьей и приветствие всех участников.
3. Вопросы, обращенные к каждому из членов семьи, о том, как они представляют себе свою семейную проблему.
4. Внимательное изучение поведения пациентов и их взаимоотношений.
5. Главная интервенция заключается в выявлении сильной стороны семьи.
6. После короткого последующего обсуждения высказывается предположение, что семье нужно получить некоторые навыки, которые у них недостаточно развиты.
7. Обучение проведению эксперимента, направленного на улучшение функционирования семьи в слабой для нее области.
8. "Продажа" эксперимента и проверка того, насколько точно все участники поняли его назначение.
9. Наблюдение за участием членов семьи в эксперименте и периодическое вступление в эксперимент, если участники заходят в тупик.
10. Вопросы о том, что они вынесли из эксперимента и как будут использовать свои новые навыки дома.

Заканчивая сессию, Соня всегда предлагает членам семьи возможность сказать то, что они чувствуют.

В идеале нам нужно полтора часа, чтобы поставить этот красивый акробатический балет, после которого семья уходит домой с новыми знаниями и уверенностью в их собственном человеческом достоинстве.

Я научился у Сони, как не бросать слова на ветер, как ясно понимать интервенцию и осуществлять ее, как донести до семьи уважение к усилиям каждого члена по улучшению их жизни.

За все годы совместной практики я не слышал от Сони ни одного критического замечания в адрес клиентов, которые только что покинули наш кабинет. Никогда! Такую непоколебимую целостность трудно сохранить в этом мире.

Часть I ТЕОРИЯ

1. НАШИ ИСХОДНЫЕ ПОЗИЦИИ

Когда умер рабби Мордехай, сын его, рабби Ноах, говорил со своими учениками. Ученики заметили, что в некоторых случаях он преступает заветы отца, и спросили его об этом. "Нет, я поступаю так же, как мой отец, – сказал рабби Ноах. – Он никогда никому не подражал".

Рабби Нахман из Братиславы

Эта книга посвящена тому, как лучше видеть и понимать семейные проблемы, постепенно приобретая и развивая мастерство семейного терапевта. Первый навык семейного терапевта – умение полностью погрузиться в чувства другого человека – *быть здесь*. Сопереживая другим людям, мы получаем привилегию откровенно говорить им о том, что чувствуем в их присутствии. Когда люди поражаются тому, что они *услышаны* и *увидены* другим человеком, они обретают способность изменять свое поведение. Семья оказывает нам честь, позволяя быть с ней и наблюдать за борьбой ее членов.

Открытое выражение наших чувств и "*пребывание с...*" – наши эстетические и духовные ритуалы. Ведь помимо того, что терапевтические отношения дают нам возможность почувствовать красоту здорового человеческого общения, они сами по себе обладают эстетической и духовной ценностью. Ясность и сила, исходящие от любящего сердца, настолько притягательны, что ими трудно не любоваться.

Эта книга учит терапевтов создавать, развивать и завершать эти ритуалы. Мы учимся сидеть рядом с людьми, украдкой глядя в них. Семейный союз – удивительный организм, живое существо, творящее прекрасный или неуклюжий танец. Эта "хореография" должна пробудить в нас творческое начало, призванное помочь супружеской паре или семье стать прочнее, сильнее и прекраснее.

"Болезненная" семейная пара или семья похожи на плохой театр: их актерская игра приводит к плачевным результатам. Они не способны преодолеть приобретенные стереотипы и просто прийти в восхищение от происходящей драмы. Они не могут получить удовольствие от комической стороны собственных отношений и не в состоянии проникнуться глубиной собственной трагедии. Мы стараемся научить их жить подлинными чувствами, с их спонтанной импровизацией, – от слез до звонкого смеха. Постепенно в процессе развития мы и сами получаем возможность насладиться красотой происходящего.

Мы способны научить людей "жить красиво".

Искусство – театр, танец, литература, поэзия, живопись, скульптура, архитектура – не просто воплощение живых человеческих отношений. Важный аспект творчества – наблюдение, для которого необходимо наличие позиции, перспективы и интуиции.

С тех пор, как Аристотель впервые предложил научное исследование человеческой души, дебаты по поводу истинной роли психотерапии не прекращаются. Что же это за дисциплина – наука или искусство? *Кризис* профессиональной идентичности стал особенно заметным почти сразу после того, как в конце XIX века психология вышла из-под власти философии и начала отстаивать собственное право стоять в ряду других наук. Существует мнение, что психотерапия – это самодостаточная профессия. Если вы считаете, что это наука, вы подходите к ней технически (тот, кто озабочен технической стороной дела, измерениями и подсчетами, молится двум богам – "достоверности" и "обоснованности"). Если вы считаете, что это область обучения, вы непременно станете учеником (тот, кто хочет стать "мастером", всегда учится). Если вы воспринимаете свою работу как искусство, вы являетесь художником (творцом). Возможно, такие "чистые" типы не встречаются, но если бы они и могли существовать, то представляли бы собой различные стороны исследования человеческой реальности. В своей работе вы непременно столкнетесь с этими позициями в различных комбинациях. Тем не менее я отношусь к этой области деятельности как к искусству. Такое отношение к психотерапии и стало отправной точкой создания этой книги.

Итак, осознавая тот факт, что жизнь человека – занятие творческое, мы пускаемся в творческое приключение.

В основном мою позицию сформировал многолетний профессиональный опыт и приобретенные знания. Наблюдая за тем, как в исторической борьбе за признание психотерапия утверждалась как "физика души" и в результате утратила свое исходное предназначение – изучать и исцелять души, – я укрепился в своей позиции. Эта трансформация произошла главным образом потому, что курс обучения психотерапии постепенно отклонился от классического. Из гуманитарной науки и искусства она почти превратилась в эмпирическую технологию.

Однако, невзирая на различие теоретических взглядов и уровней образования, я утверждаю, что в психотерапии, как и в любых человеческих взаимоотношениях, существует эстетическая сторона. В основе любой школы лежат принципы и техника. Выбор принципов и техник, их предпочтение и применение подразумевает направление курса терапии и того, что "хорошо" или "полезно" для жизнедеятельности человека. Для того чтобы достичь прогресса в течение часа, терапевту необходимо иметь представление о многом: что надо говорить, делать, видеть, слышать, измерять, записывать и так далее. У каждого психотерапевтического направления есть негласные идеалы, к которым должны приближаться клиенты. В свою очередь, эти идеалы подразумевают систему ценностей – что есть "хорошо" и "полезно", что означает понятие "личностный рост", что такое "семья", что такое взаимоотношения людей.

Наряду с эстетикой психотерапии существует и эстетика человеческих взаимоотношений. Наши поиски хорошей формы и психотерапевтическая практика показывают, что "хорошая форма" – понятие субъективное, интуитивное и метафорическое.

Эта книга в значительной степени посвящена эстетическим ценностям – творческому пониманию "хорошей формы" человеческих взаимоотношений и терапии в рамках гештальт-подхода к работе с семейными парами и семьями. Мой собственный терапевтический подход, безусловно, основан на эстетической предпосылке. Эстетические представления о психотерапии возникли у меня не случайно. Мои взгляды, включая теоретические и технические принципы, стали развиваться много лет назад, когда я впервые стал заниматься терапией, еще как стажер. Я впитал в себя разные культурные и философские традиции. И прежде чем вы станете обдумывать прочитанное в этой книге, я бы хотел представить вам свои исходные позиции.

Исходные позиции

Во время Второй мировой войны немецкий психоаналитик Фриц Перлз попал в Южную Африку. В этот период он задался целью сделать абстрактные психоаналитические представления¹ более конкретными. Поглощенный изучением развития человеческой индивидуальности, он пришел к выводу, что процесс обучения очень похож на усвоение пищи. Рассуждая о феномене сознания как о процессе физического и психического усвоения, Перлз называет его *метаболизмом сознания*². По аналогии с физиологическим перевариванием пищи он описывает различные механизмы психологической защиты. Например, явление интроекции (в данном случае он пересматривает терминологию Фрейда) Перлз рассматривает как невозможность адекватно пережевывать пищу. Младенец готов "интроецировать", то есть сглатывать пищу, так как у него еще нет зубов. Получая пищу, он не задает вопросов и не может отказаться от предложенного. Младенец может лишь *выплюнуть* получаемую пищу и делает так, однако это грубое действие, а не тонкий процесс тщательного анализа. Интроекция хороша для шестимесячного ребенка, но она уже не подходит для шестидесятилетнего человека. Интроекция у взрослого человека означает, что он не способен задавать вопросы, выражать сомнения, "жевать и пробовать на вкус" то, что ему предлагает жизнь. (Заметьте, что в общечеловеческом контексте бытия порой бывает безопаснее не задумываясь сглатывать то, что предлагает общество или власть. Ведь лишние вопросы или сомнения могут рассматриваться как признак неблагонадежности.)

Перлз заговорил и о других способах сопротивления³. Это был совершенно новый пласт проблем, которые до той поры никогда не возникали в психоаналитической литературе. Ретрофлексия – механизм, с помощью которого люди сдерживают то, в чем они боятся признаться другим, например, гнев или любовь⁴. Ранее ретрофлексию рассматривали не как слабые биотоки мозга, которые обходят сознание, а как энергию, сокращающую мускулы и создающую в них застойные явления, вызывая реальную физическую боль и разнообразные соматические симптомы, например головные боли, ишиас и т.п.

Этот феномен определенно связан с человеческими взаимоотношениями – "Я делаю себе то, что хотел бы сделать тебе". Исследования Перлза фокусировались не только на изучении взаимоотношений, вызванных сдерживанием. Он исследовал ретрофлексию в ее развитии и других способах выражения. Он помогал своим ученикам и пациентам выразить свой гнев, адресуя его пустому стулу (воображаемому Другому, например отцу или матери) или другому человеку, присутствующему на занятиях. При этом говорящий оставался самим собой, выражая свой реальный гнев или обиду. В свою очередь, его партнер становился подставным лицом, белым экраном, для того чтобы помочь другому выразить гнев или боль, любовь или нежность.

Фриц и Лаура Перлз любили театр, танцы и другие художественные средства выражения чувств, и на этом этапе их можно было назвать "бихевиористами-импровизаторами". Приведу пример одной из таких импровизаций – работу с ретрофлексивным гневом.

Допустим, мне говорят, что я кого-то обижаю и не осознаю этого (разве что ощущаю тупую

боль в горле). Мне было бы полезно спросить себя: где и как я прячу гнев в своем теле⁵. Если после такого вопроса я ясно почувствую напряжение в горле и, получив одобрение, смогу издать звук, – это будет звук гнева, направленный, например, на мою жену. В данном случае должно произойти по крайней мере следующее:

1. Мое собственное переживание звука, исходящего из моего тела, даст мне понять, как я разгневан ("Я кричу, как какой-то дикий зверь!").

2. Моя жена будет выглядеть обиженной или даже напуганной, а я неосознанно получаю намеки на то, как я воздействую на нее.

Внезапное осознание моего гнева происходит само по себе, я не обсуждаю его со своим терапевтом, мне не приходится принимать его на веру. Осознание собственного гнева – это то, что с удивлением обнаруживаю в своем голосе, связках, животе и выражении лица моей жены. Такой момент гештальт-терапевты называют *контактом* – это контакт с моим гневом, а возможно, и начало контакта с моей женой⁶. Разыгранное по ролям, это событие содержит в себе неограниченные возможности для быстрого изменения во мне и в тех людях, которые участвуют в происходящем наравне со мной.

Перлз рассказывал историю о скрипаче, который жаловался на то, что во время игры испытывает головокружение и не может сосредоточиться⁷. Перлз попросил его принести на терапевтическую сессию скрипку и сыграть для него. Вскоре Перлз увидел, что игра пациента весьма неэстетична. Пристально взглядев на его манеру держаться, он заметил, что скрипач принимал очень неудобную, неустойчивую позу: ставил ноги слишком близко друг к другу, и в ногах чувствовалось сильное напряжение. Кроме того, создавалось впечатление, будто он вот-вот потеряет сознание, потому что дыхание его было нарушено.

С помощью терапевта скрипач стал учиться выбирать лучшую позицию: устойчиво стоять, распределяя свой вес на полу, шире расставлять ноги и колени. Он стал правильно дышать – полно и глубоко. Лишь после этого музыкант почувствовал облегчение и избавился от головокружения, а соответственно и тревоги⁸. Все достигнутое дало ему возможность ощутить более глубокий контакт со своей скрипкой, погрузиться в музыку, которую он исполнял, и со своими слушателями.

Осознавание, научение и озарение (инсайт) привело скрипача к контакту с теми естественными событиями, которые происходили с ним на границе с окружающей средой. Взаимодействие возникало на границе, где находилось его сопротивление научению (или контакту) и связь между контактностью и преобразованием собственного "я" (self).

Сбой в жизнедеятельности человека (или системы)⁹ происходит в результате его "торможения" (это может быть ретрофлексия), связанного с незавершенной ситуацией. Подобное торможение вызывает "замороженность" осознания. Такое положение можно преодолеть, только успешно завершив ситуацию (*эффект Зейгарник*¹⁰).

Я был еще аспирантом, когда в 1950-х годах встретил Перлза. Мы поддерживали отношения до самой его смерти в 1970 году. Когда мы познакомились, Гештальт-институт в Кливленде только создавался. В те годы взгляды на терапию в Кливленде отличались крайней консервативностью. Здесь царил психоанализ. Молодому терапевту, ориентированному на гештальт-терапию, было практически невозможно получить самостоятельную работу в больнице или клинике. Многие из нас буквально "ушли в подполье" и не особенно распространялись о своих терапевтических убеждениях. Фрица и Лауру Перлз воспринимали в лучшем случае как ренегатов от психоанализа, а в худшем – как шарлатанов, которые расшатывают работу и только отвлекают молодых специалистов от традиционной клинической проработки¹¹.

Еще одним учителем, серьезно повлиявшим на меня в начале 60-х, стал Карл Витакер. Витакер тоже был непризнанным психиатром, он специализировался на терапии супружеских пар и семей. Я поражаюсь его новаторству и определенно чувствовал, что в наших взглядах есть много общего. И если считать Перлза моим гениальным отцом, то Витакер был моим любимым дядей.

Вспоминаю один эпизод того периода моей жизни. Некий терапевт привел к Витакеру "сложную" семейную пару для проведения демонстрации. Витакер сидел напротив этой взвинченной пары, предварительно узнав только то, что жене поставлен диагноз "шизофрения". Некоторое время он пристально глядел в эту пару, а затем невинно спросил: "Вы решили, кто из вас будет больным?"

"Ну, – сказал муж, искренне удивляясь, – получается, что Мэри, ведь на жизнь зарабатываю я".

И вопрос, и ответ стали революционным событием. Оказывается, психическое заболевание может быть результатом негласного соглашения. В этой супружеской паре оно было намертво закреплено за женой и поддерживалось в рамках данной семьи. На меня это подействовало ошеломляюще: ведь тогда я все еще находился во власти интрапсихических теорий, где диагнозы ставились по анализу мочи, и я еще верил во всевозможные идеи типа "шизофреногенной матери". Я

находился под сильным влиянием результатов исследований Пало Альто и с восторгом читал о "парадоксальном поведении" и "двойной связи" в шизофренических семьях¹². Тогда же мне рассказали историю о любящей матери, которая приехала навестить свою дочь в психиатрической больнице. Двухлетняя девушка, больная шизофренией, с улыбкой прогуливалась с матерью по территории больницы, мамочка же обнимала дочь за плечи. День спустя мать уехала, а персонал заметил черно-синие отметины на плече у девушки. Когда ее спросили об их происхождении, она ответила, что во время прогулок ее мать забиралась под рукав ее платья и больно щипала ее – так она выражала недовольство поведением дочери. При этом благостное выражение не сходило с лица девушки, как будто с ними обеими было все в порядке...

Бодерик и Шрайдер пишут о Карле Витакере как об одном из основателей движения семейной терапии (отцом-основателем ее считается Джон Белл). Вот как они характеризуют Витакера: "С самого начала Карл Витакер считался наиболее "причудливым" и непочтительным к "старшим". В недавнем прошлом он разработал свой подход, который в конце концов стал блестящей терапией абсурда. В терапии, которой он занимался с семьями, он проявлял больше безумия, чем его пациенты. Он был одним из тех, кто не боялся нарушать каноны традиционной психотерапии"¹³. Как мне кажется, Витакер подталкивал семью к особенно чувствительному поведению, идущему из глубин души. Часто он интуитивно пародировал примитивное мышление.

Перлз и Витакер стали драматическими фигурами, которые сильно привлекали меня тем, что разрушали ригидные психоаналитические шаблоны и воспринимали клиническую работу как активную среду для действия внешних и внутренних психологических сил. Выявляя различные внутренние силы (вроде "собаки сверху" против "собаки снизу"), [[[*В английском языке top dog — underdog – это идиоматическое выражение, соответствующее соотношению сильный-слабый или хозяин-слуга. Его ввел Перлз для обозначения психологического соотношения сил внутри личности. - *Здесь и далее примечания переводчика.*] люди обнаруживают в себе новые стороны, которые проявляются и в их отношениях со значимыми для них людьми. Постепенно я стал понимать, каким образом интрапсихический феномен может проявляться в диалоге с "пустым стулом" и что происходит на границе контакта между людьми. Например, как люди "наильно кормят" друг друга проекциями и интроекциями в хорошо поставленном, хотя и бессознательном "танце".

Идея парадокса стала захватывать меня. Почему мать и дочь мило улыбались друг другу, в то время как одна больно щипала другую? Может быть, дочь являлась той самой жертвенной фигурой, призванной сохранить семью? Или мать с подозрением относилась к молодой женщине, которая перестала быть ребенком и больше не могла скреплять семейный союз? Каким образом Витакеру удалось заставить супругов высказать их подсознательное "соглашение"? Как ему удавалось стимулировать семьи быть более здравомыслящими, имитируя их "подсознательное безумие"?

Перлз и Витакер научили меня и многих других быть смелее в наших терапевтических поисках, живее участвовать в процессе взаимодействия. Так родилась идея *эксперимента*. Практика терапевтического эксперимента, так называемый "безопасный риск", поддерживалась тем, что гештальт-терапия стала интегрированной формой феноменологии и бихевиоризма. С феноменологией мы разделили признание индивидуальных (или системных) представлений. Наша терапия основывается только на переживаниях клиента и актуальном поведении. Бережно сортируя эту информацию о поведении и переживаниях клиентов, мы используем ее в своей работе. Все это дает гештальт-терапии уникальные возможности определять осознанное поведение клиента в терапевтической ситуации. Эксперимент в гештальт-терапии стал своего рода фактором, систематизирующим поведение и определяющим развитие переживаний клиента, его потребности и возможности сотрудничества¹⁴.

Эксперимент является основой для получения нового опыта. Наконец, разговоры перешли в действие, а застойные рассуждения – в полнокровное пребывание "здесь" со всеми мыслями, чувствами, воображением и возбуждением¹⁵. Эксперимент дал терапевтам возможность преобразовывать как внутренние, так и межличностные конфликты внутри семейной пары или группы людей. Мы смогли исследовать осознание на различных уровнях в рамках разных систем. Мы осторожно выясняли для себя, где проходят границы контакта: каким образом клиент понимает наши намерения, как он улавливает, где находится фокус нашего внимания. Наша осторожность заключалась в том, что в отличие от Перлза, у себя в Кливленде мы не прорывались сквозь сопротивление клиента, а учили его обнаруживать что-то в определенный, тщательно выбранный момент, давая ему прочную поддержку с нашей стороны. Уважение к процессу развернутого осознания пациента было очень важным для нас. Скоро это стало ведущей профессиональной ценностью в нашей работе.

Затем я встретил Вирджинию Сатир. Тогда она уже была влиятельным социальным работником и специализировалась на работе с супружескими парами и семьями. Я никогда не встречал преподавателя, который обладал бы таким магнетическим влиянием на аудиторию, как Вирджи-

ния. Она могла держать внимание нескольких сотен терапевтов, разыгрывая семейную ситуацию, где практически все присутствующие могли почувствовать себя двоюродными, если не родными, братьями или сестрами главного действующего лица.

Сатир была одной из пяти основных интеллектуальных игроков в Пало Альто, в группе Грегори Бейтсона. Назовем остальных: Джей Хейли, Джон Уикленд и Дон Джексон. Группа состояла из ярких личностей, с разными взглядами, изучавших в основном семьи пациентов-шизофреников. Начали они с широкого круга проблем коммуникации, а позже обнаружили природу парадоксов и двойные связи. Их идеи основывались на теории систем, а позже это движение дало развитие эпистемологической ориентации. Эпистемология изучает природу основ знаний и ограничений различных теорий познания. Интересы группы Бейтсона находились в этой области, особенно в связи с такими вопросами: "Что же на самом деле происходит в этой семье?" и "Какую "правду" мы можем сказать об их способе жить на этом свете?"¹⁶

Наша эпистемология воплотилась в экзистенциализм (Что есть наше существование?) и феноменологию (Что есть язык данного существования?). Такая теория познания подводит нас к вопросу о том, как система, со своими противоречивыми проблемами, говорит с нами. В основе теории лежат развитие осознания и контакт. Познание не может быть статичным. Этот процесс происходит на границе данной системы или подсистемы в данном единстве пространства и времени. Смысл существования супружеской пары или семьи не доступен кому-то одному из членов семьи и не исходит от кого-то одного. Он развивается спонтанно (теория систем) в общем поле обстоятельств этой системы, от момента к моменту. Смысл (или его малая часть) проясняется в процессе интервенций терапевта, и если члены семьи начинают осознавать его, значит, он оказывается правдоподобным или полезным. "Истина подтверждается" улучшением контакта, а позже и утратой интереса к подобному опыту. Смысл ассимилируется системой, и в следующий момент система готова к поиску другого смысла и так далее¹⁷. Смыслы не являются лишь познавательными, они живые и подвижные, как хорошо поставленный танец. Это живое искусство, которое движется через пространство и время, изменяя жизнь.

Вирджиния Сатир, одна из основательниц семейной терапии, акцентировала свое внимание на системных процессах¹⁸. Позже она писала: "Я работала над системным подходом значительно раньше, чем поняла это сама и даже раньше, чем услышала само это название"¹⁹. Она говорила, что прочла о системах в работах Джексона, посвященных коммуникациям в семьях шизофреников²⁰.

Период после Второй мировой войны был временем невероятной творческой активности в области клинических исследований, временем изобретений, теоретических изысканий, плодотворных идей и обмена мнениями между разными специалистами, занимавшимися проблемами психического здоровья. В то время я находился под влиянием экзистенциализма и феноменологии в той степени, в какой они соприкасались с патологией. Я был поглощен теорией поля Левина²¹, теорией систем фон Берталанфи²² и даже дзэн-буддизмом²³.

Для психоаналитического движения это время было парадоксальным. Анализ, как я упоминал ранее, занимал главенствующие позиции, особенно в Нью-Йорке. Но именно тогда в терапии стали появляться новые направления: логотерапия, онто-анализ, анализ характера и его двоюродная сестра – гештальт-терапия. Эти течения основательно раскачали его окостеневший фундамент. Все большую популярность стал приобретать гуманистический анализ, которому были привержены такие исследователи, как Виктор Франкл, Эрих Фромм, Фриц Перлз и Эйлхард ван Домарус.

От интрапсихического анализа пациента акцент стал смещаться в сторону его *взаимодействия* с терапевтом. Процесс взаимодействия пациента с терапевтом, так же как природа и смысл взаимодействия или контакта в супружеской паре, семье или группе, – тема, ставшая предметом пристального изучения²⁴. Однако большинство приверженцев Фрейда считали, что психоанализ следует проводить с каждым членом семьи отдельно. "Когда к сопротивлению мужа прибавляется сопротивление жены, все усилия напрасны, а терапия невозможна"²⁵, – говорил Фрейд. Идея сопротивления контакту была тогда мало популярна или, по крайней мере, не так широко описана в литературе. Тем не менее, в описании этого феномена в рамках семьи были сделаны первые шаги. К 1960-м годам появилось несколько специалистов, которые заинтересовались психотерапией целой семьи.

Мы, так называемые гештальт-терапевты, появились в результате ревизии психоанализа. Вторая мировая война научила нас сомневаться во всех абсолютных истинах и человеческих ценностях – человек не был рожден как сущность, которую надо развивать. Наоборот, существование порождает сущность: мы сами должны брать жизнь в свои руки и отвечать за себя²⁶. Таким образом, процесс терапии был экзистенциальным в том смысле, что происходил "здесь и сейчас", в атмосфере, где каждый отвечает за себя. В то же время процесс терапии носил феноменологический характер, так как в центре его внимания находились переживания человека. Они были продолже-

нием того, что происходило с ним прежде.

Влиятельным выразителем идей анализа в послевоенный период стал, несомненно, и Вильгельм Райх. Он анализировал телесные проявления как выражение структуры человеческого характера. Еще живя в Европе, Фриц Перлз был пациентом Райха, правда, недолго. Находясь под большим влиянием его идей, Перлз стал соединять экзистенциальную идею "здесь и сейчас" с моделью телесного сопротивления. Для нас, тогда еще неоперившихся терапевтов Кливленда, дошла его идея прочтения человеческого характера по его телесным проявлениям: позе, дыханию, и естественной "хореографии" тела, которая зависит от изменения условий взаимодействий человека с окружающим миром и другими людьми. В ходе терапевтической сессии мы наблюдали за телесным поведением наших клиентов.

Рисунок 1.1 до некоторой степени показывает, какую эволюцию мы претерпели в 1960-х годах. Она отражает наши взгляды и методологический подход к индивидуализации в работе с отдельным человеком. Если же речь идет о работе с маленькой *системой*, как, например, с семьей, супружеской парой или группой, мы отдаем дань таким учителям и теоретикам, как Карл Витакер и Вирджиния Сатир и многим другим авторам: Грегори Бейтсону, Полу Вацлавску, Гарри Стаку Салливану и Маргарет Мид. В этом списке также должны находиться и Мюррей Боуэн, Милтон Эрик-сон, Джей Хейли, Клу Маданес, Сальватор Минухин, Натан Аккерман и многие другие.

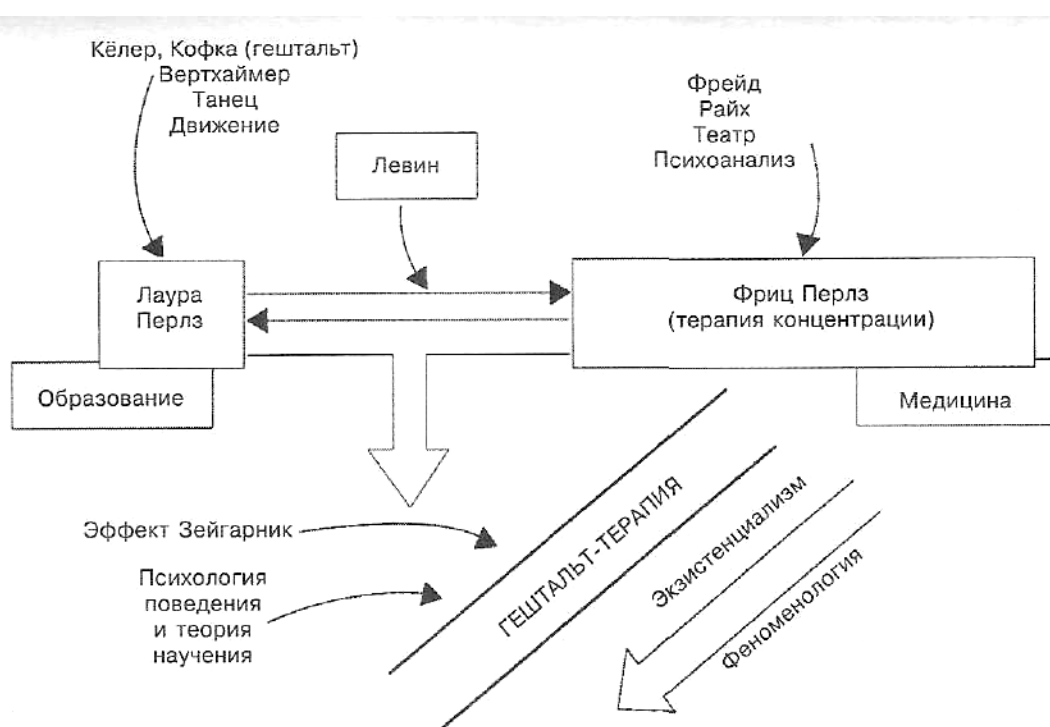

Рис. 1.1. Гештальт-терапия

Рис. 1.1. Гештальт-терапия

Когда мы соединяем семейную гештальт-терапию с системным мышлением, возникает картина, которая отображена на рисунке 1.2.

Рис. 1.2. Семейная гештальт-терапия

Рис. 1.2. Семейная гештальт-терапия

Если посмотреть на этот рисунок внимательно, становится очевидным, что здесь терапия приобретает масштабность:

1. Как бы ни развивался ребенок, нормально или с отклонением от нормы, он способен распознавать свое положение по отношению к другим.
2. Различные типы характера и контакта или способы сопротивления контакту²⁷ осваиваются только во взаимоотношениях и в поддержании этих взаимоотношений.
3. Определенные способы сопротивления или стили контакта находят лучшее разрешение в социальном общении, в общении со значимым другим или в переносе этих отношений на терапевта.
4. Линейная причинная связь психологических событий представляется сомнительной, так же как и редукционизм*, [[[*Философия сведения к низшему.] связанной с индивидуальной мотивацией и патологией семейной жизни.
5. Исследование исторического развития семьи или других групп в лучшем случае является произвольным, так как такое исследование тяготеет к повествовательным или линейным паттернам. С другой стороны, они способствуют определению *паттернов* во взаимоотношениях в семье или семейной паре, когда мы наблюдаем их "здесь и сейчас". Это особенно наглядно, когда члены семьи подтверждают такие паттерны.
6. *Эксперимент*, который проводится в работе с парами или целой семьей в рамках гештальт-терапии, является наиболее убедительным методологическим сочетанием системной теории, исследования человеческого тела и осознания. Эксперимент отражает эволюцию как сильных, так и слабых сторон системного подхода. С помощью эксперимента терапевтическая сессия дает возможность каждому члену системы на практике укрепить слабые или неразвитые стороны всей системы.

Однажды я наблюдал, как Минухин работал с семьей, в которой доминирующей фигурой был пятилетний ребенок, и делал то, что он называл *установлением иерархии*. Минухин попросил отца семейства посадить своего сына на плечи и носить его, а сына попросил отдавать отцу распоряжения. Семья быстро поняла, что родители должны нести ответственность за возникающий хаос.

Такую работу вполне можно считать аналогом гештальт-эксперимента.

А теперь давайте немного поговорим о *парадоксе*²⁸. Для большинства направлений семейной терапии парадокс имеет стратегическое значение для определения симптомов при интервенции. Например, Минухин попросил бы описанную выше семью провести вместе один день под полновластным контролем пятилетнего сына. Здесь парадокс состоит не в том, что семье действительно предлагают укрепиться в подобном поведении – их приглашают использовать обретенный опыт, доведя его до абсурда. В гештальт-терапии существует похожая теория – *парадоксальная теория изменений*²⁹, когда членам семьи предлагают посмотреть на себя и рассказать, что они испытывают в связи с этим. В результате, чем больше они узнают о себе, тем больше изменяются. И хотя иногда я использую и более драматичные приемы для выявления симптома, все-таки я предпочитаю более мягкий процесс выявления того, что происходит и как это происходящее меняет осознание и функционирование системы. Тогда впоследствии другое поведение будет более сбалансированным и эстетичным³⁰.

Такую же стратегию парадокса используют, например, Хейли и Маданес, которых не особенно интересует изменение осознания. Они хотят видеть изменения в поведении семьи. Фоли дает исчерпывающее определение такого подхода:

“Терапия – это мощная битва, в которой терапевт должен контролировать происходящие изменения. Есть еще один фактор в подходе Хейли – отношение к роли осознания. Для того чтобы достичь эффективных изменений, семье необязательно осознавать свое поведение. Это также является отступлением от традиционной терапии.

Инсайт* [“Внезапное озарение.”], осознание или знание о том, как работает система, не представляется обязательным. Изменения в системе семьи происходят благодаря интервенциям терапевта. Происхождение источника изменений значения не имеет, важен лишь тот факт, что они происходят. Это согласуется с взглядом Хейли на терапию как на “мощную битву”³¹.

Все сказанное справедливо также и для эриксоновской терапии. Здесь новое осознание может следовать за изменением поведения. Внимание направлено на краткосрочный процесс, где изменения в поведении происходят быстро, обходя сопротивление.

В отличие от других семейных терапевтов мы, гештальт-терапевты, непреклонны. В этой книге мы покажем, что *всегда работаем с осознанием*. Когда мы помогаем своим клиентам высказать то, что они осознали, постепенно с ними начинают происходить изменения. В этом смысле мы по-прежнему одной ногой стоим в психоаналитическом лагере, так как оцениваем возникающее осознание как выход из темноты бессознательного.

В этой связи всплывает вопрос о *власти* терапевта. В рамках нашего метода, в противоположность подходу Хейли, наш клиент доверяет терапевту как авторитетному человеку, а терапевт доверяет клиенту как главному двигателю изменений. Терапевт создает изменения только потому, что он обладает мастерством и способностью “быть здесь”. Мы ценим полученный опыт контакта, в котором семья участвует полноценно, а затем может присвоить свой собственный успех.

Кроме того, мы не проходим мимо сопротивления контакту и не отсекаем его, как это делают бихевиористы или гипнотерапевты. Наоборот, мы выявляем те способы сопротивления, которые позволяют семье выжить. Мы приветствуем и высоко ценим семейную систему, когда она говорит “нет”. Ведь только тщательно исследуя все “нет”, мы можем определить тот момент, когда “да” станет приемлемым для данной семьи.

Мы находим много общего с взглядами Мюррея Боуэна, работы которого посвящены системному подходу к семье. Он изучает структурные, замкнутые отношения внутри семьи³². У нас также много общего в отношении к балансу силы, к возникновению индивидуальной патологии и к сложным взаимодействиям внутри семьи или супружеской пары. Так же, как и Боуэн, мы признаем, что конкретная семья может измениться, но для ее радикальных изменений потребуется несколько поколений. Мы любим работать с несколькими поколениями одновременно: матери и сыновья, дедушки и внуки, тети и племянники и так далее.

Нам очень важно, когда семья знает свое прошлое, свою историю. Определение собственного “я” начинается с семьи и продолжается в борьбе за равновесие между автономностью и отличием от других.

Многое из того, что мы делаем, семейные терапевты хорошо знают. Главное, что наши пациенты разговаривают между собой, а не с нами, а в наших интервенциях мы пользуемся тем материалом, который получаем во время сессии. Все указанные выше характеристики являются ключевыми в гештальт-подходе к семейной терапии (см. также приложение).

Семейная гештальт-терапия

Предшественники

Фрейд, Райх, Ранк, Гуссерль, Коффка, Гольдштейн, Кёлер, Левин, Бубер.

Философия

Экзистенциализм и феноменология.

Модель

Системная; ориентированная на процесс; граница контакта между организмом и средой.

Основные влияния

Перлз, Витакер, Минухин, Боуэн, Сатир, теория систем.

Представления о функции

Плавное формирование гештальта в рамках Интерактивного цикла опыта; гибкие границы; разумное распределение власти, заботы, участия и общения в семье

Представления о нарушении функции

Хроническое "прерывание" (тупик) в процессе Интерактивного цикла опыта; крайние формы непроницаемости или проницаемости границ; неравномерное распределение власти, заботы, участия и общения; "замороженные" подсистемы – отсутствие внутренних изменений.

Представления об осознании

Главенство осознания; основа изменений; теория осознания, основанная на непрерывном осознании и Интерактивном цикле опыта

Представления об изменениях

Зависимость осознания от происходящих изменений

Обзор книги

Все приведенные выше комментарии устанавливают рамки данной книги. А теперь время вернуться к ее задачам. Мне хотелось обобщить знания и опыт, полученные за многие годы работы, в простое практическое пособие, сделать своего рода компас. Работа с супружескими или семейными системами часто пугает терапевтов. Эта книга задумана как инструмент для терапевтов-практиков, как вспомогательное средство, которое может указать им дорогу, по которой идти. На первый взгляд, представленный в книге материал может показаться простым, но это обманчивое впечатление. Я намеренно избегал строгого технического стиля и, насколько мог, старался изложить сложные принципы и явления в свободной манере. Возможно, поначалу такой жанр покажется читателю непривычным, но я надеюсь, что он будет воспринят правильно.

Кроме того, в главе 2 появляется тема "поиска хорошей формы". Гештальт-процесс формирования фигуры и функционирование семейной системы можно воспринимать эстетически, как художественное произведение. Такое восприятие помогает терапевту вырабатывать стратегию и способ интервенции в семейной терапии.

Глава 3 описывает супружеские и семейные системы как целостное явление. Система является самодостаточным организмом, она больше, чем просто сумма ее участников, и это очень важно помнить. Далее в этой главе исследуется вклад в семейную гештальт-терапию таких областей знания, как теория поля, гештальт-психология и системное мышление. Здесь же я затрагиваю тему границ, которую затем продолжу в главе 7.

Интерактивный цикл опыта, разработанный Соней Невис, стал одним из главных средств исследования поведения систем. Его мы будем рассматривать в главе 4. В этой главе мы также обсудим концепцию осознания и процесс его прерывания внутри семейных систем. Кроме того, здесь будет изложено мое представление о роли терапевта как практика-наблюдателя.

Глава 5 посвящена дальнейшему обсуждению темы осознания и связанными с ним изменениями. Мы рассматриваем различные модели осознания и его взаимосвязи с энергией, действием, контактом и сопротивлением. Мы также представляем парадоксальную теорию изменения и ее использование для поддержания того, "что есть", а также предупреждаем читателя об опасности интерпретации. Глава завершается кратким описанием поведения терапевта в ситуации типичной семейной сессии.

В главе 6 мы исследуем сопротивление как способ контакта и одновременно как бессознательные модуляции осознания. Я рассматриваю различные типы сопротивления и привожу примеры того, как они становятся привычными характеристиками различных супружеских или семейных систем.

Основными темами главы 7 являются границы контакта и управление ими. Я показываю, каким образом границы могут формировать значение, как терапевт может научиться распознавать границы, подходить к ним, воздействовать на них и поддерживать их. Конец главы посвящается

обсуждению терапевтических границ – особому способу управления границами в течение терапевтической сессии.

Описанные семь глав объединены в раздел “Теория”, хотя в них содержится не только теоретический, но и практический материал. Оставшиеся же главы принадлежат разделу “Практика” и в большей степени ориентированы на практическое применение изложенных теоретических принципов и технических приемов. Главу 8 я начинаю с азов внедрения в семейную систему, состоящую из двух людей. Используя осознание как главное средство, я показываю, как организовать терапевтическую ситуацию; как избрать способ интервенции; как оценить достоинства и недостатки системы; как работать с содержанием, с полярностями, с сопротивлением; а также значение взаимного дополнения и средней позиции.

Опираясь на теоретические принципы и опыт практической работы с супружескими парами, я перехожу к главе 9, посвященной работе с семьей. Обсуждение работы с семейными системами базируется на положениях и ориентирующих принципах, являющихся основой для терапевтических интервенций. Эти положения и принципы включают в себя признание хорошего функционирования, определение семьи и ее субсистем, а также динамику системы “родитель-ребенок”. Главу завершает случай из практики. (Основные материалы для восьмой и девятой глав были предоставлены Соней Невис, а в дальнейшем обработаны автором этой книги.)

Главы 10 и 11 посвящены особым темам, возникающим в парных и семейных системах — лживости и правдивости, горю и утрате. Эти главы, как и многие другие в этой книге, родились в результате нашего продолжительного диалога с Соней Невис.

В последней главе я возвращаюсь к концепции “хорошей формы” и эстетике гештальт-подхода, детально исследуя главные ценности гештальт-терапии. В общих чертах я описываю достижения в области гештальт-терапии и обобщаю ее кардинальные ценности и ведущие принципы. Полагаясь на эти ценности, мы получаем возможность выбора и осознанного действия. Однако неизбежный выбор часто порождает чувство “сожаления”, и это чувство также станет темой отдельного разговора.

Заключение

Эта книга стала результатом многолетней работы и многих вечеров, проведенных с любимыми коллегами. Всего этого могло бы и не произойти, если бы мы не были так искренне преданны делу улучшения жизни людей. Надеюсь, что наши усилия не пропадут даром. Мне приятно представить эту книгу вам – терапевтам, которые последуют за нами, как я следовал за своими учителями. Хотелось бы, чтобы мой труд помог вам следовать по собственному пути, облегчая вашу ношу и освещая вашу дорогу.

2. В ПОИСКАХ ХОРОШЕЙ ФОРМЫ

Я не знаю, искусство ли это, но знаю, что мне нравится.

Неизвестный

С самого начала своего клиентского опыта в гештальт-терапии я заметил: какой бы симптом я ни предъявлял терапевту, покидая его кабинет, я чувствовал себя настроенным более дружелюбно к источнику тех болезненных и навязчивых переживаний, которые приносил на терапию. Уходя от терапевта, я признавал, что моя тревога, навязчивость или сложные умопостроения были моими творческими усилиями по преодолению кризиса. Со временем, приобретая опыт, я начал понимать, что та или иная моя “жалоба” была не так уж плоха, скорее наоборот – она становилась хорошим способом решения моих актуальных проблем. Я стал понимать, что мои симптомы вполне “добродетельны”, имеют эстетическую ценность и особый смысл, а моя “проблема” — это поиск нового баланса и хорошей формы.

Гештальт-терапия является системой и методом понимания и возможного изменения человека. Она опирается на творческое начало самого человека. Стоявшая у истоков гештальт-терапии Лаура Перлз говорила, что “основные идеи гештальт-терапии носят скорее философский и эстетический, нежели технический характер”. Гештальт-терапия – это экзистенциальный и феноменологический подход, а соответственно – чувственный и экспериментальный... Почему мы называем наш подход *гештальт-терапией*? “Гештальт” – концепция целостности (Ein Ganzheitsbegriff). Это понятие является структурированной реальностью и отличается от составляющих ее компонентов. Фигура выходит из фона и находится на переднем плане, она “существует”¹.

Формирование и разрушение гештальта² становится не просто утилитарным, но и эстетическим процессом. Это относится как к одному человеку, так и к любым человеческим системам. Когда семейная пара или семья успешно справляется с проблемами, она способна испытать чувство целостности, завершенности, согласованности, она готова постичь красоту происходящего. Завершенный гештальт – это полностью “вызревшие” переживания, которые мы осознаем. Мы приобретаем опыт, который ассимилируем и при случае можем им воспользоваться. Он доставляет эстетическое удовольствие и подтверждает нашу собственную значимость в качестве человеческих существ. Это состояние мы и называем “хорошей формой”.

Незавершенный гештальт³, то есть неразрешенная проблема, изводит семью или супругов, портит им настроение, ссорит их между собой и постоянно фрустрирует их. Незавершенный гештальт не может приносить эстетического удовольствия.

Концепция “хорошей формы” основывается на плавном формировании и разрушении гештальта с помощью процесса осознания, мобилизации энергии, действия, контакта на границе взаимодействия, завершения (новое знание) и выхода (новые границы). В этом простом и естественном процессе я вижу эстетику человеческого общения в терапевтической ситуации, а также хорошую форму для терапевтических интервенций.

В течение всей жизни человек постоянно сталкивается с трудностями. Можно сказать, что жизнь – это процесс разрешения разнообразных проблем, и было бы большим упрощением считать этот процесс лишь патологическим симптомом или механической реакцией. Гештальт-терапия рассматривает “патологию” как прерывание естественного процесса, которое приводит к повторяющимся, подчас отчаянным усилиям разрешить проблемы. В этом контексте патология рассматривается как “торможение”, которое, в свою очередь, приводит лишь к частичному решению проблемы. Из чего следует, что каждый “симптом”, каждое “заболевание”, каждый “конфликт” – это попытки сделать жизнь более приемлемой, хотя мы вместе с нашими близкими платим высокую цену за такие усилия.

Когда семья или супружеская пара “застревает” на решении своих проблем, снова и снова повторяет свои неудачи, прерывается естественный ритм общения с людьми. Рассматривая семью или пару как единую “фигуру”, которая старается преодолеть тупик, мы получаем возможность увидеть хорошие стороны данной системы и пронаблюдать ее попытки решить проблему. Когда действия системы синхронны, сбалансированы и взаимно дополняемы, они приводят к успеху. Семейная система, например, может “застревать” на определенном паттерне, который сам по себе не является “плохой формой”. Однако обвинение того или иного члена семьи лишено смысла. Когда же семья не ищет виновника конфликта, будь то проблемный ребенок, эгоистичный супруг или кто-то, кто “потерял голову”, и находит хороший способ решения проблемы того или иного члена семейной системы, это можно считать эстетичным.

Эстетика “хорошей формы” человеческих отношений очень схожа с эстетикой живописного полотна. Мы не критикуем стиль произведения или его содержание, мы делаем акцент на восприятии произведения в целом. “Хорошая форма”, которую мы так усиленно ищем, наблюдая за семей-

ной системой, движется:

- от пессимизма к надежде;
- от беспомощности к приобретению навыков;
- от смятения и хаоса к ясности;
- от хождения по кругу к движению в будущее;
- от взаимных обвинений и проекции к уважению переживаний друг друга.

Хорошую форму трудно описать, но ее можно видеть и чувствовать. У нее есть качества и характеристики, которые можно исследовать. Для того чтобы стать на эстетическую позицию, вам в первую очередь необходимо "открыть" свои глаза и уши, чтобы осознать все ключевые аспекты системного процесса. Это означает, что мы не являемся простыми созерцателями живого творческого процесса, мы "присутствуем" при происходящем. Наше присутствие и интервенции провоцируют возникновение изменений. Мы усиливаем процесс осознания и поддерживаем контакт с помощью диалога и реального взаимодействия сторон.

Далее терапевт должен согласовать интервенцию с реакциями, которые возникают у него как у наблюдателя. Все эти действия лежат в основе процесса формирования гештальта, который протекает и у самого терапевта, возбуждая его "апперцептивную массу, объем самосознания" (ар-перceptive mass). "Апперцептивная* масса" [***Апперцепция – бессознательное оценка характеристик другого человека.] — все, что составляет основу всего его жизненного опыта.

Эстетический подход в гештальт-терапии подразумевает суждение о форме. В данном случае под *формой* я подразумеваю прежде всего процесс и в значительно меньшей степени содержание, качество, характеристики и так далее. Такое суждение предполагает наличие критериев красоты. Ведь красивым мы называем то, что предпочитаем чему-то другому, или то, что считаем более важным⁴.

Как уже говорилось в предыдущей главе, я опираюсь на очевидное и фундаментальное утверждение о том, что все психотерапевтические направления, независимо от их философской позиции, апеллируют к некоторой системе ценностей. Определение хорошей формы – в терминах человеческого поведения, терапевтической стратегии и интервенции – меняется от терапии к терапии.

Мы произносим слова, которые выявляют ключевые понятия хорошей формы в нашем языке, – "польза" или "эффективность", равномерное распределение энергии, плодотворное решение проблемы, саморегуляция, самооценка, климат доверия, подвижные границы, контакт, подлинность, адаптация, стабильность, компетентность, активное участие, заинтересованность, достижение цели, равенство, интимность, взаимное доверие, развитие, терпимость к конфликту, различение, сопричастность и автономность, баланс, гомеостазис и т.д. Каждое из этих словосочетаний предполагает определенную ценность, которая при здоровом применении приближает нас к идеалу человека и системы.

Эстетические ориентиры

После многих лет работы я понял: для того чтобы стать успешным терапевтом, необходимо создание собственной "хорошей формы". В целом она состоит из четырех различных, но все же связанных друг с другом модальностей: Интерактивного цикла опыта⁵, личного присутствия и управления на границе контакта, понимания феноменологии и интуиции, "апперцептивной массы". В этой главе мы будем подробно рассматривать все эти модальности. Я представлю их как часть моего подхода и объясню, как их использовать в качестве шагов по направлению к главному пути "в поиске хорошей формы".

Интерактивный цикл опыта

Проблемы семьи или супружеской пары мы рассматриваем с позиции целостной экологической перспективы, используя модель Интерактивного цикла опыта (она детально представлена в главе 4). Смысл цикла опыта состоит в том, что выбор нашего фокуса внимания зависит от того, где мы ставим границы системы, с которой имеем дело. Выстраивая границы между собой и семьей, можно видеть, как члены семьи общаются с нами на этой границе, как они общаются между собой в ее рамках и как мы сами общаемся с ними⁶.

Основной фокус внимания в семейной гештальт-терапии направлен на взаимодействие членов семьи или пары друг с другом. Мы внимательно смотрим на то, как эта система может организовать определенную работу, чтобы завершить ее на данном отрезке времени.

Семейного гештальт-терапевта интересуют актуальные взаимоотношения, поэтому выяснение причин возникновения той или иной проблемы в данном случае не столь существенно. Причины нарушений поведения могут лежать в укоренившемся опыте прошлого, который мог быть конструктивным, но не соответствует актуальной ситуации. Когда такой способ поведения становится привычным и неосознанным, он повторяется в настоящем, но приводит не к желаемому результату, а к прерыванию контакта и препятствует возникновению нового, более конструктивного поведения.

Таким образом, цикл опыта является теоретической моделью, которая используется как "шаблон" и накладывается на интерактивный процесс семейной системы. С помощью осознания, мобилизации энергии, активного действия, контакта и ассимиляции опыта рождается энергетически емкий гештальт – это и есть эстетический стандарт хорошей формы. Форма здорового развития человеческих взаимоотношений. Наши эстетические нормы признают те взаимодействия, которые возникают спонтанно, приводят к контакту и удовлетворительному завершению определенной части работы (начало, середина и концовка) в пределах заданного времени.

В рамках интерактивного цикла семейная гештальт-терапия фокусирует свое внимание на повышении осознания того, что наши клиенты делают хорошо, и одновременно вскрывает источники конфликта и блокирования процесса взаимодействия. Блокаду или прерывание этого ритмического движения мы называем *сопротивлением* осознанию и контакту. Эти проявления не следует отвергать, к ним надо относиться с приятием и уважением. С одной стороны, надо признать, что сопротивление может быть слепым пятном в осознании и теневой стороной хорошей формы. С другой стороны, сопротивление демонстрирует наилучший способ разрешения интерактивной проблемы, который семейная система способна предъявить на данный момент. Таким образом, сопротивление является "статической" попыткой контакта, и поэтому в принципе считается полезным.

Однако в реальности сопротивление не может быть функциональным, так как не способствует движению внутри системы. Работа с сопротивлением в системном процессе заключается в повышении осознания, что способствует широкому выбору способов поведения. Такая терапия может высвечивать различные стороны интерактивного существования системы, используя при этом разнообразные технические приемы, в том числе и эксперимент.

Когда терапевт рассматривает межличностные процессы системы, у него возникают собственные переживания и он тоже движется внутри собственного цикла. Терапевт отслеживает развитие осознания и контакта в системе и одновременно испытывает собственные чувства, связанные с его позицией на данный момент. Отталкиваясь от этого внутреннего фона переживаний, он получает феноменологический ключ не только к собственной внутренней реальности, но и к тому, что может произойти "снаружи". Семейный гештальт-терапевт фокусирует свое внимание на своих внутренних реакциях в терапевтической ситуации. Он обращается к своим чувствам, инстинктам, движениям, метафоричности и эстетическому восприятию системы, так же как и к тому, что он видит и слышит снаружи. Он может отметить разные свойства происходящего процесса, что, с его точки зрения, глубоко или поверхностно, неподвижно или изменчиво, энергично или вяло.

Представьте себе, что вы наблюдаете за членами семьи в их взаимодействии. Если уровень их энергии возрастает, в то время как вы еще "разогреваетесь", это может означать, что семейная система слишком быстро проходит свой цикл. Кроме того, такое явление может быть вызвано их неспособностью к поступательному неторопливому движению вперед, стремлением к "быстрому" контакту, простым нетерпением, фрустрацией или даже сбоем во взаимоотношениях. В этом случае ваши собственные переживания могут стать материалом для возможной интервенции. Терапевту очень важно прислушиваться к собственным ощущениям, так как его переживания могут послужить инструментом для "терапевтического присутствия".

Личное присутствие и управление на границе контакта

Свобода, которую получает терапевт, наблюдая за семьей или супружеской парой, дает ему творческую возможность понять, что происходит, распознать и назвать основные темы для работы, организовать эксперименты, которые могут обогатить их осознание⁸. В результате, наряду с новым осознанием, у системы рождается и новый интерес к себе. Чтобы ни происходило между ними, члены системы могут двигаться дальше, не страдая от прерывания контакта. Терапевт постоянно получает новый материал для наблюдения. Он становится чем-то вроде "зеркала", предоставляя обратную связь и сообщая ей о том, что происходит с ним самим. Если же изображение перед ним меняется, меняется и отражение в нем.

Достижение такого "зеркального" присутствия терапевта предполагает наличие четко

очерченных границ в его общении с системой. С другой стороны, терапевт едва ли является лишь сторонним наблюдателем, так как порой позволяет себе делать короткие комментарии. Его присутствие – *настоящее, реальное* – содержит в себе гораздо больше, чем просто присутствие с хорошо очерченными границами. Присутствие означает “быть здесь” – не больше и не меньше. Подлинное присутствие не следует смешивать с харизмой, стилем или властью. “Быть здесь” – значит присутствовать так, чтобы другие могли ярко, заинтересовано и полноценно заявить о себе. Такое присутствие легко почувствовать в любой момент, но его очень сложно описать словами. Это одновременно и физическое состояние, и духовная открытость; не только широко открытые глаза и “уши на макушке”, но и открытое сердце. Будучи свидетелями, мы используем все свои чувства, мысли и ощущения.

Феноменологическое восприятие и интуиция

Латинское слово “ex-ists*” [[[*Exist – существовать (англ.)] означает “выделяться”. Глядя на супружескую пару или семью, мы ищем то, что выделяется в нашем собственном осознании происходящего. По мере возможности избегая фиксации на содержании, мы стараемся непосредственно воспринимать то, что происходит. Как только различные аспекты поведения системы становятся очевидными для нас, мы делаем обзор-интервенцию, основанную исключительно на этих феноменологических данных. Здесь нет точного соответствия тому, что Гуссерль [[[*Эдмунд Густав Альбрехт Гуссерль (1859–1938) — известный немецкий философ.] определял как “феноменологическое сужение”. Это интервенция, основанная на описательном анализе целостного феномена.

“На *префилософской стадии* эта “феноменологическая редукция” является описательным анализом рассматриваемого феномена. Такой описательный анализ, однако, должен резко отличаться от редуктивного анализа в естественных науках, при котором материал расчленяется на элементарные части и сужается едва ли не до количественных данных. С другой стороны, описательный анализ феноменологической редукции происходит *в рамках* акта интуитивного постижения всего феномена и его взаимосвязей. Описательный анализ ставит целью выявлять феномен в его естественной “данности” или нередуцируемой общности его структурных характеристик. На первый взгляд это может прозвучать на удивление просто, но правда в том, что все это на удивление сложно”⁹.

Феноменологическое понимание (“схватывание на лету”) заложено в восприятии, особенно зрительном. Взгляд – это центральный компонент эстетики, ведь эстетика (“aesthetics”) происходит от греческого слова “aisthanesthai” – “воспринимать”. Несомненно, зрение – в буквальном или переносном смысле – рассматривали как конечную меру любой теории познания.

“Для Гуссерля “конечной мерой” любой теории является то, что первоначально дано в простом видении. Термин “первоначально” касается того, что можно ощущать при прямом наблюдении; “первоначально дано” – нечто, что “наивно” по значению и, возможно, дано как существующее. Основным для всей теории, включая и теорию познания, является то, что может быть “схвачено” просто взглядом. Последователя феноменологии не беспокоят сомнения по поводу любой реальности объекта его переживания или эпистемологических теорий, согласно которым мы ограничены имманентным содержанием сознания... Феноменолога интересует то, что имеет смысл как *такое* и что может быть “схвачено безусловно”. То, что можно увидеть, не нуждается в оправдании, и это конечный стандарт для любой истинно философской мысли”¹⁰.

Феноменологический подход опирается не на “анализ”, а на “синтез”. Мы используем феноменологические данные, чтобы понять поведение системы в целом. В процессе нашего присутствия переживания семейной системы могут пробуждать в нас образы, метафоры и фигуры внимания. Таким образом мы и проявляем интуицию к познанию системы в целом. В основном это работа правого полушария, которое полагается на данные, собранные левым полушарием. Но откуда же появляются эти метафоры и образы? Они возникают из того, что мы называем *апперцептивной массой*.

Апперцептивная масса

Апперцептивная масса – основа опыта всей жизненной истории человека, все переживания, которые и делают нас тем, что мы есть. Это наша база, “фактичность”¹¹ и наш личный структурированный фон жизни. Апперцептивная масса состоит из воспоминаний, образов, снов, бессо-

знательных побуждений, спонтанных телесных ощущений и т.п. Наблюдая за семейным процессом, терапевт переживает собственные спонтанно возникающие чувства, образы и метафоры и преобразует их в интервенции, усиливая осознание. Материал, поступающий от апперцептивной массы, вызывает к жизни сиюминутный творческий процесс, а терапевт выражает его в метафорической форме, которая создает трансцендентный смысл, или в форме эксперимента, чтобы поддержать дальнейшее развитие контакта и осознания. Все представленные здесь идеи – цикл опыта, присутствие, феноменологическое наблюдение и апперцептивная интуиция – призваны помочь терапевту обрести собственную хорошую форму для поиска хорошей формы клиентов.

Концепция хорошей формы будет изложена в следующих главах, однако подробно она будет обсуждаться только в последней главе. Детальное изложение я намеренно поместил в конец, чтобы позволить читателю сначала разобраться в принципах, техниках и примерах из практики. Между тем, для того чтобы сориентировать читателя и коротко проиллюстрировать то, что я имею в виду, когда говорю о “поиске хорошей формы”, я приведу запись сессии с семьей Хьютонов.

Семья Хьютонов: в поисках хорошей формы

Надин и Джерри Хьютон примерно около сорока лет. Надин выглядит напряженной и скованной, все время смотрит исподлобья. Джерри тоже чувствует себя неудобно, он отсаживается подальше от жены и сына Реджи. Реджи – долговязый четырнадцатилетний подросток. Он принес с собой новый футбольный мяч, который то и дело подкидывает и ловит. Реджи ерзает на стуле и поглядывает в окно с отсутствующим видом.

На предыдущей сессии семья Хьютонов представила следующие проблемы, которые привели их в кабинет терапевта: ревность Джерри к Надин из-за ее чрезмерного внимания к Реджи; равнодушное отношение Надин к мужу и растущая дистанция между супругами; беспокойство Надин и Джерри по поводу трещины в их браке; тревога родителей по поводу сына и особенно его увлечения спортом в ущерб учебе.

Во время беседы с Джерри Надин без всякой видимой причины поворачивается к Реджи. Джерри обвиняет Надин в эгоизме, на это Надин говорит мужу, что он “потерял голову”. Терапевт не столько фокусирует свое внимание на динамике происходящего, сколько собирает сырой материал. Его задача состоит в том, чтобы оказать поддержку и сочувствие всем трем членам семьи.

Терапевт: Просто удивительно, как хорошо вы знаете друг друга – как бы вы это ни называли – “эгоизм” или “потеря головы”. Но я подозреваю, что, когда вы слишком увлекаетесь, то перестаете интересоваться друг другом. Вы просто говорите, что думаете, а свои чувства друг к другу упускаете из виду. Скажи, Реджи, тебе это интересно?

Далее в русле феноменологического выражения “то, что дано” терапевт определяет, каким образом члены семьи утрачивают взаимный интерес, а в результате и эстетические ценности.

Джерри: Но она все время поворачивается к Реджи. Она всегда больше обращается к нему, чем ко мне, – это эгоистично с ее стороны.

Надин: А он всегда теряет голову, его не заботит, что я на самом деле чувствую... Никогда не спросит.

Реджи: Иногда, ребята, мне хочется, чтобы вы избавили меня от этого.

Вы можете заметить, что участники сессии делают попытки преодолеть “застывание”, прознося вслух то, что чувствуют. “Называя” поведение друг друга, они предполагают, что оно может измениться, что каким-нибудь волшебным образом кто-то перестанет быть “эгоистичным” или сможет “трезво рассуждать”. Тем не менее эта форма поведения слаба, потому что предлагает участникам согласиться с полученными нелестными характеристиками. Такой способ лишь мобилизует *сопротивление*. У членов семьи возникает желание отвергнуть эти характеристики и не пробуждается интерес к тому, что происходит. Терапевт ищет пути, которые могут ослабить давление и обвинительный тон, и предложить простой способ творческого отношения к терапии.

Терапевт: Складывается впечатление, что на самом деле вам неизвестно, что у каждого на уме. Может быть, вы спросите друг друга о том, почему все пошло криво и вкось? Хотите начать, Джерри?

Джерри: Хорошо. О чем ты думаешь, Надин, когда поворачиваешься к Реджи и отворачиваешься от меня?

Надин: Он ерзал на стуле, и я просто нервничала по этому поводу! Я не знаю, нравится ли

ему здесь.

Джерри: Правда?

Надин: Да, я думала: "Не знаю, зачем мы притащили Реджи сюда? Если мы с тобой действовали совместно, может быть, и у него не было бы неприятностей в школе..."

Джерри: Прости меня. Может быть, я действительно погорячился, когда назвал тебя эгоистичной...

Реджи: Но я же ничего не делал!

Терапевт: Все в порядке, Реджи. А теперь, Надин, может быть, вы спросите Джерри, о чем он думал, когда вы повернулись к Реджи?

Терапевт ищет хорошую форму, *расспрашивая* членов семьи, чтобы открыть поле для действия. Собирая сырой материал, он пытается найти равновесие в системе. Обращаясь к Надин, а позже к Джерри, он дает им понять, что любознательность и упорство придают ценность опыту семьи, не давая увязнуть в ярлыках и интерпретациях.

Надин (впервые за все это время выражение ее лица смягчилось): Джерри, что происходило с тобой, когда я повернулась к Реджи? Что ты почувствовал?

Джерри: Я подумал: "Снова она в своем репертуаре: заботится только о нем, а не обо мне – так же, как моя мама". Отец сидел в своем огромном кресле и читал газету, а она всегда была где-то рядом с Джеком.

Надин: Но со мной все совсем не так. Мне было очень важно прийти сюда. Ведь меня беспокоит именно наш брак. Я люблю тебя, Джерри.

Реджи: Мне так трудно усидеть на месте, потому что полчаса назад я пришел с футбольной тренировки. И вообще, ребята, мне бы хотелось, чтобы вы меня не трогали. *(Он на мгновение замолчал и тихо добавил.)* Я не хотел тебя раздражать, мама.

Терапевт: Вы проявили интерес друг к другу и узнали что-то новое для себя – ведь вам важно выразить свои чувства. Давайте продолжим.

Надин: Как ты думаешь, Джерри, что если в следующий раз мы не возьмем с собой Реджи?

Джерри: Я думаю, это хорошая идея, по крайней мере, пару сессий мы можем поработать вдвоем. А потом мне все-таки хотелось бы позвать Реджи *(поворачивается к Реджи)*, чтобы поговорить с тобой о наших отношениях и о твоей учебе.

Реджи: Меня это устраивает, папа.

Джерри: Вы согласны, док?

Терапевт: Да, конечно. Вы начинаете мне нравиться. Вы ребята, начинаете проявлять интерес друг к другу. Последний разговор показывает вашу целеустремленность и даже смелость. Вы все стали лучше понимать, зачем пришли сюда.

Надин: Да, наконец мы приняли правильное решение и не отступимся от него!

Джерри: Мы хорошо работаем с вашей помощью.

Терапевт: Мне кажется, у вас могли появиться и новые вопросы друг к другу. Прав ли я?

Реджи (поворачиваясь к Джерри): Надо продолжать выяснять, что происходит? Да?

Джерри: Да, сынок.

В конце сессии формируется ясное представление о том, как семья Хьютонов может перейти от привычного, не удовлетворяющего их поведения к ощущению "хорошей формы" и баланса. Каждый внес свою лепту в общий процесс, никто не стал ни "козлом отпущения", ни героем, ни "идентифицированным пациентом". Каждый получил, что хотел: хороший контакт и близость, то есть то, к чему обычно и стремимся мы, терапевты.

Заключение

Хорошую форму терапевтических интервенций и семейных взаимоотношений можно было бы представить как "живую скульптуру", изображающую семейный процесс. В случае с семьей Хьютонов мы видим, как, отвернувшись от сына к мужу, женщине удалось не обидеть сына. Отец смог перейти от довольно грубого контакта с сыном к близости и вниманию. Он сохранил чувства к жене, оставаясь отцом своего сына. И, наконец, мы видим, как снижается общий уровень тревоги во всей семейной системе. Этот маленький эксперимент показал Хьютонам, что они вовсе не так хорошо знали друг друга, как им казалось. Новое взаимодействие помогло им стать ближе друг к другу.

Модель семейных взаимодействий усваивается человеком в раннем детстве и часто отыгрывается бессознательно. И хотя мы фокусируемся на актуальных моделях прерывания контакта,

мы не игнорируем и прошлый опыт. Каждый думающий человек хочет понять, как он живет, стремится повернуться к своему прошлому, поговорить с об этом, рассказать историю своей жизни другим и понять, какое положение в семье он занимает. Семья пытается узнать свои корни, своих предков, свою историю.

Опыт переживания прошлого и будущего – признак хорошего психологического здоровья. Прошлое и будущее лучше всего изучать на стадии завершения. Размышляя о том, что было освоено или пережито в настоящем, можно внезапно осознать некоторые "почему", пришедшие из прошлого. В нас существует множество таких "почему", а наше поведение определяется таким разнообразием факторов, что поиски причин и следствий продолжают волновать и преследовать всех нас в течение всей жизни. Мы по-прежнему привержены идее линейных причинно-следственных связей, между тем как современный мир сильно изменился с появлением теории относительности и системного подхода к психотерапии. Как же меняется мир и как меняемся мы? Поговорим об этом в следующей главе.

3. СИСТЕМЫ: СУПРУЖЕСКИЕ ПАРЫ И СЕМЬИ КАК ЦЕЛОСТНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Выпущенная на свободу сила атома изменила все,
что сохраняло наш образ мысли, и мы медленно
приближаемся к беспримерным катастрофам.

Альберт Эйнштейн

До Эйнштейна мир имел свой порядок. Все было просто. С появлением Эйнштейна мы обнаружили искривления пространства, черные дыры, скорости, которые заставляют останавливаться время, новую геометрию, где параллельные линии пересекаются. Вся простота мира полетела к чертям. Числа не обязательно заключают в себе равное пространство между ними. Пространство между двойкой и тройкой может отличаться от пространства между двадцатью двумя и тридцатью тремя. Существуют книги о дзэн в математике и дзэн в ядерной физике. Никого уже не удивляют такие издания, как "Дзэн и искусство вождения мотоцикла"¹. С тех пор, как Фрейду удалось совместить самые разные идеи о Боге в книге "Моисей и монотеизм"², Бог перестал сидеть на облаке (если он вообще был там раньше), а Земля находится в центре всего сущего.

Возьмем, к примеру, проблему общения. Если Мэри одна и Пол один, мы имеем двоих. Если Мэри думает только о себе (одна), а Пол думает только о себе (один) и между ними не существует "магнитного притяжения", они, несомненно, представляют собой двух человек (рис.3.1).

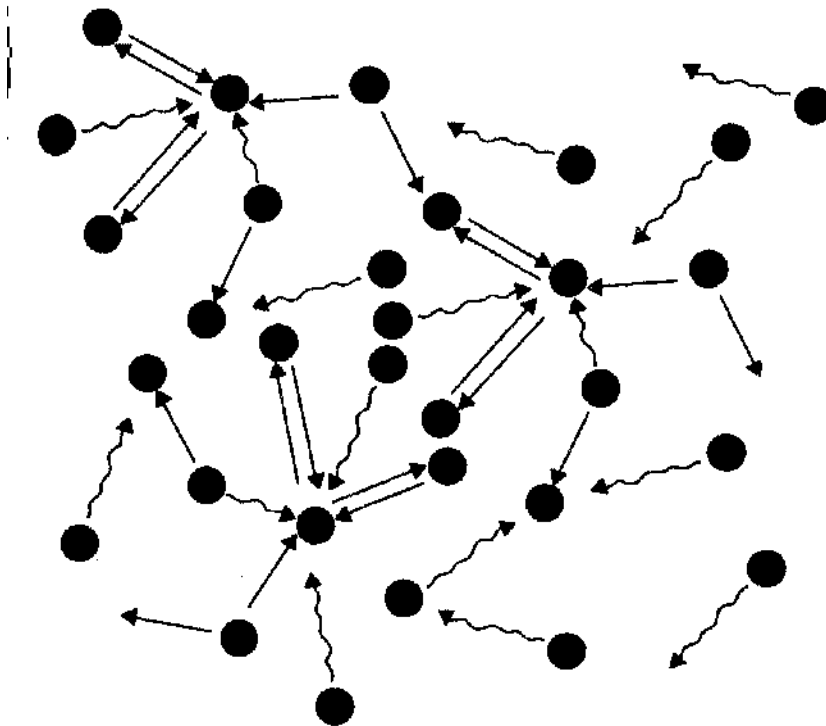

Рис. 3.1. "Незначимые" взаимоотношения

Рис. 3.1. "Незначимые" взаимоотношения

В соответствии с теорией систем, существует объективная реальность существования Мэри, объективная реальность существования Пола, а также третья объективная реальность - их взаимоотношения. В таком случае мы говорим, что "целое больше, чем сумма его частей".

Итак, в чем же тут дело? Взаимоотношения не подвластны произволу. Для того чтобы постичь их сложность, необходимо обозначить границы вещей, явлений или событий. Когда вы смотрите на темное небо в ясную ночь, вы видите безграничную панораму, заполненную звездами. Но небо перестает быть безграничным, когда вы организуете свое видение звезд (рис. 3.2). Вы говорите: "Это Полярная звезда" или "Это Большая Медведица". Такой процесс организации звезд рисует воображаемые границы, и тогда мы получаем возможность четко воспринимать их. Мы ри-

сует границы определенных туманностей, ярких скоплений звезд и называем их Млечным Путем. Эти-то границы вместе с их внутренним содержанием и являются системой. Границы системы обозначают их взаимоотношения с окружающей средой. Таким образом, давая имя какой-либо субстанции, мы выстраиваем ее границы, будь то Большая Медведица, Млечный Путь или семья. Очерчивая границы явления, мы придаем ему смысл, чтобы отличить его от других вещей и явлений.

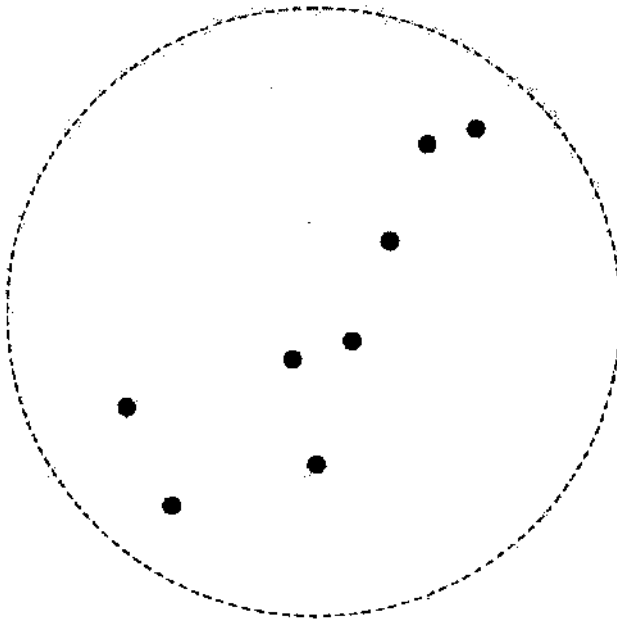

Рис. 3.2. Границы, придающие смысл

Теория систем больше не позволяет нам думать, что Алкоголик А или Шизофреник Х появились от родителей Z и R или субстанции под названием "водка". Алкоголик А является продуктом множества взаимосвязанных факторов:

1. Генетическая предрасположенность L
2. Обстоятельства жизни M, J, B
3. Дух времени B
4. Потомственный алкоголизм K
5. Другие факторы Y
6. Уровень зависимости Z

Эти взаимосвязи не всегда равноценны, сопоставимы или зависимы друг от друга. На рисунке 3.3 показано, как свободно может быть организовано их взаимодействие. Обстоятельства жизни и развитие событий не выстраиваются по одной линии или по порядку, двигаясь от пункта А к пункту В. Изучая гештальт, мы распознаем паттерны событий. Постепенно мы начинаем понимать сложные структуры малой и большой систем, что бы это ни было – семья или большая корпорация. И тогда такие многозначительные выражения, как "мать шизофреника" или "преступная семья", теряют всякий смысл.

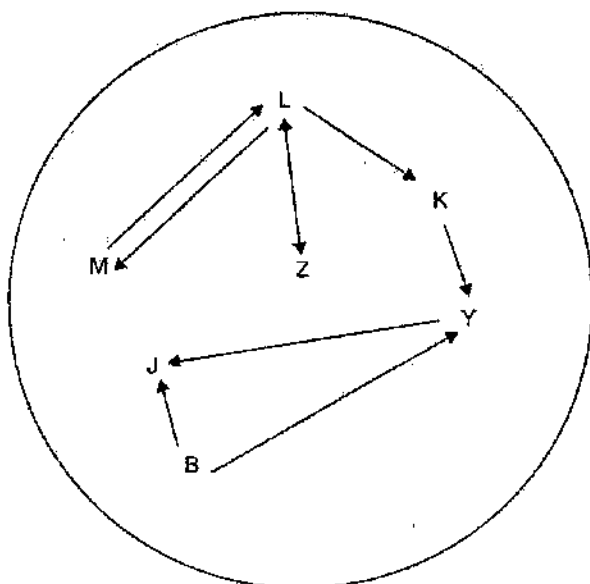

Рис. 3.3. Алкоголик А

Наивно думать, что за конфликт в браке отвечает кто-то один – некий виновник всех несчастий. Безусловно, мы можем столкнуться с чьим-то оскорбительным или грубым поведением и препятствовать ему, но нет никакого смысла работать только с одним участником конфликта – это не поможет терапевту понять его причину. Осуществляя клиническое исследование всей системы, мы можем обнаружить различные влияния – родителей, тети, дяди, детей и многих других. Перед нами, как правило, проходит не меньше двух поколений. Но для того чтобы объединить всех в нашем кабинете, мы говорим себе: “В данной ситуации я выстрою границы вокруг родителей и их детей, и это будет *система*, которую я стану изучать и пытаться влиять на нее сегодня”.

Теория систем, теория поля и гештальт-психология

Прежде чем двигаться дальше, читатель должен увидеть взаимосвязь между теорией систем, теорией поля и гештальт-психологией. Понятия системы и поля пришли из физики. Концепция поля в физике разрабатывалась в XIX веке в работах Фарадея, Максвелла и Герца на примере электромагнитных полей. Вслед за ними уже в XX веке Эйнштейн создал революционную теорию относительности. Постепенно теория поля перестала принадлежать только физической науке, ее взяли на вооружение социологи, а затем и гештальт-психологи. Три немецких психолога положили начало гештальт-психологии³ – Курт Коффка⁴, Макс Вертхаймер⁵ и Вольфганг Кёлер⁶. Свои ранние работы они написали перед Первой мировой войной в Германии, а опубликовали уже в 30-е и 40-е годы в Англии. Они показали, что наше восприятие объекта *зависит от общей конфигурации, в которую он помещен*. Восприятие определяется не стойкими характеристиками отдельных компонентов, а скорее их взаимосвязью.

Курт Левин сотрудничал с Вертхаймером и Кёлером в Берлинском университете еще до Первой мировой войны. Левин создал психологическую теорию, основанную на идее поля, и многие считают его одним из самых новаторских и оригинальных ученых в современной психологии⁷. Именно Левин впервые ввел понятие психологических границ применительно к интрапсихическим процессам, взаимоотношениям людей с окружающей их средой и друг с другом. В своей первой концептуальной статье он описывает свои впечатления от сражения, в котором он принял участие, будучи солдатом⁸. Он также описал разные характеристики границ, включая твердость-мягкость и изменчивость-вязкость.

Годы между двумя войнами были чрезвычайно интеллектуально насыщенными. В это время появились работы немецкого биолога Людвиг фон Берталанфи. Между 1929 и 1941 годами он написал ряд статей о теории систем в физике и биологии. В своем наиболее выдающемся (на наш взгляд) труде он заявляет, что “система бывает закрытой, если никакая информация не поступает в нее или не исходит от нее; открытой она может считаться, если существует экспорт и импорт и при этом происходит изменение компонентов”⁹. Мысли, которые высказывал фон Берталанфи о системах, схожи с теорией психологических полей Левина. Здесь мы также находим идеи границ и их роли в разделении организма и окружающей его среды. Природа границ определяет, например, различия между открытыми и закрытыми системами. Говоря языком Левина, закрытые системы

имеют неподвижные, жесткие границы, в то время как у открытых систем границы более слабые и изменчивые. Фон Бергаланфи говорил, что "живыми могут быть только открытые системы, поддерживая себя обменом информацией с окружающей средой, постоянно достраивая и разрушая свои компоненты"¹⁰. Социологи и психотерапевты распространили понятие открытых и закрытых систем на социальные институты, включая и семью. Возможно, фон Бергаланфи не согласился бы с тем, что социальные системы всегда открыты, так как единственным способом выживания является их взаимодействие с окружающей средой. Однако терапевты все же использовали понятие закрытых систем, пропустив за относительно непроницаемые границы определенные социальные процессы.

Но вернемся к гештальт-психологам. Коффка и Кёлер выявили стойкие принципы работы восприятия. Они обнаружили следующее: когда мы смотрим на определенное скопление точек, мы komponуем их. Глядя на скопление точек ∴ мы не говорим, что видим три точки. Как правило, мы видим уже законченный гештальт – цельную фигуру, называемую треугольником. Человеческая культура создала образцы, существующие у нас в голове, и мы стремимся к их завершённому восприятию. Безусловно, это открытие можно считать одной из главных характеристик *homo sapiens* – двуногого животного, обладающего самой большой корой головного мозга, противопоставленными большими пальцами конечностей, речью и длительным внутриутробным периодом развития.

Итак, физическое поле стало полем человеческого опыта. Мы организуем мир внутри нас и стремимся соединить опыт в единое целое. Когда нам это удастся, мы испытываем чувство завершенности, удовлетворенность или озарение. Когда ощущения трудно организовать и завершить, мы чувствуем дискомфорт и неудовлетворенность.

Лаура и Фриц Перлз встретились в Берлинском университете. Они оба находились под большим влиянием Левина, Кофки и Кёлера. Лаура и Фриц сумели связать гештальт-психологию с гештальт-терапией¹¹. Так же, как Вертхаймер, Левин и Гольдштейн хотели распространить принципы восприятия на психологическое здоровье, выдвинув версию о том, что психологическое здоровье поддерживается постоянными переживаниями завершенности, тогда как "болезнь" характеризуется хронической незавершенностью. Понятие гештальта вышло из области восприятия и распространилось на психологический, эмоциональный и познавательный опыт на примере orally-пищевой модели. Если взрослый человек не смог нормально усвоить свой детский опыт, то есть "прожевать" и "проглотить" его, эти "непереваренные" переживания могут навсегда стать причиной его страданий. Это "нарушение" его поля мы называем "незавершенным действием", или "эффектом Зейгарник". Лаура и Фриц Перлз создали особую терапию незавершенных переживаний, которая, сделав их завершенными, дает человеку возможность испытывать чувство удовлетворения и жить дальше.

На индивидуальном уровне такая терапия позволяет перенести незавершенное или неясное событие в настоящее время с помощью ощущений, осознания, энергии и воображения. Чувство завершенности венчает контакт с этими обстоятельствами или переживаниями прошлого и разрешает нам двигаться дальше к новому живому контакту. Как определили Перлз, Хефферлайн и Гудман:

"Контакт – это осознание поля или двигательной реакции в поле. А потому может сообщить больше, чем простые реакции возбуждения и торможения. Давайте представим себе контакт, осознание и двигательные реакции в более широком контексте, включив сюда аппетит и отказ, приближение и избегание, чувства, ощущения, манипуляции, оценки, коммуникации, борьбу и т.д. – все варианты жизненных связей, происходящих на границе взаимодействия организма со средой. Все такие контакты являются объектами изучения психологии"¹³.

Перлз рассуждал обо всем, что связано с процессом нашего развития и его задержками. Его волновало происходящее на границах контакта между людьми: контакт происходит именно на границе; на границе происходит рост; на границе происходит формирование фигуры внимания и ее разрушение, а также спонтанные реакции. Взаимоотношения на границе включают для Перлза контакт, организм, среду, новизну, возбуждение, собственное "я", сознание, чрезвычайные ситуации, невротические возможности, сопротивление и "человеческую природу".

В норме организм легко переходит от состояния возбуждения потребности к состоянию удовлетворения потребности, от напряжения к расслаблению, от фигуры внимания к отстраненности. Психически здоровые люди постоянно находятся в активности и не испытывают состояние неподвижности. В патологических случаях и при неблагоприятных обстоятельствах люди прерывают свою активность, их поведение непоследовательно, подвижность скована, поведение и осознание не согласованы друг с другом.

Цикл опыта начинается с неясных ощущений, затем мы осознаем свою потребность, ищем

то, в чем нуждаемся, и, наконец, движемся к тому, чего хотим. Если на этом пути нет препятствий, наступает завершение. Тот же феномен существует в супружестве и семье: обнаруживаются взаимные потребности, а затем действия и контакт приводят к взаимному удовлетворению членов семьи. Интерперсональные циклы не имеют завершения или постоянно прерываются, супружеская пара или семья страдает¹⁴. Таким образом, открытие поля в физике стало применимым к восприятию человека, а затем было расширено до модели поля удовлетворения индивидуальных потребностей и, наконец, до феномена супружеской пары и семьи.

Моя философия интервенции в малую группу базируется на двух принципах – успешного завершения ситуации и работы системы. А теперь я опишу эти принципы подробнее.

Супружеская пара или семья как система

Супружеская пара или семья – это люди, создающие систему на долгое время. Такая общность может удовлетворить потребность продлить свою жизнь в будущих поколениях. Продолжение человека в последующих поколениях позволяет не прерывать культурные традиции.

Кроме того, члены семейного сообщества не только сосуществуют, они также выполняют общие задачи. Вместе они создают свое жилище, воспитывают детей и взаимодействуют с более крупными социальными системами – соседями, городом, страной и миром. Супружеская пара или семья – это социальная, культурная и экономическая ячейка общества.

В наше время такие ячейки стали очень многоликими. Существуют взрослые люди, которые живут вместе с детьми от одного или нескольких браков. Есть семьи, состоящие из взрослых людей, соединившихся после неудачных браков. Появились и гомосексуальные пары, которые тоже живут семейным укладом, и т.д. Чаще всего семья состоит из одного и более взрослых людей, живущих в различных комбинациях с одним и несколькими детьми. Такие конфигурации окружены определенными границами, которые отделяют их от других семей и групп.

Внутри самой семьи существуют, образуются подсистемы. Они объединяют взрослых, детей и различные сочетания взрослых и детей. Каждая подсистема имеет свои отдельные границы. В идеальных условиях люди относятся друг к другу с уважением, позволяя каждому побыть в одиночестве и в то же время проявляя друг к другу интерес и заботу (рис. 3.4).

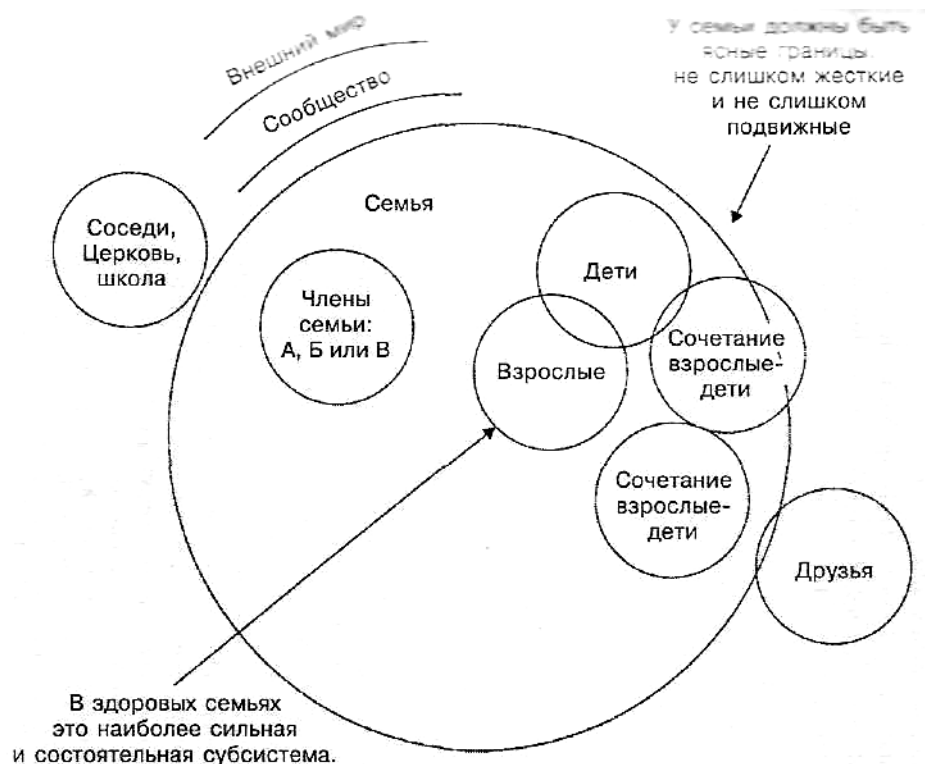

Рис. 3.4. Здоровая семья

Границы постоянно меняются: иногда система открыта для общества и ее границы полупроницаемы, а иногда ей удобнее быть замкнутой. В здоровых семьях, где люди хорошо знают

друг друга, они могут чувствовать, когда им надо объединиться, а когда побыть врозь. Субсистемы легко объединяют взрослых людей. Такие объединения являются мозговым трестом и центром управления семьи. Семейная система ждет от них принятия решений, связанных с ее повседневными проблемами. Дети соединяются, чтобы вместе играть, учиться и расти. Взаимодействие взрослых и детей в семье динамично. Пятилетний ребенок гораздо больше зависит от указаний родителей, чем пятнадцатилетний.

В здоровой семье субсистемы имеют подвижные и гибкие границы. Люди собираются вместе, чтобы поработать или развлечься. Отец может пойти погулять со своей дочерью-подростком, чтобы поговорить с ней о ее друге, который перешел в другую школу. В субботу дети идут в кино, а родители уходят в гости. В здоровой системе царят здравый смысл, солидарность, согласованность, ответственность и одновременно уважение к суверенитету и интересам каждого. В такой семье существует хорошая ритмичность – от объединения и близости к отделению и автономности. Когда в семье все в порядке, родственники могут оставить друг друга в покое, но когда у них возникают трудности – стресс, болезнь и другие сложности, – они оказывают друг другу усиленную поддержку. Члены семьи могут подойти друг к другу, обсуждают свои проблемы, помогают друг другу в их решении, получают удовольствие от общения и легко отходят в сторону. Здоровая семья похожа на хорошо сыгранную команду.

С одной стороны, семья может быть очень заботлива к своим членам, а с другой – в ней может не хватать взаимного внимания и чувства близости. В мире не существует такой семьи, которая постоянно могла бы находиться в идеальном равновесии. В семьях всегда бывает больше или меньше свободы и зависимости, и чуткий терапевт должен понять, что происходит именно в данной семье, он не должен руководствоваться каким-то незыблемым универсальным принципом.

Семьи с непроницаемыми границами слишком рьяно защищают свой союз. Границы вокруг таких объединений бывают плотными и вязкими (рис. 3.5).

Вязкая семейная граница. Семья изолирована от поддержки и контакта с окружающей средой.

Взрослые
Дети
Комбинации
Нет места для подвижности и изменений

Границы системы слишком свободны и позволяют членам семьи насильственно посягать на чужое личное пространство. Здесь нет места для личного роста.

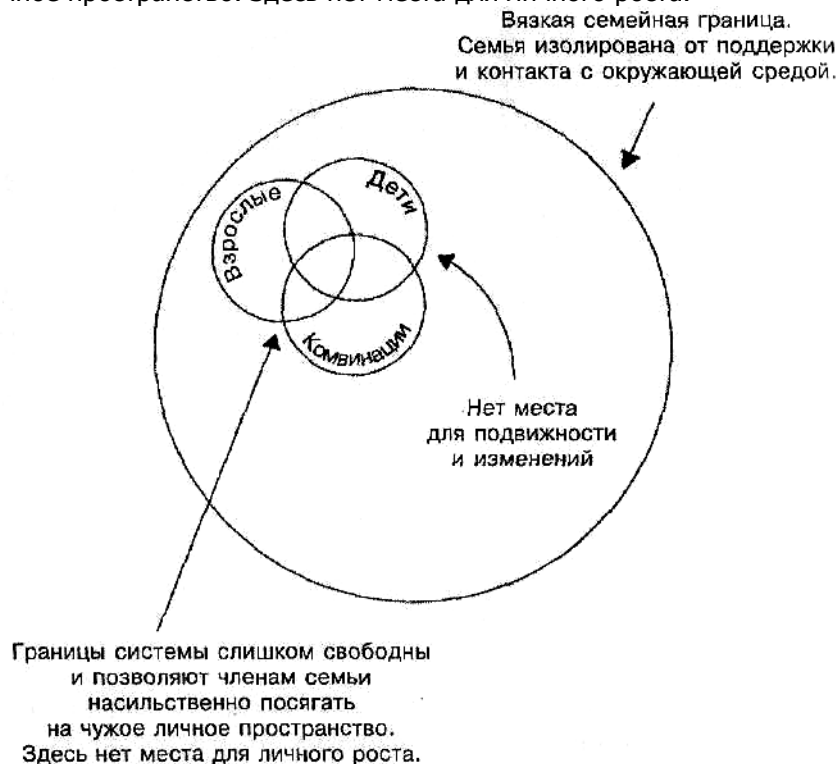

Рис. 3.5. Конфлюентная система*

[[[*Имеющая тенденцию к слиянию.]

В конфлюентных семьях не происходит легкого обмена информацией, активного общения с соседями или друзьями вне системы. Члены семьи не присоединяются к другим, чтобы посетить лекции, сходить в кино, совершить путешествие или сделать какую-нибудь совместную работу. Внутри таких семей мы часто обнаруживаем слабые индивидуальные границы. Родители "без стука" вторгаются в жизнь своих подрастающих или уже взрослых детей, а дети могут вмешиваться в дела взрослых. Одна женщина звонила своей невестке, чтобы проверить, что ел ее сын, и узнать, был ли у него стул. В таких семьях у взрослых не должно быть секретов друг от друга, взрослые могут в любую минуту входить в комнату без разрешения. В одной такой семье взрослые дошли до того, что сняли двери со всех спален и ванных комнат в своем доме. Аналогичная ситуация складывается и в их психологической жизни: члены семьи без колебаний вторгаются во внутреннюю жизнь своих близких. Обычно обладая жесткими внешними границами, подобные семьи имеют слишком свободные границы вокруг своих субсистем. Будучи слишком проницаемыми, такие внутренние границы не дают человеку или subgroupе ощущения независимости и автономности. Каждый член семьи все время беспокоится о другом.

Такой тип семьи можно назвать *ретрофлексивной семьей*. Ретрофлексия – это "поворот назад, против себя". Таким образом, ретрофлексия является сопротивлением, которое содержит энергию, но препятствует ее выражению. Накапливая энергию и не имея возможности адекватно выразить свои чувства, члены подобных семей часто страдают от астмы, ишиаса, миозита, запоров, аллергии, кожных заболеваний, мигрени и анорексии. Родители чрезмерно беспокоятся, когда дети начинают ходить в школу, и у детей нередки школьные фобии, а когда они женятся или поступают в колледж, им очень трудно покинуть родной дом. Родители и дети осуществляют бдительный контроль над жизнью друг друга. Семья концентрирует энергию внутри системы и почти не направляет ее вовне.

Другая крайность – дезорганизованные семьи со слишком свободными внешними границами (рис. 3.6.)

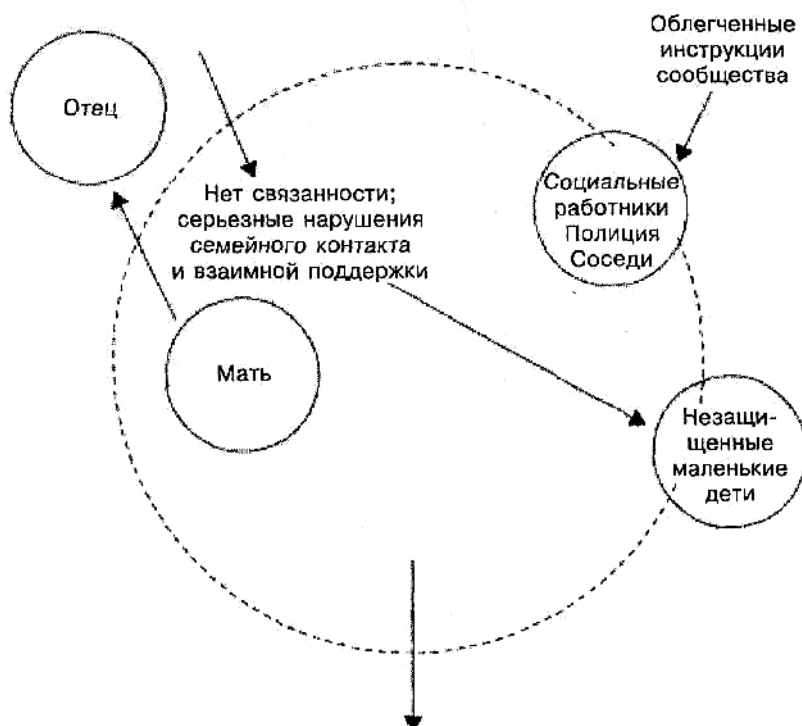

Рис. 3.6. Ослабленная семейная система

В таких семьях люди живут, не обращая внимания друг на друга, дети и взрослые живут рядом, не соблюдая никаких правил и не проявляя теплых чувств друг к другу. Иногда здесь могут появляться случайные гости. Никто не интересуется проблемами других членов семьи, их работой, учебой или личной жизнью. Взрослые живут изолированно друг от друга и от детей, не оказывая им ни физической, ни психологической поддержки.

Когда семье недостает взаимной близости, а ее члены не просят друг друга о помощи, они нередко обращаются к алкоголю или к другим искусственным способам утешения, чтобы уйти от хаоса и заполнить брешь в душе. Детям не хватает внимания своих родных, учителей, соседей. В некоторых случаях, чтобы привлечь внимание окружающих, дети начинают воровать, нарушать дисциплину в школе или хулиганить на улице. Их чувства глубоко спрятаны, а к их личным границам подступиться нелегко. Они хорошо защищены от боли или возможного посягательства.

Однако большинство семей, живущих более или менее адекватно внутри и за пределами своих границ, располагаются в промежутке между описанными крайностями. Члены таких семей нередко чувствуют, что они любимы, что могут не только свободно прийти домой, но так же свободно выйти из дома в окружающий мир. Дети не ощущают чрезмерной опеки, но и не испытывают недостатка в ней, они получают защиту в соответствии со своим возрастом.

В рамках системы никто из членов семьи (звезды, молекулы, частицы) не может один быть в ответе за то, что происходит в семье. Траектория движения семьи обусловлена множеством факторов. И, как мы любим говорить, целое отличается от суммы его частей. Идея систем позволяет нам по достоинству оценить сложное эстетическое качество пары или семьи.

Используя понятие границ, мы получаем диагностическую картину семьи и ее взаимодействия с миром. Мы можем исследовать, до какой степени семья распространяется в мир и позволяет миру войти в нее. Можно проанализировать границы отдельных членов семьи и их взаимоотношения с другими.

Все системы, будь то Солнечная система или скопление бактерий, имеют свои границы и целостность. Процесс их существования включает в себя обмен информацией и изменения. Одна из форм изменения – энтропия*, [[[[*Физическая величина, характеризующая тепловое состояние тела или системы тел, мера вероятности осуществления данного состояния системы.] то есть стремление к разрушению. С другой стороны, негативная энтропия – это тенденция к порядку. Системы борются за стабильность или гомеостаз, то есть баланс порядка и хаоса. Системы могут быть более или менее открытыми или закрытыми, в зависимости от того, на каком этапе борьбы они находятся.

Внутри каждой системы или паттерна существует жизнь и движение; отдельные сущности обмениваются энергией друг с другом (общаются). Ни одна подсистема сама по себе ничего не “значит”. События внутри и вне систем обусловлены многими факторами. Нет двух вещей, у которых имелись бы прямые причинные связи. Процессы не могут быть просто линейными, они существуют спонтанно на различных уровнях. Мир систем похож на галактическую иерархию событий. Прошрое, настоящее и будущее существуют одновременно. Действия происходят непоследовательно, возможно, в один и тот же момент, и ни одно событие не может быть целиком зависимым или независимым от другого.

В человеческой семье происходит то же самое. Ни один человек не может являться единственной причиной проблемы и один нести ответственность за любую данную ситуацию. К организации или дезорганизации своей жизни причастны все члены семьи.

От индивидуальной - к супружеской и семейной терапии

Терапевтам, которые привыкли заниматься индивидуальной терапией, придется перестраивать свое восприятие и познавательные процессы при переходе от работы с одним человеком к работе с супружеской парой или семьей¹⁶. Объект изучения становится намного больше, и для того чтобы не растеряться и разглядеть семью как единую конфигурацию, чуткому терапевту приходится отодвигать свой стул подальше. Вглядываясь в целое, а не в его отдельные части, мы сталкиваемся со сложным и многогранным явлением, а так как возможности нашего языка ограничены, мы прибегаем к помощи метафор, аналогий и других образов. Способность терапевта использовать метафоры и свое творческое воображение помогает ему найти способы воздействия на такой большой организм¹⁷. Терапевт переходит от анализа к синтезу, предпочитая выбирать целое, нежели расчленять его на части.

Семейный терапевт сталкивается с обширными неосознанными областями жизни семьи или супружеской пары. Семья может спорить по поводу места проведения отпуска, а терапевт в это время внимательно изучает их позы и жесты; супруги могут обсуждать проблему няни для маленького Джонни, а терапевт в этот момент прислушивается к интонациям голоса того или иного говорящего. Супруги пытаются выразить свой гнев, а терапевт замечает, что они по-прежнему продолжают сидеть, сцепив руки. Родители обсуждают, как Мэри ест, а терапевт зорко наблюдает за тем, как Мэри, Джон и их родители разговаривают или не разговаривают друг с другом, смотрят или не смотрят друг на друга, задают вопросы, отодвигаются или подсаживаются поближе, отвечают на вопросы или хранят молчание, выражают приятие или критикуют друг друга. Читатель

заметил, что при таком подходе к малой системе мы фокусируем внимание на *процессе*, происходящем в системе, а не на *содержании* этого процесса¹⁸.

Заключение

Терапевт, ориентированный на системный подход, будет заниматься синтезом, а не анализом. Он станет искать взаимодополняющие силы, а не конфликт; избегать полемики. Он будет использовать метафоры и творческое воображение, чтобы найти обобщающие образы и целое; находить эстетические формы в пространстве между людьми и вокруг них, а не фокусироваться на отдельных обстоятельствах и содержании проблемы. Системы не существуют линейно, поэтому терапевту не так важно, что происходит, он наблюдает за феноменом, находясь в процессе и подчиняясь его течению. Такое отношение связано с принципом "равного действия", который предполагает "эквивалентность одной формы поведения другой при достижении определенной цели"¹⁹. Поиски причин и следствий так же бесполезны, как преследование собственной тени. Терапевту лучше всего спросить себя: "Что они делают? Как им удастся строить препятствия самим себе? Какие процессы в семье повторяются, несмотря на их полную бесполезность? Что утрачено?" Ответы на эти вопросы становятся основой для интервенции.

В конце этой главы я хочу перечислить тринадцать принципов, которые могут помочь читателю сориентироваться в гештальт-подходе к семейной терапии. В основе этих принципов лежит теория систем, а также мой опыт работы в этой области.

1. В человеческих взаимоотношениях не существует линейной прогрессии. Здесь также не существует прямых причинно-следственных связей, а есть сложный комплекс взаимодействий.
2. Все события, включая человеческие взаимоотношения, находятся в постоянном процессе.
3. Отношения стремятся к треугольной конфигурации.
4. "Идентифицированного пациента" (identified patient) не существует, если нет паттерна "неидентифицированного пациента" (unidentified patient).
5. История семьи или культуры не является историей. Это множество событий, происходящих одновременно. Это паттерн.
6. Содержание всегда заманчиво, а процесс требует тщательного наблюдения и обратной связи.
7. Даже в полной изоляции каждый человек существует во взаимосвязи с другими людьми.
8. Любое маленькое или большое событие, происходящее в системе, оказывает влияние на все другие. Ни одно событие нельзя рассматривать в отрыве от остальных.
9. Супружеские пары или семьи взаимно дополняют друг друга: если меняется настроение одного, меняется настроение и остальных²⁰.
10. Снижение значимости происходящего опасно, так как имеет тенденцию к сокрытию проблем или стимулирует поляризацию и стремление разрушить Другого.
11. Мы не должны уходить от очевидного парадокса взаимосвязи между автономностью и близостью. Только люди, достигшие автономности, способны иметь крепкие взаимоотношения с другими людьми. (Конфлюентные отношения (слияние) разрушают дух).
12. Мир представляет собой единственное (паттерн) и одновременно множественное число. События, происходящие в мире, следует рассматривать как взаимодействие между целым и частями. Мир состоит из разнообразных голосов, которые кричат: "Мы все Одно Целое".
13. Супружеская пара и семья – это "рассеивающаяся структура", так как на определенном этапе своего развития она стремится истощить запас своей энергии. Идеальное изменение структуры данных этапов включает в себя движение вверх на более высокий уровень функционирования (представьте себе спиралевидную структуру ДНК).

Задача терапевта состоит в том, чтобы помочь супружеской паре или семье осознать, как и где система "тормозит" свое движение и как использовать коллективное осознание и энергию, чтобы преодолеть место торможения ее взаимодействия. Наша задача может считаться в основном выполненной, если пара или семья может снова и снова начинать, развивать и успешно завершать свои взаимодействия.

После перечисления этих фундаментальных принципов, давайте продолжим развитие этой темы в следующей главе, посвященной Интерактивному циклу опыта.

4. ИНТЕРАКТИВНЫЙ ЦИКЛ*

[[[[*Первоначально эта глава была написана Соней Невис, а затем переработана мной. Этот материал опубликован как рабочая статья Гештальт институтом Кливленда в 1981 году. – Примеч. автора.]

Нет ничего практичнее хорошей теории.

Курт Левин

Семейные терапевты испытывают трепет перед сложностями семейных взаимоотношений и перед широким кругом интервенций, которые можно применить, чтобы улучшить жизнь людей, обратившихся к ним за помощью. Семейные сложности и большой выбор терапевтического поведения часто настолько переплетаются, что терапевт рискует запутаться во всем этом. К счастью, с помощью теории взаимодействий все эти сложности можно организовать, сделать видимыми и понятными.

Объект наблюдения у всех терапевтов один, и лишь их теоретическая ориентация определяет, что привлечет их внимание, а что они будут игнорировать. Теория хороша, если она позволяет терапевту увидеть, что происходит, и помогает ему решить, когда проводить интервенцию. Сила теории состоит в том, насколько она полезна не только для наблюдения, но и для интервенции.

Гештальт-теория совершенствовалась и разрабатывалась в течение последних тридцати лет. Среди разработчиков этой теории был и Гештальт-институт Кливленда. Наши феноменологические описания интрапсихического процесса обращаются к *Гештальт-циклу опыта*¹ (рис. 4.1).

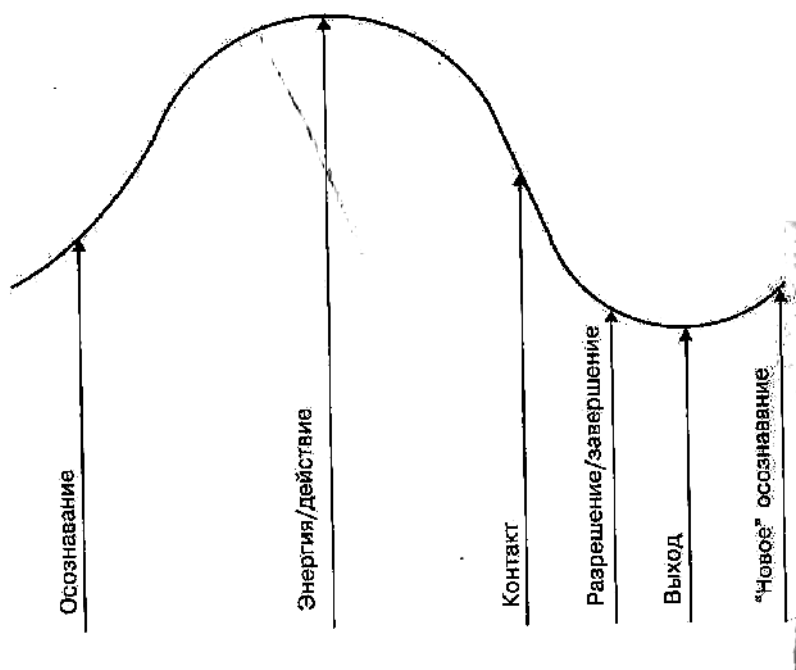

Рис. 4.1. Гештальт-цикл опыта

Это "нормальный" цикл, при котором осознание обуславливает действие... выход находится в самом низу (тут энергия находится на соответственно низком уровне, здесь можно отдохнуть одному).

На интрапсихическом уровне мы опираемся на осознание того, что соответствует моменту, захватывает наше внимание и проявляется интеллектуально или двигателью. Это внимание сопровождается выделением энергии, без которой мы не могли бы действовать. В идеале наше осознание должно быть ясным и отчетливым. Когда осознание подкрепляется достаточной энергией, мы можем прямо двигаться к тому, чего хотим. Действия ведут к контакту с окружающей средой и сопровождаются чувством удовлетворения, разрешением и завершением. Мы можем выйти из ситуации, расслабиться и уйти. Ясный и заверченный выход дает нам свежий опыт и не сопровождается тягостным ощущением незавершенности. Затем наступает новое осознание, и цикл начинается снова.

Такая модель работы с парой или семьей расширяет интрапсихический цикл опыта, а расширение позволяет описать глубокие взаимодействия в малых системах. Принципы здесь те же: полное осознание ведет к ясному контакту на границе между "я" и окружающей средой. Тем не менее интерактивный гештальт-цикл фокусирует внимание на взаимодействиях между двумя и более людьми (рис. 4.2.).

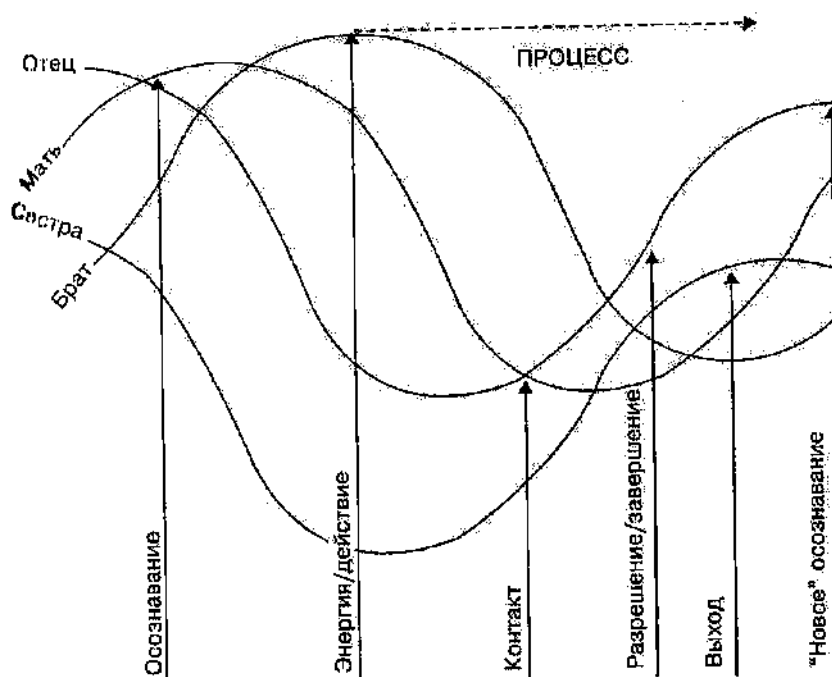

Рис. 4.2. Интерактивный гештальт-цикл

Фазы цикла

Фазы этого цикла могут перекрывать друг друга. Чтобы показать течение внутри отдельно-го соединения опыта, цикл искусственно поделен на пять фаз, которые описаны ниже. Фазы организованы в последовательности, которая образует как логический, так и интуитивный смысл. В то же время мы знаем, что каждая фаза содержит в себе элементы всех других фаз².

Наблюдение за взаимодействием между членами семьи или двумя индивидуумами, составляющими пару, дает терапевту ясное представление о системе. Кроме того, наблюдение выявляет те способности системы, которые позволяют ей хорошо функционировать. Умение использовать способности, необходимые при прохождении через каждую фазу данного процесса, могут принести удовлетворение. Завершенный цикл, при котором хорошо проговорена каждая фаза, создает ощущение полноценного существования. При незавершенном цикле возникает ощущение неудовлетворенности и "тяжести". Наблюдение за циклическим функционированием выявляет сопротивление системы, прерывающее плавное разрешение, а это, в свою очередь, связано с нарушением функционирования³. Когда терапевт выявляет сопротивление или торможение и помогает его преодолеть, процесс восстанавливается.

Осознание

"Осознание характеризуется следующими признаками: *контактом, чувствительностью, возбуждением* и формированием *гештальта*. Его адекватное функционирование – область нормальной психологии; любое нарушение попадает в ведение психопатологии"⁴.

Межличностное, или интрапсихическое, осознание существует до взаимодействия. Люди, объединенные в систему, живут по отдельности, со своими собственными ощущениями, эмоциями, мыслями, воспоминаниями и надеждами⁵. Каждый человек живет в своем собственном мире. Некоторые ощущения, мысли и чувства довольно легко высказать; другие могут быть неясными, и человеку стоит немало труда выразить их словами; некоторые переживания могут быть понятны одному и непонятны другим.

Переход одного человека к системе людей знаменует начало фазы осознания интерак-

тивного цикла. Одному человеку не всегда нужно вслух выражать свои чувства: если ему хочется чихнуть, он чихает, для этого ему не обязательно говорить: "Сейчас я чихну".

Иногда люди все-таки говорят сами с собой, например, когда ведут дневник, но в данном случае мнение другого им знать необязательно. Взаимодействие требует от человека дополнительных усилий, ему приходится высказывать вслух то, что очевидно для него, но, возможно, не очевидно для других. "Я устала", или "Я бы съел пиццу", или "Хорошо бы вечером сыграть в бридж", или "Пойду погуляю перед сном" – такие высказывания не предполагают сложного осмысления. Гораздо больше усилий требуется для того, чтобы понять более сложные или неясные переживания: "Мне как-то не по себе, я не знаю, что со мной", или "Чем бы мне заняться сегодня вечером", или "Если ты не перестанешь приставать ко мне, я не знаю, что сделаю".

Говорящему нужно ясно выражать свои чувства, а слушающему необходима работа, чтобы не просто услышать другого человека, но разобраться в его внутренних переживаниях. Такая работа предполагает внимание к другому и возможность сказать, например: "Ты выглядишь усталым. Почему бы тебе не отдохнуть сегодня?", или "Ты случайно не ушибся? Ты прихрамываешь на правую ногу". Человека должны заботить дела и желания другого, если он спрашивает: "Что произошло на сегодняшней встрече?", или "Чем мы займемся в воскресенье?", или "Что ты думаешь о том, что я рассказала тебе?"

Взаимосвязь между говорящим и слушающим, чувствующим и сочувствующим, знающим и тем, кто хочет знать, дает нам ясное представление о нашем сходстве и различии. Растущее осознание другого стимулирует необходимую для этого энергию. Таким образом, из фона появляется фигура.

Опытный наблюдатель может распознать способность супружеской пары или семьи присоединяться к подобной исследовательской деятельности. Если осознание происходит редко и носит дискретный характер, фаза ограниченного осознания либо будет производить мало энергии для действия, либо полученный контакт будет поверхностным или стереотипным (узкие рамки взаимодействия типичны для семейной системы). Эта фаза также будет стереотипной или суженной. В таких семьях мы слышим, как родственники постоянно обсуждают одни и те же проблемы, и видим, как они снова и снова совершают одни и те же действия (рис.4.3.).

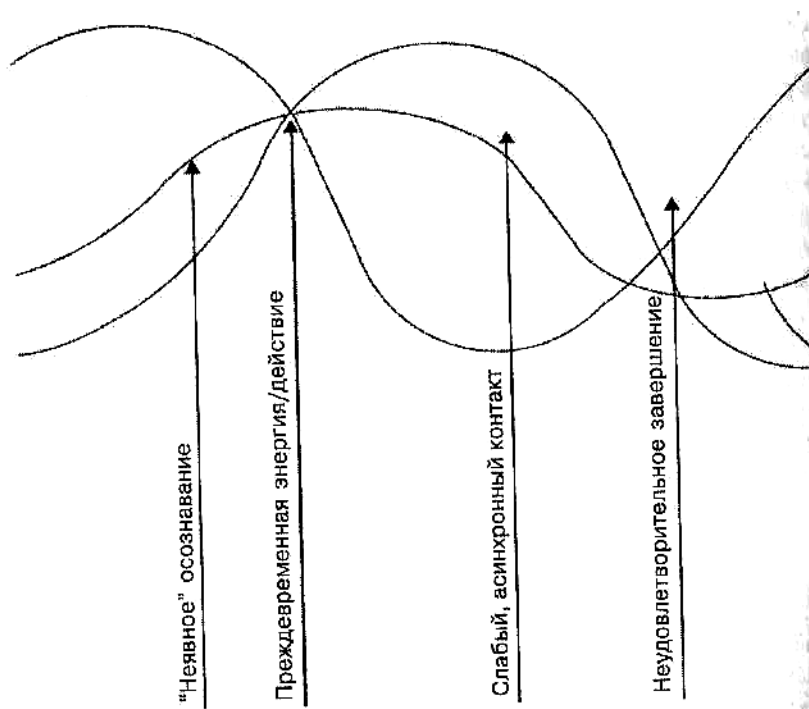

Рис. 4.3. Фаза ограниченного осознания

Фаза ограниченного осознания либо будет производить недостаточно энергии для действия, либо полученный контакт окажется стереотипным.

Разнообразие информации, которой обмениваются члены семьи, зависит от того, насколько разнообразна и интересна жизнь самой семьи. Однако если в семье существует серьезный конфликт, ей необходимо приобрести навык для участия в долгой фазе исследования. Способность путем проб и ошибок достигать завершения и выполнять поставленную задачу является одним из

решающих критериев, определяющих “хорошую форму”.

Первая терапевтическая задача в фазе осознания – побудить пациентов полностью высказать то, что они осознали. Далее терапевт обучает пациентов замечать, видеть и слышать другого. Кроме того, терапевту необходимо сфокусировать внимание участников на сильных сторонах системы, а также на прерывании контакта или на сопротивлении.

Способы сопротивления весьма разнообразны, и мы еще будем рассматривать их детально, однако на этой фазе наиболее распространены такие виды сопротивления, как интроекция и проекция. Чаще всего сопротивление рассматривается как интрапсихический процесс и оценивается как внутренняя противоборствующая сила (потребности против желаний), тем не менее, сопротивление становится явным во взаимоотношениях человека со значимыми для него людьми. Наблюдая за супружеской или семейной системой, терапевт получает первое впечатление о том, как ее члены заучивают определенные реакции и как они повторяют их. Такие стереотипы в поведении, безусловно, могут привести к торможению осознания, что характерно для сопротивления.

Интроекция – результат “заглатывания” инородного тела целиком, без всякой его ассимиляции. Для возникновения интроекции должно существовать по крайней мере два партнера.

Первый (кормящий насильно) человек, который считает, что пища, мнения или информация должны быть проглочены как таковые, без осознания.

Второй (глотающий) человек, который принимает все, что ему дают, не отбирая, не прожевывая и не выплевывая того, что ему не подходит.

Интроекция и другие виды сопротивления контакту существуют только во взаимоотношениях между людьми: глотающий не может существовать без кормящего насильно, и наоборот.

Проекция – бессознательный перенос собственных неприемлемых качеств на других – также может проявляться в фазе осознания. Для проекции нужен человек, который дает о себе слишком мало информации и уходит от вопросов; другой человек, пытающийся что-то узнать и заполнить пробел в общении; сторонние люди, не вмешивающиеся в эти отношения. При таких условиях разговор между людьми может содержать примерно такие фразы: “Ты хочешь есть”; “Тебе не понравится то, что я хочу сказать”; “Тебе понравится в школе”.

Такие прерывания осознания совокупности информации, проявляющиеся у супругов или семей, являются ключом для терапевтических интервенций в систему. Главная цель таких интервенций состоит в том, чтобы захватить внимание системы и направить его на движение внутри цикла. Интервенция должна фокусироваться на сильных сторонах системы и на ее способах сопротивления, а не на том, что делает или не делает один человек. Осознание само по себе позволяет супругам или семье заинтересоваться тем, как они взаимодействуют, а не просто искать виновного в своих трудностях. Когда такие интервенции проводятся осторожно, с сочувствием к членам системы, у них появляется желание побольше узнать о трудностях своих собственных взаимоотношений⁶.

Энергия/действие

В этой фазе цикла возбуждение, или энергия, продолжает нарастать и организовывать осознание таким образом, чтобы желания или намерения участников проявлялись ясно. На этом этапе гештальт формируется и становится фигурой внимания. Энергия вкладывается в доминирующий интерес, а соперничающий с ним интерес или желания уходят в фон. Здоровый человек может формировать четкие фигуры, которые появляются из разнообразия фоновых фигур, и фокусировать на них свое внимание.

Похожий процесс происходит у супружеских пар или в семье. От общего осознания возникает заинтересованность во взаимной заботе друг о друге. Интерес привлекает всеобщее внимание. Это межличностный процесс: у людей различные потребности, они заинтересованы друг в друге по-разному и свою заботу проявляют по-разному. Задача терапевта в данной фазе цикла состоит в том, чтобы управлять этим комплексом различий: получившаяся в результате фигура (желания, забота, интерес) должна быть ясной, живой и сопровождаться достаточной энергией для движения вперед к контакту и разрешению проблемы.

“Продвинутые” супружеские пары и семьи могут работать над своими желаниями, развивая общую фигуру, сочетая напористость и терпение одновременно. Трудности в достижении такой комбинации возникают, когда система проявляет нетерпение либо когда ей не хватает энергии.

Для работы в этой фазе требуется определенная активность – внушение, работа воображения, способность влиять и даже обольщать. Здесь необходима открытость к воздействию или влиянию, нужно иметь желание быть соблазненным, необходим интерес к предложениям и расположенность к поддержке. Эту фазу характеризуют полярные способности – умение давать и брать, серьезность и легкость.

Дочь. Мама, я хочу пирожное.
Мать. Я думаю, надо подождать до обеда.
Дочь. Тогда я пообедаю сейчас.
Мать. Хорошо, если ты согласна обедать в одиночестве.
Дочь. Ладно, я лучше подожду.

Жена. Давай, пойдем куда-нибудь поужинать.
Муж. У меня не очень много денег, но готовить тоже не хочется.
Жена. Давай посмотрим, может быть, мы приготовим что-нибудь попроще.
Муж. Ладно, если только попроще. Устроим пикник.

В этой фазе цикла терапевтическая задача состоит не в том, чтобы пробуждать активные и приемлемые навыки, описанные выше, цель этой фазы – наблюдать и проявлять уважение к присутствующим. Однако уважение не должно быть слишком навязчивым. Хорошее взаимодействие похоже на шуточную борьбу: задействованы все участники, но никто не причиняет боль другому. Прерывание или сопротивление в этой фазе отмечено небольшими дозами энергии или интереса, когда различия выставлены напоказ. Система становится скорее уступчивой или упрямой, нежели творческой и живой.

Общее сопротивление в течение этой фазы обычно носит характер конфлюенции (слияния) – это утрата границ между собственным “я” и другими. Конфлюенция становится заметной, когда власть употребляется неправильно или грубо: внушение и влияние превращаются в запугивание и требование, а обольщение – в подавление. Когда сила очевидно сконцентрирована в одном человеке или одной части семейной системы, потенциальная общая фигура внимания становится конфлюентной фигурой. Энергия одной части системы концентрирует слишком много силы, а энергия другой части становится подавленной, спрятанной, вытесненной. При этом внешне все выглядит спокойными.

Другое типичное прерывание или сопротивление в этой фазе энергии/действия – ретрофлексия (поворот энергии вовнутрь). Супруги или члены семьи не “протягивают руки” друг другу, не проявляют по отношению друг к другу ни тепла, ни ярости, ни любопытства, не делают никаких попыток повлиять друг на друга. Такое сопротивление сохраняется, если ни один из членов семьи не протестует или не настаивает на своем. В данном случае существует негласный договор: личные границы “святы”, а назойливость или настойчивость находятся под запретом. Каждая подсистема ретрофлексивной семьи придерживается этих правил: родители оберегают детей от своих секретов, а дети сдерживают свои чувства и не задают родителям лишних вопросов (рис. 4.4).

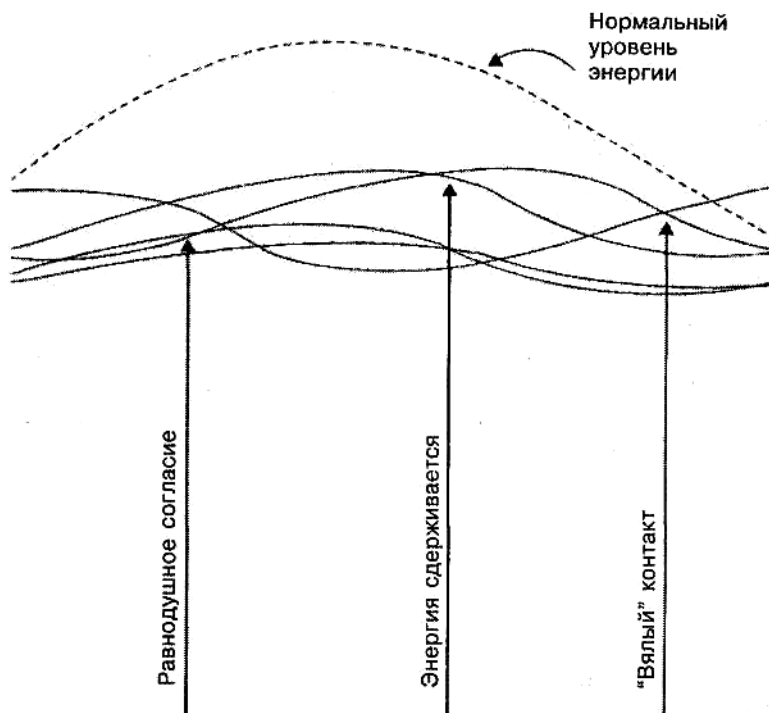

Рис. 4.4. Фаза ограниченной энергии

В системе, отмеченной ретрофлексией, энергия прячется или сдерживается, и люди становятся недоступными друг другу.

Ретрофлексивные семьи могут также страдать из-за своей изоляции от внешнего мира. Такие системы имеют непроницаемые границы; они держат при себе свои проблемы, заботы и неприятности и не ищут помощи даже у близких. Сильные переживания они хранят в тайне. Терапевту нетрудно распознать ретрофлексивную семью: довольно быстро можно заметить, что члены такой семьи редко обращаются за помощью к терапевту, а если сам терапевт предлагает кому-то помощь, ему нелегко принять ее.

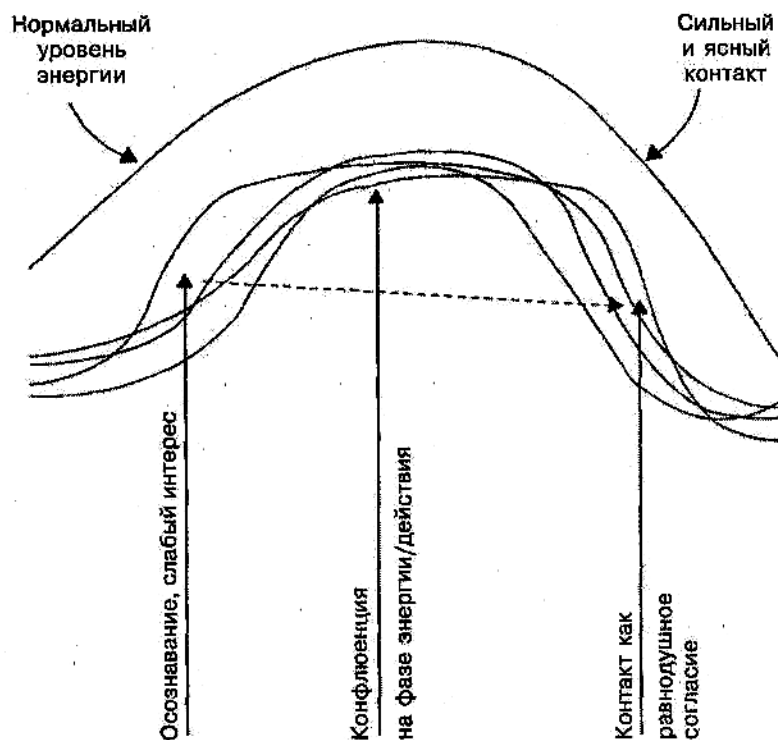
Контакт

Контакт – это осознание различий (“нового” или “непохожего”) на границе между организмом и окружающей средой; он отмечен энергией (возбуждением), усилением участия, внимания к тому, что проходит через границу, и отклонением того, что неприемлемо⁷.

Фаза контакта является плодом усилий, предпринятых в фазе энергии/действия. Желания или причастность перерабатываются с помощью взаимодействия во вновь созданное целое – целое, которое отличается от своих частей. Возникающая фигура создается из различных желаний; она не принадлежит лишь одному члену, половине пары или семье. Эта фигура принадлежит всем, так как сформирована под влиянием взаимного процесса. Контакт дает участникам ощущение взаимной “причастности” и яркое чувство удовлетворения совместной работой.

Сильный контакт способствует возникновению энергии. Ее вполне достаточно для достижения согласия, понимания, планирования будущего. Планы осуществляются, желания реализуются, соглашения выполняются. Пустые разговоры и обещания уходят в прошлое, люди начинают выполнять свои обещания и пожелания. Задача терапевта на данном этапе состоит в том, чтобы проявлять бдительность к любому признаку здоровой взаимности, к движению пациентов по направлению друг к другу. Терапевт должен замечать такие реплики, как “о’кей”, “да”, “по-моему, правильно”, “давайте сделаем”, “положись на меня” или “забудем об этом”, “именно так”, “что мы можем поделать”.

Терапевт должен присматриваться к любому признаку сопротивления, которое может появиться в фазе действия/энергии действия (конфлюенция или/и ретрофлексия) и давать о себе знать в смутно очерченной или путанной двусмысленной фигуре. Общая цель не поддерживается всеми частями системы. Когда конфлюенция является главным видом сопротивления в фазе энергии/действия, возникающий контакт бывает незавершенным, “недопеченным”. Когда присутствующие разделяют фигуру внимания, она проявляется в таких высказываниях, как: “Это неплохая идея”, “Думаю, нам надо это сделать”, “Я попробую вспомнить”. Слабый интерес и равнодушное согласие отразится в интонациях голоса, в теле и словах членов семьи или пары (рис. 4.5).

Когда конфлюенция является главным сопротивлением в фазе энергии/действия, возникающий контакт будет незавершенным.

Рис. 4.5. Фаза незавершенного контакта

Когда конфлюенция является главным сопротивлением в фазе энергии/действия, возникающий контакт будет незавершенным.

Супружеские пары или семьи, склонные к слиянию, переоценивают достоинства согласия, взаимного сродства и бесконфликтности и, чтобы уйти от проявлений конфликта, они быстро достигают фазы контакта. Избегают работы, необходимой для поиска новых путей рассмотрения ситуации и решения проблемы. Контакт, существующий между ними, часто бывает стереотипным повторением прежних контактов; живость и интерес минимальны. Таким образом, возникающая фигура внимания, идея или цель не влияют на членов системы и легко забываются. Соглашения отрицаются, планы прерываются, а мнения остаются неясными. Такие семейные системы и с терапевтом налаживают отношения, напоминающие их собственные. Они с готовностью соглашаются с любыми предложениями, мнениями или предписаниями терапевта, а затем не выполняют ни одного из них.

Когда ретрофлексия является главным видом сопротивления в фазе энергии/действия, контакт не достигается, в основном проявляется тенденция к уходу. Как правило, это характерно для всей семьи в целом: клиенты часто прерывают терапию и пытаются решить проблемы без посторонней помощи. Такое же поведение можно наблюдать и у членов подсистемы, которые пытаются разрешить ситуацию самостоятельно. Запуганный ребенок, если его сопротивление представляет собой слияние, будет со всем соглашаться, но впоследствии может стать угрюмым, легко впадет в ярость или начнет смущаться и будет недоступным для контакта. Супруг или супруга, от которого слишком много требуют или в чем-то обвиняют, также может уйти, в буквальном смысле покинув кабинет, либо замкнется и окажется недоступной.

Когда интерактивный цикл прерван, напряжение, вызванное незавершенной ситуацией, нарастает. В этом случае терапевт должен вернуть супружескую пару или семью к тому моменту, когда у них появились признаки сопротивления. Ему необходимо заинтересовать их исследованием этого процесса и тем, как они вмешиваются в процесс взаимодействия. Затем терапевт должен работать над преодолением сопротивления. Только после этого может возникнуть контакт.

Разрешение/завершение

В этой фазе цикла участники семейной терапии рассматривают все, что произошло с ними, и находят способы выразить свои переживания в поисках общего взаимопонимания и согласия. Семейная система обобщает и обсуждает полученный опыт, а затем закрепляет его. Характерные

слова и жесты могут быть следующими: "Ах! Вот здорово!"; "Как плохо, что мы не смогли навещать бабушку"; "Теперь мы решили: в этом месяце будем экономить". "Я слушаю тебя внимательно"; "Мы не обиделись на тебя".

Такое "пережевывание" в фазе разрешения/завершения позволяет постепенно снижать энергию. На данном этапе интерес, любопытство и чувства постепенно угасают. И лишь после этого завершение становится возможным. Чем сильнее чувства, интерес, тем больше времени и внимания требуется для фазы разрешения/завершения. Простая фигура достигается легко: "Давайте пойдем в кино". Или: "Хорошо, давайте посмотрим новый вестерн". Возможно, здесь достаточно лишь такого ответа: "Это хорошая идея", – и завершение достигнуто. Фигура побольше, например: "Тебе надо вернуться в школу" – потребует длительного рассмотрения, обсуждения, планирования, рассуждения и окончательного утверждения. В любом случае завершение позволяет уйти, прежде чем возникнут новые ощущения и новое осознание.

Эта фаза требует от терапевта особого внимания к наличию или отсутствию необходимой деятельности для разрешения. Когда система научится достигать разрешения, ее члены обретут способность испытывать чувство завершенности. Если ситуация не завершена, терапевт может сделать следующее замечание: "Расскажите друг другу, что вы чувствуете по поводу происходящего сейчас"; или: "Расскажите друг другу, что вы вынесли из этого". Если деятельность по разрешению тянется слишком долго, можно сказать: "Я предлагаю каждому произнести по одной фразе"; или: "Прежде чем мы закончим, попробуйте оглянуться вокруг и посмотреть, как сейчас выглядит каждый из вас".

Соппротивление в этой фазе принимает форму поспешности или затягивания. Система, стремящаяся побыстрее разрешить ситуацию, может просто ничему не научиться за короткий цикл. Значит, такому разрешению требуется больше времени для "пережевывания, проглатывания и усвоения" того, что полезно, и того, что следует отвергнуть за ненужностью.

С другой стороны, если супружеская пара или семья слишком долго "зависает" над разрешением проблемы, пускаясь в бесконечные дискуссии и разбирая проблему "по косточкам", она истощается. Такие пары или семьи снова и снова повторяют одно и то же, пока у них не пропадает интерес к этому занятию. Вместо того чтобы "проглотить" и усвоить опыт, они "разжевывают" тему до такой степени, что она вовсе утрачивает вкус.

Если пациенты не успевают закончить определенную часть работы в отведенное для нее время, значит, у них существует сопротивление к разрешению и завершению. Такие пары или семьи или не укладываются в нужный отрезок времени, или внезапно начинают что-нибудь новое, когда уже пора заканчивать работу. Терапевту бывает трудно закончить сессию, когда он сталкивается с подобными системами.

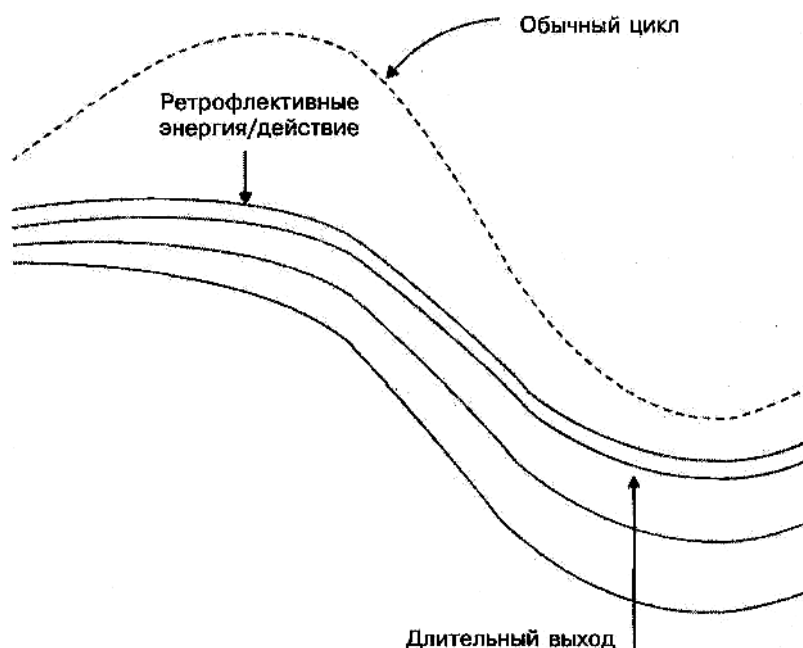
Выход

Выход маркирует конец цикла. Во время паузы, образующейся между циклами, люди могут отдохнуть друг от друга и побыть наедине с собой. У любого человека должна быть возможность не только контактировать с людьми, но и выходить из этого контакта – сначала чувствовать близость, а затем "выходить" из нее. В этом и заключается своеобразный танец совместной жизни.

Выход может очертить четкие границы человека, подчеркивая его дистанцию с окружающим миром. То же происходит и с семейной системой. Способность системы к контакту на границах, а затем к процессу расширения границ – признак психологического здоровья.

Задача терапевта – следить за признаками выхода, которые демонстрируют независимость и самодостаточность системы. Телесные проявления, снижение внимания и активности начинают отделять участников и группы друг от друга, маркируя завершение опыта. Эти признаки нередко бывают и вербальными. Например, участники могут интересоваться темой, которую им хотелось бы обсудить в следующий раз: "А что мы будем делать в следующий раз?", или: "Я чувствую себя хорошо, в данный момент мне ничего не приходит в голову". Такой период отмечен долгим, приятным молчанием, нейтральными высказываниями или выражением удовлетворения. Участники сидят друг перед другом, пребывая в спокойной и расслабленной атмосфере, похожей на объятие после ночи любви.

Если супружеская пара или семья оказывает сопротивление уходу, как бы "цепляясь" друг за друга или за терапевта, это означает, что им трудно находиться в одиночестве. Они переоценивают силу совместного существования и недооценивают пользу уединения. Пары или семьи с такой зависимостью не одобряют независимое поведение, считая его скрытым или асоциальным. Они, как правило, избегают контакта с людьми, не похожими на них. У них возникают трудности и при случайном столкновении с другими людьми. Самодостаточность, незаинтересованность ни в чьей помощи и "мои проблемы никого не касаются" – норма их жизни (рис.4.6).

При длительном выходе членам семьи или супругам требуется очень много времени, чтобы побыть в одиночестве.

Рис. 4.6. Фаза долгого выхода

При длительном выходе членам семьи или супругам требуется очень много времени, чтобы побыть в одиночестве.

Джон и Диана: интерактивный цикл

Эта сессия иллюстрирует интерактивный цикл одной супружеской пары и является третьей встречей с терапевтом. Они женаты уже более семи лет, имеют двух детей. По профессии Джон инженер, а Диана психолог. Хотя ничего особенно драматического между ними не произошло, они пришли на терапию, потому что в их отношениях возникла какая-то трещина – “скучища”, как определила это Диана. По словам Джона: “У нас хороший секс, но мы не занимаемся любовью”. Оба начали проводить меньше времени дома, друг с другом, и, казалось, их интересует что угодно, только не их совместная жизнь.

Терапевт: Я бы хотел, чтобы вы повернулись друг к другу и поговорили о чем-нибудь таком, что важно для вас обоих. Я буду сидеть рядом и слушать, а если вам будет трудно или понадобится моя помощь, пожалуйста, обратитесь ко мне, и я буду рад вам помочь. Хорошо?

Джон: Я говорил с ней сотни раз и в ответ постоянно слышу, что во всем виноват я, что я говорю или делаю что-то не так. Я и хотел бы угодить ей, но ничего не получается.

Терапевт: Я рад, что вы смогли это произнести. Скажите теперь то же самое Диане, а я посмотрю, действительно ли между вами происходит нечто подобное. Обещаю прокомментировать это.

Джон: Как я уже говорил, ты всегда обвиняешь меня во всем.

Диана (начинает тихо плакать): Я романтическая женщина, и когда прошлым летом мы были в Нью-Йорке, я попросила тебя сходить со мной в одно особенное место, место только для нас двоих. И что же произошло? Мы пошли туда с другими людьми. Почему? Почему ты так поступил со мной?

Джон: Я всюду брал тебя с собой, везде платил за тебя. Я-то думал, что ты оценишь мою щедрость.

Диана: Я говорю не о твоей щедрости, Джон.

После этой реплики наступило долгое молчание. Оба — и Джон, и Диана — были подавлены и слегка обескуражены. Диана повернулась к терапевту, но ничего не сказала.

Терапевт: Вы оба начали неправильно и теперь зашли в тупик. Так происходит и дома?

Диана: Да. Через какое-то время мы оба устаем, а потом долго молчим.

Терапевт: Ведь вначале вы были достаточно энергичны. Вам обоим хотелось решить проблему. Вы оба старались настроиться на то, чтобы выразить свои чувства.

Здесь терапевт говорит о сильной стороне супругов – о том, что они делают хорошо.

Джон: Да, действительно, я чувствую, что меня не уважают.

Терапевт: У вас сильные чувства, но вы плохо слушаете друг друга. Каждый из вас говорит что-то важное, но другой не принимает этого. Разве не так?

Супруги потерпели поражение, пытаясь услышать друг друга, поэтому они слишком рано растратили свою энергию и попали в фазу осознания. Они не в состоянии долго разговаривать и поддерживать беседу, сохраняя при этом энергию.

Диана: Он не услышал мою просьбу по поводу дня рождения.

Джон: Вы слышите, док? Мы снова за свое.

Сейчас супружеская пара находится на стадии осознания или на *проясняющей* стадии. Они пытаются определить проблему – высказать ее, а затем осознать позицию каждого.

Терапевт: Я бы хотел помочь вам обоим услышать друг друга. Я попрошу вас попробовать начать сначала. Только сейчас, прежде чем вы ответите друг другу, я хотел бы, чтобы каждый из вас сказал, что он услышал от другого. Вы поняли, что я имею в виду?

Диана: Да.

Джон: Думаю, да. Я хочу, чтобы меня уважали. Я хочу, чтобы меня ценили за мою доброту. А я всегда чувствую только твою критику, Диана.

Диана (терапевту): Теперь вы хотите, чтобы я сказала ему, что я услышала, прежде чем ответить?

Терапевт: Правильно.

Диана: Джон сказал, что он хочет, чтобы его уважали. (*Женщина останавливается, будто слова застревают у нее в горле.*)

Терапевт: Не могли бы сказать это Джону?

Джон (возбужденно и даже с некоторой злостью): Что случилось? Не можешь сказать мне это в лицо?

Довольно трудно описать словами растущее возбуждение обоих супругов в этот момент. Но оба они выглядят более активными и готовыми к работе.

Терапевт (Джону): Пожалуйста, не трогайте Диану. Она старается, как может. Придет и ваша очередь.

Диана: Ты слишком тяжелый человек, чтобы тебя можно было уважать и ценить. Но, это правда... Я услышала, чего ты хочешь, – ты хочешь, чтобы я ценила тебя за твою доброту.

Джон: Да, это правда. Я хочу, чтобы ты видела, как сильно я стараюсь угодить тебе. Может быть, это не совсем то, чего тебе хотелось бы, может, это не так романтично, но я делаю это из любви к тебе.

Джон услышан, он тронут и теперь в состоянии говорить о своих чувствах, даже о любви.

Терапевт: Теперь ваша очередь, Джон. Скажите Диане, что вы услышали от нее. Скажите это ей, а не мне. Я тоже услышу.

Некоторое время они практикуются в умении услышать друг друга. И хотя теперь с помощью осознания супруги достигли чуть большего контакта, их энергия еще не достаточно велика: они еще не смотрят и не *видят* друг друга. Каждый из них "заговаривает" другого, но довольно бесстрастно.

Терапевт: Вы оба стали хорошо слышать друг друга, но не смотрите друг на друга... А помните ли вы, когда впервые встретились? Как вы прятали глаза друг от друга? Что происходило с вами тогда? Я хочу, чтобы вы попробовали сделать следующее: некоторое время молча посмотрите друг на друга, а затем скажите, что вы увидели. Никаких комментариев... только то, что увидели.

Джон: Первое, что я вижу, это твои голубые глаза. Я не всегда могу сказать, что ты чувствуешь, когда смотришь вот так, кроме того, что я люблю этот взгляд.

Диана: Я люблю твои романтические глаза. Они такие мечтательные... Помнишь, как мы любили смотреть друг другу в глаза, когда танцевали?

Джон: Да. А помнишь дансинг "Амбасадор" в Чикаго? Когда я посматривал на твое декольте!

Терапевт: Не могли бы вы сказать, какие чувства вы испытываете, глядя друг на друга?

Диана: Ностальгические. Когда я смотрю на тебя, твое лицо выглядит мягче, и мне становится теплее и уютнее с тобой.

(Их лица смягчаются, как будто они погружаются в глубины чувств.)

Джон: Какой я дурак! У меня был шанс получить тебя всю, а я растранижил все! Я работал до седьмого пота, как дурак. Я не знаю, почему иногда я бываю таким тупым. Ты просишь меня об особенных подарках на день рождения, как, например, поездка в Нью-Йорк. Ты хотела, чтобы мы были только вдвоем, а я не обратил на это внимание тогда в Нью-Йорке.

(Глаза Дианы краснеют, и она протягивает руки Джону.)

Терапевт направляет супругов в сторону разрешения, рассчитывая время таким образом, чтобы каждый мог обдумать и почувствовать проблему другого; почувствовать усилия, направленные на то, чтобы лучше понять друг друга.

Диана: Я не могу сказать тебе, как много для меня значит, когда ты говоришь о своих чувствах и ранимости.

(Голова Дианы склоняется, а Джон смущенно смотрит в пол.)

Начинается фаза контакта.

Джон: Я скажу тебе, что мы можем сделать. На следующей неделе я заканчиваю свой проект. Как ты отнесешься к тому, если в эти выходные ты... Я придумал для нас один сюрприз... Я позову няню, и все!

Диана: Хорошо, любимый, ты можешь быть таким замечательным. Мы попросим Робин прийти к нам.

Джон: Хорошо, я позвоню ей.

Диана: Вот здорово!

Джон и Диана достигли полного взаимопонимания, теперь они способны получить взаимное удовлетворение. В их диалоге читатель почувствовал возрастающую теплоту и нежность. Супруги смогли восстановить контакт.

(Джон и Диана одновременно с улыбкой поворачиваются к терапевту.)

Терапевт: Что же произошло, когда вы оба услышали друг друга и узнали, чего хочет каждый из вас?

Диана: Я не знаю, всегда ли так происходит, но мне кажется, что, повторяя за Джоном, я как будто перестала думать только о себе и мне захотелось ответить ему.

Джон: Да, со мной произошло то же самое.

Проще говоря, совместное исследование своих переживаний помогло мужу и жене наладить контакт. Фаза *разрешения* процесса наступила с появлением ощущения взаимного согласия.

Терапевт: Хорошо! Вы очень быстро вышли из тупика, когда, наконец, услышали друг друга и ясно поняли, что значите друг для друга. Вы смогли стать великодушными.

Пример Джона и Дианы лишь один из многих. Каждая семья и супружеская пара имеет свой собственный стиль прохождения по фазам интерактивного цикла. Некоторые продвигаются быстро, другие медлят, третьи долго задерживаются на одной фазе и быстро проскакивают другую. В период неблагополучия у всех семей есть характерные точки торможения процесса нормальной жизни. Здоровый процесс характеризуется организованностью, упорядоченной и ясной формой, в то время как болезненный процесс дезорганизован, хаотичен и имеет неясные очертания.

Повторение успешного опыта, полученного по завершении цикла, развивает ощущение

полноценного существования семьи или супружеской пары, у них появляется чувство завершенности и удовлетворения. Повторяющийся успех способствует построению стабильной средней позиции, из которой легко получить общую фигуру внимания⁸. Гештальт-теория малых систем предполагает, что эта стабильная средняя позиция помогает системе развивать свои сильные стороны в будущем.

В идеале супружеская пара или семья учится фокусировать внимание на своем интерактивном цикле, получает навык формирования ясной общей фигуры и приобретает опыт завершения ситуации.

Для прохождения интерактивного цикла с минимальным сопротивлением необходимы особые навыки. Такие навыки приводят к следующим результатам.

1. Границы одного человека, подсистемы и полной системы становятся ясными и подвижными. Возможен их хороший и свободный контакт.

2. Члены семьи или супружеской пары примиряются с тем, что отличаются друг от друга. Они начинают уважать различия между ними и поддерживают открытое выражение своих чувств и мыслей.

3. Супруги или члены семьи получают навык поддержки друг друга, выражая уважение и принятие.

4. Супруги или члены семьи признают собственную борьбу и с сочувствием относятся к борьбе другого. Они учатся взаимному уважению и терпимости.

5. Они могут пребывать в настоящем, а также завершать взаимодействие, прежде чем начинать что-то новое, и распознавать торможение в процессе своего взаимодействия.

6. Они развивают в себе выносливость к жизненным перегрузкам.

7. Они проявляют взаимный интерес к чувствам и взглядам друг друга, способны смело и решительно, а иногда и весело, находить выход из затруднительных ситуаций.

Роль терапевта в семейной терапии

Гештальт-терапевт принимает участие в интерактивном цикле семьи или супружеской пары в качестве наблюдателя. Фигурой внимания терапевта может стать определенная фаза цикла, потому что семейная система слишком гладко проходит эту фазу, либо потому что в этой фазе проявляется неосознанное сопротивление или прерывание контакта. Цель терапевтической интервенции состоит в том, чтобы пробудить у участников осознание того, как они взаимодействуют между собой. Терапевт сообщает им об их сильных сторонах, о том, что они уже умеют делать хорошо, и только затем – об их слабых позициях, о том, чему им следует еще научиться.

В течение первой беседы супругов или членов семьи терапевт стимулирует интерес и любопытство системы к процессу их взаимодействия, для того чтобы научить их замечать, каким образом они вступают в контакт. Затем терапевт помогает им преодолеть сопротивление, тем самым восстанавливая работу нарушенной системы.

Гештальт-терапевт старается научить супружескую пару или семью принимать участие в процессе взаимодействия и бороться за то, чтобы улучшить продвижение по интерактивному циклу. Семейного гештальт-терапевта можно назвать участником-наблюдателем, с преобладанием позиции наблюдателя.

Наблюдение за интерактивным циклом семейной системы нужно терапевту для того, чтобы определить уже существующие ее навыки, а также ее недостатки и сопротивление. Терапевт, в свою очередь, ориентируется на свою собственную реакцию – его чувства являются важной частью феноменологического материала для терапии.

В качестве "участника" терапевт организует терапевтическую ситуацию таким образом, чтобы супруги или члены семьи общались непосредственно друг с другом и меньше обращали внимание на него самого. Такой образ действий дает терапевту свободу наблюдать и оценивать способы общения своих пациентов. Впоследствии терапевт использует свои наблюдения и реакции, для того чтобы выбрать фигуру внимания, провести интервенцию таким образом, чтобы участники запомнили некоторые аспекты процесса. Это может стать полезным для пациентов, так как они узнают больше о самих себе и своей собственной проблеме. В результате терапевт приводит в движение живой процесс осознания, открывая людям глаза и давая им больший простор для выбора.

Семейный терапевт предлагает пациентам эксперименты, создающие новые ситуации, из них супруги или члены семьи могут извлечь уроки нового поведения, новых чувств, новых открытий⁹. Клиенты учатся использовать свое новое осознание "здесь и сейчас", в присутствии терапевта-"тренера" и свидетеля. Они учатся расширять свой опыт.

Терапевт может проводить эксперименты в любой фазе цикла, когда необходимо научиться чему-то новому. Он может обнаружить место, где границы становятся слишком размытыми (конфлюэнтными и смещенными) или слишком жесткими (напряженными и непроницаемыми), и предложить клиентам эксперимент, чтобы изменить взаимоотношения между двумя людьми или частями системы.

Терапевт может рассказать присутствующим о своих собственных переживаниях, связанных с происходящим, используя свое воображение, чтобы спровоцировать новое осознание и новый взгляд на самих себя. Терапевт также выявляет полярности и работает с ними, обращая на них особое внимание.

И наконец, гештальт-терапевт одобряет, уважает и ценит любые усилия присутствующих, то есть все, что происходит в его кабинете. Терапевты – это люди, которые склонны сочувствовать другим. Они должны служить примером для своих пациентов.

Заключение

Рискуя показаться банальным, хочу сказать: эффективность терапии основывается на эффективности интервенций. Эффективность интервенции, в свою очередь, конечно, целиком зависит от *версий* терапевта и его способности осуществить их на практике. Версии терапевта базируются на осознании терапевтом происходящего, а также на феноменологическом материале, который он получает на протяжении цикла опыта. Но какова версия каждой интервенции? Ответ заложен в “логике” нашей теории и практики: это направление и поддержка позитивных изменений системы, что дополняется изменениями в индивидуальном и коллективном осознании (поскольку эти понятия имеют место в любой системе). Однако наша теория изменения опирается исключительно на осознание, которое мы очень подробно рассмотрим в следующей главе.

5. ОСОЗНАВАНИЕ И ИЗМЕНЕНИЯ*

[[[* Эту главу я написал под эгидой Международного гештальт-центра в Тортоле (Британские Вирджинские острова) в 1985 году. Я хочу выразить благодарность Эдвину Невису за консультации и помощь.]]

Никто не может войти в одну и ту же реку,
ибо все новые и новые воды втекают в нее.
Гераклит

Каждая семья или супружеская пара претерпевает изменения, сталкиваясь с различными событиями жизни. Дети рождаются, растут и покидают родительский дом; люди женятся и расходятся; близкие болеют и умирают; появляются внуки; люди теряют работу и находят новую. Через семью постоянно проходит огромный поток информации: школа, газеты, телевидение, книги, новые друзья, новые места. Здоровая семья постоянно меняется.

Когда семья или супруги не могут принимать изменения соответственно обстоятельствам, а процесс их взаимодействия перестает быть подвижным и становится скорее застойным, тогда они начинают испытывать трудности. У них появляется тревога (энергия отторгается от осознания), или они начинают делать что-то постороннее (поведение не соответствует их потребностям), или у них могут появляться физические симптомы (блокированная энергия). Такие семейные системы нуждаются помощи и часто сами ищут ее.

В семейной терапии позитивные изменения могут возникать, когда участники начинают проявлять интерес к своему интерактивному процессу; когда они вовлечены в борьбу за осознание того, что происходит; когда они работают над разрешением своего сопротивления.

Детерминизм и идеализм

История психоанализа и психотерапии в целом опираются на понятия роста и изменения с помощью осознания. Это значит, что неосознанный материал выходит на свет и пробуждает к жизни изменения. Осознание создает возможности для выбора. Действуя неосознанно, человек, как правило, поступает наивно, слепо и не имеет сознательного выбора. Возможность осознанного выбора философы называют *свободной волей*.

Возможно, отношение к осознанию и выбору как к неперенным условиям изменений

нашей жизни и судьбы выглядит слишком оптимистично. Тем не менее, я свято верю: лучшего можно достичь только с помощью выбора, а это становится возможным только при глубоком осознании. Я утверждаю: когда люди знают и осознают, чего они хотят от самих себя и других, они могут сделать лучший выбор для себя и других.

Углубление осознания, расширение сознания и ответственность за свой выбор – все эти условия являются философскими опорами не только гештальт-терапии, но и всех психодинамических направлений терапии.

Можно ли предвидеть все возможные изменения? Если это так, то нам достаточно найти все множество определяющих факторов данного явления, а затем влиять на него. Возможно ли это в системе, где существует несчетное множество различных условий, где в каждой системе имеются subsystemы, изменяющие друг друга в любых возможных сочетаниях? Мир был бы устроен слишком просто, если бы человеческие системы были предсказуемы².

На рис. 5.1 показано, как выглядят системы, в данном случае — открытые системы.

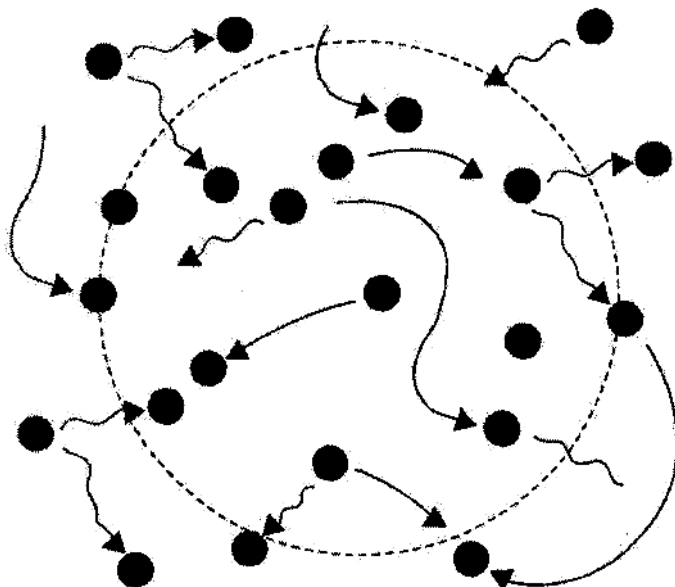

Рис. 5.1. Типичная открытая система

Причины и следствия можно определять только произвольно из-за их бесчисленных сочетаний в данном поле. У систем нет простых причинно-следственных характеристик, их нельзя упростить до детерминированных моделей изменения поведения³. Детерминированная модель изменения, игнорирующая осознание и сопротивление, может выглядеть как модель, изображенная на рис. 5.2.

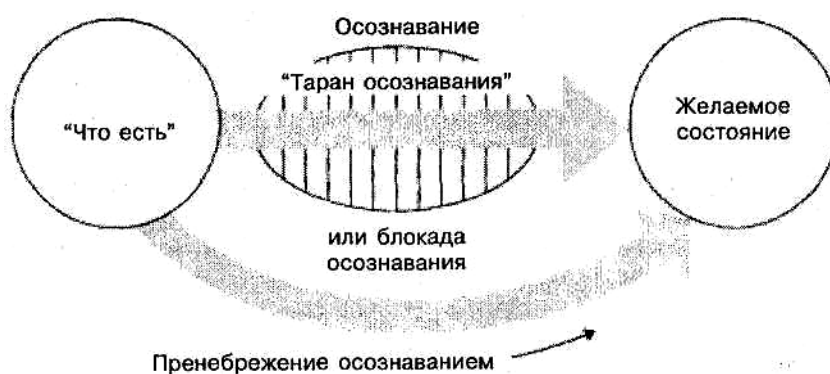

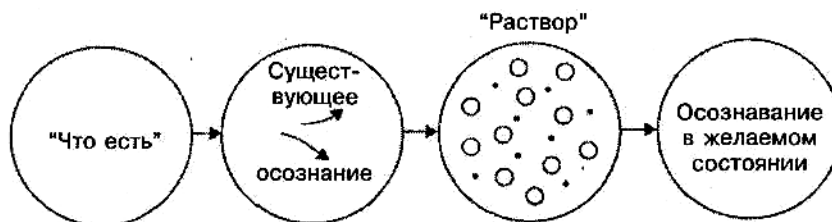
Рис. 5.2. "Таран осознания"

Осознание

Некоторые психологи, например бихевиористы, не считают, что изменения предполагают ответственность за выбор поведения. Клиент или клиентская система изменяются без активного участия в этом процессе. Когда терапевт "протаранивает" сопротивление, он не добивается согласия клиента на тот или иной эксперимент, а попросту просит его сделать что-то, что может привести к более адаптивному поведению. Пренебрежение осознанием бывает в терапии, адресован-

ной к подсознанию пациента: ему просто дают команду делать то, что вызвано определенным стимулом. Это происходит при постгипнотическом внушении: "Когда в следующий раз ваша мама будет давать вам советы, вы сначала поблагодарите ее, а затем станете делать то, что считаете нужным. Просыпаясь утром, вы не будете думать и беспокоиться об этом. Это будет происходить только тогда, когда вы говорите со своей матерью".

Другой метод, который не подключает к работе систему осознания, – растворение существующего осознания. Человека как бы погружают в раствор, а затем из этого раствора реконструируют в нужном состоянии. Эта модель похожа на изображенную на рис. 5.3.

**Рис. 5.3. Разложение осознания
(Осознание как средство окончания)**

Здесь мы видим технику, которая свободно использует парадоксальные объяснения, рассказы, допускает "безумства" или ненаправленные интервенции, заставляющие клиентскую систему заново проанализировать себя, а затем увидеть в новой перспективе или другом масштабе. Это, в свою очередь, ведет к желаемому состоянию осознания⁴. Осознание рассматривается в данном случае как средство выхода, а не как терапевтическая цель сама по себе. Фокус внимания заостряется на результатах, а не на осознании как таковом. Блокада осознания или борьба за поиск смысла чего-либо не принимаются в расчет в угоду быстрому продвижению к желаемому состоянию.

Люди меняются, не сознавая причин данного процесса. Они могут чувствовать удовлетворение, не зная почему. Когда данная процедура повторяется снова и снова, нежелательное поведение часто исчезает само по себе. Лично я не отрицаю важности возвращения к болезненным симптомам. Милтон Эриксон описывает случай, который произошел с одним студентом-медиком и его невестой, когда оба они страдали от энуреза⁵. Эриксон блестяще справился с этой проблемой, используя очень простую технику внушения и парадокса⁶, и пара перестала мочиться в постель. Можно считать это терапией, облегчающей стресс, за которой следует индивидуальная или супружеская терапия, направленная на повышение осознания пары⁷.

Феноменология понятия "здесь и сейчас"

Детерминированные модели успешно применяются для стимуляции функциональных изменений, но они эффективны для достижения значимых изменений, так как здесь необходимо апеллировать к причинности, а не к тому, что существует в данный момент. Много лет назад на Гарвардских беседах один поэт сказал своим слушателям:

"У вас нет ни малейшего понятия о том, как быть *здесь и сейчас*, одному и самому. Почему, спросите вы, кто-то должен хотеть быть здесь, когда простым нажатием кнопки каждый может побывать в пятидесяти местах одновременно? Зачем кому-то хотеть быть сейчас, когда любой может пуститься в путешествие во времени, покрутив ручку?.. Что касается желания "быть самим собой"... Кому это надо, когда, вместо того чтобы быть самим собой, вы можете быть сотней или тысячей, а может быть, и миллионами людей? Сама мысль о том, чтобы быть самим собой в эпоху изменчивых "я", может показаться в высшей степени причудливой... Помни только одно: это ты и никто другой определяешь свой удел и решаешь свою судьбу. Никто не может быть живым за тебя так же, как нельзя быть живым за другого"⁸.

Термин *феноменологический* означает, что психофизиологический процесс, который переживает человек, не равен ему самому; измерение "здесь и сейчас" добавляет личному феномену сиюминутность. Этот феномен составляет личный мир человека. Когда люди умирают, их осознание непременно прекращается, весь их мир перестает существовать навсегда. Феноменологически *этот* мир приходит к концу.

Сегодня выражение "здесь и сейчас" превратилось почти в клише. Его употребляли, чтобы извлечь из человека мгновенное осознание, как будто у людей всегда есть возможность делиться своими переживаниями. Этот тезис стал способом вымогать чувства с помощью нескольких ключевых слов. Карл Роджерс еще давно отметил, что феноменологический мир – это мир переживаний. Итак, я есть то, что я чувствую в данный момент. И если вы прямо сейчас спросите, что я чувствую, а я скажу: "Ничего", то вы можете сделать вывод, что в данный момент моя жизнь окрашена в "ничто", я внутри чувствую "ничего", и то, что я чувствую внутри, вы можете толковать как оценку моего общения с вами в данный момент. Значит, вместо того чтобы просто принять это "ничего" других людей, некоторые терапевты и лидеры тиранически требуют большего, как будто сами никогда не отвечали на этот вопрос.

Переживание "здесь и сейчас" начинается с ощущений. У организма с небольшим объемом коры головного мозга сенсорная функция является основной, и познавательный процесс не развивается. У человека все не так. Сенсорные процессы превращаются в автоматизмы, а познавательные развиваются и совершенствуются: "Я вижу свет. Это светло-желтый свет. Он струится от настольной лампы вниз. Он напоминает мне графин с дорогим виски".

Мы позабыли, что наш язык имеет чувственные корни и что наши слова происходят от конкретных чувств. Мы же часто относимся к словам так, будто они и есть главные чувства. Постоянное обращение с абстрактными понятиями отторгает нас от сиюминутного воздействия нашей собственной реальности¹⁰. Довольно трудно находиться в контакте с простыми ощущениями в автоматизированном потоке жизни, который постоянно подает второстепенные сигналы и делает нас пассивными.

Феноменологическая реальность настоящего носит преходящий характер. Даже при глубинном осознании и ясной памяти не существует способа по-настоящему жить и чувствовать вчера или завтра. Мы лишь временно "пришвартованы" к данному моменту, а образы вчерашнего дня уже окрашены этим настоящим: они похожи на почтовую открытку, приклеенную в альбом, – визуальное напоминание, лишь некоторое "подобие" реальности. Прошедшие моменты нашей жизни лишены настоящего пульса, особенно если мы пытаемся облечь их в словесную форму. Мы можем вложить в них жизнь, переживая их *сейчас* как актуальные события. Память оживает, когда она приходит в движение. Таким же образом мы можем оживить фантазию, мечту или предчувствие. Но такое проигрывание переживаний прошлого нельзя смешивать с реальными событиями, которые происходят или должны произойти в данный момент. Оно неотделимо от нас.

Феноменологическая реальность всегда существует только прямо сейчас. Масштаб нашего пребывания "здесь" определяется феноменологическим пространством, которое занимают наши ощущения и средства, распространяющие эти ощущения. Если мы пребываем в контакте с чем-то, находящимся вовне, расстояние между нами и этим объектом феноменологически сокращается, мы ощущаем объект ярко и остро. Динамическая точка, на которой мы встречаемся с объектом, называется *границей контакта*. Объект, который ощущается как негативный, может быть отвергнут и визуально сокращен: "Между нами дистанция".

Феноменология "здесь и сейчас", тем не менее, предъявляет наиболее сильные личные ощущения в данный момент времени и пространства.

Переживание текущего момента – дело сугубо личное. Никто на свете не в состоянии пережить за нас наши внутренние ощущения. Тонко чувствующие люди выражают свои актуальные переживания, и они могут тронуть нас. Но если мы начинаем интерпретировать их, чтобы найти "настоящий" смысл поведения этого человека, ясность и непосредственность его переживаний утрачивается. Выдающийся смысл понятия "здесь" заключается в том, что мы как индивидуумы являемся единственными владельцами собственной феноменологической жизни. Переживаемое "здесь и сейчас" не существует в вакууме, оно принадлежит определенному отдельному человеку – мне.

Содержание моего переживания так же важно для меня, как переживание другого человека важно для него. Не существует "хороших" или "плохих" человеческих переживаний, они просто есть как таковые.

Коротко выразив мое представление о феноменологической реальности, я готов представить вам собственную модель феномена интерактивного осознания, которое снабжено энергией и действием в рамках этой реальности.

Осознание, энергия и действие

Что такое осознание? Как оно возникает? Как оно нарастает? Каким образом "полное осознание" приносит изменения? Действительно ли изменение линейно или оно имеет три измерения? Фрейдовская модель осознания выглядит как айсберг, лишь отчасти всплывающий над по-

верхностью (см. рис. 5.4.).

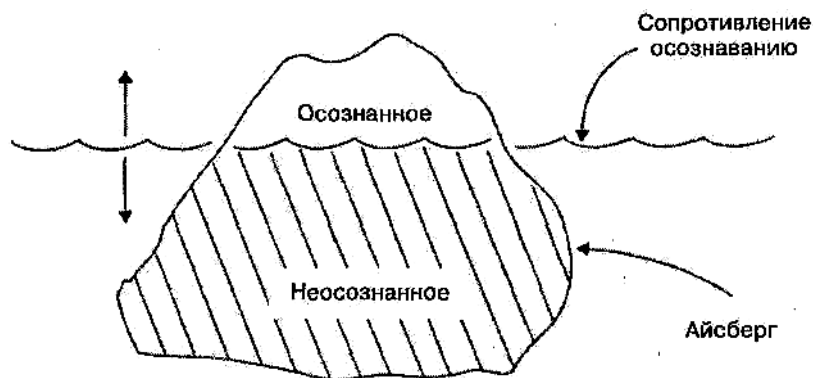

Рис. 5.4. Фрейдовская модель осознания

Эта модель указывает на несколько важных представлений об осознании: во-первых, в основном мы живем *неосознанно*; во-вторых, осознание может иметь три измерения; в-третьих, оно находится в движении; в-четвертых, мы должны иметь дело с нашим сопротивлением знанию. Из данной модели не явствует, что осознание можно расширить или сократить, что оно может стать более сложным или более ясным и многослойным¹¹. Несомненно, что осознание не является линейным, как это показано на рис. 5.5.

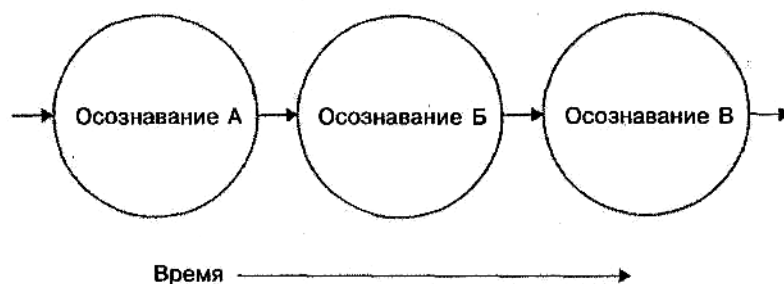

Рис. 5.5. Линейная модель осознания

Осознание постоянно меняется: оно организует стимул, попадает в четкий фокус внимания (формирование фигуры), выделяет энергию и возбуждает действие (контакт), рассеивается (выход) и затем ищет новый стимул. Этот процесс должен повторяться несколько раз, пока мы будем способны соединить ряд наших переживаний одновременно, давая ход одним и сдерживая другие (рис. 5.6).

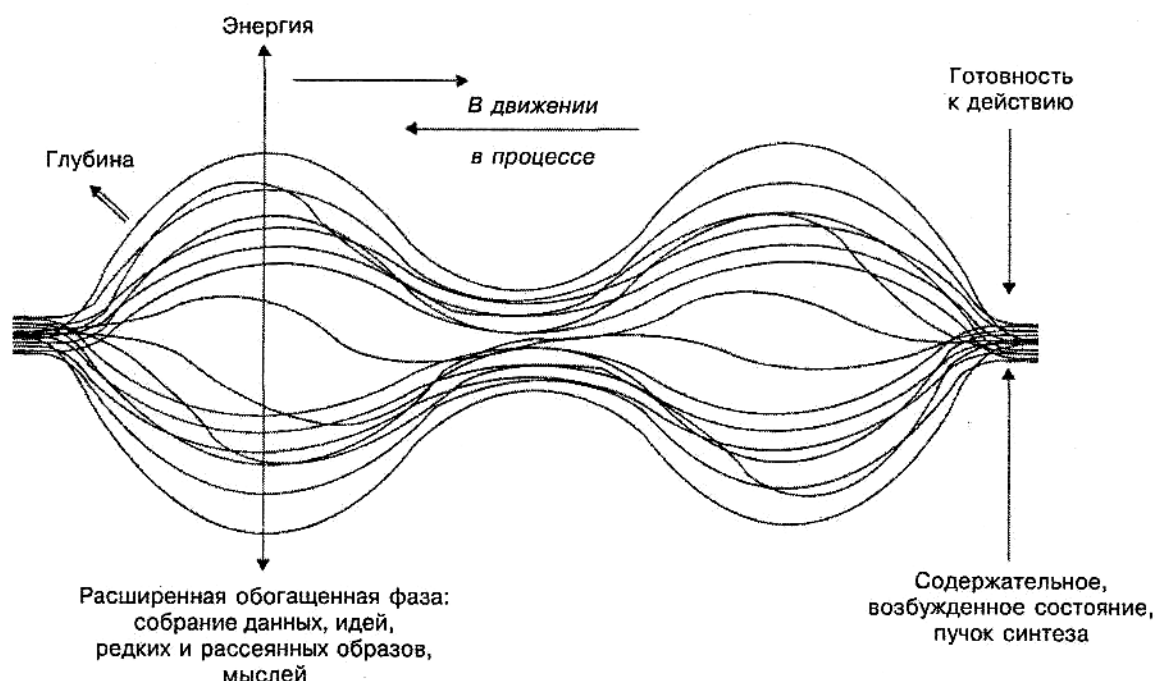

Рис. 5.6. Динамическое состояние осознания

Расширенная обогащенная фаза: собрание данных, идей, редких и рассеянных образов, мыслей

Содержательное, возбужденное состояние, пучок синтеза

Эта модель похожа на две луковицы, расположенные горизонтально и соединенные стеблями и корнями. Луковицы ориентированы от центра к периферии и постоянно дополняют друг друга живительными соками. Когда аналитическая основа сужается, а мышление становится очищенным, сфокусированным и синтезированным, возникает готовность к действию.

Осознание расширяется и сужается. Конфигурации возникают как сложные и по-разному организованные группы, а затем преобразуются в отточенные образы, от которых может отталкиваться потенциальное действие. Расширение следует за очищением, ритмично организуя переживание, действие и т.д.

Когда осознание слишком слабое по глубине и разнообразию, действие будет напряженным, несогласованным и нерешительным. Здесь существует колебание или двойственность в поведении, схожем с поведением ребенка, понуждаемого что-то сделать, но не знающего, как поступить, и смущенно переминающегося с ноги на ногу. Таким же образом ведут себя супруги или члены семьи, которые не стараются уловить чувства и соображения друг друга. Если в данной ситуации не возникает достаточного общего осознания, действия, исходящие от такой системы, будут слабыми. Они не получают поддержку от всей семьи и работают без энтузиазма и удовлетворения.

Когда осознание системы не глубоко и не все ее участники вовлечены в этот процесс, групповая энергия ослабевает, на некоторых членов выпадает большая доля усилий по разрешению ситуации. Например, пока некоторые члены семьи тяжело трудятся, другие слоняются по дому, жалуются на жизнь и явно не способствуют корпоративному процессу. В результате пара или семья представляют собой слабый союз, они не чувствуют удовлетворения, им сложно принимать общие решения. Когда в семейной системе нет полного осознания, в ней возникает эффект домино. Неглубокое осознание не создает достаточно энергии для того, чтобы выполнить данное задание. Малое количество энергии объясняется недостаточностью осознания. Действие же бывает слабым, потому что оно не снабжено достаточным количеством энергии.

Если осознание протекает беспрепятственно, оно постоянно изменяется. В психотерапии наблюдение на этом процессом помогает клиентам полностью ясно высказывать свое осознание (обратная связь). Они получают послание: "Ваше осознание себя и мира хорошее и полезное. Оно прекрасно вам служит, помогает вам выживать и двигаться вперед". Клиент начинает понимать: "Мои мысли и чувства имеют право на существование. Мой организм помогает мне понять мой внутренний мир и придает смысл моим чувствам и переживаниям. Я чувствую себя состоятельным, мне хорошо". Клиенты могут продолжать исследовать свою жизнь, высказывая то, что

они уже поняли. В тот момент, когда они начинают что-то понимать о себе, им уже интересно, что будет дальше. Так бывает, когда прочитаешь главу увлекательной книги и хочется повернуть страницу, чтобы узнать, что же произошло дальше (рис. 5.7).

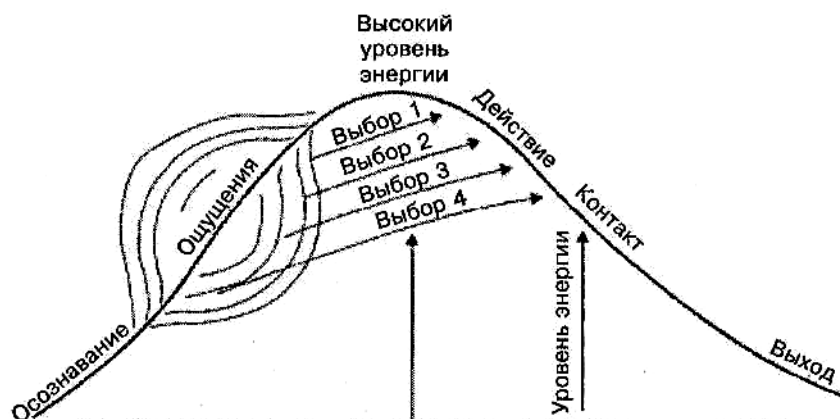

Рис. 5.7. Цикл опыта в фокусе осознания

Открытое осознание дает широкие возможности выбора для данного действия. Супружеская пара или семья свободны делать то, что кажется им справедливым. Их действия становятся более сильными, ясными, решительными, основательными и длительными. В этом случае они обладают достаточным количеством энергии, чтобы поддержать действия системы.

Джон и Нелли Матинсоны: синхронное осознание

Молодые Джон и Нелли все время спорили о сексуальности и подвергали сомнению привычные представления об этом. Джон родился в ирландской католической семье и боролся с чувством вины за мастурбацию. В школе он злился на монахинь, которые заставляли его думать о "пролитой сперме" как о грязном и греховном деянии. Нелли росла в Новой Англии в семье атеистов, которых не особенно заботило, каким образом надо заниматься любовью.

Запрещенные чувства разжигали страсть Джона, в то время как Нелли в моменты близости вела себя более рационально. "Сегодня ночью у меня не было оргазма, – могла сказать Нелли своему мужу. – Ну и что, ничего страшного!" Но Джон знал, что занятия любовью без оргазма не вызывают у Нелли энтузиазма, а когда она достигает пика наслаждения, оргазм очищает ее кожу, раскрывает поры, горло и возможно даже душу. В такие моменты она просто пылает.

Джон и Нелли много говорили на эту тему. Они обнаружили, что Джон часами, а иногда даже днями, мечтает об этом, прежде чем подойти к Нелли. В отличие от своего мужа, Нелли никогда не предавалась сексуальным фантазиям. Она была поражена признанием Джона и попросила его поделиться с ней своими фантазиями. Тогда он стал рассказывать Нелли о своих сексуальных образах даже по телефону, отрывая ее от работы и нашептывая ей свои фантазии. Такие разговоры возбуждали ее задолго до встречи с ним.

Через несколько недель Нелли стала сама звонить Джону, чтобы сказать ему, как она "вдыхает аромат его мужских рук". Сексуальная энергия супругов нарастала, и они продолжали практиковаться, сообщая друг другу, когда они хотят заниматься любовью. Часто они ждали неделями, прежде чем подойти друг к другу. В этот период они могли испытывать блаженство даже от простого прикосновения.

Они не просто открыли для себя возможность делиться образами и фантазиями, которые возбуждали их обоих, вместе они получили некую яркую сексуальную энергию, которая неизбежно покидала их, когда они получали удовлетворение после любви. С тех пор Нелли уже не считала, что оргазм не имеет для нее значения, а Джон больше не чувствовал себя "гадким мальчишкой", когда чувствовал силу своего возбуждения и удовлетворения.

В начале своего супружества они рисковали создать стереотипные семейные отношения: неуверенный муж, который просит у жены любви, как одолжения, и жена, уступающая ему по доброте душевной, но без всякого удовольствия. Растущее осознание сексуальных фантазий привело их к ожиданию взаимного возбуждения. Вместе они обнаружили в себе искусство синхронности в сексуальном притяжении и энергии либидо. Они нашли множество способов удовлетворения друг друга, и не только в постели.

Изменение и парадокс

В 1970 году в своей статье, посвященной изменению, Бейссер дал следующее определение изменению: *"Изменение происходит тогда, когда человек становится тем, кто он есть, а не тогда, когда он пытается стать другим"*¹². Эдвин Невис так определил роль терапевта в изменении клиента: *"Изменения происходят не тогда, когда кто-то в принудительном порядке пытается изменить себя или другого. Они происходят тогда, когда человек тратит время и усилия для того, чтобы стать тем, кто он есть, чтобы полностью соответствовать своей реальной позиции. Отказываясь от роли агента изменения, мы делаем возможным осмысленное и правильное изменение"*¹³.

Что же происходит, когда мы говорим, что смотрим на то, "что есть" в семье или супружеской паре? Мы даем им возможность исследовать то, что они испытывают, что сделано, какие действия производятся, какие чувства и ощущения выражены и справедливы, а также то, что можно отставить в сторону¹⁴. Мы побуждаем клиентов увидеть и почувствовать доброту, пользу и творческие возможности того, что они обнаружили, исследуя самих себя. Супружеские пары и семьи часто не в состоянии увидеть положительные качества и состоятельность своего актуального положения. Они прежде всего переживают свои трудности.

Когда супруги или члены семьи начинают признавать свою состоятельность даже в неприятных ситуациях, они возвращают себе чувство собственного достоинства и решимость, которые не осознавали прежде. Это, в свою очередь, придает им смелости посмотреть на то, что было утрачено в их системе, а что является их сильной стороной. Они могут сказать: "Это мы делаем хорошо, но платим за это слишком высокую цену. Может быть, нам попробовать делать это по-другому, и мы не будем чувствовать себя так одиноко". Глубокое внедрение в то, "что есть", позволяет путешествию продолжаться и продвигаться к тому, что является оптимальным и более приемлемым для супругов или семьи.

Парадокс заключается в том, что чем больше семейная система переживает то, "что есть" и как это происходит (а не то, как это "должно" быть), тем происходит больше изменений, которые могут привести к улучшению совместной жизни (рис. 5.8).

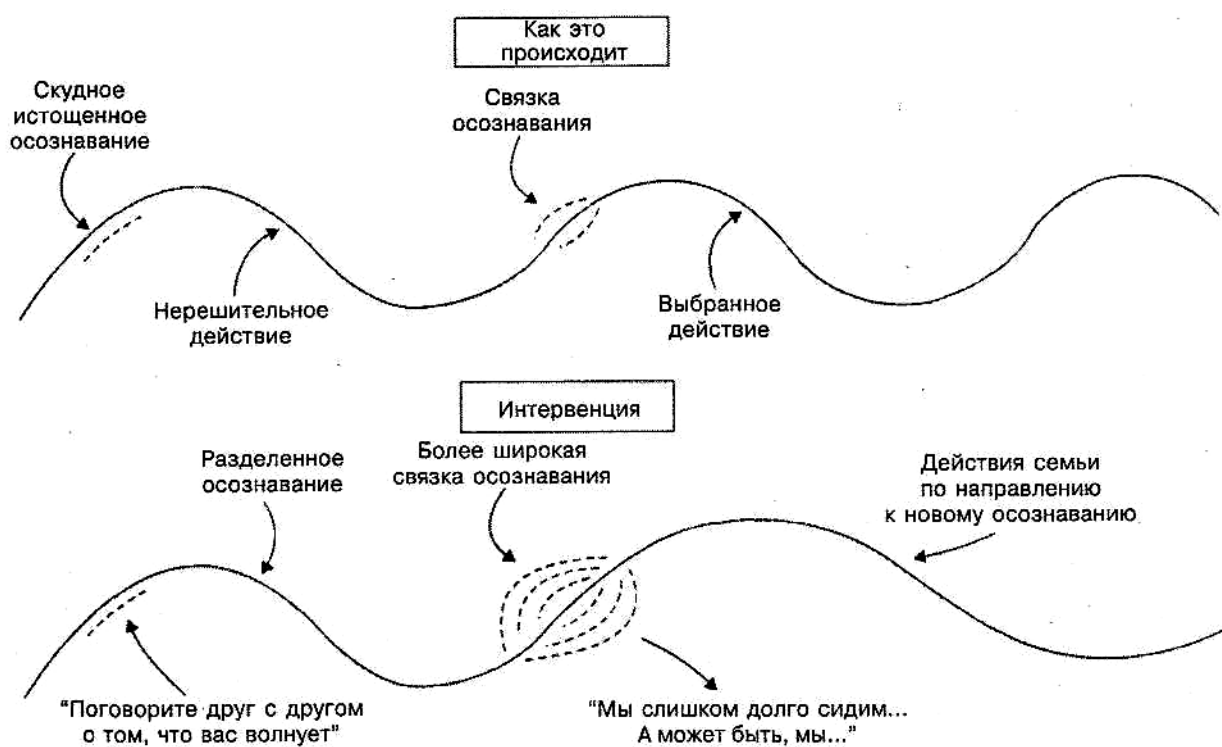

Рис. 5.8. Парадоксальная теория изменения

С другой стороны, чем активнее подталкивание семьи к изменениям, тем больше их сопротивление. Принятие того, "что есть", является "краеугольным камнем" моей терапевтической позиции. В качестве терапевтов мы настраиваем себя на осознание и любопытство к паре или семье. Мы также стараемся возбуждать их любопытство к самим себе, к их взаимоотношениям, к тому,

что им интересно. В тот момент, когда они в состоянии смотреть друг на друга и исследовать себя, они включаются в процесс изменения. Уровень их совместного осознания меняется. Чем богаче и полнее осознание, тем больше у них выбор, а, соответственно, больше шансов к хорошей жизни.

Осознание и сопротивление

Изменение часто бывает неприятным. Обычно человек или семья имеет достаточно жесткую конструкцию. "Я добрый человек"; "У нас в семье близкие отношения" – такие определения закрепляются на долгие годы. Представления о себе или своей семье иногда формируются еще предыдущим поколением, дедушками, бабушками, обществом, культурными традициями.

Семья Мадьяр. Осознавая изменение границ

Они жили в индустриальном бедном районе города и наблюдали, как к их соседям наведывались сборщики налогов, социальные работники и местная полиция. Их дедушка и бабушка эмигрировали из Европы, и спустя долгие годы пребывания в Америке они по-прежнему говорили на родном языке. Они тяжело работали, чтобы утвердиться в чужой стране, стараясь держаться на плаву, не принимая помощи от посторонних. Родители, Грегор и Дотти, говорили по-венгерски, чтобы сохранить свою автономность, их дети знали, что друзьям нельзя рассказывать семейные секреты.

Грегор работал на заводе, Дотти была домохозяйкой. Они стыдились своей бедности и периодических запоев Грегора. Он старался скрывать свои запои, а жена защищала его от детей. Они не хотела говорить им, что он болен. Двое маленьких детей, Майк и Тереза, выполняли довольно тяжелую работу по дому. Они часами драили полы, меняли постельное белье, вытирали пыль, ходили в магазин, мыли посуду. Уроки они делали уже поздно вечером. Они были "хорошими детьми".

Усвоив семейную скрытность, Майк научился не говорить дома о своих неприятностях в школе. Ведь если бы его мать случайно узнала, что он прогуливает школу, он получил бы хорошую трепку от отца.

Обладая такой замкнутостью, все члены семьи чувствовали себя как за каменной стеной. Чужих детей редко пускали в дом, хотя брат с сестрой не переставали сетовать на изоляцию от сверстников. Они утешали себя тем, что у них "самые лучшие родители в квартале".

Таким было их определение хорошей семьи – определение, которое многие годы поддерживало их представление о самих себе. На первых порах "закрытость" сослужила семье Мадьяр хорошую службу. Но позже, когда их жизнь улучшилась и они стали принадлежать к среднему слою общества, они по-прежнему продолжали вести себя таким же образом, ничего не меняя в своем укладе. Они упорно продолжали отворачиваться от мира, тесно прижимаясь друг к другу.

Отец семейства получил должность менеджера на заводе, у матери появилось много свободного времени, их соседи были спокойными и дружелюбными. Майк и Тереза собирались поступать в университет. Однако традиция жизни "за каменной стеной" оставалась неизменной, несмотря на то, что она уже не имела для семьи никакого смысла. Потенциальные возможности интересной и открытой жизни не признавались. Замкнутость семьи упорно сохранялась, приобретая для ее членов какую-то отдельную значимость, утратившую какую бы то ни было практическую силу. Все родственники как будто хотели запихнуть друг друга в один и тот же пиджак, несмотря на то, что у каждого было достаточно своей одежды.

Когда терапевт начал задавать вопросы или толковать смысл той или иной конструкции семейной системы, у семьи возникло здоровое сопротивление: "Разве вы не видите, что ваши тесные отношения вовсе не означают настоящую близость?" Такой атакующий метод диагностики и интерпретации мобилизовал усилия семьи защищать свой особый способ существования, который сослужил им хорошую службу и долгие годы был для них лучшим руководством к действию, пусть и дорогой ценой. В ответ на атаку терапевта семья начала защищать свою целостность. Интервенция, основанная на интерпретации патологических симптомов, стимулировала и мобилизовала сопротивление. Члены семьи почувствовали, что на них совершено нападение, испугались и начали обороняться. В ответ на усилия вызвать насильственное осознание в системе терапевт встретил упорное молчание или вежливое поддакивание.

Что же здесь не так? В конце концов, члены семьи сами пришли за помощью к терапевту, и терапевт предложил им то, что кажется полезным для решения их проблемы. Тем не менее, форма такого предложения не признает за ними их достоинства и собственных усилий по решению проблемы. Ведь описанная "близость" вызывает в семье не только трудности — часто она действи-

тельно бывает наилучшим способом совместного выживания.

Семейный гештальт-терапевт прежде всего должен предоставить семье возможность принять и по достоинству оценить природу и качества их собственного стиля совместного существования. Семейная терапия должна создавать атмосферу, в которой члены семьи могли бы исследовать свои собственные ощущения этой близости, чтобы почувствовать свою состоятельность и осознать свою полноценность. Только когда коллективное осознание семьи разворачивается или открывается, ее члены начинают чувствовать себя настолько комфортно, чтобы задать себе более трудные и провокационные вопросы: "Что же мы сделали или не сделали? Почему запутались в своих проблемах?"; "Почему наша близость не помогает нам жить лучше?"; "Как мы дошли до такой жизни?"

Импульс, энергия и желание измениться должны исходить от самой семьи. Энергия возникла, когда терапевт впервые предложил участникам поговорить *друг с другом* о чем-то, что волнует всех. Опыт общения "здесь и сейчас" позволил им испытать себя в присутствии доброжелательного свидетеля. Когда на вопрос "Что важно для всех вас?" терапевт получил много одинаковых ответов ("*Это наша близость*"), семья Мадьяр оживилась и начала слушать внимательнее. В этот момент терапевт провел следующую интервенцию:

Терапевт: Я заметил, что когда вы говорите друг с другом, каждый готов обсуждать мнения другого. Вы задаете друг другу множество вопросов. Видно, что вы не остаетесь равнодушными, если кто-то обижается. Вам важно находить согласие друг с другом и быть вместе. Могу предположить, что когда вам трудно, это дает вам возможность чувствовать себя сильнее. Вам действительно хорошо вместе.

Вот пример работы на уровне семейного осознания и поддержки того, "что есть", – поддержки семейного осознания как такового. В ответ на это каждый участник издает вздох облегчения, каждый чувствует, что к нему хорошо относятся, уважают его интересы, понимают его.

Терапевт чувствует удовлетворение, просто поддержав семью Мадьяр, затронув семейную тему, подтолкнув их к осознанию этой темы, которая прежде не была ими осознана. Он проявляет подлинное уважение и великодушие к любой семье, независимо от того, насколько плохо, казалось бы, она организована.

В свою очередь, члены семьи начинают испытывать к терапевту особое расположение и доверие. Они также чувствуют свою заинтересованность в процессе терапевтического исследования. Терапевту удалось "зацепить" их. Что же произошло с сопротивлением? Семье Мадьяр больше нечему сопротивляться. Они услышали свои глубоко запрятанные голоса, прозвучавшие с помощью терапевтической интервенции. Почувствовали, что взаимно дополняют и понимают друг друга. Терапевт только объясняет, "что есть", что дано и излагает это простым языком, чтобы клиенты могли легко понять его. Терапевт скорее движется вместе с системным процессом, нежели подталкивает его. Отказавшись от роли агента изменений, терапевт служит сочувствующим свидетелем, который наблюдает и усваивает способ существования семьи Мадьяр. Терапевт "скользит" вместе с семьей, а не идет против ветра.

Прежде, если к Мадьярам обращались посторонние, особенно если те рассказывали о себе, они, как правило, доброжелательно выслушивали собеседника, храня вежливое молчание. На данном этапе терапии их сопротивление свелось к минимуму, потому что они восприняли терапевта как поддерживающую фигуру, которая может понять их искренние усилия упрочить "добропорядочность" семьи.

Лишь на следующей сессии терапевту удалось предпринять усилия, чтобы помочь семье Мадьяр увидеть другую сторону медали – другую сторону "близости". Он задал им такой вопрос: "Какова цена вашей сговорчивости и близости? Сколько каждый из вас платит за это? Есть ли такая цена?"

Повышение уровня осознания означает, что мы рассматриваем не только то, *что происходит*, но также и то, что *не произошло*; не только то, "*что есть*", но и то, "*чего нет*".

Первоначально создалось впечатление, что отец не слышал вопросов терапевта, он просил их повторить. Терапевт задает вопрос снова, и после неловкого молчания Тереза отважилась ответить.

Тереза (украдкой смотрит на родителей): Мне не разрешают ходить к Мэри.

Майк: Мама, почему мне приходится болтаться на кухне, когда я уже все сделала?

Семья Мадьяр начинает задумываться над некоторыми трудными вопросами о недалекой видности их близости. Терапевт старается избежать раздвоения, симпатизируя и родителям, и де-

тям.

Терапевт: Получается, что никто из вас не может испытать радость от общения с внешним миром и людьми, пока вы так крепко держитесь друг за друга. Прав я или нет? (*Предоставив им возможность сопротивляться, терапевт добавляет.*) Возможно, я вижу все в другом свете.

Грегори: Время от времени мы с Дотти ходим в кино, и дети тоже выходят из дома, если им хочется.

Дотти (тихо): Я всегда очень беспокоюсь за Терезу, боюсь, что она может подружиться с плохими детьми.

Когда мы сталкиваемся с подобным сопротивлением, это означает, что семье требуется больше времени, чтобы ассимилировать новое осознание. Кроме того, для того чтобы разрушить прежние построения и сделать скачок вперед, им необходима дополнительная поддержка. Терапевт чувствует потребность семьи в большей поддержке и признает тонкий баланс между потребностями детей и родителей.

Терапевт: Безусловно, я вижу, что вы хорошие родители. Вы по-настоящему заботитесь о благополучии своих детей. Но, с другой стороны, у Терезы и Майка возникает законный вопрос: каким образом они могут встретить хороших детей? Они в таком возрасте, когда им необходимы социальные контакты.

Итак, обе стороны высказались, баланс не нарушен.

Терапевт: Поговорите друг с другом еще немного. Попробуйте выяснить, как вы можете продолжать заботиться друг о друге и одновременно давать каждому возможность проводить чуть больше времени вне семьи.

Все выглядит очень просто, однако эта простота обманчива. Наш подход содержит чрезвычайно мощную трехшаговую формулу интервенции, которая была продемонстрирована на примере предыдущей сессии. Об этой формуле мы еще поговорим в следующей главе. Теперь я лишь перечислю все "что, как и почему" моей терапевтической стратегии.

1. Терапевт побуждает семью говорить друг с другом о том, что волнует всех членов семьи. Это дает участникам возможность понаблюдать за уровнем осознания в рамках собственных границ. После сбора достаточного количества феноменологических данных терапевт высказывает клиентам ряд своих наблюдений. *Это первая интервенция.* Наблюдения основаны на реальном материале. Цель терапевта – поддержка семьи, ее состоятельности, положительных качеств и творческого начала; все это доводится до сознания членов семьи.

Терапевт дает семейной системе время на реакцию, чтобы ее члены могли найти нужные выражения и обогатить осознание самих себя. Терапевт не идет против течения – он плавно движется вслед за нарастающей энергией семьи. Когда семья начинает чувствовать поддержку, она становится участницей терапевтического процесса.

2. Затем терапевт фокусирует свое внимание на другом аспекте состоятельности семьи – на том, какую цену они платят за свои добродетели. *Это вторая интервенция,* она выявляет негативную сторону работы системы – ее несостоятельность. Часто она поднимает на поверхность основной пласт трудностей, и здесь терапевт может ожидать появления сопротивления в виде отвержения, стыда, чувства вины, гнева или простого непонимания. Это слабое место, где осознание может затормаживаться. Терапевт обсуждает эту тему с семьей и задает много вопросов.

Возникшее сопротивление всегда получает поддержку терапевта. Семье необходимо тщательно "прожевать" полученную пищу, а не "заглатывать" ее целиком. Опытные практики знают: если супружеская пара или семья слишком быстро и с большой готовностью принимает его точку зрения, обучения и изменения не происходит. Все части системы получают равную поддержку. Интервенция должна быть сбалансирована. Такой подход сводит к минимуму¹⁵ поляризацию в системе, а также уменьшает сложности в отношениях между системой и терапевтом. Родители получают поддержку в своей озабоченности и тревоге за детей, а дети – одобрение их потребностям общаться с миром. Только когда "узаконены" потребности всех членов семьи, система в состоянии двигаться дальше.

3. Терапевт может двигаться дальше, задавая вопросы о том, что можно сделать (пользуясь тем, что уже усвоено), чтобы изменить негласные правила и ослабить границы между семьей и окружающей средой. Для этой цели гештальт-терапевт использует эксперимент. *Это третья интервенция*¹⁶.

Когда семейное осознание обогащается, у семьи появляется больше выбора и больше возможных вариантов действия. Семья генерирует свою собственную энергию, ее твердое решение – дать детям свободу – могут поддержать все члены семьи.

Мистер Мадьяр стал играть в футбольной команде своей компании, а миссис Мадьяр решила принять участие в образовательной программе для взрослых.

Заключение

Обобщая пройденный материал, снова перечислим парадоксы нашей теории изменений.

1. Изменения произойдут, если вы будете поддерживать то, “что есть”, а не то, “что должно быть”.

2. Если вы будете поддерживать сопротивление к изменениям, то встретите слабое сопротивление, и тогда изменения произойдут.

Богатое осознание позволит системе функционировать подвижнее — как внутри своих границ, так и во взаимодействии с внешним миром. Тогда члены семьи будут развиваться в собственном направлении, не оставляя заботу друг о друге. Работа с сопротивлением и управлением границами постепенно собирает мозаику нашего подхода. К этой теме мы обратимся в следующей главе.

6. СОПРОТИВЛЕНИЕ КОНТАКТУ

Все счастливые семьи похожи друг на друга,
каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Лев Толстой

У каждого человека есть свое представление о счастливой семье. Счастливая супружеская пара или семья имеет характерные приметы, которые мы можем отметить и, возможно, даже согласиться с ними. Что же это за приметы? В чем они проявляются? Итак, супруги:

- слушают друг друга
- имеют собственные чувства и мысли
- обмениваются своими мыслями и приходят к согласию
- спрашивают друг друга, прежде чем принимать решение
- без страха соглашаются или не соглашаются друг с другом
- приспосабливаются друг к другу
- борются за то, что “правильно” и “хорошо” для каждого из них
- начинают, продолжают и завершают обсуждение плана и лишь затем дают ему ход
- делятся своей болью, интересами, сожалениями, обидами, нежностью, разнообразными потребностями и желаниями
- умеют принимать “да” с благодарностью, а “нет” — легко и без обиды
- переходят от одних переживаний к другим без “торможения”
- отказываются от того, что невыполнимо
- смеются над собой
- влияют друг на друга
- поддерживают интересы и проекты друг друга
- гордятся достижениями друг друга или сострадают неудачам
- уважают суверенитет друг друга и в тоже время приходят на помощь, если кто-то испытывает боль
- помнят о проблемах другого, когда они принимают серьезный оборот
- терпимо относятся к причудливым или новаторским идеям друг друга и мечтают вместе.

Соответствовать такому поведению необычайно трудно. Во-первых, это тяжелая работа. Во-вторых, супруги и семьи в основном плохо обучены искусству семейной жизни. Ведь обучение одного поколения – дело предыдущего. Плохие навыки семейной жизни переходят от одного поколения к другому, как предрасположенность к заболеванию или “фамильный порок”. Поскольку эти плохие навыки по большей части не осознаются, мы обнаружили, что каждой силе, которая тяго-

теет к хорошей семье или супружеству, противодействует равная сила, отталкивающая нас от этого, вызывая сопротивление хорошему контакту с супругом или членами семьи. В-третьих, осознание некоторых вещей вызывает слишком болезненные, непереносимые переживания, а некоторые действия слишком трудно совершить.

Непереносимое осознание и слишком трудные действия

Мы часто не слышим друг друга: слишком болезненно и страшно знать разоблачительную правду о себе и близких. Об этом трудно заговорить и трудно слышать.

Мы отвергаем мысли и чувства, связанные с обидой, ревностью, злобой, упрямством, глупостью, стыдом, мелочностью, эгоизмом, склонностью преувеличивать, замкнутостью и т.д. Слышать все это от других также трудно.

Мы не делимся своими соображениями друг с другом, чтобы прийти к соглашению, возможно, мы не хотим отступаться от своего мнения и идти на компромисс. А может быть, потому, что всякий раз, когда мы делали это в детстве, нас наказывали, стыдили, игнорировали, обижали, обзывали глупыми и упрямыми, а затем оставляли страдать в одиночестве. Теперь эту боль слишком трудно выпустить наружу.

Мы не задаем друг другу некоторых вопросов, чтобы не получить отпор или из страха показаться глупыми. Мы не хотим услышать ответы, которые заставят нас страдать. При этом мы боимся обнаружить собственные, глубоко спрятанные секреты, которые могут причинить нам боль. Мы можем осознать, как плохо поступали или несправедливо относились к кому-то. Такие переживания оказываются слишком болезненными, чтобы находиться в сознании и сердце.

Мы можем не принимать различий между нами и нашими близкими, потому что просто непереносимо признать, что жена, муж, отец или брат "такие", что они черствые, наивные, нерешительные, глупые, противные, узколобые или эгоистичные. Зачем нам знать об этом? Такое осознание может оказаться просто бедствием, оно причиняет слишком сильную боль.

Зачем нам бороться за что-то, если мы постоянно "пропадаем" в своем прошлом, где были слишком слабыми или неуклюжими и не могли противостоять родителям, сестрам или братьям, жене или мужу? Зачем нам сближаться с другими, если когда-то в прошлом нас обозвали "эгоистичными"? Зачем нам бороться за что-то, если нас все равно перехитрят и сделают по-своему? И зачем нам отстаивать свое мнение, если в прошлом наш голос не слышали, не понимали или не брали в расчет?

Список наших неосознанных отказов бесконечен. В нас живет несчетное количество отторгнутых переживаний и разочарований. Наше неосознанное "я" несет в себе одни лишь травмы.

Сопротивление контакту

Легко говорить о личностном росте как о замечательном процессе, освобождающем и расширяющем сознание человека. Однако не так легко увидеть, что происходит на самом деле, и не так легко нести ответственность за то, что сделал или не сделал. Жизнь с осознанием неизбежных потерь своих близких и своего собственного ухода часто просто непереносима. Полное осознание – тяжелое бремя. И, тем не менее, знание – это благо, даже если оно причиняет боль¹. Не удивительно, что большинство из нас частично спит. Такое "сонное бодрствование" является способом защиты от мировой скорби. На языке гештальт-терапии мы называем это явление *сопротивлением контакту* или *сопротивлением осознанию*. Таким образом, сопротивление – это тип контакта, который позволяет человеку избегать прямого контакта в угоду сохранению контакта с чем-то другим. Несознание становится для организма "меньшим из двух зол". Однако я хотел бы представить вам и традиционное определение сопротивления как динамическую форму избегания контакта и осознания².

Мы никогда не будем одиноки в своем сопротивлении. Оно развивается в нашем детстве вместе с нашей семьей и распространяется на наши актуальные взаимоотношения с людьми. Для сопротивления нужны по крайней мере двое, а в блокаде сознания может принимать участие вся семья. Сопротивление работает как адаптивный механизм выживания. Оно принимается и развивается сознательно или бессознательно в домашней среде и бывает как врожденным, так и приобретенным.

Феноменология сопротивления

Любое развитие порождает сопротивление, и поскольку переживания человека находятся в постоянном движении, они также сталкиваются с внутренним сопротивлением. Наше внутреннее

сопротивление переживается как нежелание изменять привычный способ существования. Видеть утешение в том, что существует постоянно, вполне естественно. Когда процесс постоянных изменений развивается плавно и безопасно, это утешает нас. Такие изменения усиливают самоощущение.

К сожалению, *сопротивление* рассматривается обычно как некое дополнение к отвержению. Мы можем сопротивляться определенному способу поведения, идеям, отношениям или какому-то взгляду на вещи, однако сами мы воспринимаем это как действие, направленное на охрану, поддержание и усиление собственного "я" и нашей психологической целостности. А что мы сами думаем о своем сопротивлении изменениям? Быть может, мы отстаиваем свой внутренний мир? Это и есть феноменологическое определение *сопротивления* – определение, которое делает ударение на ценности внутренней жизни человека, его собственных переживаний.

Здесь мне бы хотелось сделать несколько существенных замечаний. Процесс нашего существования постоянно сопровождается изменчивыми состояниями наших потребностей и цикла их фрустрации/удовлетворения. Обладая очень сложным и легко программируемым организмом, мы можем научиться блокировать удовлетворение потребности. Блокирование может происходить на любом уровне процесса "заглатывания" и усвоения, включая сенсорный аппарат, железы и другие внутренние органы, мышцы и такие жизненно важные процессы, как дыхание. Блокирование происходит также и на корковом уровне в форме размышлений, навязчивых идей и повторяющихся стереотипных мыслей. В этом и заключается *фиксация*. Фиксация блокирует поступательное развитие организма. Всю психопатологию можно рассматривать как обширное и хроническое прерывание пространственно-временного процесса, с помощью которого организм легко движется к достижению всего спектра своих потребностей. Уродливое поведение имеет свои особые характеристики, то, что кажется нам "болезнью", на самом деле является состоянием, которое приспособляется к блокаде.

Несмотря на то, что человеческий организм так сложен, его составляющие – нейроны и другие клетки – дискретны и ограничены. Прочность человека определяется степенью его управляемости, обусловленности и способности систематически хранить получаемую информацию. Организм склонен навсегда сохранять свою функциональную стабильность. Однако на другом полюсе живет стремление организма к изменениям.

С одной стороны, человеческий организм склонен к привычному, повторяющему поведению, с другой – он постоянно сражается за улучшение своей участи. Большая часть нашей энергии уходит на напряжение между этими двумя противоборствующими силами. Любая технология, которая намерена изменить поведение человека, непременно столкнется с тем, что в основе любого поведения будет лежать сопротивление. С чем бы мы ни сталкивались – с сопротивляющейся или сотрудничающей стороной организма, – сопротивление свидетельствует о том, что у нас есть тенденция двигаться по направлению к мотивационному центру. Все части и силы организма структурно и функционально соединены вместе таким образом, чтобы каждую минуту стремиться к ощущению целостности.

Виды сопротивления

В главе 4, посвященной интерактивному циклу, я описал процессы, происходящие с людьми на оптимальном уровне, когда они чувствуют, "проживают" и завершают любое событие. Я также затронул тему сопротивления, которое теперь буду рассматривать очень подробно, с особым вниманием к его интерактивному и функциональному аспектам. Интерактивное сопротивление, в первую очередь, прерывает процесс в различных фазах интерактивного цикла. В этом случае супружеская пара или семья не может участвовать в беседе, не в состоянии осуществить задуманное дело или получить удовлетворение от завершения начатого, не может двигаться к чему-то новому. Давайте рассмотрим все возможные способы достижения неосознанной блокады на каждой фазе цикла.

В начале фазы осознания чувства организуются в определенные переживания двух людей. Люди слышат голоса друг друга, могут ощущать взаимные прикосновения, чувствовать запах и даже вкус другого, если находятся в тесном соприкосновении. С помощью таких стимулов включается осознание: появляются и распознаются потребности, чувства выходят из фона и становятся фигурой внимания, а идеи развиваются и позже дают о себе знать.

Сопротивление, возникающее в чувственной фазе цикла, называется *десенсибилизацией**. [[[*Снижение или блокирование чувствительности.]. В этом случае люди рассеянно смотрят друг на друга, слушают реплики собеседника поверхностно или не слушают вовсе. Они либо избегают прикасаться друг к другу, либо, прикасаясь, блокируют ощущения в своем теле, сознании и сердце. Острота контакта исчезает еще прежде, чем появляется возможность понять друг друга.

Застревая на раннем этапе интерактивного цикла, супруги или семья начинают скучать, чувствовать раздражение, свою эмоциональную и интеллектуальную отстраненность от происходящего. Супружеская пара или члены семьи не побуждают друг друга к общению, они лишь присоединяются к всеобщей домашней скуке и раздражению. Они принимают скуку как способ жить вместе, не называя это скукой, считая ее чем-то вроде "серости", наполняя ее, к примеру, цветным экраном телевизора или чем-то другим отвлекающим. Система перестает ценить выражения чувств и мыслей. Она проживает свою скучную жизнь и чувствует безопасность, накрепко заключая себя в узкие рамки индивидуальных границ.

Десенсибилизированные семьи или пары стараются не травмировать друг друга и оберегают самих себя от вторжения извне, переставая чувствовать. Они добиваются этого ценой неосознавания того, что теряют в своей жизни.

Главным видом сопротивления в фазе осознания является *проекция*. Проекция существует, когда один человек, не задавая вопросов, воссоздает информацию о другом. Другой не сообщает эту информацию, но и не опровергает проецируемую. Например, человек, создающий проекцию, может сказать: "Ты, наверное, голоден. Я приготовлю еду"; или: "Ты, наверное, замерзла. Я включу отопление". Для проекции необходимо наличие другого человека, который не дает информацию о себе и позволяет другому "додумывать" за него. Этот человек не скажет: "Нет, я не замерзла"; или: "Я совсем не голоден", такие люди не испытывают желания прояснить ситуацию.

В жизни проективных семей или супружеских пар чаще всего отсутствует синхронность: тот, кто склонен к проекции, движется быстрее, а тот, кто является объектом проекции, заторможен и реагирует замедленно, всегда бесстрастен и терпелив. Если я спрошу вас: "Не голодны ли вы?", а вам понадобится много времени, чтобы это обдумать, я стану проявлять нетерпение и могу не дожидаться вашего ответа. Если вы достаточно долго ждете и не хотите решить, чего же вы на самом деле хотите, я заполню эту брешь по своему усмотрению. Я живу в более быстром темпе, нежели вы, и не могу сказать: "Похоже, тебе нужно время подумать. Хорошо, я подожду, пока ты примешь решение". Поэтому склонный к проекции человек поторопится сказать: "Ну ладно, *давай обедать!*"

Когда вы проецируете свои переживания на другого, вы делаете некоторые предположения, и если вы оказываетесь не правы, то можете попробовать еще раз. Когда, наконец, ваши предположения оказываются правильными, оба человека могут двигаться дальше. Если один человек начинает спрашивать другого: "Ты голоден?", а другой ничего внятного не отвечает, первому подчас ничего не остается, как самому принять решение готовить еду или идти куда-нибудь обедать. Но если принятие решения за другого становится хроническим, эти двое останавливаются в своем развитии и между ними никогда не происходит ничего нового.

Проекции имеют тенденцию повторяться, потому что желания другого человек заменяет своими. Отношения между членами семьи, мужем и женой становятся стереотипными, безжизненными, с небогатым набором вариантов. Как правило, у супругов или семей, поддерживающих проективный стиль жизни, есть "хваткий" лидер и пассивные равнодушные последователи. Такие отношения не предполагают никаких споров или живых обсуждений. Однако молчаливые соглашатели могут накапливать возмущение и проявлять его в неожиданных вспышках неудержимого гнева.

Если между членами такой семьи и существует согласие, оно оказывается слабым, безжизненным и все происходящее в семье воспринимается и ценится лишь частично: они идут в ресторан, в то время как один из них не голоден; приглашают в гости двоюродного брата, которого кто-то не любит, и при этом кто-то третий вообще предпочел бы пойти в кино. Очевидно, что такой семейный "праздник" в лучшем случае обернется большой скукой, а в худшем – мучением. Аналогичный сценарий можно распространить на любые другие семейные решения или действия. Здесь проблема заключается в нарушении процесса совместной жизни, а не в содержании происходящего.

Самый ленивый способ сопротивления осознанию – *интроекция*. В этом случае одна сторона насильно "скармливает" другой идеи или решения, а другая "заглатывает" все это целиком, не "прожевывая". Интроекция предполагает очень небольшие затраты энергии по сравнению с тем количеством энергии, которая нужна для того, чтобы задавать вопросы или приводить встречные аргументы. Усилия, необходимые для того, чтобы действительно прийти к общему мнению, требуют времени и энергии. Когда человек заранее соглашается со всем, что ему предлагают, он почти не тратит энергии.

Так же, как и проекция, интроекция избегает дискуссий. В интроективной семье принято жить по старым правилам и не придумывать новых. В таких семьях процветает апатия и безынициативность. Стабильно суженное осознание дает членам семьи или супругам обманчивое чувство безопасности. Конформность к установленным правилам порождает нечто вроде семейной летаргии. Это может происходить как со всей системой и с ее внутренними подсистемами, так и с от-

дельными членами этих образований. Люди в таких системах склонны подчиняться авторитету. Они могут повторять, к примеру, суждения из средств массовой информации или других официальных источников. Они стремятся жить "правильно", в соответствии с уже установленными общественными нормам, не делая никаких творческих усилий и не высказывая никаких независимых суждений. Они, как правило, придерживаются общих стандартов. Если они устраиваются на работу, то в первую очередь озабочены правилами поведения. Их прежде всего беспокоит, "что подумает шеф", они не думают о принятии собственного решения, потому что "правильное решение" и есть "то, что подумает шеф". Они становятся хорошими чиновниками, солдатами и "жертвами рекламы".

Ретрофлексия – еще один способ, при помощи которого семья избегает осознания и контакта. Ретрофлексия возникает в фазе энергии/действия интерактивного цикла. Энергия членов семейной системы необходима для того, чтобы поддерживать совместную жизнь и активно двигаться к намеченным целям. В ретрофлексивных семьях или супружеских парах люди поворачивают на себя то, чего они хотели бы от других членов семьи. Они сдерживают гнев, агрессию и сексуальные переживания и не просят поддержки, утешения и внимания. Каждый чувствует себя неким образом изолированным и в то же время замыкается во внутренней борьбе.

Такая внутренняя борьба часто локализуется в мышцах, голосовых связках или других частях тела, которые потенциально могут быть выразителями тех или иных чувств. Люди несут в своем теле застывшую энергию, зарабатывая при этом множество соматических симптомов. Им кажется опасным позволить другому переживать или предложить другому помочь выйти из затруднительного положения. Таким людям легче укрыться за работой, алкоголем или наркотиками, чем открыто взглянуть в лицо родителям, мужу или жене, сестре или брату.

Члены ретрофлексивной семьи или супружеской пары изолированы друг от друга. Они не делятся друг с другом своими обидами или болью и не предлагают свое тепло или утешение. Их личные границы малоподвижны. Они слишком заботятся о собственной независимости, каждый живет сам по себе, замкнутый в своем одиночестве. Самодостаточность в таких семейных системах ценится больше, чем общительность.

Субсистемы в ретрофлексивных семьях в целом имеют схожие характеристики. Границы подобных систем непросто пересечь. Таким людям нелегко попросить помощи у соседей, друзей или терапевта. С такой же неохотой они откликаются на зов людей из внешнего мира. Они редко ходят на вечеринки, посещают общественные места. Члены семьи стараются спрятать себя в психологической крепости.

Легко себе представить, какие системы удерживают свою энергию в случае фрустрации. Контакт между членами семьи сведен к минимуму, они почти не делятся друг с другом значимым или личным. Кроме того, они изолированы от окружающего их сообщества людей. Члены таких семейных систем живут "за семью печатями" как по отношению к миру, так и по отношению друг к другу. Мать говорит детям: "Не говорите об этом отцу", а сестры и братья утаивают друг от друга свои секреты. Взрослые не делятся с детьми своими чувствами, мыслями или планами. Дети стараются не задавать взрослым лишних вопросов. Интеллектуальный климат в этих семьях бывает унылым и неинтересным. При этом, как это часто бывает, их личные признания отправляются в дневники или иное тайное творчество. Для таких систем характерны болезни, чувство вины и другое деструктивное поведение. Тем не менее, на людях у них всегда все в порядке. За чувство безопасности и автономности они платят дорогой ценой хронического одиночества⁴.

Такие люди обычно принадлежат к "сильному и молчаливому" типу личности и ценят собственную автономность. Они редко присоединяются к каким-нибудь командам, союзам или объединениям, так как им не свойственно выражать свое мнение вслух. Их непроницаемое выражение лица не позволяет понять, что они знают и о чем думают. Они живут так, как будто находятся в постоянном противоборстве со всем миром.

Дифлексия, или уклонение – еще один вид сопротивления, с помощью которого семья или супружеская пара избегает развития в фазе контакта интерактивного цикла. Таким способом люди избегают общения, переводя контакт в другую плоскость, не вызывающую тревоги⁵. Я приведу два типичных примера из жизни моей собственной семьи, которой в большой степени была свойственна дифлексия.

Джозеф (приветствуя своих родителей после долгой разлуки): Мое путешествие закончилось! Привет! Привет! Я так соскучился!

Отец: Привет, что случилось с твоими волосами? Почему ты не постригся?

и второй...

Джозеф (после того, как его матери сделали операцию): Как ты себя чувствуешь? Я так волновался за тебя.

Мать: Мне было немного больно. А теперь скажи мне, останешься ли ты на выходные?

Вместо того чтобы устанавливать прочные отношения, участники рикошетом парируют реплики друг друга. Не замечая дифлексии, система старается принимать незавершенное действие как должное. Семьи и супруги с дифлексией находят безопасную тему для разговора, чтобы достичь взаимного удовлетворения. Одно переживание растворяется в другом и исчезает. Это дает слабое движение и прочный результат. Границы между людьми размыты, плохо установлены, и таким образом членам такой системы удается избегать межличностного дискомфорта.

Дифлексия – это безумный и головокружительный способ общения, потому что члены семьи или муж с женой не имеют нормальных полноценных отношений друг с другом. Их голоса, путешествуя от одних ушей до других, прерываются на полуслове, постоянно перескакивая с темы на тему. В крайних проявлениях члены таких семей говорят все одновременно, и никто из присутствующих не чувствует интереса к себе или причастности к происходящему.

Конфлюенция, или слияние – совсем другой вид сопротивления. Это явление характерно для фаз осознания, разрешения и выхода интерактивного цикла. Конфлюенция является основным способом неприятия различий между людьми. В фазе осознания люди, не оглядываясь, приходят к соглашению, даже не обсуждая мнения друг друга. Похожая ситуация возникает и в фазе разрешения, где требуется различение и разделение каждого голоса.

Конфлюентные семьи также имеют тенденцию к ретрофлексии. Как и при ретрофлексии, они слабо руководствуются соображениями друг друга и не отличаются искренностью. В таких семьях царит род интеллектуальной лени, когда люди не желают думать всерьез о том, что говорится вокруг. Они могут легко согласиться с едва “пропеченной” идеей, которая при близком рассмотрении может не иметь никакого смысла. Любовь к ближнему – такая работа, которая предполагает несогласие друг с другом, а в результате дает им возможность прийти к лучшим и свежим решениям. Конфлюенция всегда препятствует таким совместным усилиям и тем самым препятствует возникновению опыта совместной жизни и любви. Энергия в таких системах нейтрализуется.

Конфлюентные и дифлективные семьи не делают ничего, чтобы могло привести к настоящей близости, возникающей в результате взаимного противостояния, когда люди настаивают на том, чтобы быть услышанными, провоцируют друг друга на агрессию или симпатию, спорят, принимают или не принимают чью-то сторону в решении сложных проблем. Диффлексию и конфлюенцию характеризуют стереотипные выражения любви, в которой нет доверия, потому что оно никогда не подвергается испытаниям. Люди в таких семьях не могут полностью считаться друг с другом или чувствовать настоящую солидарность в своем маленьком сообществе.

В последней части цикла, фазе выхода, членам конфлюентной семьи или супругам трудно отпустить друг друга. Они “прилипают друг к другу”, “повисают на шее”, так как боятся малейшего разделения. Им страшно оказаться без опоры. Существуют служащие, например агенты по продаже или рекламе, которым платят за то, что они умеют манипулировать своей любезностью и услужливостью. Таких людей обычно называют соглашателями, они настолько сильны в своих дипломатических качествах, насколько боятся конфликтов. И естественно, что стремление к слиянию обычно возникает у людей, которые настолько незащищены или не осознают своей силы, что боятся любого воздействия извне.

Теперь, внимательно взглядевшись в различные проявления сопротивления, мы можем заметить, что сопротивление служит защитой от душевной боли, травмы, дискомфорта, тяжелых столкновений и отвержения. Вместе с тем мы видим, какую цену приходится за это платить: безразличие, интеллектуальная скудость, энергетическое истощение, депрессия, утрата чувства юмора и веселья, чувство неудовлетворенности – вот что характерно для различных форм сопротивления (см. табл. 6.1).

Таблица 6.1. Общие определения: сопротивление, сотрудничество, поддержка

<i>А: Фаза/ модель/ сопротивление</i>	<i>Б: Сопротивление, возникающее в фазе цикла или перед ним</i>	<i>В: "Сотрудничество"</i>	<i>Г: "Поддержка системы "</i>
---	---	----------------------------	--------------------------------

Возбуждение/ десенсибилизация	Блокирование чувств с помощью ослабления рецепторов, включая избирательный слух, тактильное бесчувствие, неспособность различать слабые или даже очевидные качества других. Результаты: скука и отсутствие интереса.	Поддержание сниженных стимулов из окружающей среды; принятие скуки как должного.	Отсутствие стимулирующих культурных характеристик системы; обесценивание/страх возбуждения.
Осознавание/проекция	Приписывание другим своих собственных мыслей, чувств, убеждений и т.д. Результаты: внутренние переживания воспринимаются так, как будто они принадлежат другому.	(а) Человек, склонный к проекции; (б) реципиент, который может (1) предложить мало информации и ограничивает попытки получить ее; (2) принимает проекцию без протестов.	Ограниченное общение и язык; обесценивание обсуждений; никакого обмена осознанием.
Энергия/интроекция	Принятие идей, информации, ценностей, убеждений и т.д. без различения. Поведение, при котором человек считает, что он "должен" действовать, не задавая вопросов. Результаты: идентификация с окружающей средой и нивелирование собственного "я".	(а) Человек, склонный к интроекции; (б) донор, который насильно "скармливает" мнения, инструкции и т.п. своему реципиенту. Может сопротивляться усилиям по деструкции и ассимиляции, например, с помощью убеждения.	Важность привычного поведения со слабыми требованиями к современной системе ценностей, отвечающей актуальной ситуации. Отсутствует энергия для отбора.
Действие/ретрофлексия	Поворот энергии вовнутрь. Человек делает с собой то, что хотел бы сделать с другим или с окружающей средой. Избегание агрессии или проявлений недовольства. Сохранение самодостаточности, а по сути — насилие. Результаты: самодеструктивное поведение, болезни и чувство вины.	Принятие соматизации эмоций/возбуждения без различения (например, гнев, направленный вовнутрь, вызывает головную боль). Члены семейной системы ничего не предлагают. Никто ни о чем не просит.	Переоценка самодостаточности и межличностных границ; поддержка системы и усиление физических симптомов как выражения чувств.
Контакт/дифлексия	Уход в сторону от собственных или чужих чувств с помощью отклонения внимания от такого контакта. Снижение напряжения или внимания к контакту.	Принятие уклонения; удовлетворение "незавершенным действием". Желание начать новое дело, не завершив старое.	Подкрепление посторонних тем для контакта; болезненная охрана границ, что позволяет ограничить контакт внутри системы; обесценивание конфликта внутри системы; словарь системы не содержит конфликтных слов, таких, например, как спор, ссора, обида и т.п.
Разрешение/конфлюенция	Размывание границ между собой и другими или окружающей средой. Отказ от различия и отъединения собственного "я".	Отдельное существование переносимо; "повисание" на другом; согласие находиться постоянно вместе.	У системы отсутствует опыт разрешения; системные механизмы, или ритуалы, противостоят агрессии или несогласию. Ценность: "Не расшатывай лодку".
Выход/конфлюенция	Трудности, возникающие в тот момент, когда нужно дать другому уйти — "зависание" на контакте без учета энергии, необходимой для переживания контакта.	Партнеры испытывают тревогу перед разъединением и не могут отпустить друг друга; они боятся отделения и различия; слишком долгое рукопожатие — "мертвые руки".	Система, в которой пассивности и спокойствию противостоят ритуалы и процесс, который отрывает их, например, долгие обсуждения, пока не будет достигнуто единообразие мнений.

Источник: Все права на представленные материалы принадлежат Lester P. Wyman, Ph.D. Copyright 1981, Gestalt Institute of Cleveland, Inc.

Семейная терапия в основном сосредоточивается на неосознанных силах. Цель терапии заключается в том, чтобы подвести сопротивление к осознанию таким образом, чтобы семья или супружеская пара могла выбрать для себя более приемлемые способы контакта. Задача терапевта – вызвать у своих пациентов любопытство к тому, как они справляются с этим явлением, чего они

избегают и какую цену платят за такую безопасность. А поскольку мы оптимисты, мы всегда надемся на то, что такое осознание действительно вызовет изменения к лучшему. Часто так и происходит, и мы всегда очень рады подобным изменениям.

Семья Франклин: работа с сопротивлением

Этот рассказ поможет нам поговорить о сопротивлении в контексте данной ситуации. Давайте рассмотрим, как терапевт работает с сопротивлением и избегает мобилизации сопротивления у семьи Франклинов. У этой семьи сопротивление выражено не сильно. Контакт достигнут, и все члены семьи свободно задают друг другу разные вопросы. Однако похоже, что под видом контакта им позволено вторгаться за личные границы другого. Когда человеку задают слишком много вопросов и он начинает чувствовать, что ему навязывают контакт, вправе ли он отказаться говорить о чем-то слишком личном? Что можно считать допустимым в нормальной семье?

Отцу семейства сорок три года, он преподаватель, а матери сорок два, она врач. У них трое сыновей: Мэту семнадцать, он собирается поступать в колледж, Лэсу пятнадцать, он еще учится в школе, а Джерри двенадцать.

Мэт: Я не хочу никаких обидных выпадов.

Мать: Я тоже не хочу, правда, я никогда не знаю, что может тебя обидеть. Когда ты заговорил об этом, я стала представлять себе, что ты чувствуешь.

Отец: Все, что здесь происходит, важно для нас.

Мэт: А я и не говорю, что не хочу разговаривать о чем-нибудь важном. Просто мне кажется, вы могли бы заметить, что у нас есть определенный настрой...

Отец: Все это прекрасно, и я это приветствую, но я совершенно не понимаю, где здесь обидные выпады.

Мэт: Я думаю, вы оба знаете, что это такое. Это когда скажешь что-нибудь и думаешь: "Зачем я это сказал?" Вот вам пример: когда я уехал с Крисом на каникулы, вы дали мне понять, что недовольны.

Отец: Согласен. Ты прав, было бы разумнее обходиться без подобных вещей. Но мне кажется, для разговоров о том, что мы чувствуем, двери должны быть распахнуты. Ведь если мы говорим о своих чувствах, это не значит, что мы хотим обидеть друг друга.

Мэт: Хорошо.

Сопротивление членов семьи происходит на *осознанном* уровне. Так как членам семьи трудно определить или понять, что такое "обидные выпады", у них возникает ощущение тайны. Тайна порождает проекции, потому что общий смысл не найден.

Интроекции возможны тогда, когда кому-то просто сообщают информацию, а он не задает вопросов, или кто-то обижен чем-то и принимает это, не высказывая претензий.

Решение проблемы может проходить еще несколькими способами: вы можете отрицать обиду или оправдывать ее. Вы также можете удивляться, что кто-то обиделся на вас, обесценивая сказанное другими, или, наоборот, сожалеет об этом.

Терапевт: Я хотел бы сказать вам, что просто поражен, как быстро вам удалось найти интересующую всех тему. Вы поговорили, проработали ее и пришли к согласию. Это здорово. Большинство семей не умеют так активно и быстро разрешать свои проблемы. Мне было приятно видеть, что вам это удастся. А сами вы замечали, с такой легкостью вы справляетесь с возникающими в вашей семье трудностями?

Фокусируя свое внимание на сильной стороне и состоятельности семьи, терапевт оказывает ей поддержку: "Посмотрите, какие вы хорошие! Посмотрите, как легко вам удается справляться со своими проблемами! Я поражен!" Ведь понятно, что не любая семья может позволить чужому человеку стать участником их жизни.

Но если этот человек говорит им: "Ребята, я знаю, какие вы хорошие, и все у вас получается. И если мы встретимся еще, вы должны знать: я на вашей стороне. Правда, если есть светлая сторона, значит, может быть и темная, которая вам может и не понравиться. Но я пойму и приму это". У терапевта есть привилегия и одновременно тяжелая ноша – определять светлые и темные стороны семьи.

Первая интервенция приостанавливает процесс развития сопротивления. Она поддерживает хорошее самочувствие у участников и уводит их от противостояния. Тем самым терапевт как будто говорит: "Вы пришли сюда, чтобы посмотреть на свои недостатки, и, наверное, поэтому вы

волнуетесь. Если я буду, уподобляясь вам, рассматривать оскорбления, которые вы наносите друг другу, вы почувствуете себя еще хуже. Тогда вам захочется объединиться против меня и сказать: "Мы не такие плохие, как вы думаете. Вообще-то мы хорошая семья". Когда терапевт присоединяется к сильным сторонам семейной системы, он снижает сопротивление контакту между членами семьи, а также между ним самим и семьей. Он налаживает с ними хорошие "рабочие" отношения.

Эта интервенция также дает позитивное подкрепление семье в целом. Она призывает участников: "Продолжайте делать то, что вы делаете хорошо". Позже, спрашивая их, о том, как легко они решают свои проблемы, терапевт побуждает семью проявить любопытство к своему интерактивному процессу.

Терапевт поддерживает сильные качества семьи, и первая интервенция проходит как простой комплимент. Она напоминает членам семьи об основных проявлениях их состоятельности – они способны называть свои проблемы и готовы их обсуждать.

Как ни странно, большинство семей не готовы принимать такие "комплименты". Ведь они зафиксированы на своих недостатках, проблемах и неприятностях. Упоминания о сильных сторонах в поведении семьи не кажутся им уместными в подобной ситуации.

Отец: Лэс и Джерри, что вы думаете о том, что Мэт может покинуть нас, как в прошлом году?

Лэс: Мэт часто уезжает из дома, и мне кажется, что ничего особенного не случится.

Джерри: Когда Мэт отправился на каникулы, мы знали, что он скоро вернется. Это совсем другое. А тут я не знаю, когда его ждать.

Отец: Мне тоже так кажется. Мэт, как ты относишься к тому, что можешь покинуть гнездо?

Мэт: Я отношусь к этому хорошо... Нет, не потому, что я хочу уйти из дома. Я думаю, что мне захочется вернуться, что я буду скучать первые несколько недель, но я знаю: справлюсь с этим.

Мать: Я по-настоящему гордилась тобой, когда ты сам спланировал свою поездку, выяснил расписание рейсов и организовал ужин с друзьями.

Мэт: Мама, ты совсем не вспоминаешь своих братьев. Непохоже, что у вас с папой были братья и сестры. Мне это странно.

Отец: Мне это тоже странно, особенно когда я думаю, как вы, мои сыновья, покинете дом, и о том, как вы близки друг с другом и с нами.

Лэс: А как ты понимаешь, что ты с кем-то близок?

Отец: Я буду надеяться, что не потеряю связь с тем, кто мне близок.

Джерри: Да, правильно.

Отец: А как ты определишь, что такое близость? Мои сестры и я, например, не особенно играли друг с другом, когда росли вместе. Мама тоже, как мне кажется, не особенно дружила с дядей Джимом. А вот вы все время вместе.

Мать: Я тоже много думала о том, как и где вы станете жить.

Лэс: Я собираюсь продавать драгоценности в Аризоне. А ты приезжай ко мне в гости.

Отец: И все-таки как бы там ни было, близки мы или нет, о будущем говорить рано.

Такие вопросы – палка о двух концах. С одной стороны, они проясняют то, что происходит, позволяют преодолеть непонимание и углубляют контакт между членами семьи. Вопросы предотвращают проекции и интроекции – никто не додумывает и не предполагает за другого. Темная же сторона заключается в полной свободе задавать вопросы в любой момент, что может нарушать автономность и быть назойливым внедрением в личную жизнь. В таком случае контакт между членами семьи, наоборот, прерывается и становится неопределенным.

Терапевт внимательно ищет те "узкие места", на которых семья начинает "буксовать". Например, только ли взрослые задают вопросы? Как это выглядит – как допрос или как живой интерес? Если в семье кто-нибудь, кто не задает вопросов и не проявляет любопытства, потому что боится это делать? Есть ли в семье люди, которые могут задать вопрос, независимо от того, насколько другой готов на него ответить?

Терапевт: Сейчас мне бы хотелось на минутку прервать вас и сообщить о том, что я заметил. Как вы помните, я попросил у вас разрешения вступить в разговор, если увижу что-нибудь, что вас заинтересует. Когда я обращал ваше внимание на то, что кто-то мог задавать вопросы, а кто-то просто сообщал некоторую информацию о себе, всякий раз мне казалось, что я вижу определенную модель. Например, большинство вопросов исходило с одной стороны, затем вопросы стали поступать с другой стороны. Или, когда мне казалось, что в основном информация шла от одного источника, внезапно она начинала поступать из другого. Удивительно, но, похоже, вы все

способны задавать вопросы друг другу. Я еще не до конца уверен в этом, потому что мы еще только начали работать, но, по-видимому, каждый из вас чувствует себя свободным спрашивать и отвечать друг другу. Может быть, это и не совсем так, но пока что мне так показалось.

Итак, я хотел бы попросить вас подумать о том, действительно ли каждый из вас настолько волен спрашивать любого обо всем, или это не так? Мне было бы интересно, если бы вы попробовали поразмышлять об этом, если вас это вдохновляет.

Что же делает терапевт для того, чтобы снизить сопротивление и усилить интерактивный процесс? Давайте посмотрим, что он сказал на самом деле. "Сейчас мне бы хотелось прервать..." – говорит терапевт. Это означает: "Я уважаю то, что вы делаете. Я знаю, это ваша семья и ваша борьба, и я уважаю и принимаю вашу борьбу друг с другом". Выявляя то, что может быть интересным для членов семьи, терапевт напоминает им: "Это ваша работа, ваше любопытство, ваша энергия, но они очень важны и для меня. Я буду продолжать поддерживать вашу энергию, вызывающую ваше любопытство и способности к самонаблюдению, чтобы в будущем вы не нуждались во мне и сами смогли увидеть, что происходит и где причины ваших трудностей".

Терапевт развивает тему обмена информацией между членами семьи. Насколько им легко говорить о себе? Как трудно им делиться друг с другом своими сокровенными переживаниями, ведь это связано с теми самыми "обидными выпадами"?

Далее терапевт говорит: "Удивительно, но, похоже, вы все способны задавать вопросы друг другу!" Следующий шаг – предложение провести эксперимент на уровне осознания, чтобы убедиться в том, что они могут спрашивать каждого или говорить "что угодно". Клиницист развивает тему, снимая ограничения, наблюдая, насколько свободна семья, и исследуя возможности появления болезненных точек, страхов и затруднений.

Мэт: Мне было легко задавать личные вопросы Лэсу и Джерри. А потом я уже стал задавать такие вопросы маме и папе.

Мать: Я пыталась понять, кому я могу задавать вопросы. Этим летом я задавала Лэсу очень много вопросов и сама много рассказывала ему о себе. С Мэтом я осторожнее, но не думаю, что это такая уж проблема. Как ты думаешь, Мэг?

Мэт: Конечно.

Отец: Я думаю, что долгое время мы не могли задавать друг другу вопросов. Я часто испытываю сомнения, когда мне хочется спросить вас о чем-то. Наверное, это как-то связано с вашими возрастными проблемами, но иногда это бывают и совершенно невинные вопросы.

Мать: Как думаете, ребята, вы задаете мне вопросы? Я что-то не припомню.

Мэт: Мне кажется, вопросы возникают, когда мы смотрим семейный альбом с фотографиями. Но я думаю, что ты имеешь в виду главный вопрос.

Отец: Довольно трудно говорить о себе: я слышу, что вы все время задаете вопросы маме, но не слышу, чтобы вы задавали их мне.

Мать: Иногда вы оба готовы пойти мне навстречу, а потом все начинается сначала. Иногда мне просто нужен ответ.

Настаивая на вопросах и обнаруживая чувства, человек отделяет себя от других. Однако спрашивая о чем-то глубоко интимном, можно оказаться назойливым и получить отпор. Здоровые семьи стараются найти баланс между любопытством и назойливостью. Мы можем сообщать просто информацию, а можем сообщать и нечто такое, что способно причинить боль. Семья и терапевт исследуют эти варианты.

Терапевт: Позвольте я продолжу свои рассуждения. Я не совсем ясно представляю себе, куда мы движемся, но я заметил, что все вы, похоже, легко и свободно говорите друг с другом, как сообщая о себе информацию, так и спрашивая о чем-то других. Я как будто слышу ваши реплики: "Да, мы свободно говорим, но... но... но..." И можно только предполагать, что это за "но". Итак, позвольте мне предложить вам кое-что, а вы скажете, нужно вам это или нет.

Каждый из вас мысленно либо задает вопросы другому, которые не хотелось бы задавать, либо говорит что-то, о чем бы не хотел говорить. Просто подумайте о том, о чем вам не хотелось бы говорить, или о том, о чем не хотелось бы спрашивать. Я гарантирую: вам не придется произносить этого вслух, даже за пределами моего кабинета. Далее, подумайте о тех вопросах, которые вам хотелось бы задать кому-то, но вы не станете их задавать; или подумайте о том, что бы вам хотелось сказать о самом себе или о другом человеке, но вы не скажете этого. А затем посмотрите, сможете ли вы объяснить, почему вы этого не делаете. После вы просто скажете, почему вы можете или не можете так сделать. Не произносите ваши мысли вслух. Например, вы можете сказать: "У

меня есть вопрос, который я не собираюсь тебе задавать, потому что...”

Может быть, это даст нам некоторые намеки на то, что мы упускаем. Мне кажется, в этом что-то есть. Хорошо? Как вы думаете? Понятно ли я выразился? Попробуйте подумать о том, как много вопросов или замечаний вы не могли бы произнести. Возможно, каждый из вас пятерых мог бы подумать о двух таких вопросах к двум разным людям. И если нам повезет, мы сможем послушать каждого из вас.

Эта третья интервенция после долгого выслушивания и восстановления происходящего укрепляет эксперимент. Заявляя: “Я не совсем ясно представляю себе, куда мы движемся” и “Вы скажете, нужно вам это или нет”, терапевт вызывает доверие прежде настороженных членов семьи. Таким образом, он дает им понять: “Я осторожно слежу за вами, и это единственно возможный способ, который принесет вам пользу”. Все сомнения, сопротивление и вопросы допустимы. А затем эксперимент предлагает новую отчетливую, адресную форму, которая поддерживает личные границы участников. В то же время эксперимент исследует то, что может оказаться болезненным или трудным для членов семьи, и потому они не могут сказать или спросить об этом.

Идея эксперимента прозрачна: человек может иметь свои секреты, и если он хранит их при себе – это нормально. Быть может, очень важно в тех или иных случаях не говорить то, что может причинить другому боль, и не делать тех самых “обидных выпадов”, о которых говорит Мэт. В этом не ничего ужасного, это вполне естественно для членов семьи. Кроме того, эксперимент оставляет за участниками “безопасную возможность” все-таки сказать нечто вроде: “Да, я бы мог спросить об этом, и она (или он) с удовольствием ответили бы”. Эксперимент дает семье свободу обращения к трудным переживаниям.

Отец: Вы хотите, чтобы мы объяснили, почему нам трудно говорить о чем-то. И это может быть какой-то вопрос или что-то о нас самих.

Мать: Почему мы что-то утаиваем друг от друга? А потом гадаем, почему человек не может сказать это или: “О, Боже мой, я никогда не предполагала этого”.

Мэт: Если я признаюсь в том, что не могу сказать тебе что-то, потому-то и потому-то, кто-то другой скажет: “А почему он не может сообщить это мне?” Мне кажется, этот кто-то обидится.

Отец: Так можно неожиданно обнаружить, что кто-то недоволен тобой или может быть недовольным, при том что причина недовольства не открывается.

Если вы не делитесь с близкими, никто не будет расстроен или обозлен на вас за то, что вы испытываете такие непонятные или “безумные” чувства. Если вы не задаете “трудных” вопросов, вы никого не расстроите. При этом вы изолируете свою боль от других и почувствуете себя одиноким человеком, находящимся вне контакта с семьей. Итак, получается, что если вы не поворачиваете свои чувства вовнутрь (не подвергаете их ретрофлексии), то рискуете навлечь на себя недовольство окружающих и произвести “обидные выпады”. Ретрофлексивные чувства, в свою очередь, дают человеку ощущение безопасности, внутреннего спокойствия, но за это он платит дорогую цену – изолирует себя от близких.

Терапевт: Я уверен, что в вашей семье действительно кто-то будет разочарован или травмирован. Это происходит не в каждой семье, но в вашей скорее всего произойдет. Поэтому давайте представим себе, что кто-то уже расстроен тем, что услышал, и посмотрим, что получится. По моему, это интересный вариант? Хорошо?

Эта интервенция продолжает предыдущую. Терапевт предполагает: “В вашей семье человек не будет чувствовать себя в безопасности, если начнет задавать некоторые вопросы или высказывать определенные соображения. Этот эксперимент дает вам возможность, не задавая “опасных” вопросов, лишь поделиться трудными переживаниями, как если бы вопрос был задан или было высказано соображение: “Если бы я сказал тебе это, ты бы обиделся...”

Отец: Значит, вы не будете задавать вопросы, потому что боитесь, что можете получить ответ, который вам не понравится?

Мэт: А мне кажется, что вы будете смеяться. Некоторые вопросы, которые я хотел бы задать, могут показаться дурацкими. Я всегда приблизительно знаю, что вы можете мне ответить.

Отец: Когда ты говоришь, что вопросы дурацкие, и боишься, что над тобой посмеются, ты думаешь, что кто-то решит, что ты дурак? То есть вместо того чтобы задать мне эти вопросы, ты говоришь: “М-н-н, а что бы сказал папа?”

Мэт: Да, ты можешь подумать: “Я веду себя здесь не так глупо, как ты”.

Отец: Это был "обидный выпад"?

Мать: У меня тоже были похожие ощущения. Мне показалось, что если я что-то скажу, все начнут смеяться.

Лэс: Это правда.

Мать: Произойдет одно из двух. Или все начнут смеяться и приговаривать: "Ну, мама, ты даешь!" Или меня вовсе не будут слушать и начнут перебивать. Это очень хороший способ закрыть мне рот. Поэтому мне и приходится переводить все в шутку, только так мне не удастся сказать то, что действительно хочется.

Отец: Я чувствую то же самое. Довольно трудно делиться своими чувствами. Я тоже боюсь, что вас это только позабавит. Вы, парни, легко отбиваетесь. Мне тяжело, когда я говорю вам что-то серьезное, а вы считаете, что это какая-то дребедень. Тогда я останавливаюсь и перевожу разговор на другую тему. И в отчаянии говорю: "Ну и черт с вами!" Поэтому я останавливаюсь, когда мне хочется поделиться с вами.

Сопротивление приобретает парадоксальную форму. Обмен информацией обычно обогащает контакт и, соответственно, снижает сопротивление, однако чрезмерная информация может быть болезненной для других, тогда люди начинают избегать контакта, отталкивая близких, что тоже травмирует их, или, пользуясь языком данной семьи, выливается в "обидные выпады".

В описанной беседе буквально каждый член семьи чувствует себя как потенциальная жертва насмешек или каких-то других способов издевки, и не находится никого, кто бы хотел разубедить в этом другого. Как только отец близко подступает к болезненным переживаниям Мэти, мать перебивает его своими собственными жалобами. Единственное, в чем они все признаются друг другу – в своей уязвимости.

Терапевт: Можно я скажу вам, что вырисовывается из того, что я вижу и слышу, если это соответствует тому, что говорите и слышите вы. Я снова хочу сказать вам: вы производите на меня сильное впечатление. Сомневаюсь, чтобы существовало много семей, которые могут так свободно разговаривать друг с другом. Вы задаете вопросы. Один или два раза мне показалось, что вы делаете "обидные выпады" — вы называете это высмеиванием друг друга. А знаете, далеко не так просто назвать "обидные выпады" высмеиванием. Однако, похоже, у вас это получается удивительно легко. И я думаю, раз у вас это получается здесь, значит, и дома вы ведете себя так же. Поэтому в вашей семье все идет хорошо.

И все-таки я услышал и другое – ваш милый стиль общения задевает за живое каждого из вас. Вы можете говорить или не говорить об этом, но как же тогда другой узнает о том, что задел другого?

Вот что я узнал, слушая вас: вы действительно не препятствуете друг другу, когда задаете вопросы, которые задевают вас, и отвечаете на них. Удивительно, но факт. Но, возможно, вы хотели бы поговорить и о тех случаях, когда это не срабатывало?

Лэс: Мне кажется, мама, ты бы хотела, чтобы наша семья была идеальной. Я думаю, ты добиваешься цели, которой очень трудно достичь любой семье. Может быть, если ты не будешь так сильно настаивать на этом, будет лучше. А ты, наоборот, все время стараешься добиться лучшего, а когда не получается, взрываешься. Говоришь: "Я чужая в этой семье... Ах! Ах! Ах!" Ты знаешь, что в семье четверо парней и только одна девчонка, ведь ты – 20 процентов семьи.

Мать: Я уже слышала подобные заявления и раньше.

Лэс: Это не для того, чтобы отделить тебя от нас. Я просто хочу сказать, что, может быть, тебе надо обратить на это внимание. Может быть, поэтому мы не можем общаться, не обижая друг друга. Иногда я чувствую себя подавленным от того, что мы должны все время так общаться. А иногда мне кажется, что мы не оглядываемся друг на друга. Вы предоставляли мне свободу, когда мне надо было принимать решения, при этом делали все возможное, чтобы оказать на меня давление, чтобы я чувствовал себя самым сильным в семье. То есть на самом деле, я не чувствовал себя свободным, потому что я все равно не дотягивал до ваших требований.

Мать: Если я правильно тебя поняла, тебе кажется, что я хочу, чтобы наша семья была самой лучшей, и при этом не считаясь с вашими потребностями. Это так?

Мэт: Нет. Я думаю, что ты забегаешь вперед, ты хочешь влезть поглубже в нашу личную жизнь, когда этого делать не нужно. Мне кажется, ты слишком давишь на нас.

Главное сопротивление происходит тогда, когда кто-то травмирован, а затем отторгнут. Вторичное сопротивление контакту заключается в том, что человек не признается в том, что задет чьим-то высказыванием. Он оказывается в безопасности, ретрофлектируя свою травму, пряча ее от других, но цена такой безопасности – отторжение от других членов семьи. Дети слегка насме-

хаются над матерью, но она не защищается, не просит о поддержке, и атака продолжается.

Терапевт: Позвольте мне на минутку прервать вас. Пожалуй, сейчас это необходимо. Как вы узнаете, что ваша мама обижена? И как вы сами показали бы, что задеты кем-то или чем-то?

Теперь терапевт деликатно подводит участников к более ясному осознанию: "Как вы узнаете, что ваша мама обижена?" и "Мама, почему вы не говорите им: "Эй, мне не нравится, как вы со мной разговариваете. Что это за "Ах! Ах! Ах!"? Это обидно". А где отец? Почему устранился? Почему не может сказать, что мать обижена? А как насчет маленького Джерри? Все члены семьи продолжают чувствовать поддержку терапевта и в то же время все больше задумываются над тем, как они обижают друг друга, как бы они могли научиться избегать этого. В конце концов, им может прийти в голову такой вопрос: "А какова цена того, что мы так открыты друг перед другом?"

Мэт: Может быть, мама скажет нам, действительно ли она обижена. У нее такое выражение лица. Ей тяжело принимать некоторые вещи, о которых мы говорим. Может быть, я и придаю слишком большое значение тому, что она делает. В какой-то степени, я считаю, что прав, а в какой-то – не прав. Я думаю, она это видит, но, вероятно, я преувеличиваю.

Мать: Иногда, когда я обижена, я затихаю на некоторое время. И чувствую, что меня нет даже на 20 процентов. А потом я немного прихожу в себя, поднимаю руки вверх и говорю: "Устроим-ка мы семейную вечеринку". А затем устраиваю фейерверк.

Лэс: Но ты приходишь на вечеринку и пытаешься распорядиться и говоришь: "Вот как надо жить". А в этом нет ничего хорошего, потому что потом, уходя от нас, люди говорят: "Да, конечно, все в порядке", а за дверью восклицают: "О, Боже, что она говорит!" Как это глупо.

Мать: Я смущена. И не из-за того, что ты говоришь: это я уже слышала. А потому что, боюсь, мои 20 процентов от всех голосов не являются решающими, ваши интересы так сильно отличаются от моих.

Мэт: Дело не в твоих процентах. А дело в том, как ты все подаешь. К примеру: "О! Я чувствую себя ужасно!" И твой голос весит гораздо больше, чем 20 процентов, если ты чего-то хочешь, даже если остальные этого не хотят. Не похоже, чтобы мы когда-нибудь могли тебя переспорить. Что касается серьезных решений, за тобой все 90 процентов.

Мать: Девяносто? О-о!

Джерри: Да, мы все это знаем.

Один из способов этой семьи оставаться в стороне и не приближаться друг к другу – говорить друг другу о том, что им нужно, при этом героически (даже стоически) не делиться своими переживаниями и обидами. Это в некотором роде извращенный способ общения, когда люди говорят друг другу правду любой ценой, невзирая на личности. В результате члены семьи подавляют свою боль и замыкаются в себе. Такой способ поведения создает трудности в общении.

Терапевт: Я снова прерываю вашу беседу, чтобы сказать: вы способны легко и свободно говорить друг другу все, что приходит в голову. В этом смысле вы потрясающая семья. Не сомневаюсь, что вы прошли большой путь, чтобы достичь этого.

Однако мы начали говорить с вами и о темных сторонах этой способности. Вы называете это "обидными выпадами" или "обидами". Мы собираемся встретиться с вами на следующей неделе, и я предлагаю вам в течение предстоящей недели обратить внимание на то, что вызывает у вас обиду или боль. Не нужно ничего делать, менять или прерывать это состояние. Мне кажется, это не столь важно на данном этапе. Просто посмотрите, как часто (а может быть, и никогда) вы переходите границы дозволенного в обращении друг с другом. Вы можете просто поинтересоваться тем, что происходит в такие моменты, и, возможно, что-нибудь понять. Я не знаю, что вы обнаружите. Итак, каждый из вас обращает внимание на появление обиды, как она возникает, и что вы делаете с ней. Фокусируйтесь на том, что вы переживаете внутри. А потом поговорим об этом здесь. Хорошо?

Терапевт щепетилен со всеми членами семьи, не выбирая правого или виноватого. Он остается в стороне от непосредственно происходящего между членами семьи и поэтому не дает советов матери или кому-нибудь другому. Терапевтическая сессия нацелена на сохранение и поддержание феноменологической реальности существования семьи и делает упор на стимулирование интереса членов семьи к себе и друг другу. Это обязательное условие терапии, даже если у нас нет богатого материала и клиенты покидают кабинет с чувством обиды и неполноценного общения. Говоря профессиональным языком, это род ретрофлексии и десенсибилизации. Возможно, это

то, что требует "героических" усилий по направлению к внутренним изменениям.

Соппротивление – это избегание контакта. Но что происходит в данном случае? Может быть, это саморазрушительная блокада семьи? А может быть, сопротивление служит разным функциям?

Представьте, что вы молодой человек в семье, где принято задавать вопросы, обсуждать дела и делиться информацией. Что произойдет, если вы захотите оставить некоторые секреты при себе и не проявите энтузиазма, когда отец или мать начнут высказывать свое мнение по поводу ваших планов или мечтаний? А что, если вы боитесь насмешек или "обидных выпадов", даже если в семье у вас не было такого опыта, но вы уже получили нечто подобное от своих одноклассников или учителей? Что вы будете делать, если ваши родители захотят, чтобы вы стали врачом, а вы собираетесь продавать безделушки на блошином рынке? А если вы родитель? Как вы будете защищать своего подрастающего ребенка от слишком сильного давления общественного мнения или от собственных грандиозных планов относительно его будущего? Как вы скажете своему повзрослевшему ребенку: "Прошу тебя, ты причиняешь мне боль, когда говоришь, что все это ерунда"?

Заключение

В финале этой главы мы увидели, каким образом сопротивление контакту в данной семье работает на различных уровнях. Всегда ли ретрофлексия так уж "плоха"? Нет, ретрофлексия является основной ценностью цивилизованного общества, а семья становится носителем этих ценностей. Ретрофлексия мешает людям обижать друг друга или причинять боль другим, говоря "горькую" правду прямо в глаза. Когда мы предвосхищаем критику со стороны родителей (братьев, сестер и учителей), так ли уж мы уходим от реальности? *Проецируем* ли мы в этом случае наши собственные карательные меры?

В описанной нами сессии терапевт неторопливо исследует такое поведение в семье. Возможно, свобода говорить каждому все и в любое время является сомнительным благом в данной семье. Не исключено, что Франклинам нужно учиться не только тому, как и когда задавать вопросы, но и тому, как и когда их не задавать. Все это в такой же степени касается и обмена информацией. Каждый должен спросить себя: "Хочу ли я рассказать это о себе или сказать то, что я думаю о других?" Не лишним будет представить себе реакцию других на ваше замечание или вопрос. А вдруг кто-то может обидеться, воспринять ваш вопрос, как "обидный выпад" или даже предательство?

Терапевт помогает Франклинам рассмотреть их взаимную заинтересованность, обиды или разочарование. По мере того как мы работаем с этой семьей, мы начинаем понимать, что сопротивление может стать способом фильтрации и регулирования контакта между членами семьи, чтобы он не был слишком грубым, критичным, откровенным или оскорбительным для других. Семья Франклинов начинает исследовать, какими ранимыми они могут быть, общаясь друг с другом подобным образом.

Я представил вам формальное определение сопротивления в семье или супружеской паре, а также и варианты некоторых способов регулирования контакта в данной семье. Я продемонстрировал, как можно исследовать феноменологию данной семьи и использовать возникшую тему для терапевтического эксперимента. Такого рода детальный анализ конкретной сессии должен быть полезным для терапевтов в работе с сопротивлением. Поскольку любое сопротивление переживается как прерывание на границах контакта, будет только естественным переключиться на работу по управлению личными и системными границами.

7. ГРАНИЦЫ И УПРАВЛЕНИЕ ГРАНИЦАМИ

Граница определяет предмет.

Фриц Перлз

В главе 3 мы обсуждали границы семейных систем и подсистем. Формирование границ придает смысл событиям и отделяет семейную систему от окружающей их среды, а границы внутри системы разделяют подсистемы и придают им смысл.

Когда бы вы ни рассматривали супружескую пару или семью, одна из ваших задач состоит в том, чтобы увидеть границы. Вы обязаны определять эти границы и уметь отступать назад. Гештальт-терапия утверждает: границы находятся там, где вы начинаете чувствовать различия. Это пространство, где есть "я" и "ты" или "мы" и "вы", где есть контакт на границе¹.

Различия должны усилиться, прежде чем вы можете вступить в контакт: прежде чем быть вместе, я должен знать, что ты и я различны.

Границы не являются лишь абстрактной идеей — они существуют на самом деле. Конечно, мы не можем видеть их невооруженным глазом, однако мы в состоянии чувствовать их как “реальные” и “актуальные” очертания. Наши органы чувств не ощущают их непосредственно, но это не значит, что их нет. Границы определенно представляют собой энергетические поля². Вы очень хорошо можете ощутить эти границы, когда собеседник приближается к вам слишком близко и явно вторгается в ваше личное пространство. Вы хотели бы делиться своими мыслями на определенном расстоянии и в своем ритме.

Как я уже говорил в главе 3, границы могут обладать весьма различным качествами. Ретрофлексия удерживает энергетическое поле маленьким и сохраняет “плотную” границу. Проекция, напротив, выбрасывает энергию далеко вокруг, делая границы чрезвычайно тонкими. Когда вы начинаете видеть границы, обмен внутри пары или семьи перестает быть таким важным. Когда вы научитесь чувствовать границы, вы заметите их различное существование и природу: где они расположены, какая из них утрачена, какая никогда не существовала, кто вторгается в пространство, которое ему не принадлежит, а кто или что недопустимо внутри границ.

Семья Мадьяр: распознавание границ

Давайте исследуем границы уже знакомого нам семейства Мадьяр. Как мы видели в главе 5, семья Мадьяр состоит из отца, Грегора - заводского рабочего, который позже продвинулся в управляющие завода; матери, Дотти - домохозяйки; Кроме того, в семье два подростка, Тереза шестнадцати лет и Майк четырнадцати лет. Мы уже успели заметить, что эта семья построила себе безопасный рай, который стал одновременно крепостью, защищающей ее от опасного мира. Основную энергию эта семья направляет вовнутрь и лишь немного проецирует в мир. Семейные границы плотные и жесткие. Контакт с миром сведен к минимуму, к самым простым контактам на работе, в школе, с соседями.

Семья Мадьяр редко позволяет себе яркий контакт с терапевтом. Все стремятся замкнуться в себе и не подвергаться влиянию со стороны терапевта. Поначалу, получив инструкцию поговорить между собой, члены семьи с трудом принимают тот факт, что *должны* делать это в рамках терапии. Затем начинают разговаривать друг с другом с жесткой заданностью, даже когда попадают в тупик.

Прежде чем мы подойдем к обсуждению границы между терапевтом и семьей, было бы полезно посмотреть на внутренние границы в этом семейном анклав. В своей основе они поделены на две слабо связанные группы: родители и дети. Рис. 7.1 показывает границы между членами семьи, а также “жирную” границу между всей семьей и терапевтом.

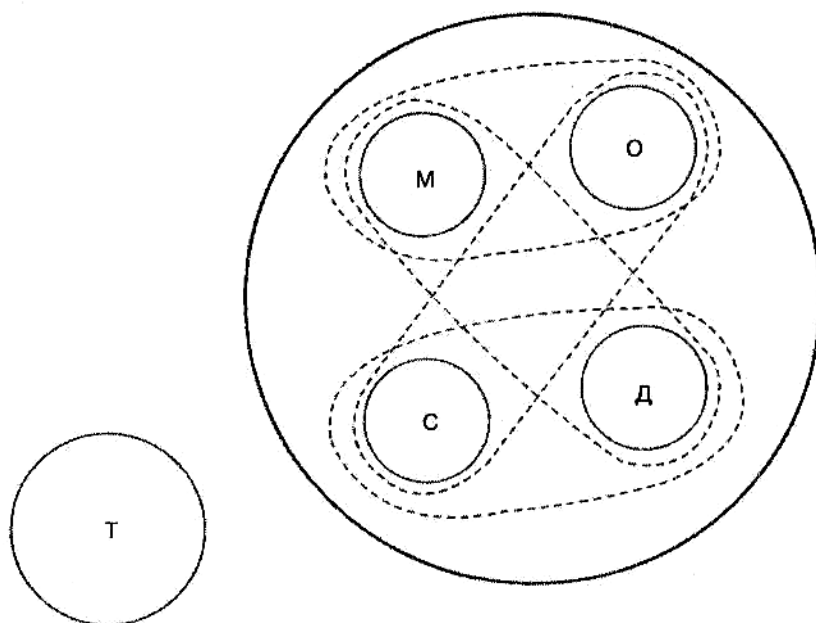

Рис. 7.1. Семья Мадьяр: первоначальные границы

Обычно Грегор и Дотти разговаривают между собой в телеграфном стиле, обсуждая такие проблемы, как, например, семейный бюджет. Сестра и брат, Тереза и Майк, стараются поддерживать друг друга и тайно обсуждают тактику раскачивания семейной цитадели. При этом в семье делается упор на различие ролей мужчины и женщины, поэтому Тереза солидаризируется со своей

матерью, а Майк – с отцом. Последний союз протекает сложно и налаживается медленно, потому что двое мужчин не знают, как им разговаривать между собой, если рядом нет женщин. Женские разговоры обычно касаются домашнего хозяйства, одежды, здоровья и тому подобного и редко затрагивают интимные вопросы, такие, например, как обсуждение поклонников Терезы или сексуальные проблемы. Мать внушала дочери стыдливое отношение к собственному телу, поэтому Тереза предпочитает задавать подобные вопросы своей учительнице по литературе. Периодически отец, так же как брат, поддразнивает Терезу в связи с телефонными звонками ее "вздыхателя". Мать пытается управлять Майком (как это делает отец), но ни один из родителей не разговаривает с ним о его чувствах, проблемах, школьных делах или друзьях.

Теперь вы можете сделать вывод, что в семье порой возникают слабые подсистемы. Наиболее слабые взаимоотношения существуют между отцом и дочерью, а также матерью и сыном, но в основном контакты носят формальный характер, который определяется главной задачей – осуществлять власть над детьми. В основном отношения имеют вид ролевого взаимодействия, а не свободного и добровольного общения.

На шестой сессии терапевт начинает с того, что спокойно ждет полного внимания со стороны членов семьи Мадьяр³. Границы вырисовываются, как пистолеты перед дуэлью. Грегори и Дотти сидят рядом. На стороне Дотти, справа от матери — Тереза, Майк — за Терезой.

Терапевт: Привет, привет... Что нового произошло на этой неделе? Смогли ли вы использовать что-нибудь от нашего прошлого общения? Как насчет тебя, Майк, что нового? Ты не заметил каких-нибудь изменений после наших бесед?

(Майк отрицательно качает головой.)

Терапевт: Все в порядке. Я просто хотел узнать. А как с тобой, Тереза?

Тереза: Мы немного разговаривали с папой. Я кое о чем его попросила. Так, ничего особенного.

Терапевт: Ладно, спасибо за то, что поделилась со мной. Я рад, что вы немного постарались, пусть это даже обычный разговор с папой. Это хорошо.

Такое начало важно для формирования границ между дочерью и отцом – это наиболее слабое звено в семье. Терапевт обращает на него внимание, переходя от одного участника к другому.

Терапевт: А как вы, Грегори, с вами произошло что-нибудь новое после наших занятий? Вы помните наш разговор на прошлой неделе?

Грегори: Пожалуй, не особенно.

Терапевт: Хорошо. Я просто хотел узнать, как идут дела.

Грегори: Я был доволен. Все тихо и спокойно.

Терапевт: А как вы, Дотти?

Дотти: Да, я кое-что заметила. Когда дети хотят выйти из дома, я действительно не хочу, чтобы они уходили. Я все-таки отпускаю их, но очень неохотно. Я помню, что здесь происходило, и сказала: пусть, пусть идут. *(Она гордо приподнимает подбородок и бросает на Грегора короткий взгляд.)*

Терапевт: Я восхищен тем, что вы смогли сделать это. Знаю, как это трудно для вас, и я ценю то, что вы не забыли сказать мне об этом.

Дотти показывает, что она ослабила свою власть над детьми - потенциально это может быть предпосылкой для ослабления границ между родителями и детьми. Кроме того, это делает семью более открытой для общества. Глядя на лица своих пациентов, терапевт замечает, что лицо Грегора посерьезнело, Дотти затихла, а дети улыбаются друг другу.

Терапевт: А теперь, если мы все обсудили, я бы хотел, чтобы вы повернулись друг к другу и снова побеседовали между собой, так же, как на прошлой сессии. Помните: если вам понадобится моя помощь или вы почувствуете, что зашли в тупик, пожалуйста, обратитесь ко мне. Я буду наблюдать за вами, слушать вас и, если увижу что-нибудь важное, сам скажу об этом.

Терапевт помнит успешный опыт того, как семья формировала границы на предыдущей сессии: чьи границы фиксированы (между отцом и матерью) и чьи изменились (между отцом и дочерью). Терапевт хочет увидеть, что Мадьяры собираются делать на этой сессии, и ждет изменений, особенно от внутренних границ семьи.

Теперь терапевт отстраняется и готов наблюдать, как семья формирует подгруппы. Члены

семьи могут "переформировать" свои границы. До сих пор терапевт общался с ними на их границе; сейчас, удаляясь от них, он начинает существовать отдельно и делает это таким образом, чтобы не отвлекать членов семьи от работы. Терапевт дает участникам ясные и четкие инструкции, а затем, возможно, даже невербально, дает им понять, что готов отделиться от них и оставаться спокойным наблюдателем. При этом можно смотреть в окно или просто принять спокойную позу.

Тереза (повернувшись к отцу): Ты слышал, что говорила мама о том, как она отпускала нас из дома? Понимаешь, она действительно старается научиться опускать нас. Но я не знаю, как ты к этому относишься.

Это непредвиденный поворот событий, который немедленно привлекает внимание терапевта: вплоть до прошлой недели отец и дочь были самой последней субсистемой в семье и редко говорили между собой на серьезные темы. Когда же это происходило, мать начинала защищать Терезу и прерывала их контакт, принимая на себя все объяснения с Грегором. Данная попытка контакта показывает существенные изменения, произошедшие во внутренних границах семьи.

Самый безопасный и простой контакт может произойти между Терезой и матерью. Следующий безопасный контакт предполагается у Терезы с ее братом. Тереза может сказать брату: "Я заметила, что ей легче отпускать нас. Ты тоже заметил?" Но самые большие трудности на данный момент существуют в общении Терезы с ее отцом.

(Грегор задумался над вызывающим замечанием дочери. Он смотрит куда-то далеко, за ее спину, фокусируясь на какой-то точке в пространстве.)

Возможно, он напряжен, потому что хочет восстановить свою сильную позицию в семье, сказав Терезе: "Ты хочешь научить меня жить, Тереза? Не много ли ты на себя берешь?" Но он молчит. Возможно, он осознает некоторую боль в грудной клетке, одновременно чувствуя некоторое предательство жены, которая не получила от него разрешения на все происходящее.

Грегор (отрывая глаза от пространства, повернувшись к Терезе, но обращаясь к Дотти): Как ты могла так поступить, не поговорив со мной?

Похоже, Грегор впервые продемонстрировал свою обиду – обиду на всю семью. При этом он чувствует себя достаточно защищенным и не боится показаться ранимым.

Дотти: Грегор! Мы провели несколько сессий, говоря о том, что дети нуждаются в большей свободе, что им нужно общение с другими детьми. Помнишь?

В этот момент терапевт вмешивается в их разговор, чтобы обратить внимание участников на важность открытого обмена мнениями между мужем и женой и на появление новых границ. Конечно, прежде чем работать с другими субсистемами, гештальт-терапевт всегда отдает предпочтение отношениям взрослых.

Терапевт: Остановитесь на минутку. Я просто хочу, чтобы вы знали: вопросы, связанные с детьми и их потребностями, очень важны для вас обоих. Замечательно то, что вы оба хотите говорить об этом. Однако я хочу убедиться в том, что дети посидят тихо и дадут вам возможность это сделать.

Невзирая на присутствующих, родители вовлечены в разговор друг с другом, и очень важно, чтобы их общение длилось как можно дольше. Терапевт усиленно направляет семью на активное обсуждение проблем, предполагая, что Грегор может замкнуться, и тогда контакт прервется. Его задача – растянуть пусть даже кратковременную конфронтацию в более глубокое, полноценное и открытое общение, как это было на предыдущих сессиях. Похоже, дети понимают терапевта, и вся семья погружается в довольно напряженное молчание, ожидая, как Грегор ответит Дотти.

Грегор: Знаю, знаю. Ты права. Мы действительно обсуждали это раньше. Я просто ужасно волнуюсь. Дети могут попасть в беду, если будут общаться с такими парнями, как Маркус, который толкает наркотики.

Дотти: Я так же, как и ты, волнуюсь по этому поводу, Грег, рано или поздно мы должны будем решиться и положиться на их здравый смысл.

Дети испытывают почти благоговейный страх перед этой беседой родителей и не вмешиваются, уважая границы между ними и родителями. Их пассивное молчание является символическим проявлением их способности объединяться в субгруппу. Они тихо радуются тому, что являются реальной силой в семье.

Молчание продолжается. Терапевт наблюдает за Майком и Терезой, которые уже встревожились и готовы заговорить. Почувствовав это, терапевт поворачивается к ним.

Терапевт: Я знаю, что вам тяжело слушать, как родители говорят о вас. Тем не менее, оставаясь в стороне, вы даете им возможность поговорить, высказывая им свое уважение. Это первоклассная работа!

Майк: Спасибо.

(Тереза глазами показывает, что поняла терапевта. Грегор и Дотти еще некоторое время разговаривают друг с другом, а затем останавливаются. Молчание как будто объединяет их.)

Терапевт: Вам нужна моя помощь или вы хотели бы немного подождать?

Дотти: Мне кажется, ждать уже нечего. Что еще мы можем сказать?

Зная, что родители обычно разговаривают в присутствии детей в телеграфном стиле (проявление ретрофлексивных границ субсистемы), терапевт делает попытки расширить их контакт. Он указывает Дотти на то, что она не дала понять Грегору, признала ли она его обиду, а Грегору – что он не оценил смелость Дотти, когда она, несмотря на свои страхи, смогла отпустить детей из дома. Теперь супруги пользуются этой возможностью и выражают друг другу свое признание.

Однако терапевт не забыл, что Грегор так и не ответил дочери на ее реплику о том, что Дотти стала предоставлять им свободу. Он принимает тактическое решение – поддержать открытую борьбу между родителями в присутствии детей, и эта цель временно достигается. Удачный момент, чтобы помочь семье переключить границы на субсистему "отец-дочь" и закончить то, что было начато.

Терапевт: Насколько я помню, вы, Грегор, не имели возможности ответить Терезе на ее вопрос. Я думаю, было бы хорошо, если бы вы продолжили ваш разговор.

Тереза: Все в порядке, папа.

Грегор: Нет, Тереза, доктор прав. Я так и не ответил тебе и хочу это сделать. Теперь, после того как мы поговорили с мамой, я могу сказать тебе, как отношусь к тому, что вы с Майком ходите в гости к друзьям. Я прямо говорю тебе: меня это беспокоит. Но твоя мама готова держать меня за руки, если я буду слишком волноваться. Посмотрим, что из этого получится.

Тереза: Мне это нравится. Я рада, что ты стал больше доверять нам. И я счастлива, что вы с мамой смогли так говорить при нас.

Грегор: Я рад, Терри, что угодил тебе.

Майк: Я тоже рад вашему разговору в нашем присутствии.

Критерием хорошего функционирования семьи является ее способность создавать, распускать, а затем снова создавать ясно очерченные субгруппы. Члены семьи знают, в какой ситуации они играют в одной команде, а когда стоят в стороне. Они также знают, устраивает их эта позиция или нет. Они убеждены, что границы различных ролей или субгрупп могут перемещаться снова и снова. Тем не менее, как члены семьи они не хотят оставаться в стороне от распределения ролей или создания субгрупп. В хорошо функционирующих семьях такой процесс протекает плавно – это и есть "хорошая форма".

В этой сессии мы видим, что родители формируют сильную связку друг с другом, связку, которая была очевидна присутствующим здесь детям. На следующей сессии родители смогут достичь большего взаимопонимания в своих коротких обсуждениях. Они так увлекаются беседой между собой, что дети начинают скучать и проявляют свое состояние. Во время короткой паузы дети спрашивают родителей и терапевта, не могут ли они "выйти и попить содовой". Это можно считать хорошим признаком ослабления семейных границ. Родители и терапевт обмениваются взглядами.

Грегор: Хорошо. А как на это посмотрит доктор?

Терапевт: Не возражаю. У вас свои дела, а у них свои. Тут неподалеку есть автомат с газированной водой.

После того как Майк и Тереза уходят, на сессии происходит другой драматический прорыв. Родители поворачиваются к терапевту и обращаются к нему.

Дотти: И что же нам делать? Что вы станете делать с этими детьми? Мы волнуемся за них.

Терапевт: Ну что же, дети должны исследовать мир, в котором живут. Я понимаю, как вы волнуетесь и как это тяжело для вас обоих. Конечно, это пугает. На свете найдется не много родителей, которые бы не волновались за своих детей. И все-таки вы оба должны помочь друг другу пройти через это. Конечно, вы хотите знать, куда они уходят, что собираются делать и когда придут домой. Я понимаю, что вы чувствуете.

Когда Грегор и Дотти обращаются к терапевту, они впервые создают subgroup, которая включает постороннего. Терапевт является частью окружающего мира, и супруги Мадьяр легко смогли попросить этого постороннего о помощи. В течение четырех или пяти сессий они разговаривали только между собой и лишь вежливо реагировали на реплики терапевта. Теперь они стали сотрудничать с "агентом" внешнего мира. Это означает, что они готовы к формированию новых границ с окружающей средой и обучаются этому в терапевтической ситуации. Сейчас они уже смогут позвонить в школу и узнать что-нибудь о своих детях, позвонить в библиотеку или в другие общественные учреждения, чтобы узнать что-то о программах обучения. Внешняя граница семьи стала более подвижной и проницаемой.

Давайте вернемся к тому моменту в сессии, когда Тереза и Майк покидают кабинет, чтобы выпить содовой. Они возвращаются со своими напитками, садятся и снова начинают слушать, а позже и участвовать в обсуждении ограничений, которые связаны с их "приключениями": что им позволено и не позволено, когда они должны возвращаться домой, нужно ли им делать уроки, прежде чем выйти из дома, и т.д. Родители относятся к детям с достоинством и чувством взаимного уважения. Все как будто довольны достигнутыми результатами. После чего терапевт делает последнюю интервенцию.

Терапевт: Простите, можно я перебую вас? Сессия подходит к концу, и я бы хотел поделиться с вами своими наблюдениями. Вы не возражаете? Хорошо. После того, что я увидел сегодня, я думаю, вы все уже готовы попробовать нечто новое, даже если это немного пугает вас. Грегор и Дотти, вы можете друг другу отпустить детей и определить, когда говорить "да", а когда "нет". Мне кажется, вам надо спросить у знакомых и друзей: как они это делают, что рекомендует школа, как поступают другие родители. Вы можете говорить с другими людьми так же, как говорили об этом со мной.

Тереза и Майк, из того, что я видел сегодня, думаю, вам ясно, что вы готовы уходить из дома и возвращаться обратно. И будете продолжать в том же духе.

На рис. 7.2. показаны границы семьи Мадьяр после этой сессии. Внешние границы семьи стали более проницаемыми, семья стала более доступной для терапевта и внешнего мира в целом. Отец и мать чувствуют, что могут обсуждать свои проблемы без вмешательства детей. Границы вокруг них стали более прочными. В результате они готовы вернуться к более полноценным супружеским отношениям. Тем временем их дети становятся более независимыми, они готовы заводить новых друзей и покинуть дом, чтобы поступить в колледж или пойти работать. Родители стали чувствовать себя спокойнее, обращаясь за помощью к другим людям, общественным организациям, то есть к внешнему миру. Дети ощущают себя значительно свободнее, уходя из дома и возвращаясь домой.

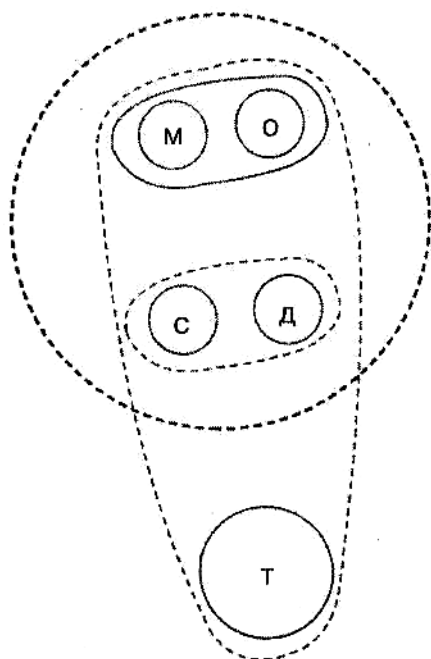

Рис. 7.2. Семья Мадьяр: границы после терапии

Какие трудности подстерегают терапевта в его дальнейшей работе с этой семьей? Тереза и Майк могут обнаружить, что они значительно больше боятся внешнего мира, чем предполагали. Возможно, они думали, что были готовы к этому, а родители просто сдерживали их. Но они могут обнаружить внутренний конфликт (возможно, интроективный страх, а быть может, и реальную опасность), который беспокоит их, когда они собираются пойти в гости к своим новым друзьям. Грегор и Дотти могут начать бороться друг с другом по поводу того, что можно и нельзя позволять детям. Могут обнаружить, что дают детям противоречивые указания, а затем разозлиться на Терезу и Майка за то, что они не продумали возможные последствия своего общения с миром.

Короче говоря, когда семейные границы становятся более подвижными, у членов семьи неминуемо возникают проблемы и трудности, связанные с активным взаимодействием с окружающей средой. Однако хочется надеяться, что в этом случае возникнет более глубокий контакт и творческое приспособление друг к другу и к окружающему миру.

Обсуждая тему границ, мы не предполагаем какого-то волшебства, просто мы говорим *о том, что может сделать жизнь яснее*. Работа терапевта должна быть направлена на то, чтобы определить границы вокруг субгрупп и помочь им вложить всю свою энергию в то, чем они занимаются, и не тратить ее попусту.

Границы терапевта: эффект присутствия и управление границами

Когда терапевт работает с парой или семьей, возникает момент, когда он меняет роль стороннего наблюдателя на роль присутствующего⁴. Его присутствие создает особую ауру и укрепляет четкие границы супругов или семьи. В эту минуту они понимают, что занимаются семейной терапией. Без эффекта присутствия терапевт остается просто наблюдателем, который периодически отпускает замечания.

Слова "дух или тень"* упоминаются в словаре в связи с *присутствием*. [[[В английском языке слова "spirit" и "ghost" соответствуют русскому слову "дух". Только под словом "ghost" подразумевается "дух" в значении "привидение".] Хотя такое определение далеко от адекватного понимания понятия *присутствия*. В нем есть намек на особое состояние полного пребывания здесь всем существом, телом и душой. Это способ *быть с кем-то*, не предпринимая никаких *действий*. Присутствие подразумевает полноценное пребывание здесь – открытость для всех возможностей, тогда как присущее терапевту *пребывание здесь* задевает глубинные струны его души. Терапевтическое присутствие является фоном, на котором может ярко расцвести фигура другого или других "я".

Когда я ощущаю присутствие другого, то чувствую себя свободным в выражении себя. Я могу обнаружить любые нежные и ранимые части своей личности, зная, что меня примут непредвзято, без критики. Мое терапевтическое присутствие позволяет мне бороться с собственными внутренними конфликтами, противоречиями, нерешенными вопросами и парадоксами, не давая руководящих указаний или инструкций. Мое терапевтическое присутствие позволяет мне относиться-

ся к самому себе как к мудрому свидетелю.

Попробуем описать термин *присутствие* с помощью отрицания.

- Присутствие не предполагает сознательной позиции или “стойки” перед другим человеком; здесь нет ничего напыщенного и драматического.
- Присутствие – не стиль.
- Присутствие – не харизма. Харизма рассчитывает на восхищение и внимание к себе, в то время как присутствие направлено на других. Харизма конкурирует с другими, а присутствие является фоном для происходящего.
- Присутствие – не религиозная покорность (которая на самом деле может быть формой тайной гордыни).
- Присутствие – не полемика. Оно не принимает чьей-то стороны, оно видит целое.

Немногие терапевты умеют просто присутствовать. Такие люди одарены этим качеством от природы. Большинство же из нас приобретают способность присутствовать с течением времени – времени, которое напоминает нам, как многому надо научиться и как мало мы знаем. Присутствие – достижимое состояние трепета перед лицом неопределенной и удивительной Вселенной. Присутствия легче достичь, если мы уже получили доказательства и подтверждение, что мы не нуждаемся в особом признании кем бы то ни было. Присутствия легче достичь, когда мы учимся быть с болью и разочарованием других людей, не защищая и не спасая их. Присутствие часто приходит, когда мы становимся закаленными жизнью взрослыми людьми, когда наши страстные желания остывают и превращаются в зрелую мудрость.

Когда мы говорим о присутствии терапевта, то имеем в виду, что он вступает в контакт с другим человеческим измерением, минуя словесную интервенцию – например, как в сессии с семейством Мадьяр. Наше терапевтическое видение в состоянии присутствия является довербальным и диффузным. Терапевт не стремится быть напористым, он молчаливо и медленно внедряется в происходящее. В этом состоянии он дышит глубоко и спокойно. Ощущение времени медлительно и соизмеримо. Его телесное “я” укреплено и осознанно. Его не беспокоит то, что он не слишком сильно увлечен содержанием истории клиентов. В тот момент, например, когда семья заходит в тупик, терапевт хранит молчание до тех пор, пока напряжение в комнате не достигает своего пика, и находит сильный и ясный выход. Семья успокаивается и не чувствует себя покинутой. В начале работы эти своевременные, ясные и хорошо организованные выходы напряжения усиливают доверие клиентов к роли и силе терапевта.

Шагая вперед, чтобы в подходящий момент высказать свои соображения и пообщаться со всеми находящимися в комнате, терапевт оставляет психологический простор для взаимодействия членов семьи. Клиенты ощущают поддержку и внимание, каждый из участников чувствует, что его услышали и увидели. Молчание терапевта так же важно для всего процесса терапевтической сессии, как и слова, которые он произносит. Молчаливое присутствие пробуждает живость в системе.

Такое молчание означает, что в разгар сессии терапевт не делает даже коротких замечаний и не отвлекает семью от выполнения их главной задачи – более полного осознания собственного процесса существования. Когда терапевт не застревает, не отвлекает внимания участников от них самих, пространство между интервенциями полностью принадлежит семье. Присутствие и регламент придают силу каждой интервенции и поддерживают значимость терапевта как важной фигуры терапевтического процесса, в то же время клиенты чувствуют его уважение и вовлеченность.

Когда терапевта отвлекает головная боль, непредвиденные обстоятельства или мысли о том, что он вынужден усердствовать ради данной семьи, эффект присутствия снижается. Периодически это происходит с каждым из нас – просто потому, что мы тоже обычные люди.

У терапевта, как и у любой семейной системы, существует энергетическое поле, которым нужно управлять. Поэтому при вхождении в систему необходимо установить ритм осознания, чтобы начать сессию или провести интервенцию. При этом терапевт должен уметь вовремя отступить, сидеть тихо и свободно ассоциировать. Для того чтобы выйти из системы и создать ясные границы, терапевт обязан научиться управлять собственной энергией и достигать состояния “творческой отстраненности” (creative indifference) — живого, открытого, ненапряженного состояния.

Когда терапевт проводит интервенцию или просто принимает участие в происходящем, количество интрапсихической энергии не меняется. Разница только в том, как он использует эту энергию. Если он остается спокойным и незаинтересованным, значит, он отводит уровень энергии от границы контакта с семейной системой. Уровень энергии все еще высок, но он не носит направленный характер. В этом случае терапевт находится в состоянии “творческой отстраненности”. В такие моменты, разглядывая границы системы, он начинает чувствовать различия между собой и

супружеской парой или семьей. Потом эти различия отступают на дальний план и он дает волю фантазии, чтобы заинтересоваться тем, что происходит перед ним.

Терапевт должен осознавать момент, когда он нарушает границы клиентов, чтобы стать частью процесса их осознания. Здесь важно знать, когда стать частью семейного поля, чтобы влиять на систему, а когда просто быть наблюдателем. Если вы являетесь наблюдателем, даже будучи заинтересованным в происходящем, вам не надо выплескивать свою энергию вовне. Но если вы захотите полностью завладеть вниманием клиентов, необходимо дать волю своей энергии... а затем вернуться в прежнее положение.

Представьте себе, что члены семьи беседуют между собой, как это делала семья Мадьяр в начале сессии. В данной ситуации семья находится в пределах своих границ, а терапевт – в пределах своих. Терапевт существует отдельно и не посылает никакой энергии в сторону семьи. Но вот наступает момент, когда терапевт хочет оказать влияние на семью. Тогда он подводит ее к своим границам и в тоже время сам поворачивается к ним. В первую очередь члены семьи должны отвлекаться друг от друга, а затем уже повернуться к терапевту и внимательно прислушаться к нему. Семья и терапевт должны встретиться на границе, прежде чем что-либо будет сказано. На границе должно возникнуть специфическое напряжение: семья готова слушать, а терапевт — что-то сказать. Если этого не происходит, внимание и интерес участников может быть где угодно, и тогда контакт не состоится.

В других ситуациях вы можете не пожелать проводить интервенцию подобным образом. Возможно, вы уже провели интервенцию и хотите лишь усилить эффективность достигнутого. Вам надо только частично переключить внимание семьи на себя. Вы должны произнести нужную фразу тихим, почти бестелесным голосом, нечто вроде: "Сейчас у вас хорошо получилось". Пациенты должны продолжить свою работу, но они будут в ней заинтересованы больше, чем в том, что вы сказали.

Каждый из этих примеров является формой управления границами. Первый пример – встреча с границей семьи и привлечение внимания – это интервенция. Наиболее мощная и точная интервенция всегда получается прямо на границе. Во втором примере терапевт на время делает шаг за семейную границу. Часто просто изменение интонации может моментально позволить терапевту зайти на поле пациентов, то есть перейти их внешнюю границу. Второй пример является просто подкреплением или напоминанием. Это очень важное различие, потому что терапевт управляет границей извне системы, а внимание остается внутри данной семьи.

Тот же процесс происходит при работе с осознанием себя. Внимание клиента остается внутри различных частей "я". Терапевт не скажет: "Обратите внимание на то, что происходит у вас в животе", потому что клиенту придется отвлечься от себя и слушать его. Но если терапевт "забросит" это предложение с некоторого расстояния, не подходя вплотную к границе, клиент останется внутри собственной границы.

Так происходит управление границами, и мы проводим это как в индивидуальной работе, так и в семейной терапии. Терапевт всегда должен решать, встречаться со своими клиентами на границе контакта или сохранять их энергию внутри системы, не вступая на их территорию. Терапевт должен уметь уходить с их границы и не отвлекать внимание семьи или супругов. Некоторые терапевты достигают этого, закрывая глаза.

Если во время сессии клиентам была дана ясная инструкция, а они все еще колеблются и не знают, что делать, попробуйте закрыть глаза. Такой простой сознательный уход сохраняет не только присутствие, но и атмосферу поддержки клиентов, возникающую в ходе работы.

Однажды я работал с супружеской парой, которая пришла ко мне на сессию с маленьким ребенком. В процессе работы моя помощница зашла в кабинет и забрала малыша. Когда двадцать минут спустя ребенка вернули в кабинет, супруги закончили этап работы и были удивлены, узнав, что малыша не было в комнате. Они настолько погрузились в процесс, что все происходящее вне этого процесса для них просто не существовало.

Когда терапевт вступает в контакт с границей, обращаясь ко всей семье и направляя их внимание и энергию на них самих, первоначальная граница может быть разрушена и реформирована. Это момент интервенции – обсуждение того, что происходит внутри семьи, и проведение эксперимента. Но прежде чем семья продолжит работу, терапевт должен оставить поле, прерывая контакт с границей.

"Пробрасывание" информации можно осуществить только тогда, когда внимание членов семьи полностью обращено вовнутрь. При этом информация не должна быть слишком интересной, она должна быть просто знакомой, а может быть, напоминанием или подкреплением. Главное, чтобы она не занимала много внимания, ее назначение – чуть-чуть "встряхнуть" присутствующих. Если же "пробрасывается" новая или интересная информация, ее могут либо полностью игнорировать, потому что она слишком сложна для восприятия, либо супружеская пара или семья будет вы-

нуждена обратить на нее внимание, а значит, отвлечься от работы.

“Пробрасывание” выводит осознание на другой уровень. Когда уровень осознания падает, вы чуть-чуть поднимаете его, а когда он снова падает, поднимаете его опять, и так далее. Вы мягко говорите: “Вот так, вот так”, оказывая необходимую поддержку и обеспечивая определенный уровень осознания.

“Потрясающие вещи” нужно говорить тихо. Если же вы действительно хотите сказать что-то удивительное, вы должны остановить процесс и сказать: “Я хочу вам что-то сказать. То, что вы сейчас сделали, – по-настоящему здорово! А могли бы вы повторить еще раз?” Это сильная интервенция. Любой метод должен быть согласован не только с данной ситуацией, но и с репертуаром самого терапевта. Дело только в том, каким способом управлять границей контакта.

Заключение

В предыдущих главах я описал теорию систем и нашу концепцию “хорошей формы”. Я старался показать читателю, как эти два положения помогают сфокусировать наше видение семейных проблем. Я представил интерактивный цикл в различных его применениях. Мы подробно обсудили проблему осознания – краеугольный камень нашей работы. Я показал, как даже минимальное переключение может вызывать стремительные изменения в семейных системах. В конце главы 5 я дал четкое изложение мощной и стройной формулы трехшаговой интервенции. Затем я рассмотрел различные варианты ключевых типов сопротивления и продемонстрировал, как сопротивление может одновременно быть симптомом “болезни” и сильным средством адаптации. Я описал способы определения границ и возможные варианты управления ими. Я также коротко очертил концепцию терапевтического присутствия. Теперь, установив теоретические рамки нашего подхода, мы можем перейти к описанию их практического применения. Этому будет посвящена вторая часть книги.

Часть II ПРАКТИКА

8. ВМЕШАТЕЛЬСТВО В СУПРУЖЕСКУЮ СИСТЕМУ

Мир наших отношений определяет главное слово.

Это слово Я – Ты.

*Мартин Бубер**

[[[* Мартин Бубер (1878-1965) – философ и иудейский религиозный мыслитель.]

Растущее осознание обещает изменения на любом уровне нашей жизни. В семейной гештальт-терапии осознание процесса является фундаментом для ощутимых изменений.

Как правило, супружеские пары не осознают терапевтического процесса — его течения, познавательной значимости, энергетики. Они прежде всего включаются в содержание того, что делают, к чему особенно рьяно стремятся. Когда у них все в порядке, им и не надо задумываться над этим. Процесс общения между мужем и женой протекает гладко, когда муж или жена в любой момент готовы присоединиться друг к другу, делать что-то вместе, а затем испытать чувство удовлетворения и завершенности. Любое прерывание этого процесса приведет к снижению уровня энергии, что будет ощущаться как неудовлетворение или дисфункция — где “что-то не так”. Когда процесс обеднен, супруги испытывают боль и потребность обратиться к терапевту за помощью.

Супруги, у которых все в порядке, не обращают внимания на этот процесс. И только если наступает прерывание или тупиковая ситуация, процесс требует исследования. Когда вы, например, ведете машину, то не обращаете внимания на процесс вождения – вам просто надо добраться до нужного места. Но если вы начинающий водитель, вам необходимо держать этот процесс в сознании. Вы будете фиксировать каждое движение правой руки, которая лежит на рычаге переключения передач, осознавая любое изменение обстановки. В тот момент, когда вы начинаете чувствовать уверенность в себе, процесс уходит на дальний план. Вы просто ведете машину и не думаете над тем, что и как надо делать.

Пока с процессом все в порядке, он составляет фон нашего существования. Если процесс нарушается и выходит на передний план, вы вынуждены разобраться в том, что происходит. Когда супруги идут к терапевту, они перестают “просто жить” и переключают свое внимание от *содержа-*

ния своей жизни на *процесс* жизни. Они поворачиваются от содержания того, как живут, к тому, как протекает их жизнь. Когда жизнь снова налаживается и течет гладко, процесс снова уходит на дальний план.

Что должна делать семейная пара, для того чтобы исправить этот процесс? Им нужно, чтобы с ними поговорили о том, что с ними происходит, об их чувствах, мыслях и переживаниях. Им нужно "повариться" в этом процессе до тех пор, пока они не подойдут к чему-то, что их заинтересует, поддержит или придаст энергии. Они должны найти "фигуру внимания", которая вызовет интерес у обоих. Затем они глубоко проживают это, завершают данный этап и отставляют в сторону¹.

Терапевт, так же как и его клиенты, проходит через подобный процесс. Мы наблюдаем за парой, не всегда понимая, что нам надо делать, что нас интересует, что нам важно. Мы просто позволяем появиться фигуре, а потом сообщаем своим клиентам об этом². Такой прием мы называем *интервенцией*. Интервенция расширяет осознание супругов, выживая из фона нечто и превращая в фигуру внимания. Если пара может "переварить" это с помощью осознания, что-то получить из этого и решить, как можно изменить свое поведение, мы все удовлетворены.

Если супружеская пара не может вести себя так, как я описал, мы проводим эксперименты, создающие структуру для проигрывания такого нового понимания в рамках конкретной работы. Эксперимент подталкивает пару к новому поведению, переживанию или озарению, и тогда они могут выбирать, стоит ли приобщать полученный новый опыт к репертуару своей прежней жизни. После того как супруги познакомятся с новыми представлениями о самих себе, мы завершаем сессию.

В этой главе показано, как можно применять теоретические положения и принципы, описанные в первой части этой книги, к семейной гештальт-терапии. Она представляет базовые правила терапевтической сессии и описывает процесс создания и проведения интервенции, которая приводит семейную пару к более полному осознанию и изменениям³.

Как устанавливать терапевтическую ситуацию в работе с супружескими парами

Терапевт должен довольно долго наблюдать, слушать и переживать то, что происходит с супружеской парой, чтобы накопить достаточно информации о процессе и создать ситуацию для интервенции, соответствующей их проблеме. Терапевту необходимо обеспечить собственное присутствие в системе этих взаимоотношений, а также добиться участия пары в исследовании процесса, чтобы он мог осуществить все это на практике⁴.

Прежде всего мы вовлекаем пару в разговор, устанавливая терапевтическое присутствие и способствуя контакту между всеми участниками. Это может быть обычный приветливый разговор. Мы убеждаемся в том, что установили контакт с каждым, и создаем теплую атмосферу, которая располагает присутствующих поговорить и о более интимных вещах.

Далее мы сообщаем участникам основные терапевтические правила: наилучший способ помощи – наше наблюдение за клиентами, поэтому мы собираемся попросить их поговорить между собой о чем-нибудь важном для них обоих; в это время мы будем играть роль свидетеля, оставляя за собой право прервать их беседу, когда, как нам покажется, собеседники затронули что-то интересное или важное.

Когда я даю такие инструкции своим клиентам, я неизменно наталкиваюсь на сопротивление. Вот какие реплики я слышу всякий раз в таких случаях:

"Мы уже обсуждали это дома, зачем же снова говорить об этом здесь?"

"В этом нет смысла, потому что никто не хочет этого слушать, потому-то мы и пришли к вам".

"Такого я не ожидала!"

"Мы пришли к вам для того, чтобы получить какой-то совет, а не для того, чтобы болтать всякий вздор".

"Ваша просьба смущает меня. Я даже не знаю, смогу ли говорить тут перед вами, когда вы сидите и слушаете нас".

"Это кажется надуманным и неприятным. Фальшивая ситуация. Не понимаю, какая будет польза от этого, если мы будем чувствовать себя неестественно".

В этот момент мы усиливаем сопротивление (так происходит всегда при хорошей терапевтической работе), пока все участники не смогут выразить все свое сопротивление этой ситуации⁵. Например, если, "играя роль", клиенты слишком сконфужены, смущены и чувствуют себя неловко, вы можете отреагировать следующим образом.

Терапевт: Я рад, что вы можете рассказать мне о своем дискомфорте. Вы правы, это слож-

ная ситуация. Терапевтическая ситуация не является естественной. Но мне очень важно иметь возможность понаблюдать за вами и посмотреть, как вы общаетесь друг с другом. Я знаю, это смущает и вызывает чувство неловкости, но я надеюсь, что вы все-таки сможете сделать это, потому что для меня это лучший способ помочь вам.

Мы также предупреждаем клиентов, что можем прервать их беседу, если решим, что нам надо сказать им нечто важное. Со своей стороны, они могут в любой момент обратиться к нам за помощью, если почувствуют, что зашли в тупик, или если им захочется задать нам вопрос или что-то сообщить.

Когда наши инструкции доведены до сведения участников, мы снова выходим из системы и устанавливаем границу. В то время как они говорят между собой, мы наблюдаем этот процесс и ждем, пока что-либо не выйдет на первый план. Когда проявляется фигура, мы прерываем разговор и проводим интервенцию.

Терапевтическая работа с семейной парой – это уже эксперимент. Мы начинаем с эксперимента, а эксперименты непременно вызывают смущение – они драматичны и создают искусственную ситуацию. Тем не менее, в них всегда есть доля реальности, и терапевт может увидеть, что происходит, и раскрыть это.

Мы начинаем работать с того момента, когда проводим хорошую интервенцию. Мы можем провести эксперимент, чтобы проработать полученный материал и научиться чему-то новому, либо сама пара использует результаты эксперимента.

Заканчивая сессию, мы вновь возвращаемся к простой беседе, меняя искусственную, структурированную ситуацию на более социализированное простое и естественное человеческое общение. Затем мы желаем участникам всего хорошего и прощаемся с ними. Терапевтическая сессия похожа на полет в самолете: мы разговариваем, набираем определенную высоту, некоторое время летим, а затем приземляемся.

Как выбрать интервенцию

Начинающий терапевт может спросить: "А что я буду делать со всеми этими разговорами? Где остановиться? На что обращать внимание?"

Давайте представим себе, что вы сидите перед семейной парой и все происходит само собой, без всякого контроля. Без теории, которая описывает человеческое поведение, вы просто ничего не увидите. Увиденное и услышанное вызовет у вас лишь смятение. И только тогда, когда вы используете "когнитивную карту", когда информация будет организована, упорядочена, вы сможете привести к интервенции. Гештальт-терапия дает нам "линзы", сквозь которые мы видим мир. Существует четыре главные "линзы", которые вы накладываете на то, что видите и слышите.

1. *Сильные и слабые стороны процесса, происходящего в паре.* Прежде всего, поговорим о цикле взаимодействия, описанном в главе 4. Каким образом супружеская пара проходит этот цикл? Как им удастся присоединяться друг к другу? Что им мешает? Как они приходят к хорошему результату? Что происходит, когда им это не удается?

Терапевт не должен лишь ждать удобного случая, чтобы прервать сложный процесс, он может просто наблюдать за сильными сторонами общения между супругами. Большинство пар обычно не осознают свои положительные возможности. Если вы сообщите им об этом, это сообщение уже будет мощной интервенцией. Порой она бывает даже сильнее, чем замечание о том, как они перебивают друг друга. Дело в том, что люди, как правило, мало знают о том, что делают хорошо, и гораздо больше знают о том, что делают плохо.

Джим и Лоретта: терапевтический процесс

Я приведу пример удачного терапевтического процесса, где Джим и Лоретта говорят о своей двадцатидвухлетней дочери Мерилин.

Джим: Что ты думаешь о том, чтобы помочь Мерилин оплачивать квартиру?

Лоретта: Это было бы хорошо, но в этом году мы собирались платить деньги в пенсионный фонд. И то, и другое мы не осилим.

Джим: Но поначалу ей самой этого не одолеть. Я волнуюсь за нее.

Лоретта: Я тоже, но мы должны дать ей возможность бороться самой, она должна научиться.

Джим: Как бы мне хотелось, чтобы мы были богатыми!

Лоретта: Не в этом дело, Джим. Мерилин уже не ребенок, она достаточно взрослая и умная

женщина.

Джим: Я думаю, нам надо дать ей возможность научиться помогать себе самой. А? Конечно, если у нее будут затруднения и она придет к нам, мы постараемся вместе продумать ее финансовое положение и решить, что ей делать дальше.

Лоретта: Если она будет нуждаться в нашей помощи, мы ей поможем. С нынешней зарплатой у нее должно быть все в порядке.

Джим: Согласен! Неужели ты не рада, что она встала на ноги?

Лоретта: Конечно! Она замечательная. Я очень горжусь ею.

Когда вы указываете паре на ее сильные стороны, предоставляя супругам возможность осознавать их, они могут ими воспользоваться, когда у них возникают затруднения. Если муж и жена входят в противоречия друг с другом, им нужно вспомнить, что они умеют делать хорошо, и использовать это умение в решении своих проблем. Что же мы можем сказать семейной паре об их способностях?

Терапевт: Я хотел бы сказать вам, что нахожусь под большим впечатлением о того, как вам удается справляться с проблемой и не раздражаться друг на друга. Вы действительно достаточно заботитесь о Мэрилин и способны достичь согласия. Когда вы оба почувствовали удовлетворение, напряжение отпустило вас, и вы смогли разобраться в своей проблеме. Молодцы!

С точки зрения цикла взаимодействия, Джим и Лоретта смогли полностью использовать свою энергию, а также сохранить ясную фигуру и достичь решения. Сбой в системе семейной пары нарушает их процесс, благодаря которому она функционирует. Особенно это сказывается на цикле взаимодействия. Давайте снова вернемся к Джиму и Лоретте. Теперь мы посмотрим, как бы они вели себя при столкновении.

Джим: Что ты думаешь о том, чтобы помочь Мэрилин оплачивать квартиру?

Лоретта: Это было бы хорошо, но в этом году мы собирались платить деньги в пенсионный фонд, мы этого не осилим.

Джим: Но поначалу ей самой этого не одолеть. Я волнуюсь за нее.

Лоретта: Я тоже, но мы должны дать ей возможность бороться самой, она должна научиться.

Джим: Как бы мне хотелось, чтобы мы были богатыми!

Лоретта: О чем ты говоришь, ты снова в мечтах. А нам нужно смотреть правде в глаза.

Джим: И какова эта правда?

Лоретта: Я только что сказала тебе.

Джим: Скажи еще раз.

Лоретта: Ей нужна тысяча долларов в месяц, чтобы выжить, что она и делает.

Джим: А что, если ей поехать в отпуск?

Лоретта: Тогда она должна будет пожертвовать чем-то, чтобы сэкономить деньги для этого.

Джим: В чем же состоит наша ответственность перед взрослым ребенком?

Лоретта: Разные люди по-разному относятся к этому. Донахью дали Марку кругленькую сумму после получения диплома.

Джим: Н-да, чудеса! У них доход даже меньше, чем у нас.

Лоретта: Может, нам встретиться с ними и спросить их мнение по этому поводу?

Джим: Нам самим следует это понять.

Лоретта: На днях я видела Донахью в супермаркете. Он прекрасно выглядел.

Джим: Мы не виделись с ними уже несколько недель.

Лоретта: У меня разболелась голова...

Во втором примере Джим и Лоретта не могут завершить то, что начали. Разговор не вызывает у них ощущения завершенности и удовлетворения. Начав говорить о доходах семейства Донахью, они отклоняются от основной своей цели, которая касается недавно возникшей проблемы независимости их дочери.

С точки зрения развития цикла, мы можем сказать, что они застряли на осознании. У них есть потребность собрать больше сведений, чтобы понять, правильно ли они поступают, но они не могут накопить достаточно энергии, чтобы принять решение по ходу действия. Хороший, прочный контакт невозможен, и один из них уже начал страдать. Они не могут принять даже промежуточного решения о встрече с друзьями; они застряли. Однако супруги по-прежнему могут услышать о

том, что они делают хорошо, даже здесь мы видим их состоятельность. Всегда хорошо услышать, что делаешь хорошо, прежде чем тебе скажут о том, что ты делаешь плохо. В данном случае терапевт может сказать:

Терапевт: Мне нравится, что вы сохраняете спокойствие по отношению друг к другу и отвечаете на вопросы. Мне нравится ваше любопытство и философский взгляд на жизнь.

Позже они могли бы услышать:

Терапевт: Вы потратили слишком много времени на то, чтобы обсудить все эти возможности, поэтому и не смогли прийти к согласию и ощущению завершенности.

Если супруги делятся информацией друг с другом, задают вопросы и отвечают на них, пытаясь повлиять друг на друга, давая выход энергии и "цепляя" другого человека, – они взаимодействуют хорошо. Если же вы замечаете прерывание процесса, когда вопросы не находят ответа, информация дается обрывочно или не дается вообще, повисают длинные паузы; дискуссии затягиваются, пока один говорит, другой теряет к нему интерес, но не сообщает ему об этом, один говорит о том, что он (или она) хочет сделать, но не вкладывает в это достаточно энергии, а потому не достигает ушей собеседника, – у такой пары есть серьезная проблема.

Любая ситуация, которая разворачивается перед вами, может стать объектом мощной интервенции. Даже если у вас есть только одна линза, через которую вы смотрите, вы увидите множество вещей, которые нуждаются в коррекции. Модель гештальт-цикла дает вам язык, с помощью которого вы сможете постигать процесс человеческих взаимоотношений. Он позволяет вам выражать семейной паре то, что вы видите, и то, что вам интересно.

2. *Содержательная сторона.* Итак, вы считаете, что ориентированы на процесс. Как вам удастся не поддаться искушению и не внедриться в разговор между супругами, в то время как вас так и подмывает сказать что-нибудь утешительное или прокомментировать содержание беседы? Возможно, вы делаете что-то со своим телом, или что-то происходит в вашей голове, или случается нечто в окружающей вас среде, что не дает вам попасть под влияние содержания разговора? Я-то считаю, что не наше дело обращать внимание на содержание. Наша работа заключается в том, чтобы следить за процессом. Нам важно, *как* наши клиенты говорят, а не *что* они говорят. Это и есть настоящая задача. Подпасть под влияние содержания мы можем только по лености. Подумайте о том, какой возможный результат можно получить из следующего диалога супружеской пары.

– В свои двадцать два Мэрилин достаточно взрослый человек, чтобы позаботиться о себе самой, не правда ли?

– Тысяча долларов не такая уж большая сумма, чтобы выжить в наше время.

– Тысяча долларов – это куча денег для молодого человека, ведь она получает их каждый месяц. Ей нужен разве что твой совет.

– А может быть, посоветовать ей найти компаньонку? Тогда квартира обойдется дешевле и у нее останется больше свободных средств.

Как только мы втягиваемся в содержание диалога, мы перестаем "работать". Ведь наша работа заключается в том, чтобы отслеживать процесс и помогать супругам меняться, а разбираться в содержании беседы – их дело. Если мы просто присоединимся к ним, то уже не сможем быть адекватными консультантами происходящего процесса.

Мы предполагаем, что сбой в работе системы происходит снова и снова, независимо от того, о чем говорят муж с женой. Они могут говорить о сексе, деньгах, о переезде в другой город или о детях, но способы прерывания контакта, как правило, схожи. Очевидно, что дело здесь не в содержании. Похоже, что одна тема бывает не более проблематичной, чем другая, обычно сбой происходит в самом процессе.

Супруги могут хорошо осознавать нарушения в процессе, однако они будут сильно страдать, потому что не стремятся наладить хороший контакт. Пытаясь разрешить финансовые проблемы, они могут подолгу говорить о деньгах, но при этом не вкладывают свою энергию, чтобы что-то произошло, и их усилия пропадают зря. Они могут обсуждать переезд в другой город, не проявляя при этом никакой инициативы или возбуждения, соответственно, их разговор не приводит к решению вопроса.

Торможение в осознании сглаживает наши переживания происходящего, независимо от контекста. Энергетический уровень осознания настолько низкий, что не дает достаточного возбуждения. Поэтому все остается без изменений. Само по себе осознание является модальностью с низкими энергетическими затратами. Важно, чтобы оно и оставалось таким, так как протекает в русле эксперимента. Мы должны иметь возможность отставить в сторону часть наших идей: если

мы этого не сделаем, важным нам покажется все подряд, а это снова приведет нас к топтанию на месте.

Но что делать, если супруги включаются в цикл, а затем просят у нас помощи по содержанию? Как быть в такой ситуации? Действительно, в некотором отношении мы более информированы, чем обычные люди, приходящие к нам за помощью. Например, семейная пара может спросить нас о том, как мы относимся к отправке ребенка в частную школу. Какая от этого польза? В каком возрасте лучше отправлять ребенка? На что надо обратить внимание? Нас могут спросить о работе родителей. Сколько лет должно быть ребенку, когда мать возвращается на работу; насколько это полезно или вредно? Супруги могут спросить наше мнение по поводу совместного проживания кого-то из родственников мужа или жены. Окажется ли это полезным или принесет беспокойство семье?

Это очень щекотливый момент в нашей работе, так как наш опыт в данном случае не имеет особого значения. Не важно, что мы думаем, ведь на самом деле мы не знаем, что хорошо для кого-то другого. Иногда, однако, нам приходится идти на риск и высказывать свое мнение на тот или иной счет. В такие моменты мы возвращаемся к архаичной системе обучения. Подобная система имеет жесткие границы и не требует нашего мнения.

Довольно трудно советовать супругам, которые спрашивают о том, что кажется вам совершенно неприемлемым. Например, вы можете быть убеждены в том, что для ребенка полезно, когда оба родителя ходят на работу, в то время как ваши клиенты говорят, что ребенку будет плохо, он станет чувствовать себя заброшенным или нелюбимым. В этой ситуации вы будете испытывать болезненное искушение переубедить их.

В таких случаях мы настоятельно просим терапевтов сдержаться и уйти от вмешательства. Терапевт должен ждать вопросов. Если же его не спрашивают, у него мало шансов быть услышанным. Если вы, забегаая вперед, станете уточнять содержание беседы, ваши усилия окажутся бесполезными. Тем не менее, будучи профессионалами, мы должны ответить на вопрос клиентов (даже если не знаем ответа на его вопрос) и высказать свое просвещенное мнение.

И все-таки бывают случаи нашего вмешательства в содержание, когда нас не просят об этом. Тогда мы с самого начала заключаем с клиентами контракт, предполагающий, что мы будем наблюдать за процессом и вмешиваться в его содержание. При таком условии можно ожидать больше вопросов по содержанию, нежели по процессу. Дело в том, что так мы чувствуем себя значительно свободнее с информацией о процессе и увереннее в том, что касается наших ценностей. Мы считаем, что это будет полезно для них, и у нас появляется больше желания вмешиваться. Кроме того, процесс интервенции отчетливо ориентирует нас на данные, которые появляются в течение часа терапии.

3. Полярные искривления и другие нарушения баланса. Когда бы мы ни сталкивались с полярностью – это всегда искривление, нарушающее баланс. Предположительно, оно может послужить причиной интервенции. Если система здорова, каждая ее часть имеет множество возможностей. Если один человек слишком активно участвует в работе, а другой совсем не участвует, это порождает смещение полярностей и определенные трудности в их совместном взаимодействии. При этом один в той или иной степени станет испытывать либо неумеренное восхищение другим, либо пренебрежение к другому. Если такие неравноправные условия поддерживаются длительное время, это нередко приводит к психологическому застою, гневу или раздражению.

Каким образом у нас возникают полярности? И что происходит, когда они сталкиваются? По-видимому, существуют части нашего собственного "я", которые долгое время остаются неразвитыми просто потому, что в этом не было необходимости. В результате, одни части развиваются за счет других. Например, мы уделяем много внимания заботе о других людях и в то же время совсем не заботимся о самих себе. Или мы можем быть очень серьезны, у нас может быть совсем не развито чувство юмора.

Мы замечаем у других те качества, которые не развиты у нас. В этом случае легко приобрести неразвитое качество, просто присоединившись к другому. И тогда у вас внезапно появляется чувство юмора или желание позаботиться о себе, к вам возвращается утраченная живость или организованность. Такая мгновенная самореализация вызывает восхищение. Когда с человеком случается нечто подобное, мы говорим, что он влюбился. Он испытывает чувство целостности и, конечно, в этот момент действительно достигает целостности. А другой человек, которому нужно развивать другие качества или части, также найдет что-то привлекательное для себя. И вот они объединяются, образуют союз и некоторое время им это нравится, потому что вместе они — пара, составляющая единое целое – некий новый организм.

Однако часто через несколько лет что-то нарушается, и, по иронии судьбы, это происходит именно из-за каких-то неразвитых частей или качеств, потому что, с одной стороны, один не ценит эти качества, а с другой – переоценивает свои развитые качества. В то же время один думает, что

это важно и очень хорошо. То есть у него имеется двойственное отношение к своим характеристикам. Он живет со своим партнером, ориентируясь на свои положительные качества.

Вы можете, например, шутя и играя, жить с такими положительными качествами своего партнера, как чувство юмора и жизнерадостность. Но рано или поздно вы столкнетесь с их теневой стороной. У юмора есть свои дефекты: он может быть циничным или неуместным, когда ситуация требует серьезности. Тогда все, что вам нравилось раньше, покажется неприятным, и даже юмор начнет раздражать вас.

Через такой трудный период проходят почти все: приходится пересматривать хорошие и плохие стороны своего партнера, так же как и свои собственные качества. Вам следует разобраться в том, что вы знаете о нем, о тех качествах, которыми вы сами наделили его в процессе совместной жизни. Вам придется взглянуть со стороны на своего партнера и либо полюбить его чувство юмора, либо возненавидеть его. Вы можете возложить ответственность на него, и пусть он с этим справляется. Вы можете отказаться от пристального внимания к своему партнеру, потому что юмор больше не является вашей неразвитой чертой. Как только вы развили в себе чувство юмора, вы уже знаете его сложности и в другом человеке больше не оцениваете его только положительно или отрицательно.

Что же может сделать терапевт, когда сталкивается с искривленными полярностями? Например, вы видите, что один участник очень старается быть серьезным, когда другая выглядит страдающей и хочет рассказать о своих переживаниях. Возможна такая интервенция.

Терапевт: Хорошо, я бы хотел на минутку прервать вас. Мне хотелось бы рассказать вам о том, что я заметил. В вашем общении присутствуют и серьезность, и юмор. По какой-то причине один из вас серьезен, а другой весел, и, похоже, это обычное дело для вас. Вы замечали это когда-нибудь? Происходит ли дома то же, что и здесь?

После ответа можно попросить супругов:

Терапевт: Почему бы вам не поделиться друг с другом тем, что вы чувствуете? Хотели бы вы сделать это? Или вам хочется подумать, как можно это изменить?

Если ваши клиенты заинтересованы в таком предложении и хотят изменений, можно предложить им эксперимент. Например, попросите их обменяться ролями, что, вероятно, приведет к важному осознанию их полярностей.

Во втором диалоге Джима и Лоретты вы могли заметить, что Джим обозначает проблему и задает вопросы, а Лоретта лишь дает ответы. Вот как может быть сформулирована интервенция.

Терапевт: Мне хотелось бы рассказать вам о своих наблюдениях за тем, как вы приходите к решению проблемы. Я заметил, что Джим требует, задает вопросы и провоцирует, в то время как Лоретта берет на себя объяснения, рассуждения и оценку возможностей. Понимаете ли вы, каким образом делите полномочия?

После того как они обсудят свою реакцию на феномен искривления полярностей, вы можете формулировать эксперимент.

Терапевт: Я бы хотел предложить вам маленький эксперимент. Возможно, вам было бы полезно поменяться ролями. Что если, например, вам, Джим, давать решения проблемы, а вам, Лоретта, ставить проблемы и задавать вопросы? Что скажете? Хотите посмотреть, что получится?

Любую искривленную полярность можно использовать для интервенции, чтобы супруги лучше осознали то, что вы считаете разрушительным фактором.

Искривление полярностей может служить диагностическим признаком недостаточного развития. Конечно, полное раскрытие всех положительных способностей человека – идеал, к которому можно только стремиться. Но каждый из нас должен делать выбор, чтобы определить себя как личность.

На высоком уровне развития мы осознаем наш выбор. Мы знаем, что не будем тратить всю нашу энергию, чтобы развивать все аспекты своей личности, хотя бы просто потому, что мы этого не хотим или не нуждаемся в этом. Мы можем принимать то, что другой человек вносит в наши отношения, нам это может не нравиться и все же мы будем продолжать жить с этим. Например, если муж лучше социально адаптирован, чем его жена, ей нужно решить, предоставить ли ему право быть таким и оценить тот вклад, который он вносит в их совместную жизнь. При этом она

сама может не оценить его чрезмерной общительности и не понимать, зачем он тратит на это столько энергии и почему это так важно для него. Однако если ему так нравится, значит, это приемлемо и для нее. Ну что же, социальная активность – не то качество мужа, которое восхищает его жену. Такое равновесие сходно с нулевой точкой “творческой отстраненности”, о которой говорилось в предыдущих главах.

Поначалу жена может чувствовать неполноценность в сравнении со своим мужем: “Какой он замечательный! Посмотрите, какой он открытый и дружелюбный человек!” Затем она будет думать о нем снисходительно: “Как он может тратить свое время на какую-то поверхностную общественную деятельность? Какой же он пустой человек”. Там, где супруги взаимно дополняют друг друга, у них появится скорее философское отношение друг к другу, чем чувство превосходства или неполноценности. Когда такое взаимное дополнение достигнуто, полярности больше не становятся у них на пути. Они не исчезают, но воспринимаются и рассматриваются по-другому и больше не несут в себе энергии проекции.

4. *Взаимное дополнение и средняя позиция (middle ground)*. Слияние с другим человеком – неотразимое и очень сильное переживание. Это присущая человеку мечта – мечта о соединении с матерью. В самом начале жизни слияние не означает “любовь” в ее обычном понимании. Эта “потребность” появляется как неопределенное желание когда-то сказанных слов. Прежде чем кто-то скажет: “Я люблю тебя”; или: “Я тоскую по чему-то”, без всякого осознания возникает психологическое возбуждение. В это время – время физиологического возбуждения – если потребность в слиянии так или иначе не удовлетворяется, младенец или ребенок может навсегда получить травму.

Только позже такое аномальное стремление может проявиться в словах. В различных культурах слова могут быть разными. Различные виды общественного устройства развивают различные способы столкновения с такой “невстреченной” потребностью. Кроме того, отношение к любви может меняться в зависимости от периода жизни одного человека, но опыт влюбленности и потребность в слиянии остается главным таинством – формой “психологической алхимии”. С одной стороны, это некоторое признание того, что один человек не является целостным без другого. С другой стороны – также и признание целостности человеческой личности.

Союз двоих похож на алхимию соединением двух веществ вместе и получением нового вещества. Алхимики соединяли различные металлы в надежде получить золото. Возможно, мы надеемся на нечто похожее, когда обмениваемся золотыми кольцами. Существует также алхимия биологической природы сексуальности. Он и Она такие разные, и это различие становится самой притягательной тайной.

Однако слияние всегда терпит поражение. Если плод остается в утробе, он погибает. Если молодой человек (или девушка) не отходит от матери или отца, он (или она) погибает духовно. На смену слиянию должно прийти отделение, а отделение всегда предполагает различие. Различие означает, что супруги должны разъединяться и развивать свое собственное “я”. Юнг называет это индивидуацией, а гештальт-терапия — формированием границ. Единственный способ наладить адекватный контакт с точки зрения гештальт-подхода – иметь адекватные границы. Нельзя наладить контакт с чем-то расплывчатым и неопределенным, с таким киселем невозможно даже конфликтовать. Человеку необходимо сдвинуться с точки психологического нуля в сторону отличного от других, четко очерченного организма, с его собственными идеалами, чувствами, предпочтениями и жизненной силой.

В “двуличностной” системе существует ритм слияния и разделения. Мы соприкасаемся друг с другом по разным поводам, с разной интенсивностью. Иногда это приводит в экстаз, а иногда в ярость, но чаще всего мы касаемся друг друга, ощущая некоторый магнетизм. После такого прикосновения можно и уйти. Затем мы снова возвращаемся. Процесс движения туда и обратно является динамической пульсацией взаимоотношений.

Принимая различные формы, процесс слияния и разделения происходит всю жизнь. Когда двое влюбляются друг в друга, они переживают слияние. В этот момент они неразделимы. Они сидят, не отрываясь смотрят друг другу в глаза, постоянно признаются в любви и клянутся в вечной преданности. Позже они лучше узнают друг друга, их отвлекают требования обыденной жизни, и тогда начинается медленный и малозаметный процесс разделения. В этот период они начинают признавать взаимные различия и постепенно возвращаются к самоактуализации. Слияние становится еще более сложным, когда в семье появляются дети. Но когда дети подрастают и уходят из семьи, снова возникает проблема разделения. Супруги вновь остаются один на один, правда, теперь, они уже взрослые и самостоятельные люди, которые однажды выбрали друг друга, чтобы быть вместе. И наконец, болезнь и смерть снова сталкивают супругов с разделением. Тогда фантазия (или реальность) слияния с какой-то внешней силой становится для человека сверхъестественным переживанием.

Человек появляется на свет только для того, чтобы снова и снова отдавать себя.

На смену слиянию приходит потребность в утверждении "я". После опыта влюбленности каждый человек один и снова сталкивается со своим "я" – внутренними потребностями, талантами и конфликтами. Каждый из партнеров рисует себе собственный образ поведения, дружбы, любви. Каждому человеку нужно добиваться осознания собственного "Я" как отдельной сущности, отличной от осознания другого человека. Каждый должен научиться отличать свои внутренние переживания и мысли от переживаний и мыслей другого.

Терапевт поддерживает индивидуальные границы и должен просить каждого пациента произнести приблизительно такие слова: "Я чувствую..."; или: "Вы похожи на..." Интроекция, проекция и конфлюенция (слияние) – излюбленные способы сопротивления на этом уровне: "Я чувствую, вы хотите есть"; или: "Я чувствую напряжение, и вы тоже выглядите напряженным"; или: "Вы как будто рассержены на меня".

Прежде чем мужчина и женщина станут переживать чувство "мы", каждому из них следует произнести местоимение "я" в собственных границах:

"Я ощущаю..."

"Я чувствую..."

"Я хочу..."

"Я не хочу..."

Каждый партнер должен произнести эти фразы сам по себе, а не в качестве реакции на другого. Только значительно позже, когда они начинают ощущать собственную значимость, можно обратить внимание на переживания другого. Но прежде чем это произойдет, контакт по типу слияния должен перейти в контакт по типу конфликта. Дело в том, что человеку трудно отделиться от своего партнера без конфликта. Для многих супружеских пар, воспитанных на голливудских фильмах, конфликт означает следующее: "Мы больше не любим друг друга"; или: "Мы больше не подходим друг другу". С таким отношением к конфликту они могут никогда не прийти к его разрешению. Семейная пара, как правило, имеет искаженное представление о конфликте, боится его и считает, что он означает поражение.

На этом этапе гештальт-терапевту следует объяснить клиентам, как интегрировать собственные различия таким образом, чтобы это устраивало обоих и не означало утраты уважения друг к другу. Терапевт оценивает переживания каждого из партнеров и одновременно побуждает их уважать и принимать мнение другого. Поддерживая мужа и жену, терапевт начинает поддерживать их "вместе", подталкивая к поиску интеграции различных качеств⁸. На пике разрешения конфликта супруги смотрят друг на друга с новым интересом и часто даже с новой страстью. На смену разделению снова приходит слияние. И таким образом этот ритм продолжается.

Некоторые различия невозможно сгладить, их можно только принять как таковые. Человек любит и уважает другого, научившись принимать экзистенциальную реальность, в которой отнюдь не все проблемы решаемы. Голливуд создал миф о любви как о слиянии. Увлечение личностным ростом создало миф о том, что все личные проблемы можно разрешить. Эта интроективная этика заставляет некоторых супругов по изнеможению обсуждать различия своих характеров, испытывать стыд, отчаяние и разочарование в семейных отношениях.

Различия являются главной составляющей отношений, именно они поддерживают отношения живыми. Однако доведенные до абсурда различия перестают быть полезными и приводят к непоправимым последствиям.

Взаимное дополнение является функциональным аспектом различий. С точки зрения развития, один партнер выбирает другого, дополняя те части себя, которые он не осознает, не принимает. Человек видит эти качества своего партнера в романтическом свете. Такие "две половинки" соединяются вместе, чтобы составить единое целое и лучше жить на этом свете.

Функция взаимного дополнения принимается другим до тех пор, пока сам партнер не начинает это чувствовать. Позже, когда это неприсвоенное качество начинает подниматься на поверхность, дополняющее поведение партнера нередко становится источником раздражения, гнева, неприязни и смятения. То, что прежде виделось в романтическом свете, сейчас воспринимается как вздор. Например, экстраверт воспринимается как "пустобрех", а интроверт – как меланхолик. В такой ситуации гештальт-терапевт может помочь обоим партнерам поработать с полярными качествами друг друга, как это было описано ранее.

Некоторые дополняющие модели – важные как для характера, так и для стиля поведения – останутся неизблемыми у каждого партнера, независимо от его личностного роста. Здесь настоящее взаимное дополнение (если оно не невротическое или проективное) может украсить жизнь семейной пары. Чем больше партнеры развивают свою индивидуальность, тем ярче проявляются

их полярные свойства и им легче принимать "безумное" или неприемлемое поведение друг друга.

Взаимное дополнение указывает на различия между мужем и женой, в то время как в средней позиции их больше привлекают сходные черты. Жизнь выбирает среднюю позицию, она не может все время пребывать в крайних точках. Это в полной мере относится и к семейной жизни. Она состоит из работы и отдыха, телефонных звонков и визитов, завтраков и ужинов, доходов и расходов. Только когда у нас бывает время остановиться и отстраненным взглядом посмотреть на происходящее, мы можем уделить внимание и экстраординарным аспектам жизни.

Взаимное дополнение способствует возбуждению семейной жизни, тогда как средняя позиция обеспечивает покой и отдых, когда энергия сохраняется, а энергетический уровень синхронизируется. Взаимное дополнение стимулирует конфликты, а средняя позиция является ресурсом спокойного слияния.

Выживание и развитие супружеской пары определяется балансом между дополняемостью и слиянием. Фигура различий появляется только на фоне согласия, понимания, компромиссов и удовлетворения. В свою очередь, фигура слияния существует на фоне ярких различий, оживленных споров, дискуссий и эмоциональных баталий. Можно сказать, что коэффициент выживания супружеской пары – это середина между слиянием и различием или между средней позицией и взаимным дополнением.

Для того чтобы определить среднюю позицию и баланс в работе с семейной парой, терапевт может задавать, например, такие вопросы:

- Как вы познакомились?
- Что вам нравится друг в друге?
- Каковы ваши обычные представления о жизни?
- Что радует вас обоих, когда в семье все хорошо?

Ответы на такие вопросы напомнят супругам об их обычной жизни: убеждениях, привязанностях, дружеских связях, работе. Кроме того, терапевт должен быть готов к тому, что средняя позиция данной пары может быть совершенно нестабильной, как будто она покрыта тонкой коркой льда. Терапевт может увидеть, что супруги не способны судить друг о друге справедливо. Каждый из них может отвергать свои чувства и лгать другому. В конце концов терапевт обнаружит, что у данных супругов странным образом отсутствует преданность и лояльность по отношению друг к другу.

Терапевту необходимо понять, какое количество конфликтов способна выдержать эта пара "здесь и сейчас", сохраняя свой статус. Возможно, следует их попросить вступить в конфликт друг с другом, спросить, хотят ли они построить основу взаимного доверия, чтобы разрешить тот конфликт, в который втянуты.

5. *Способы сопротивления.* Сопротивление возникает на границе между двумя подсистемами и является одной из форм контакта. Сопротивление может возникать как внутри супружеской пары, так и в ответ на терапевтическую интервенцию. Обычно у людей существуют свои "любимые" формы сопротивления, соответствующие тому или иному типу поведения человека. Поэтому, как правило, тот тип сопротивления, который типичен для общения супругов, проявляется и в их контакте с терапевтом. Например, супруги с ретрофлексивным способом сопротивления, будут держаться вместе и избегать контакта с терапевтом. Их отношения с терапевтом могут стать отражением собственных взаимоотношений.

Мы часто говорим о сопротивлении как об исключительно интрапсихическом феномене: "Я ретрофлексивный человек", "Я проективный человек"; "Я человек слияния". Однако сопротивление берет начало от взаимодействия. Для сопротивления необходимо наличие по крайней мере двух людей. Сопротивление становится внутренним, если оно становится привычным и повторяется снова и снова. На каждую новую ситуацию человек реагирует так, будто это старая ситуация, не замечая отличительных деталей и тем самым привнося в новую ситуацию свой прежний опыт.

В предыдущих главах мы уже обсуждали различные способы сопротивления, поэтому сейчас поговорим о том, как терапевт должен работать с сопротивлением, используя его как возможность для интервенции. Когда терапевт смотрит на сопротивление в рамках интерактивной системы, очень важно распознать внутри системы тот "сговор", который поддерживает сопротивление. Ни один человек не может сохранять сопротивление в контакте. Зато любой человек сумеет преобразовать сопротивление в переживание контакта. Давайте снова вернемся к Джиму и Лоретте.

Лоретта: На днях в супермаркете видела Донахью. Он прекрасно выглядел.

Джим: Мы не виделись с ними уже несколько недель.

Лоретта: У меня разболелась голова...

Терапевт: Мне нравится, что вы сохраняете спокойное отношение друг к другу и отвечаете на вопросы. Мне нравится ваше любопытство и философский взгляд на жизнь, когда вы говорите о

Мерилин. Итак, продолжайте.

Терапевт указывает пациентам на то, что они делают хорошо, прежде чем идти к тому, что им еще предстоит сделать.

Джим: Да, мы оба хорошо успевали по философии, когда учились в колледже.

Лоретта: Спасибо. Мы действительно хорошо разговариваем. Может быть, раз уж мы здесь, нам надо было бы поговорить и о Кэти.

Джим: О'кей. Что ты имеешь в виду? Кэти скоро заканчивает колледж. И что она будет делать со своим дипломом по английской литературе?

Лоретта: Ну что ж, ведь мы всегда настраивали девочек на гуманитарное образование. Я думаю, что она сможет учиться дальше и получить степень по литературе. Она могла бы получить стипендию или стать ассистентом преподавателя.

Джим: И что мы должны делать? Недавно я разговаривал с ней, и она сказала, что толком не знает, как ей поступить с колледжем. Она бы хотела сделать перерыв и уйти из колледжа.

Лоретта: Когда мы были детьми и учились в колледже, нам даже не хотелось уезжать на каникулы. А это поколение какое-то испорченное. Им нужно сразу все.

Джим: А чем плохи каникулы? Может быть, дети умнее нас. Мы вечно работали до седьмого пота и все время думали о будущем.

Лоретта: У нас хоть было представление о том, чего мы хотим. Ты хотел получить степень, чтобы я могла спокойно растить детей.

Джим: Времена изменились. Они не хотят думать о детях, пока им не стукнет тридцать.

В короткий срок Джим и Лоретта обсудили множество вещей и, похоже, утратили главную нить своей беседы: они говорили о проблемах, связанных с их дочерью Мерилин. Они переключились на свою вторую дочь, на воспоминания об учебе в колледже, а затем погрязли в дискуссии по поводу несходства поколений. Возможно, им было бы полезно поближе приглядеться к тому, как они уходят от проблемы.

Терапевт: Простите. Я хотел бы поделиться с вами своими наблюдениями. Вы слишком долго обсуждали все возможности и обстоятельства, поэтому вам было трудно прийти к соглашению и у вас не было ощущения завершенности ни по одной из затронутых тем. Например, тема квартирной платы Мерилин повисла в воздухе. Затем вы так и не решили, как возобновить отношения с семейством Донахью. Тема Кэти также осталась незавершенной. Каждый раз, когда кто-нибудь из вас фокусировался на чем-то конкретно, другой менял предмет обсуждения. Мы называем это уклонением, или дифлексией.

(Лоретта странно, как будто в полусне, смотрит на терапевта. Джим пассивен, кажется, что он рассматривает дерево, которое видно из окна.)

Лоретта: Джим, ты отвлекаешься, это утомляет терапевта. Я пытаюсь втолковать тебе абсолютно то же самое. Абсолютно!

Джим: Но я люблю наблюдать, я должен...

Терапевт: Вы оба удивлены. Но я просто показал вам, как вы уклоняетесь от общения друг с другом, а теперь — от общения со мной. У вас определенно есть проблема в общении друг с другом, и эта же проблема возникает в общении со мной.

Лоретта (терапевту): Я не понимаю, что вы имеете в виду.

Джим: Ведь я уже говорил, что мы отвлекаем друг друга и начали утомлять терапевта своими разговорами.

Лоретта: Зато теперь мы знаем, как это называется — отклонение.

Терапевт: Уклонение.

Джим: Уклонение! Мы все время делаем это друг с другом, а сейчас — с вами. Я с ума сойду.

Лоретта: Хорошо. Давай посмотрим, сможем ли мы закончить разговор о Кэти?

Это еще один этап, на котором можно проводить интервенцию. Мы указываем паре на типичные способы сопротивления, мешающие им налаживать нормальный контакт друг с другом. В данном случае это была дифлексия.

Резюме

Я показал вам некоторые аспекты отношений между супругами, которые могут служить по-

тенциальным материалом для интервенции.

1. *Сильные и слабые стороны процесса общения супругов.* Завершенный цикл представляет собой начало, развитие и завершение ситуации. Супружеской паре полезно обратить на это внимание.

2. *Содержательная сторона.* Как терапевт вы действительно являетесь экспертом по поведению человека. Вы знаете, как надо реагировать на определенные ситуации в жизни. Однако здесь вы должны проявлять большую осторожность, так как не можете доподлинно знать, что хорошо или плохо для других людей. Всегда помните, что обсуждение содержания успокаивает, но только работа с процессом поможет что-то изменить в системе "супружеская пара".

3. *Полярные искривления и другие нарушения баланса.* Система здорова тогда, когда каждый ее член развивает скорее свои качества, а не передает некоторые функции своему партнеру. Такие проявления необходимо выявлять, исследовать с помощью эксперимента и осознавать.

4. *Взаимное дополнение и средняя позиция.* Слияние с другим создает то, что мы называем "мы", в то время как отделение от другого создает "я". Этот ритм колеблется от одного проявления к другому и становится своеобразной хореографией семейной пары. Их "танец" меняется в зависимости от "музыки", которая звучит в разное время.

Взаимное дополнение – функциональный аспект различительных свойств. Таким образом выражаются различия в рамках системы супружеской пары. Если взаимное дополнение основано на различных свойствах, то средняя позиция базируется на аналогичных чертах. Жизнь, как мы уже говорили раньше, протекает посередине, а не на крайних ее точках. Средняя позиция буквально создает стабильность и взаимное доверие, при которых такие крайние проявления, как скандалы и предельное возбуждение, могут возникать, быть принятыми и позволяют супругам развиваться как индивидуально, так и в качестве системы.

5. *Способы сопротивления.* Сопротивление является феноменом системы. Когда семейная пара начинает осознавать, каким образом им удастся прерывать контакт, их навыки общения становятся существенно богаче и они получают гораздо больше удовлетворения от общения друг с другом.

А теперь давайте посмотрим, как проводить интервенцию.

Как проводить интервенцию

Когда терапевт проводит интервенцию, он выявляет "фигуру внимания", то есть сообщает семейной паре о том, чего они сами не замечают в своем поведении.

1. *Допустимая интервенция.* Ваше ощущение по поводу собственных наблюдений должно подсказать, насколько уместно в тот или иной момент сообщить о нем своим клиентам. Проверьте свои ощущения. Для этого вы можете спросить себя: "Будет ли это принято супругами?". Затем можно спросить самих супругов: "Что вам не нравится в том, что я сообщил вам?". В таком случае вы получите больше информации о том, что думают и чувствуют ваши клиенты. Никогда не возражайте, если встречаете протест: вы просто сталкиваетесь с растущим сопротивлением. Вместо этого полюбите попытаться, что ваши клиенты сами чувствуют по отношению друг к другу.

Вам следует побеспокоиться, если супружеская пара не соглашается с вашими наблюдениями. В этом случае, возможно, вы выразились недостаточно отчетливо и не были услышаны. Особенно ярко это проявляется, когда супруги очень глубоко вовлечены в разговор между собой, либо они слишком ретрофлексивны для того, чтобы поделиться энергией друг с другом. Если это так, вам надо серьезно подумать о том, надо ли доводить ваши наблюдения до сведения супругов. Помните: вы всегда будете в безопасной позиции, *если интервенция основывается на материале ваших наблюдений.*

2. *Накопление феноменологических данных.* Когда вы слышите или видите что-то, что вы хотели бы использовать для интервенции, всегда используйте феноменологические данные как опору. Только тогда вы будете услышаны. Самое трудное - найти способ говорить о том, что вы слышали, не с отдельным человеком, а с целостной системой. Поэтому фраза должна быть построена как можно точнее. Например, вы можете сказать супружеской паре:

Терапевт: Я бы хотел поделиться с вами тем, что заметил в вашем разговоре. Всякий раз, когда вы, Ганс, говорите, вы, Ариадна, прерываете его, прежде чем он закончит мысль. А вы, Ганс, как будто ничего не замечаете, и вас это не раздражает. В результате вы оба теряете ясность темы, которую обсуждаете. Знаете ли вы об этом?

Терапевт старается делать супругам уместные замечания и описывает, какую роль играет каждый из партнеров, способствуя утрате ясности происходящего. Когда интервенция не носит

оценочного характера, он воспринимается лучше. Каким образом Ганс и Ариадна могут использовать это наблюдение? Возможно, они даже замечали за собой нечто подобное, но были бессильны что-либо изменить. Если пара признает замечание терапевта, он может продолжать дальше и сделать им следующее предложение:

Терапевт: Я предлагаю вам повнимательнее проследить за собой и позволить друг другу закончить мысль. Если вы почувствуете, что вас перебили, пожалуйста, сообщите другому, что вы еще не закончили. Нестрашно, если кто-то из вас будет говорить без очереди. Я обещаю вам, что все будет нормально.

Обратите внимание на то, как терапевт заботится о том, чтобы не обидеть кого-то из партнеров. Терапевт ясно дает понять, что каждый из них одинаково важен для него. Далее я продемонстрирую вам интервенцию, которая может разбудить сопротивление:

Терапевт: Я хотел бы поделиться с вами тем, что я заметил, слушая вашу беседу: Ариадна, вы все время перебиваете Ганса.

Ганс оказывается в позиции "обиженного ребенка" и чувствует, что терапевт на его стороне, при этом он не осознает, что сам позволяет Ариадне себя перебивать. Ариадна чувствует пренебрежение к себе, у нее появляется ощущение, будто ее выпороли, однако она не осознает, что тоже позволяет Гансу перебивать себя. Тем не менее, создается впечатление, будто изменить поведение нужно только ей, а не Гансу, что является искажением системы "муж и жена". Пара чувствует, что к ним относятся как к наказанным детям, а не как к взрослым людям.

Супруги могут не замечать, что перебивают друг друга. В данном случае терапевт может решиться попросить их продолжить беседу и добавить при этом:

Терапевт: Посмотрите, сможете ли вы отметить те моменты, когда перебиваете другого или другой перебивает вас. Если вы не сможете сделать этого, я сам обращаю ваше внимание на такие проявления.

Итак, вот что делает терапевт при "хорошей" интервенции:

- Описывает то, что реально происходит
- Определяет вклад каждого участника системы в происходящее
- Учитывает потенциальное действие, которое может совершить каждый из участников, чтобы поддержать систему.

3. *Отчет о своих чувствах.* Отчет о чувствах, возникающих у терапевта, также может служить хорошей интервенцией. Это особенно уместно, когда вы видите пару в течение нескольких сессий и успели заслужить их доверие. Представьте, что вы говорите:

– Когда я сижу здесь, с вами, я чувствую себя невидимкой, как будто никто из присутствующих не видит меня. Я хочу сказать вам, что вы очень тронули меня, когда беседовали друг с другом так нежно.

– Я чувствую себя переводчиком в Организации Объединенных Наций.

– Сидя здесь, с вами, я чувствую такую беспомощность. Если бы только у меня была волшебная палочка!

– После двадцати минут пребывания с вами я начинаю впадать в летаргию.

– Буквально через несколько минут после начала сессии я почувствовал, будто кто-то закружил меня, у меня началось головокружение. Я чувствую себя совершенно дезориентированным.

– Вы так хорошо себя ведете, и я чувствую, что могу расслабиться и налить себе чашку чая.

Когда вы испытываете сильные чувства и способны ясно поделиться ими с другими людьми, они могут ответить вам на том же уровне. Это не уловка и не технический прием. Ничего подобного. Просто вы выступаете как свидетель драмы двух людей, безразличных вам, и делитесь своими переживаниями, идущими от сердца.

Если по тем или иным причинам вы не испытываете подобных чувств, не стоит сообщать об этом клиентам. Однако порой складывается ситуация, когда вы сможете позволить себе сообщить своим клиентам о том, что их присутствие не вызывает у вас теплых чувств. Это может быть сильным ходом – супруги увидят самих себя другими глазами.

4. *Обучение.* Обучение – еще один способ проводить интервенцию. Приятно поучить се-

мейную пару, когда она сама просит вас об этом. Помните? В самом начале вы предложили супругам в любой момент обращаться к вам за помощью. Как правило, пара ретрофлексивна, ее энергия направлена вовнутрь, друг на друга, поэтому у них самих не возникает побуждения обратиться к вам. Они могут даже недостаточно отчетливо осознавать ваше присутствие как важный ресурс для самих себя. В конце концов, прежде чем прийти к вам, они вели себя также непластично и вязко и со всей остальной частью человечества. Если же они все-таки решились обратиться к вам, то дают вам возможность обучать их.

Обучение – это искусство. Оно не всегда означает сообщение конкретной информации, хотя и информация часто приносит пользу и может снять напряжение. Вы просто можете поговорить с клиентами о книгах, которые прочитали, о чувствах, которые пережили, или рассказать историю, которая каким-то образом напоминает вам проблему ваших клиентов. Цель обучения состоит в том, чтобы разбудить их мысли и чувства, сообщить им нужную информацию, подтолкнуть их вперед. Может быть, вы помните, как ваши родители или другие взрослые рассказывали истории, которые совсем не касались того, что могло бы вас заинтересовать. Сохраните это в своей памяти как фигуру “родитель”.

Однако когда терапевт делится своими переживаниями или рассказывает истории, есть опасность, что он отвлекает на себя слишком много внимания и может вызвать скуку. Истории, которые вы рассказываете, должны быть короткими и соответствовать случаю, тогда вы сможете легко вернуть супругов к работе.

5. *Эксперимент.* Интервенцию всегда можно провести, предложив клиентам эксперимент. Эксперименты всегда основаны на ситуации, при которой можно пробудить то или иное поведение, а также испытать его на практике⁹. Эксперимент может варьироваться, но в своей основе он включает в себя следующие условия:

- Проведение подготовительной работы.
- Достижение согласия между терапевтом и клиентской системой.
- Работа, ориентированная на трудности, которые испытывает клиентская “система”.
- Выявление группового осознания.
- Локализация энергии клиентской “системы”.
- Фокусирование осознания и энергии на развитии темы.
- Обеспечение самоподдержки как для клиентской системы, так и для терапевта.
- Выбор соответствующего эксперимента.
- Проведение эксперимента.
- Опрос клиентов после выполнения задачи – инсайт и завершение.

Давайте снова вернемся к нашей первой паре, Джиму и Лоретте, и посмотрим, как эксперимент включается в терапевтическую сессию. Мы оставили Джима и Лоретту, когда они окончательно запутались в дифлексии и у Лоретты снова началась головная боль.

Терапевт: Хорошо. Давайте попробуем проделать маленький эксперимент. Возьмите какую-нибудь тему для обсуждения и попробуйте не уклоняться от нее, пока вы оба не почувствуете, что удовлетворены и тему можно считать закрытой. Ну как, согласны?

Джим: О’кей, давайте.

Лоретта: Хорошо. Может быть, снова вернемся к проблеме, связанной с квартирой Мерилин?

Джим: Да. Я думаю, нам надо помочь ей процентами от депозитного вклада.

Лоретта: Да. Меня-то это устраивает, но, кроме того, мне бы хотелось побыть с ней рядом и поддержать ее или, по крайней мере, предложить поддержку. И если все станет налаживаться, мы сможем оставить ее одну.

Джим: Я думаю, она будет против этого, как и мы в свое время. Хорошо. Я удовлетворен.

Лоретта: Я тоже. Какое облегчение!

Терапевт: И как вам это – чувствовать, что с проблемой покончено? Вы могли бы рассказать об этом?

Лоретта: Что касается меня, то моя головная боль прошла.

Джим: Мне тоже стало легче. Я чувствую тебя ближе к себе, Лоретта. Давай пойдем куда-нибудь поужинаем вместе, ты не против?

6. *Использование индивидуальной терапии.* Когда одна часть системы по какой-то причине начинает буксовать, она не останавливает движение всей системы. В этом случае вы можете провести интервенцию для одной части, индивидуальную терапию с одним партнером, который слыш-

ком травмирован и не способен участвовать в общей работе. Представим себе, что Лоретта замкнулась и тихо плачет. Никакая интервенция, направленная на Джима и Лоретту, не помогает ей выйти из этого состояния. Вот как можно провести индивидуальную работу:

Терапевт: Лоретта, мне кажется, вам плохо. Джим, вы не будете возражать, если я немного поговорю с Лореттой?

Джим: Конечно, нет.

Терапевт: Хорошо. Я вернусь к вам, Джим. А пока просто побудьте с нами несколько минут.

Такой поворот к индивидуальной терапии с Лореттой требует ее временного отсоединения от семейной пары. Пока терапевт работает с Лореттой, Джим может оставаться просто свидетелем. Наблюдая за работой терапевта и Лоретты, Джим сохраняет чувство сопричастности как временно "молчащий" партнер.

Терапевт: Лоретта, мне кажется, вам плохо, правда?

Лоретта (после долгой паузы): Все эти годы (она снова начинает плакать) я старалась ему угодить, а он никогда не спрашивал, чего мне хочется, о чем я мечтаю.

Терапевт: Вам легче, когда вы говорите мне об этом?

Лоретта: Да.

Терапевт: А может быть, вы хотели бы сейчас сказать об этом Джиму или это по-прежнему слишком тяжело для вас?

Лоретта (слезы текут по ее щекам): Я хотела бы попробовать.

Терапевт: Хорошо, попробуйте.

Лоретта (поворачивается к Джиму): Ты никогда не спрашивал у меня, что я хочу... Меня это так огорчает, ведь я люблю тебя.

Терапевт: Джим, я возвращаю вам Лоретту, и вы можете ответить ей, а я буду просто слушать, хорошо?

Джим (Лоретте): Я никогда не думал, что ты... что это важно для тебя.

Лоретта: Ты никогда...

Джим: Пожалуйста, не говори "никогда". Мне делается так плохо от этого.

Лоретта (повышает голос и говорит с большой страстью и энергией): Я всегда ждала, что однажды ты спросишь меня о том, что важно для меня.

Джим: Я спрашивал. В прошлом году, помнишь, когда мы ездили в Вашингтон?

Трудный для Лоретты этап миновал, она преодолела его. Сейчас оба супруга могут рассмотреть динамику своих отношений и понять, что удерживало Лоретту от того, чтобы сказать о том, что она хочет, а Джима от того, чтобы спросить ее об этом.

Терапевт: Лоретта, вы так хотели казаться самодостаточной, что Джиму и в голову не приходило спрашивать о чем-то. А вы, Джим? Вы так много работали, что не успевали подумать о том, что нужно Лоретте. А сейчас, Джим, Лоретта готова принять это от вас.

Джим: Лоретта, что бы ты хотела сказать мне? Пожалуйста, дорогая, скажи. Что я могу сделать в этот уик-энд, чтобы ты была довольна?

Работая индивидуально, нужно очень внимательно отделять одного пациента от другого. Работая с одним человеком, вы должны быть уверены, что получили его согласие на это, учитывая, что терапия происходит в присутствии другого партнера. Кроме того, необходимо очерчивать новые границы для работы. В нашем случае сначала нужно создать границы между Лореттой и терапевтом, а затем снова восстанавливать прежние границы между парой и терапевтом. Супружеская пара всегда должна быть главной фигурой в драме, которую терапевт стимулирует и поддерживает.

7. Возвращение на землю. Запомните: для того чтобы завершить терапевтическую сессию, нужно вернуть супругов в их обычный мир. Это похоже на полет: сначала надо набрать высоту, а затем снова опуститься на землю. Пациенты должны покидать ваш кабинет, чувствуя твердую почву под ногами. "Приземление" лучше сопровождать обычной легкой беседой. Эта беседа должна соответствовать следующим условиям:

- Беседа предполагает участие терапевта. Он выражает им свою симпатию, общаясь с парой на обычном человеческом уровне.
- В беседе устанавливаются ясные границы, чтобы участникам было понятно, где происхо-

дит терапия, а где ее нет. Терапевт "собирает" систему для терапии, а затем предоставляет ее самой себе.

- Беседа укрепляет полученные навыки, напоминая супругам о достигнутом новом способе поведения. Например, терапевт предлагает клиентам "домашнее задание": "Джим, я бы хотел предложить вам попрактиковаться, задавая Лоретте вопросы о том, чего она хочет. А вас, Лоретта, я попросил бы потренироваться, сообщая Джиму о том, чего вы хотите. Не заняться ли вам этим на следующей неделе?"

- Беседа смягчает тон сессии, сглаживая чрезмерную легкость или серьезность терапии: "Лоретта, когда вы будете говорить Джиму о том, чего вы хотите, не просите у него "Мерседес" – он может запаниковать!"

- Беседа оказывает поддержку клиентам. Уходя, они знают, что терапевт беспокоится о них и желает им добра.

Проработка проблемы супругов в индивидуальной терапии

Когда терапевт работает с семейной проблемой индивидуально, ему необходимо быть предельно осторожным. В таких случаях терапевт часто становится объектом любви и его отношения с клиентом выглядят как сговор против другого партнера, который не принимает участия в терапии. Например, клиент может посмотреть на терапевта и сказать: "Мой супруг много значит для меня, но вы тоже очень хороший". Опасность отделения или отвержения, откуда бы она ни исходила – от окружающей среды, критической ситуации, психотерапии или некоторых внутренних переживаний, – определенно нарушает баланс в системе супружеской пары и может вызвать серьезный кризис.

Перенос может вытеснять терапию в работе с семейной парой. Психоаналитикам хорошо известно, что любое заявление клиента о терапевте надо расценивать не как обычную критику или комплимент, а как сообщение, возможно, связанное с родителями, родными или партнером. Такое заявление непременно должно насторожить терапевта и вынудить его спросить клиента об отношениях с важными для него людьми, а затем стимулировать осознание клиента.

Даже когда мы работаем с клиентом индивидуально, всегда необходимо учитывать присутствие в его жизни других людей — семьи, жены или мужа, детей, сотрудников, друзей. Наивно полагать, что наше участие и ответственность распространяется только на человека, сидящего перед нами. Терапевт невольно усложняет взаимоотношения супругов, если не поможет клиенту (или клиентке) вовремя осознать его (или ее) растущую заинтересованность в терапевте.

В идеале легче всего работать с клиентом одного пола (конечно, в случае с гетеросексуальной парой), и тогда любовь и забота терапевта о клиенте не будет опасной для супругов. Имейте в виду, если пара гомосексуальная, у вас гораздо больше шансов стать соперником в этой системе, если вы одного пола с клиентами.

Возможно ли, работая только с одним членом семьи, принимать во внимание всю семью в целом? В кризисной ситуации одного внимания недостаточно, необходимо пригласить родственника к себе в кабинет и работать с обоими. Но в индивидуальной работе мало просто помнить об отсутствующем партнере. Терапевт, с одной стороны, должен учитывать существование партнера, а с другой – относиться к клиенту как к отдельно существующей личности. Когда терапевт занимается индивидуальной терапией, он должен научиться тревожиться о будущем семейной пары, не передавая своего беспокойства клиенту.

Габриэль (и Сью). Индивидуальная терапия конфликта

Давайте рассмотрим проработку конфликта с одним партнером¹⁰. Индивидуальная терапия может позволить клиенту научиться с большим уважением относиться к точке зрения своего партнера. Человеку легче принять точку зрения другого, когда ее можно приблизить к своей собственной.

Терапевт: Габриэль, назовите некоторые конфликты, которые возникают у вас с женой, Сью.

Габриэль: Мне не нравится, что она такая странная – в восемь часов вечера она уже скисает.

Терапевт: А что делаете вы, когда она "скисает"?

Габриэль: Я могу оторваться. Когда она уходит спать, дом принадлежит мне, и я могу делать, что мне вздумается. Но в то же время мне бы хотелось, чтобы она была рядом и я мог бы уделить ей внимание.

Терапевт: То есть вы хотите сказать, что у вас остается много энергии, в то время как она

окончательно измотана?

Габриэль: Да.

Терапевт: В чем заключаются другие конфликты?

Габриэль: Мне бы хотелось больше ярких сексуальных переживаний в наших супружеских отношениях. Они, к сожалению, совсем не такие, каких я хотел бы. В общем, паршивенькие. Я бы хотел, чтобы Сью уделяла больше внимания мне и нам обоим, чтобы она смогла хоть на время отставить детей в сторону. Мне кажется, этого не происходит. Когда я иду домой, то чувствую, что меня ждет что-то очень нудное, поэтому я много времени провожу вне дома.

Терапевт: В чем заключается эта нудность?

Габриэль: Ну... простые вещи – приготовление пищи, уборка.

Терапевт: Меня интересуют разница в уровне вашей энергии и ваш сексуальный конфликт. С чем из них вы хотели бы поработать?

Габриэль: Они связаны друг с другом, как двоюродные братья.

Терапевт: Да, это так. Я скажу вам, что думаю об этом. Я бы хотел, чтобы вы представили себе, что ваш конфликт со Сью является и вашим внутренним конфликтом. Он находится внутри вас, это часть Сью, и вы можете поработать с ней в отсутствии Сью. Примите ее внутрь себя, потому что сначала так легче посмотреть на проблему. Представьте себе, что эту вашу часть, которую мы называли "Сью", мы посадили на этот стул, а сексуально неудовлетворенный Габ сядет на тот стул, и они поговорят между собой. Но помните: вы говорите с частями вашего собственного "я", а не со Сью. Вам все понятно?

Габриэль: Кое-что я понял и хотел бы попробовать.

Терапевт: Сейчас пока не ясно, в чем заключаются полярности. Поэтому потратим несколько минут на поиск полярностей.

Габриэль: Пока вы говорили, что-то стало вырисовываться. Я могу начать.

Терапевт: Я буду рядом.

Габриэль 1: Я так взволнован. У меня появилось пять новых идей. Неужели я разговариваю сам с собой?

Терапевт: Да, вы говорите с самим собой.

Габриэль 2: Пять новых идей? А как насчет сто одной новой идеи?

Габриэль 1: Эти новые идеи такие интересные. Первая идея такая необыкновенная, я думал о ней по дороге сюда и хочу рассказать тебе о ней.

Габриэль 2: Через пару минут я собираюсь пойди и проверить банковские счета.

Габриэль 1: У меня появилась идея по поводу книги, над которой я работаю, это очень хорошая идея.

Габриэль понимает, что в предыдущем перевоплощении он говорил скорее как его жена Сью, а не как часть себя. Он сообщает терапевту, что не стал бы говорить о банковских счетах, а Сью стала бы. Терапевт просит Габриэля ответить так, как мог бы ответить он.

Габриэль 2 (говорит значительно медленнее): У тебя всегда много новых идей, а эта – то, что тебе нужно? Действительно новая? Ведь у тебя есть много старых, которые ты так и не использовал.

Терапевт: Обратите внимание, что на втором стуле вы говорите значительно медленнее.

Габриэль: Я и чувствую себя надежнее.

Терапевт: Это хорошо. Постарайтесь почувствовать, чего вам не хватает здесь (*жест в сторону первого стула*).

Габриэль 2 (медленно): Ты знаешь, что существует такая вещь, как земное притяжение? Я чувствую его. Оно охватывает меня и опускает на стул. Сидя на стуле, я чувствую его обеими ногами. Когда я сижу на этом стуле и смотрю на тебя, сидящего на другом стуле, мне кажется, что для тебя земное притяжение ничего не значит. Кажется, ты можешь повернуться в одну сторону, а потом совершенно в другую.

Габриэль 1: Забавно, не правда ли?

Габриэль 2: Ты весь в этом, порхающий как бабочка. Это очень печалит меня. (*На его глазах слезы. Долгое молчание.*)

Терапевт: Вы знаете, о чем эта печаль?

(*После долгого молчания Габриэль кивает головой.*)

Терапевт: Что вы чувствуете сейчас?

Габриэль: Покой.

Терапевт: Я хотел бы прервать нашу работу, хотя знаю, что она не закончена. Мне хотелось бы узнать, что бы вы хотели сказать тому взволнованному Габриэлю о нем и Сью? Что бы

могли посоветовать? Что бы вы могли сделать для него с помощью той вашей части? Научите его, как ему быть, чтобы в следующий раз ему не было скучно и он смог бы испытывать возбуждение, знал, как ему обходиться с ним?

Габриэль: Когда тыходишь в дом, в той нудности, которая ждет тебя там, есть своя прелесть, есть свой резон.

Терапевт: Замените "она" на "он".

Габриэль: У тебя есть свой резон. С кем я разговариваю?

Терапевт: Вы говорите с Габриэлем о Сью. Все это происходит, когда вы входите в дом. Вы его советчик.

Габриэль: Когда тыходишь в дом, в том, что ты называешь "нудностью", есть своя прелесть. В этом содержатся важные основы человеческого бытия, позволяющие тебе порхаться. У тебя есть место, куда можно прийти. У тебя есть Сью, к которой ты можешь прийти. Когда ты дома, Сью может упорхнуть от тебя и вернуться тебе. Ей тоже это нужно. В этом есть устойчивость, но в этом есть и нечто волнующее. Ты не должен считать, что дом гарантирован тебе навсегда, без всего этого твое порхание не будет иметь центра притяжения.

Терапевт: Скажите ему, что он должен уважать Сью именно за то, что он так критикует. Видите, существуют некоторые части ее личности, к которым он (*к первому стулу*) относился критически. Чем бы он мог восхищаться в Сью из того, что раньше критиковал?

Габриэль: Я не могу точно сказать, что критиковал в ней, вот только – "почему ты больше не..."

Терапевт: "Почему ты больше не радуешься?" Что бы вы хотели сказать ему? Он из тех, кого нужно стимулировать. Что бы вы могли сказать ему, что помогло бы ему легче относиться к тому, что он критикует. Особенно по поводу того, что Сью говорит ему: "Почему ты больше не..."? Что вы можете сказать ему о своем чувстве земного притяжения?

Габриэль: Эта моя часть глупа... что хорошо. Я не пытаюсь поддаваться на каждое слово, которое вы говорите. Не пытаюсь все понять.

Терапевт: Я думаю, это ответ. Почему бы вам не превратить его во что-то хорошее и не воспользоваться этой идеей с пользой для себя?

Габриэль (первому стулу): Я хочу, чтобы ты понял: время, которое ты проводишь здесь (*второму стулу*) – время, которое ты считаешь пустым, скучным, оздоровительным временем безделья, – это главное. (*Терапевту*) Возможно, это больше внутреннее, я не представляю себе, как бы Сью могла присоединиться к этому.

Терапевт: Вам трудно построить такой мост.

Габриэль: Она всегда заинтересована в моем возбуждении.

Терапевт: Конечно, и потом она могла бы быть опорой, скукой и сохранять все это. Позвольте мне попробовать построить этот мост для вас здесь. Если бы я изображал вас, пользуясь вашей идеей, я бы сказал: "Габ, позволь себе быть глупым. Это нормально – позволить себе поглупеть. Доставь себе это удовольствие". Попробуйте сказать это сейчас, невзирая на свою глупость.

Габриэль: Мне кажется, что, невзирая на мою глупость, я остаюсь в своей шкуре и не могу влезть в твою. У меня есть своя собственная территория. А у тебя — своя. Невзирая на мою глупость, я оставляю тебе место.

Терапевт: Кто это? "Ты" здесь?

Габриэль: Сью.

Терапевт: Значит, мы поменялись местами: теперь на этом стуле сидит Сью. И вы лучше понимаете, что вам нужно, чтобы быть с ней, и как разобраться в этом конфликте?

Габриэль: Все это очень выразительно. Я чувствую, что все это было не зря.

Терапевт (шутливым тоном): У вас опять появилось много новых идей?

Габриэль: Нет, и я не чувствую себя выскочкой со всеми своими новыми идеями. Я чувствую, будто те идеи, которые появились оттого, что я пережил здесь, находятся во мне: Они не на поверхности - они здесь, во мне.

Терапевт: Спасибо.

То, что было описано здесь, не является семейной терапией, но такая работа позволила Габриэлю исследовать конфликт со своей партнершей. Подобная интервенция может быть использована в семейной терапии с одним человеком, который предъявляет один или два конфликта со своим партнером. Потратьте на это пятнадцать минут и дайте возможность одному партнеру поработать с конфликтом, как если бы он был его внутренней проблемой. Затем поменяйте роли и сделайте то же самое со вторым партнером. Такая процедура даст каждому возможность почувствовать себя на месте другого. Вот что ощутил Габриэль. Вместо того чтобы по-прежнему критиковать тихий и мирный способ существования Сью, он нашел эти качества в самом себе и заключил со

Сью более глубокий союз.

Этого можно достичь, если вы, называя имя своего партнера, вступаете в борьбу с той частью самого себя, которую не любите, стыдитесь, отрицаете или просто не знаете о ней. Вы можете собрать то, что кажется вам наиболее ужасным в характере другого человека, и лучше понять его. Из этого следует, что учиться лучше у своего врага, чем у друга, хотя я считаю, что нет необходимости слишком тесно ассоциировать себя со своими врагами.

Заключение

В этой главе я изложил вам идею применения теории интерактивного цикла и теории систем в семейной терапии. Кроме того, я предложил вам варианты создания терапевтической ситуации, способы интервенции, работы с сопротивлением и проведения экспериментов.

Теперь, когда вы хорошо ориентируетесь с этим системным гештальт-подходе и уже прочитали о двухличностных системах, важно напомнить, что семейная пара, как было сказано в главе 3, состоит из трех подсоюзов: два индивидуума, их отношения и пространство общения между ними. Когда пара составляет союз, она существует сама по себе. Если же эта независимая система помещена в более обширную систему семьи, она становится подсистемой в рамках большего целого. И, естественно, не нужно большого воображения, чтобы продолжить социальную иерархию и включить семью в общество, общество в государство, государство в мировое сообщество и так далее.

Как мы увидим в следующей главе, многое из того, что было сказано о работе с супружеской парой, применимо и в работе с семьей. Но мне хотелось бы предостеречь вас. Семья – более сложное образование, нежели супружеская пара, и для того чтобы понять это явление, приходится принимать во внимание гораздо большее количество точек зрения. Мое представление основано на серии основных положений и принципов.

9. ВМЕШАТЕЛЬСТВО В СЕМЕЙНУЮ СИСТЕМУ*

[[[* Основные контуры этой главы были задуманы и написаны Соней Невис.]]

Семья не является объектом интроекции,
Она сама устанавливает интроективные отношения.
Р.Д. Лэйнг

Принципы, используемые в работе с супружеской парой, применимы и в работе с семьей. Терапевт, начиная работу с семьей, прежде всего инициирует контакт между членами семьи, попросив их поговорить друг с другом. Его задача – сидеть в стороне, смотреть, слушать и переживать вместе с ними. Когда фигура внимания начинает вырисовываться, ему нужно решить, как привести ее к осознанию. В этом случае у терапевта есть выбор: он может попросить семью обсудить некоторые темы, которые они затронули в разговоре; предложить им эксперимент, основанный на его наблюдениях; научить их новому поведению в соответствии со своими наблюдениями. И, наконец, завершающий шаг терапевта – работа по соединению всего, чему научилась семья.

Несмотря на большое сходство, между супружеской и семейной терапией существуют значительные различия, и их следует принимать во внимание.

Уникальные аспекты семейной терапии

В семейной терапии принимают участие значительно больше людей, чем в терапии супружеских пар, что делает этот вид терапии более сложным и требует от терапевта обращать больше внимания на структуру интервенции. Техника и формат семейной терапии сильно отличается от терапии супружеских пар хотя бы потому, что в ней задействовано больше участников. Например, помещение, в котором вы работаете, должно быть приспособлено для большего числа людей. Важно также обратить внимание на расположение кресел и стульев, чтобы в течение одной сессии участники не сидели на одном и том же месте.

Обычно довольно трудно включить в расписание терапии всю семью, особенно в дневное время – кто-то учится в школе, кто-то работает, занят домашним хозяйством... Терапевт и семья часто сталкиваются с тем, что по разным причинам кто-то отсутствует. Эти сложности неизбежны, поэтому терапевт часто работает с неполной семьей; у терапевта, да и у членов семьи нередко возникает чувство, будто они работают рывками. Мы можем постараться свести эти трудности к

минимуму, обращая внимание на эти проблемы и сопровождающую их динамику.

Проводя семейную терапию, полезно продлить сессию. Часто такие сессии могут продолжаться до трех часов — это зависит от количества членов семьи и возраста детей. Тогда число сессий может быть небольшим — всего одна, две или три, не больше. Основной целью терапии, как правило, становится описание семейного процесса, и когда семья зафиксирована на этом, она может покинуть терапию подготовленной к работе, направленной в сторону изменений.

Сам процесс работы с семьей сложнее, чем с супружеской парой, потому что здесь гораздо больше материала. Однако неважно, насколько сложна система, — процесс достаточно отчетлив, и в основном работа имеет много общего. И все же семейная работа предъявляет гораздо больше аспектов формирования фигуры внимания благодаря наличию различных субсистем, а также большей или меньшей власти.

Субсистема взрослых членов семьи имеет больше власти, чем субсистема детей. По крайней мере, в идеале так должно быть. Нам следует обратить внимание на то, как распределяется эта власть: в семье существует множество комбинаций взаимодействий. Наблюдение за этими комбинациями — задача непростая, даже если основные принципы схожи.

Там, где много людей, там больше и активных действий, и события происходят быстрее. И хотя содержание происходящего отличается от содержания терапии супружеских пар, основной процесс по определению того, насколько прочна система, не имеет принципиальных различий. Семья не найдет общих задач и целей, если ее осознание слабо выражено, если от нее поступает мало информации, родители не активны в выражении своих мыслей и чувств, а вопросы не стимулируют процесс.

В работе со сложными системами особенно полезна ко-терапия, так как ко-терапевты часто становятся отражением системы. Наблюдение за супружеской парой или семьей позволяет кому-то слиться с системой — имитировать манеру сидеть, говорить, присоединяться к чувствам (гневу, печали, возбуждению и т.д.). Когда каждый ко-терапевт сливается с различными людьми в паре или семье, взаимодействие между двумя терапевтами часто становится схожим со взаимодействиями их клиентов. Источник информации, существующий без осознания, замечаемый позже, отраженный и принимаемый во внимание, бывает особенно полезным, когда пара или семья испытывает затруднения в общении с терапевтами. Пока ко-терапевт не проверит свое собственное поведение и не поймет, что он бессознательно отражает поведение клиентов, у него не возникнет никакой определенной модели терапии. Например, если терапевты, которые обычно легко общаются между собой, замечают, что они начинают колебаться или отходить в сторону, им необходимо обсудить такой феномен отражения.

Основные положения и ориентирующие принципы

В выборе методов семейные терапевты могут полагаться на разные теоретические послышки. Такой выбор базируется на определяющих его принципах. Я имею в виду принципы, которые назвал бы *ориентирующими*. Этот термин весьма полезен, так как предполагает, что данные принципы имеют перспективу для развития и не являются чем-то незыблемым и догматичным. Разные терапевты, естественно, имеют свои ориентиры, основанные на собственных ценностях.

Помимо индивидуальных подходов к терапевтической интервенции, существуют *основные положения*, удовлетворяющие условиям жизни семьи и критериям их здоровья, — это определяет терапевт. Глава 9 очерчивает главные ориентирующие принципы, являющиеся основой моей работы. Я не представляю эти принципы в строгой последовательности, так как они являются одинаково важными.

1. Хвалить то, что делается хорошо

Логично начинать с хороших сторон семьи.

1а. Основное положение: *Здоровая семейная система лучше поддерживает себя, если она узнаёт о том, что делает хорошо.*

1а. Ориентирующий принцип: *Семьи часто не осознают того, что они делают хорошо: помощь в распознавании этого оказывает важное воздействие на поведение семьи.*

Когда вы акцентируете внимание на том, что семья делает хорошо, членам семьи интересно об этом узнать, и тогда они меньше боятся терапевтического процесса и легче принимают возможные изменения. Когда терапевт сообщает своим клиентам о том, что они хорошо с чем-то справляются, это может показаться им неуместным. Однако мы находим, что такое сообщение оказывает хорошую помощь при столкновении с негативными или дисфункциональными аспектами

семейного процесса. В итоге это мобилизует энергию для работы с проблемой и дает надежду на то, что все еще может быть хорошо.

16. ОСНОВНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: *Семейная жизнь всегда сложна, ни одна семья не может постоянно поддерживать идеальный функциональный уровень.*

16. ОРИЕНТИРУЮЩИЙ ПРИНЦИП: *Терапевт должен распознать то, что "достаточно хорошо", и не требовать идеального.*

Разнообразные теории хорошего функционирования – не более чем теории. Богатое осознание, легкое присоединение, полные жизни действия и счастливый финал не всегда представлены в терапевтической работе в полном объеме. Если жизнь способна развиваться, принимать ее со всеми огрехами часто бывает важнее, чем ждать идеала. Терапевт должен замечать и одобрять любой процесс, который демонстрирует созидание или жизнеспособность семьи.

Семья Кольманов послужит нам примером этих положений и принципов. Гарри, Бэсс и две их дочери подросткового возраста, Лиззи и Мириам, пришли к нам, когда Лиззи только начала учебу в колледже, а Мириам училась на первом курсе университета. На первой сессии Гарри напряженно заметил, что чувствовал себя очень подавленным с тех пор, как Лиззи уехала на учебу (она приехала домой на выходные). Мириам захотела узнать, что же было с ее отцом. Повлияло ли это на его работу? Что с ним происходит, когда он по-настоящему скучает? Обратившись к своему мужу, Бэсс воскликнула: "Но ты работал без усталости, Гарри. Я думала, что ты просто устал от работы!"

У нас было большое искушение сфокусировать внимание членов семьи на их патологическом стремлении знать, что чувствует другой. Родители были углублены в себя, а не ориентированы на то, что происходит в окружающем их мире – мире, где живут и их дети. Вместо этого я решил сориентировать интервенцию на сильную сторону семьи: все члены семьи проявляли живой интерес к любому переживанию своих близких.

Эта интервенция является конкретным примером того, как каждый из присутствующих реагировал на чувство потери, которое испытал отец. Происшедшее оказало воздействие на каждого. Реакция была трогательной: "Мы хорошие люди. Какой бы ни была проблема, мы беспокоимся друг о друге. Мы знаем, как понять переживания другого: задавая вопросы, мы показываем ему, как заботимся о нем". Позже, во время этой сессии, достигнутая атмосфера доброжелательности послужила почвой для работы в более критических ситуациях.

2. Определяя конфигурацию семьи

Границы семьи изменчивы.

2а. ОСНОВНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: *Определение тех, кто включен в семью, постоянно меняется, а ее границы зависят от жизненных обстоятельств.*

2а. ОРИЕНТИРУЮЩИЙ ПРИНЦИП: *Феноменологическое осознание дает терапевту больше информации о "сегодняшней" конфигурации семьи, нежели структурная данность.*

Этот принцип касается определения того, кто и что составляет семью. Здесь предполагается скорее творческий подход, нежели статичное определение. Ведь семья может включать друзей, дальних родственников и "побочных" членов семьи на любом отрезке времени. "Побочные" члены семьи – это люди, которые не являются частью данной семьи, они могут даже и не быть родственниками, но на деле они играют важную роль в жизни семейной системы. Вовсе не обязательно быть активным участником семейной жизни, для того чтобы оказывать на нее влияние. В некоторых случаях человек влияет на других просто самим фактом своего существования: грубый начальник, бывший муж (жена), высокопоставленный родственник. Таким образом, "побочный" член семьи становится важной составляющей системы, будучи частью ее феноменологического поля.

Из этого следует, что не так-то просто ответить на вопрос, из кого состоит семья, пришедшая к вам на терапию. В рамках конкретной сессии можно очертить любые границы. К примеру, существует некий сосед, который каждый день общается с данной семьей. Можно ли считать этого соседа частью семьи? Является ли отсутствующий, далекий дедушка частью семьи? Важно сделать выбор и определить границы работы, если не для всего ее объема, то хотя бы для определенной части. В разные моменты вы имеете дело с разными соединениями или конфигурацией. Для конкретной интервенции вы можете определить большее или меньшее соединение.

Когда я работал с семьями, ко мне часто приходили дедушки и бабушки, дяди и тети, племянники и двоюродные братья. Все они приходили для того, чтобы помочь семье лучше разобрать-

ся в проблеме или просто создать хорошую атмосферу для общения.

Обращая внимание на состояние границ семьи, мы обнаруживаем, что они меняются вместе с жизненными обстоятельствами. Например, когда ребенок женится или уезжает учиться в другой город, это событие по-настоящему расширяет семейную конфигурацию. Семья выбирает разных людей, для того чтобы поделиться с ними своими радостями и горестями. Такой выбор часто происходит бессознательно.

Вслед за постоянными изменениями семейной конфигурации терапевт меняет и свои определения, расширяя тем самым поле наблюдения и интервенции.

2б. Основное положение: *У семьи существует жизненные циклы.*

2б. Ориентирующий принцип: *Терапия должна принимать во внимание потребности взрослых и детей на каждой стадии их развития.*

Способность семьи меняться со временем становится важнейшим условием для поддержания ее здоровья. Большая часть изменений происходит не во время терапии. Изменения возникают, когда ситуация меняется и требует принятия новых решений. Вчерашние решения сегодня уже не работают, и актуальные события требуют новых решений. Изменения происходят день за днем. Когда семья не принимает нового решения, естественная изменчивость ее жизни притормаживается и у семьи появляются серьезные трудности. Например, если родители общаются со своим шестнадцатилетним сыном как с десятилетним ребенком, у них неминуемо возникает конфликт. В такой ситуации семьи обычно и просят помощи у терапевта.

Изменение – естественное и желательное явление, особенно для открытых систем. Терапевт должен ознакомиться с различными стадиями развития семьи. Интервенция обязательно должна соответствовать стадии.

2в. Основное положение: *Каждая семья уникальна, как и любой из ее членов.*

2в. Ориентирующий принцип: *Интервенция должна учитывать тот факт, что у семьи есть своя собственная определенная конфигурация и структура, при этом усиление динамики осознания семьи может служить стимулом для ее изменения.*

У каждой семьи есть собственная конфигурация. У нее имеются свои уникальные способы решать жизненные вопросы. Каждая семья поддерживает свой собственный образ жизни в этом мире.

Каждая семья задает свой масштаб того, что “достаточно хорошо”. По этой причине мы так или иначе придаем значение контрпереносу. Контрперенос – феномен, при котором, общаясь с данной семьей, терапевт находится под сильным влиянием своего личного опыта, связанного с родителями и собственной семейной жизнью.

Интервенция, основанная на контрпереносе, часто имеет отношение не столько к непосредственным нуждам данной семьи, сколько к незавершенным переживаниям самого терапевта. Например, если терапевт смог пережить трудную семейную ситуацию, сильно отдалившись от матери, отца и брата, поддерживая с ними очень редкие контакты, у него может появиться искушение склонить своего клиента-подростка принять аналогичные решения. Если же терапевт вырос в семье, которая соблюдала строгие границы между детьми и родителями, он может предпочитать жесткое разделение между двумя подсистемами семьи клиентов – даже если семья в действительности нуждается в расширении этих границ.

Было бы слишком просто видеть в каждой семье, приходящей на терапию, подобие своей собственной. Это означает, что семья может показаться нам “хорошей” или “плохой” — в зависимости от того, насколько она напоминает нам собственный семейный опыт.

Феномен контрпереноса охватывает весь спектр прошлого опыта терапевта, он связан не только с незавершенными переживаниями или действиями. На терапевта влияют религиозные или идеологические убеждения, а соответственно, этими убеждениями являются нормы поведения мужчины и женщины, правила воспитания детей, отношение к сексуальным отклонениям, образованию, правильному питанию и т.д. В работе с семьей мы должны уметь отрешаться от собственных представлений о том, что “хорошо” или “плохо” для нас, и считаться только с тем, что приемлемо для конкретной семьи.

Исходя из этих соображений, мы должны быть супервизорами у своих коллег и, наоборот, работать под их наблюдением, участвовать в тренингах, посвященных личному развитию терапевта, а также время от времени проходить личную терапию, особенно тогда, когда мы испытываем трудности в работе с клиентами, переживаем боль или чувствуем раздражение. Я также уверен в том, что “гармоничный” терапевт должен осознавать и учитывать существование самых разных

вариантов семейного уклада. Например, итальянские католики будут отличаться от ирландских, религиозные иудеи – от евреев-реформаторов, темнокожие среднего класса – от темнокожих с городских окраин. Хороший семейный терапевт должен быть немного социологом, антропологом, философом, а самое главное – *внимательным наблюдателем*, которому действительно интересно, как *эта* семья взаимодействует со своими соседями и со своей социальной средой.

Мы всегда должны осознавать реакции, которые вызывает у нас семья, когда мы:

- реагируем слишком быстро, давая комментарии или высказывая свое мнение
- сильно “любим” или “ненавидим” семью, супружескую пару или члена семьи
- *уверены* в том, что “хорошо” для данной семьи, не посвящая много времени наблюдению

за ними

- поддаемся влиянию кого-то из членов семьи или принимаем определенное ригидное мнение данной семьи

- “принимаем сторону” одного из членов семьи или подсистемы, противопоставляя его другой части семьи

- чувствуем, что с семьей “все в порядке” и она не нуждается в наших исследованиях

- терпимо относимся к слишком грубым или крайним проявлениям кого-то из участников, так как оно напоминает нам наше прошлое, считая, что “во всех семьях такое бывает”.

Я уверен, что вы и сами можете добавить к этому “списку опасностей” контрпереноса еще много признаков, и предлагаю вам составить свой собственный. Это поможет вам очертить более жесткие границы между тем, что хорошо или плохо для вас, а что важно для семьи, с которой вы работаете, и соотносить свою интервенцию с тем, в чем действительно нуждается данная семья.

Наши намерения состоят не в том, чтобы изменить конфигурацию или модель конкретной семьи и решить, какой она должна быть или как она должна решать свои проблемы. Наша задача увидеть, какие модели травмируют кого-то или может ли семья сделать то, что хочет для того, чтобы существовать как союз. Терапевты должны принимать и уважать любую конфигурацию. Уважать то, что может дать им шанс.¹

2г. ОСНОВНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: *Семья – это рабочее объединение.*

2г. Ориентирующий принцип: *Терапевт должен оценивать, насколько семья или ее подсистема хорошо выполняет свои ежедневные задачи.*

Семья должна вести хозяйство, растить детей, одевать и кормить их, решать повседневные задачи, которые предъявляет им жизнь. Поэтому члены семьи должны сформировать хорошо работающее объединение. Если такая работа не выполняется, терапевт должен найти причину этому сбою. Что стоит у них на пути? Возможно, модели поведения установлены таким образом, что кто-то не способен с ними справиться? Если это так, во многих случаях такой человек становится “козлом отпущения” или “идентифицированным пациентом”. Часто один человек в системе испытывает боль. Значит, в этом месте сконцентрировано либо очень много, либо недостаточно энергии. Эта точка или слишком “горячая”, или слишком “холодная”.

Терапевт должен очень внимательно рассмотреть и оценить семейную систему. Как упоминалось раньше, семье обязательно надо знать, что она делает хорошо и насколько ее члены состоятельны. Большинство семей больше знают о своей вине, неудачах и промахах, нежели о талантах и успехах. Однако акцент на неудачах или недостатках отнюдь не всегда стимулирует семью к позитивным изменениям. С другой стороны, осознание своей силы способно повернуть семью в сторону успешного поведения. Хороший терапевт постарается найти способы использовать сильные стороны семьи, для того чтобы преодолеть их слабости.

2е. ОСНОВНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: *Культурное влияние более значимо в семейной терапии, нежели в терапии супружеских пар.*

2е. Ориентирующий принцип: *Семьи всегда придерживаются определенных традиций. В связи с этим очень важно, чтобы религиозные, социальные, культурные или общественные ценности были ясно выражены.*

Когда у супружеской пары появляется ребенок и она становится семейной системой, для нее становятся важными взгляды, обычаи и ценности общества, в котором она живет. Религиозные убеждения, этические нормы, социальная принадлежность и традиции поколений выражены в семье гораздо ярче, чем у супружеской пары. Семья передает эти ценности своему ребенку. В супружеских парах эти ценности часто замалчиваются. У пациентов может возникнуть идея “хорошо выглядеть” перед терапевтом, потому что родители чувствуют ответственность за то, как ведет себя их ребенок. Ведь терапевт представляет для них внешний мир.

Культурные традиции родителей могут причудливо сочетаться с субкультурой детей. Каждое поколение имеет свои собственные нормы поведения, игры, язык, музыку, искусство и планы на будущее.

Именно поэтому родители и дети часто воюют между собой из-за этих культурных различий – “Они делают это...” “Они” – весьма неопределенная субстанция, которая устанавливает правила и представляет мнение семьи, соседей или общества в целом: “Джонни должен пойти в детский сад, потому что все трехлетние дети на нашей улице ходят в детский сад”.

Осознавая, что цели семьи и общества должны быть выявлены и высказаны, терапевт поддерживает семью в обсуждении и признании более широкой картины мира. Терапевт часто оказывается передаточным звеном в конфликте поколений.

3. Семейные подсистемы

Если у вас придерживаетесь системного подхода в терапии супружеских пар, вы также должны подумать и о каждом человеке как о самостоятельной системе². Когда мы просим своего пациента посадить на “пустой стул” свою часть, мы принимаем во внимание тот факт, что мы как индивидуумы являемся частью системы, работающей как единое целое. Когда человек не ощущает себя таковым, не находит способа соединиться в единую фигуру, он не может ясно думать или развиваться.

Когда вы работаете с семьей, количество потенциальных подсистем неизмеримо возрастает. Если семья не находит способа соединиться в единую фигуру, она оказывается в том же положении, что и отдельный человек. У семьи гораздо больше подсистем, потому-то и сами системы быстро сменяют друг друга: сначала у вас есть один родитель и ребенок; затем появляется другой ребенок и вся система меняется. Если один человек уходит из комнаты, а другой входит в нее, появляется другая подсистема. Границы вокруг каждой системы формируют фигуру, а эта фигура поддерживает изменения. Каждая комбинация взаимодействий важна, потому что имеет свой потенциал для улучшения или, наоборот, ухудшения жизни семьи. В рамках одной семьи вы всегда найдете подсистемы, которые функционируют хорошо, и люди внутри этих систем чувствуют себя хорошо. Но вы обязательно столкнетесь с системами, где люди чувствуют себя плохо.

За. Основное положение: *Семью лучше рассматривать как организацию, которая содержит большое количество гибких и быстро меняющихся подсистем. Чем больше подсистем семьи работают хорошо, тем прочнее семья.*

За. Ориентирующий принцип: *Задача терапевта состоит в том, чтобы помочь семье увидеть структуру и динамику развития подсистем.*

На что вам нужно обращать внимание, когда вы наблюдаете за изменениями в подсистемах семьи? Прежде всего надо понять, как организованы эти подсистемы. Какие подсистемы работают хорошо и позволяют людям чувствовать себя комфортно, а какие становятся источником болезненных переживаний, когда люди не знают, как им жить вместе.

Если вы видите перемещение четких границ, а затем формирование других границ, возникающих вокруг другой подсистемы, значит, вы являетесь свидетелем благополучного процесса. Наблюдая за этим движением, вы должны внимательно следить, какие подсистемы никогда не формируются и где есть люди, которые едва разговаривают друг с другом. Каким образом некоторые члены семьи остаются вне контакта или постоянно конфликтуют? Если родители не могут быть с одним ребенком, и с каждым ребенком, и с двумя детьми, и со всеми детьми, вы наблюдаете назревающий очаг конфликта, что ясно указывает на нарушение в функционировании семьи.

Зб. Основное положение: *Нормальное существование подсистем так же важно, как и нормальное существование всей семейной системы семьи.*

Зб. Ориентирующий принцип: *Терапевт не должен все время работать со всей системой семьи. Время от времени ему приходится работать с подсистемами.*

В течение любой сессии или ряда сессий вы либо работаете со всей системой, либо с отдельными подсистемами. Как только что-то неожиданно “выскакивает” из фона и становится фигурой вашего внимания, это означает, что перед вами появилась та самая система, с которой вам хочется поработать. И плохо, включает она всю семью целиком или нет. В течение короткого периода времени можно поработать с частью семьи или с конкретными отношениями в семье, для того чтобы подготовить к дальнейшей работе всю семью.

Очень важно, чтобы в данном процессе терапевт не выделял пациента из данной подсистемы и не выбирал одного или двух членов семьи в качестве главного источника всех неприятно-

стей. Работать нужно со многими, а может быть, и со всеми возможными субсистемами. Сначала вы работаете с одной субсистемой, затем с другой и т.д. Главное – не обманывать себя, воспринимая единственную субсистему как проблему, потому что не надо забывать: каждый член семьи вносит свой вклад в общий процесс. Как только вам покажется, что один человек находится в центре конфликта, вы должны напомнить себе, что есть и другие, также участвующие в этом конфликте.

Такой подход полезен и по другим причинам. Иногда в семье происходит слишком много событий: работая с субсистемами, вы должны знать, что изменения любой части системы непременно должно повлечь изменения во всей системе. Когда субсистема заявляет о себе, происходит перераспределение энергии. Часто энергия концентрируется в маленькой части семьи и лишь незначительная ее часть оказывается доступной для остальных частей, либо у других остается слишком мало места для ее приложения. Таким образом, изолированные субсистемы оказываются загнанными в угол. Как только вы ослабляете более сильную субсистему и объясняете ее членам, что с ними происходит, высвобождается энергия для незавершенного действия, других отношений, других людей и новых событий.

Незначительные изменения в одной субсистеме позволяют и другой субсистеме перестроиться на новый лад. Не так важна природа изменения, как сам факт его возникновения. Когда происходит разрешение конфликта и достигнуто согласие в каких-то связях – между матерью и отцом, дочерью и матерью, сестрой и братом, – вся семья испытывает облегчение, как будто каждый смог глубоко вздохнуть после долгой задержки дыхания. Изменение в одной из субсистем становится мощным стимулом и наградой для каждого в семье, оно открывает возможности для изменений в других областях семейной системы.

Интерлюдия: доступ к теме поколений с помощью работы со сновидениями

Воздействовать на взаимоотношения между поколениями в семье можно, прорабатывая взаимоотношения одного члена семьи с другим, который либо не присутствует на терапии, либо уже умер, возможно, даже несколько поколений назад ⁴. У меня было много удачных терапевтических исследований подобного рода, когда я использовал гештальт-метод работы со сновидениями в комбинации с семейной терапией. Этот необычный, уникальный подход – экзистенциально-экспериментальный* [[[[* От англ. experience – опыт, переживание.] метод – позволяет поднять на поверхность и исследовать тему разных поколений.

Обычно семейные терапевты нечасто пользуются индивидуальной проработкой сновидений как стандартной техникой, хотя у них, безусловно, есть определенный интерес к теме разных поколений. Применяя идеи семейных систем к вариантам проработки сновидений, мы можем обращаться к моделям различных периодов времени. Данные модели можно поверхностно разрешить за короткий срок и выявить при этом более глубокие процессы, а завершение таких процессов требует длительного времени. В описанной ниже сессии терапевт использует традиционный прием “пустого стула” как путь, дающий доступ к теме поколений.

“Сон Сэмуэля” длинный и сложный. Работа включает в себя диалог с внутренними частями Сэмуэля, а также с его “интроективным” отцом. Глубина и интенсивность работы поражает и даже трогает. Тема развивается, она приводит Сэмуэля к его деду. Внимание обращено как на содержание, так и на процесс, пока тема его сна тщательно развивается и заботливо и осторожно поддерживается терапевтом.

Сон Сэмуэля

Сэмуэль: Прошлой ночью я видел сон. Было ощущение, что это происходит со мной прямо сейчас. Стремительно. Во сне я носился из комнаты в комнату. Это были маленькие комнаты; как бывает на конференциях. И я нашел человека, которого искал. На следующий день его должны были показать по телевидению на весь мир. Все шло для него как нельзя лучше, и он должен был получить огромный драгоценный камень. Он собирался разбить его специальным молотком, а камень должен был расколоться на шесть кусков. Один из кусков предназначался мне, но я не хотел ждать, когда это произойдет. Каким-то образом я знал: там есть люди из ФБР, которым я не могу доверять. Множество людей, которым я не мог доверять. Там находилась моя коллега Джейн. Я уговорил этого человека прийти и разбить камень, и он разбил его. Я схватил свой кусок и пустился бежать. И весь сон – сплошная борьба за этот кусок то с одним, то с другим. У меня даже была волнующая встреча с Джейн в ванной комнате. Она выхватила у меня кусок камня и спрятала под юбку.

Терапевт: Ей тоже хотелось поучаствовать. Но чем все это кончилось? Удалось ли тебе со-

хранить этот кусок?

Сэмуэль: Да, удалось, но меня прервали.

Терапевт: Итак, расскажи нам о своем честолюбии. Чего бы ты хотел в жизни? Может быть, стать президентом?

Сэмуэль: Я начал думать о том, как бы я рассказал этот сон родителям. Не настолько уж я честолюбив, а может быть, и настолько.

Терапевт: Ну, хорошо, а можешь ли ты представить себе, что твой отец сидит перед тобой, а ты рассказываешь ему его биографию, как ты знаешь ее. Просто начни говорить, а я помогу тебе в этом.

Сэмуэль (к отцу): О'кей. Я знаю о тебе много, многое ты рассказал мне сам, но кое-что я узнал о тебе от бабушки. Значит, у меня есть два таких источника информации, и у меня есть ощущение, что ты хотел быть особенным человеком для своего собственного отца и хотел этого на свой манер. Ты ни разу не воспользовался его помощью, хотя он предлагал тебе, например, управлять его отелем. Он отправил тебя в лучшую школу и еще многое другое. Ты даже женился на женщине, которую не принимали ни твой отец, ни твоя мать, и ты знал об этом. Потом они дали ей денег, чтобы вы могли развестись. И тогда ты встретил мою мать...

Терапевт: Извини, Сэмуэль, каждый раз, когда ты сообщаем какую-то информацию, скажи ему что-нибудь о его честолюбии. "Ты ходил во все эти школы..." И дальше — о степени его честолюбия: "Ты был женат..."

Сэмуэль: Вы спрашиваете о том, чего я не знаю.

Терапевт: Просто скажи, не бойся. Твой отец еще жив?

Сэмуэль: Да.

Терапевт: У тебя есть какое-то мнение о его честолюбии?

Сэмуэль: Я знаю, что у него недостаточно честолюбия.

Терапевт: Хорошо! Я не спросил, много или мало, я просто спросил о его честолюбии, это очень важно. "Ты имел возможность посещать все эти школы..."

Сэмуэль: Ты имел возможность посещать многие школы, у тебя была даже возможность жениться на ком-то, кого выбрал твой отец. У тебя была возможность заниматься процветающим бизнесом. У тебя была возможность стать... У тебя было множество возможностей, но ты не воспользовался ни одной из них. Когда мы говорили с тобой несколько месяцев назад... *(начинает плакать и всхлипывать)* ... ты сказал, что твоя жизнь кончена, что вся твоя жизнь... кончена... *(вздыхая и всхлиывая)*. Но ты по-прежнему нужен мне... Я чувствую, что ты умираешь... а я продолжаю жить своей жизнью...

Терапевт: Скажи ему, что ты думаешь о том, что он сделал со своей жизнью.

Сэмуэль: Он помог мне. Ты показал мне, как можно любить, как заботиться о других людях. Я думаю... ты получил, что хотел...

Терапевт: Что ты остановил? Ты стал плакать, что-то почувствовал и остановился.

Сэмуэль: Я остановил свой гнев.

Терапевт: Вырази ему свой гнев.

Сэмуэль: Тебе семьдесят пять, уже семьдесят шесть, и я на самом деле не хотел бы, чтобы ты знал, как я злился на тебя. Но я отставляю это в сторону: "Пусть он уйдет с миром!"* [[[* Здесь возможно, имеется в виду игра слов. В английском языке слова *мир* (peace) и *кусок* (piece) произносятся одинаково.]

Терапевт: Я бы хотел, чтобы он ушел с миром, и я хотел бы, чтобы ты родился с миром. Ты имеешь право выразить ему свой гнев по обоим поводам. Посмотри, эти вещи зависят друг от друга.

Сэмуэль: Ты почти не учил меня, как жить, но я научился жить по-своему. И я стал презирать тебя за твое пренебрежение, за твой эгоизм, за твою некончающуюся юность, за твое хныканье, за то, что ты был таким балованным ребенком. Твоя мама вечно заботилась о тебе, а потом ты женился, чтобы жена заботилась о тебе. У тебя совсем нет друзей. У тебя нет ни одного друга. Ни среди мужчин, ни среди женщин. Ты говоришь, будто все, что у тебя было, — это твоя семья. А как ты обращался со своей женой, моей матерью, с ее безумием? Ты стал глухим, чтобы ничего не слышать. Ты отвратителен.

Терапевт: Скажи ему о том, на что он потратил свою жизнь.

Сэмуэль: Все твои родственники яркие и творческие люди. Художники, политики, врачи, а ты был любимым сыном, ребенком. И когда тебе стало не так просто жить, как хотелось, ты впал в ярость, потому что тебе нужно было, чтобы все доставалось легко и просто. Ты, видишь ли, не хотел лизать кому-то задницу, а это просто означало сотрудничать с кем-нибудь, чтобы чего-то достичь.

Терапевт: "И я твой сын". Попробуй сказать: "И я твой сын".

Сэмуэль: Ты отказывался сотрудничать с кем бы то ни было, чтобы чего-то достичь, и я твой сын. Ты всегда был испорченным ребенком и хотел получать все, что ни пожелаешь, ничего не делая для этого, и я твой сын...

Терапевт: Что тебя остановило сейчас?

Сэмуэль: Это не относится к делу.

Терапевт: Это не относится к твоему сну, ведь ты хотел рассказать ему свой сон. "И я твой сын, я хочу рассказать тебе свой сон, потому что только у твоего сына мог быть такой сон. Мне приходится отдуваться за тебя". Ты можешь, кроме того, рассказать ему, как тебе приходится отдуваться за него. Как ты похож на него и как тебе хочется уйти от этого сходства. Хорошо? Ты можешь отпустить свои чувства на свободу?

Сэмуэль: Я хочу рассказать тебе свой сон, который, как мне кажется, должен помочь мне лучше понять, как я отдуваюсь за тебя.

Терапевт: Хорошо.

Сэмуэль: Во сне я нахожусь в помещении, которое похоже на отель. Здесь проходит конференция, где присутствует много супер-звезд. Я знаю, что должно произойти, и знаю, что должен получить особый подарок. Не за красивые глаза, я это заслужил, и это принадлежит мне по праву.

Терапевт: Хорошо, пожалуйста, остановись здесь. Обрати внимание на то, что ты сказал. Как ты его сын и как ты не его сын. В этом ключе.

Сэмуэль: Вокруг меня множество людей...

Терапевт: Хорошо. Как ты похож и не похож на него, когда вокруг тебя множество людей?

Сэмуэль: Мне кажется, что когда ты был моложе, ты был хорош собой, и у тебя было много друзей, и тогда ты много пил. Тогда ты был очень похож на своего отца, моего деда, ты был свободен в деньгах и наслаждался жизнью, танцами и всем прочим, о чем я уже говорил. Тебе очень нравилось танцевать, пить, находиться в окружении большого количества людей и принимать их поклонение. В отличие от тебя, я не хожу в места, где много людей. В отличие от тебя, я люблю оставаться в тени и люблю работать. В отличие от тебя, я считаю, что надо много работать, чтобы чего-то достичь, а что-то еще мы получим когда-нибудь. Я надеюсь на это. Я еще не достиг этого.

Терапевт: Что это означает – "Я еще не достиг этого"?

Сэмуэль: Я всегда чувствовал, что это возможно.

Терапевт: Он оставил тебе это наследство, чтобы ты преодолел его? Скажи ему: "Соответственно твоему предназначению, соответственно твоей карме..."

Сэмуэль: Соответственно тому, что я чувствую к тебе, ты многие годы преодолевал это, и твой отец делал то же самое. Он и твоя мать, так же как и другие люди, во время Великой Депрессии отнимали у разорившихся землю, деньги и все, как безумные. А потом он сдался. И, как я понимаю, ты тоже сдался. Боюсь, что сдался и я. Это пугает. Во сне я был совершенно один. Я был один, не считая этого особого человека, но он был в начале сна.

Терапевт: А что произошло потом?

Сэмуэль: Это какое-то безумие. Я убежал отовсюду...

Терапевт: Ты убежал отовсюду, и какая-то женщина отняла у тебя что-то и спрятала под юбку. Что ты испытал тогда?

Сэмуэль: Ярость: "Что ты себе позволяешь? Это мое".

Терапевт: Если это твое, почему тебе надо убежать?

Сэмуэль: Я нарушил распорядок. Если я должен был получить свое, это должно было произойти на сцене, перед камерами, с помпой и церемониями.

Терапевт: И почему же тебе надо было убежать?

Сэмуэль: Я должен был взять это. Я не мог поверить, что получу свое.

Терапевт: Ваш сын (*обращается к воображаемому отцу Сэмуэля*) не верит, что это действительно принадлежит ему. А у вас так бывает?

Сэмуэль: Как твой сын, папа, я не могу поверить, что это действительно мое. Что я действительно это заслужил и смогу сохранить.

Терапевт: "И что я имею право на это". Сэмуэль, давай вернемся в твой сон. Тебе представляется, что ты точно знаешь, как взять эту вещь и разбить ее так метко, чтобы она разлетелась на шесть кусков. Во сне ты тот человек. Ты также другой человек, который намерен украсть один из шести кусков и убежать с ним. Насколько это похоже на твою семью? Каким образом это отражает историю твоей семьи? Это говорит тебе о чем-нибудь?

Сэмуэль: Со стороны отца моя семья была богата не только материально, но и творчески. Гораздо богаче, чем многие семьи. У них в семье было пятеро детей, мой отец предпоследний ребенок. Но на самом деле он самый маленький. Когда мой дед умер, наследство было поделено на всех.

Терапевт: А что ты получил от отца, Сэмуэль?

Сэмуэль: Первое, что приходит в голову, — самонадеянность.

Терапевт: Он передал тебе самонадеянность?

Сэмуэль: Самонадеянность и какое-то достоинство. Я бы сказал, скорее оскорбленное достоинство и еще, я думаю, безответственность. Иногда это оскорбленное достоинство, а иногда — безответственность.

Терапевт: Н-да. Но в твоём сне присутствуют оба качества. Там есть самонадеянность того парня, который должен получить подарок. Не так ли? Он точно знает, что может сделать... как поступить и в какой момент. Есть и безответственный тип. Он должен украсть и бежать. И оба они — это ты. Ты, получивший наследство от своего отца. Чувствуешь ли ты себя, как человек во сне, который способен расколоть эту вещь на шесть кусков? И ты можешь утвердиться в своей самонадеянности и убедиться в своих способностях? В своём сне ты самоуверен. Подтверждается ли твоя самоуверенность твоими способностями?

Сэмуэль: Да.

Терапевт: Твой отец был самоуверенным человеком. А его самоуверенность подтверждается его способностями?

Сэмуэль: Нет.

Терапевт: Ты понимаешь, в чём тут дело?

Сэмуэль: Да.

Терапевт: Итак, я бы хотел, чтобы ты стал тем парнем из сна, который раскалывает камень. Пусть кто-то другой украдет эти шесть кусков. А ты посмотри, что ты будешь чувствовать. Ты согласишься, как кто-то получит пять кусков.

Сэмуэль: Что-то получит ФБР.

Терапевт: Но, посмотри, ведь ФБР — это тоже ты. Ведь ты спроецировал на них свою силу. А самоуверенность, которая подтверждается твоими способностями, ты спроецировал на этого загадочного человека.

Сэмуэль: Да, это правда.

Терапевт: Я хочу, чтобы ты закрыл глаза и помедитировал. Поставь ноги на землю, и пусть перед тобой будет эта драгоценность. Это то, чего не смог дать тебе твой отец, чтобы поддержать тебя, чтобы любить тебя. Я хочу, чтобы ты владел этим. Стань тем человеком, который твердо стоит на земле. Может быть, тебе надо вернуться в 20-е годы, к тому, кто был основателем благосостояния семьи. Войди с ним в контакт. Это он? (*Сэмуэль кивает.*) С его устойчивостью, с его ощущением могущества и мужественности. Как его зовут?

Сэмуэль: Сэмуэль.

Терапевт: Его зовут Сэмуэль?! Это твой прадед? (*Сэмуэль кивает.*) Настоящий Сэмуэль вернулся в твой сон, а ты преодолел все, что стоит между настоящим Сэмуэлем и тобой, и вступил с ним в контакт. И этот камень, который находится перед тобой, принадлежит тебе, и сцена принадлежит тебе, и публика принадлежит тебе, и могущество принадлежит тебе. И знание принадлежит тебе. А ты готов? Представь себе, что ты стоишь на сцене, освещенный софитами, и можешь чувствовать могущество, красоту и ясность этого момента. Получи удовольствие. Это могущество твоего прадеда переходит к правнуку. И когда ты будешь готов совершить это символическое действие, чтобы расколоть эту вещь, ты сделаешь это почти без напряжения, с легкостью, и не убежишь, потому что это твоё представление. Пусть бежит другой. Я некоторое время помолчу, а ты поэкспериментируй со своим ощущением готовности, могущества и тем, что ты хочешь сделать.

(*Сэмуэль берет воображаемый меч и раскалывает драгоценность.*)

Терапевт: Как это было?

Сэмуэль: Совершенно естественно...

Терапевт: А теперь посмотри вокруг. Ты видишь: ты же не можешь пребывать в мечтаниях. Посмотри вокруг. (*Сэмуэль смотрит на каждого из присутствующих.*) Поговори с Сэмуэлем, который украл кусок и убежал. Ты мастер по раскалыванию драгоценных камней. У тебя был договор с ним. Поговори с ним. Почувствуй эти разные части самого себя. Разве ты должен был убегать, когда ты смотрел на эти лица? Поговори с ним о том, о сем.

Сэмуэль: Сэм, ты действительно получил... можешь быть спокоен. Я думаю, ты это понимаешь, но боишься, что у тебя это отнимут... и... конец истории... Я не знаю, что с тобой делать (*трет глаза*).

Терапевт: Ты знаешь, что с ним делать. Как сказал бы твой отец: "Я не знаю, что с тобой делать..." Дерьмо.

Сэмуэль: Мой отец не осмелился бы так сказать.

Терапевт: Ты знаешь, что я имею в виду. Пусть он ответит, пусть он ответит первым, а потом скажешь ты. (*Показывает на пустой стул.*) Это твоя часть, которая украла и убежала.

Сэмуэль (пересаживается на другой стул): Я просто потерял контроль, я... я был в ужасе и

думаю, что если бы сон продлился, я бы потерял его. Я бы потерял этот кусок.

Терапевт: Хорошо. А теперь ты мастер по раскалыванию камней, прадедушка Сэмуэль.

Сэмуэль: Да, прежде всего, ты не можешь потерять... Это что-то, что должен иметь... чтобы хранить его, потом ты должен что-то сделать с этим. И это вовсе не побег, ты должен показать его, отшлифовать, добавить к нему что-то еще. Побег – это способ его потерять. А твоя награда здесь, а не где-то в будущем.

Терапевт: А теперь скажи для группы... "Я сделаю это по-другому..." Сядь сюда (*показывает на другой стул*). "Я сделаю это по-другому..."

Сэмуэль: Я сделаю это по-другому, не стану убегать с камнем, я могу его потерять. Я должен держать его перед собой, чтобы видеть его, а дальше я стану делать что-то еще, шлифовать, буду хранить его, он мой.

Терапевт: Как тебе это? Теперь ты можешь держать его, похоже, теперь ты уже больше не боишься за него.

Сэмуэль: Спасибо.

"Сон Сэмуэля" – пример того, как работа со сновидением может стать исследованием темы поколений. В данном случае тема состоятельности и могущества в различных формах переходит из поколения в поколение. Важно отметить, что даже при том, что отец и дед Сэмуэля не присутствуют на сессии, клиент работает с их интроективным присутствием, для того чтобы разрешить тему своей внутренней борьбы.

Зв. Основное положение: *Одни подсистемы обладают высоким уровнем энергии, а другие – низким.*

Зв. Ориентирующий принцип: *У терапевта есть искушение направить внимание клиентов на подсистему, обладающую большим объемом энергии. Не пренебрегайте подсистемами, у которых мало энергии. Система перестает работать, когда у нее слишком мало энергии, однако именно она и нуждается в нашем внимании.*

В некоторых случаях семейный терапевт должен обратиться к тому, что не выглядит как фигура внимания. Родители могут громко спорить, в то время как дети уважительно молчат и слушают. Такие родители непременно обратят внимание на себя, а что же при этом будут чувствовать и думать дети? В нужный момент терапевт поворачивается к самой молчаливой и тихой подсистеме, чтобы исследовать всю семью. Вы можете спросить детей: "Часто ли вы видите, как ссорятся родители?"; Как вы чувствуете себя, когда вас ругают?". Или поинтересоваться: "Можете ли вы объяснить мне, почему ваши родители так расстраивают друг друга?"

В случае с "громкими" родителями и молчаливыми детьми между двумя подсистемами не происходит обмена энергией. Терапевту ясно, что в этих условиях дети находятся в стороне от споров родителей, обычно это нормально. Но терапевтическая работа – дело всей семьи, и в данном случае чувства и суждения детей могут быть также полезны для понимания проблем семьи, как чувства и мысли взрослых. Если не обращать внимания на детей, у них исчезнет интерес к семейной терапии, и тогда терапевт потеряет потенциальных союзников в работе.

Вот, например, какие ответы могут дать дети терапевту: "Обычно при нас они не ссорятся. Они *такие* вежливые. Вот странно – оказывается, мама и папа могут быть настоящими!" Или: "Когда происходит нечто подобное, я очень пугаюсь, боюсь худшего, мне кажется, что папа может ударить маму". Или: "Они все время спотыкаются на одном и том же месте".

Подключая участие "молчаливой подсистемы", терапевт помогает распределить энергию, осознание, действие и потенциальное направление поведения внутри всей семьи.

Зг. Основное положение: *Здоровье семьи напрямую зависит от ее способности быть подвижной и перемещаться от одной подсистемы к другой.*

Зг. Ориентирующий принцип: *Терапевт должен быть внимательным к фиксированному гештальту в рамках семейной подсистемы. Наиболее распространенная модель фиксации гештальта в семье – трехсторонние отношения.*

Здоровье семьи проявляется в ее способности легко перемещаться от отношений "взрослый-взрослый" к отношениям "взрослый-ребенок" и "ребенок-ребенок" и свободно использовать возможные комбинации. Любая фиксированная комбинация, которая возникает гораздо чаще, чем группирование, не должна пройти незамеченной. Необходимо найти подход к ее полезным и вредным проявлениям. Наиболее распространена фиксированная группировка – родители и один ребенок. Она может быть нефункциональной и создавать препятствия для общения родителей и сво-

бодного существования ребенка.

Когда терапевт замечает, какие возникают комбинации и как члены семьи взаимодействуют друг с другом – легко или болезненно, – он будет стараться научить семью мягче вступать во взаимодействия и выходить из них. В таких случаях эксперимент может оказаться чрезвычайно полезным, и люди научатся новым чувствам и поведению.

Зд. Основное положение: *Дети образуют собственную мощную подсистему в семье. Чем лучше отношения в их подсистеме, тем сильнее она влияет на функционирование семьи.*

Зд. Ориентирующий принцип: *Важная задача семейного терапевта состоит в том, чтобы распознать и поддержать подсистему детей.*

Детям необходимо взаимодействовать не только со взрослыми, но и друг с другом. Возникающее детское сообщество обладает большой силой. Наблюдение за взрослыми учит детей сотрудничать друг с другом. Отношения между братьями и сестрами в детстве могут быть очень значимыми. Это не означает, что в общении между собой дети не испытывают трудностей, тем не менее они немало узнают друг от друга. Ребенка многое пугает, но когда он принадлежит к группе и чувствуют свою причастность к ней, он способен преодолевать потенциальные травматические переживания.

Я работал с большим количеством семей, где родительская система была слабо выражена, а система детей служила источником самоподдержки. Такое распределение сил особенно ярко выражено в семьях, где есть по крайней мере трое или четверо детей.

Теперь семьи стали меньше и немало семей имеют лишь одного ребенка. Я часто слышу, как родители говорят о том, что хотели бы иметь несколько детей, чтобы у ребенка были братья или сестры, а семья стала прочнее. Очевидно, что они признают потребность ребенка в общении со сверстниками и необходимость делиться своими чувствами и жалобами на родителей. Если у ребенка нет брата или сестры, с которым он может поделиться, их может заметить закадычный друг или подруга. Ясно одно: с кем бы ни была образована такая комбинация детского сообщества – это естественная потребность детей. В юношеском возрасте такая потребность выходит на первый план. В этот период авторитет ровесников намного превосходит авторитет взрослых.

Педагоги и воспитатели хорошо это знают, фокусируя внимание на социальном развитии учеников и студентов. В наши дни можно часто видеть формацию семьи с одним ребенком, которая остро нуждается в компенсации ущербного родительского сообщества. Мы полагаем, что здоровой моделью для людей любого возраста может стать создание общества со своим собственным языком, нормами общения и правилами. Такое общение должно быть доступно детям в любой семье, что, безусловно, будет способствовать их нормальному развитию.

4. Динамика системы "родитель-ребенок"

Динамика системы родитель-ребенок включает в себя широкий диапазон взаимодействий.

4а. Основное положение: *Степень опеки ребенка родителями является показателем здоровья семьи.*

4а. Ориентирующий принцип: *Для оздоровления семьи в семейную терапию важно включать "терапию родителей".*

Новорожденный младенец просто умрет, если его не будут кормить и опекать⁶. Когда дети маленькие, опека должна быть абсолютной. В процессе роста опека должна уменьшаться. По мере взросления ребенка степень опеки должна меняться. Ребенку опасна как слишком сильная, так и слишком слабая опека. Например, если вы задаете вопрос ребенку двух-трех лет, а за него отвечают родители, потому что тот стесняется говорить, – это вполне естественно. Маленький ребенок, стесняющийся незнакомого человека, может и не отвечать ему. Однако ситуация меняется, если ребенок смущается в одиннадцать или двенадцать лет, а родители "спасают" его в трудной ситуации.

По мере роста ребенка родители должны следить за его склонностями. Ребенок одиннадцати или двенадцати лет должен уметь общаться с людьми вне семьи, включая терапевта. Родители такого ребенка должны знать, что терапевтическая сессия – это достаточно безопасная ситуация. От чего же они "спасают" своего ребенка, если он понимает, что происходит?

С другой стороны, ребенок двух-трех лет не особенно разбирается в терапевтической ситуации и не может воспринимать терапевта как безопасный объект. Если родители говорят такому ребенку: "Давай, отвечай!" Они демонстрируют нечеткое понимание его потребностей и ресурсов.

Степень опеки — наиболее важный показатель неблагополучия семьи. Каждая семья в

определенных обстоятельствах проявляет слишком много или слишком мало опеки. И это нормально, потому что существует "средний уровень", при котором мы можем вырасти здоровыми. Никто не может знать, что является оптимальным, так как в реальной жизни идеала не существует. И все-таки здоровые люди, слишком активно опекающие своего ребенка, всегда способны понять это и уменьшить обороты. Это касается и недостаточной опеки. Нормальные родители всегда передвигаются в диапазоне "среднего уровня", и у них существует общий эстетический критерий, как это делать лучше всего.

Если вы видите, что проблема семьи лежит в данной плоскости, это может означать, что вам придется много работать со взрослой частью семейной системы. Вероятнее всего, вам нужно будет повысить их уровень осознания поведения, который они моделируют. Ведь дети учатся быть взрослыми на примере родителей. Здесь также необходимо учесть и детские страхи, которые могут вызывать у ребенка серьезные дефекты, если перед его глазами нет нормальной системы взрослых. Если нормальные родители не обеспечивают безопасность ребенка, он не может самостоятельно побороть свои страхи.

Школьная фобия – хороший пример дисфункции такой семейной динамики. Ребенок просто не может покинуть дом, а родители, в свою очередь, не отпускают ребенка в школу. Ясно, что от разъединения их удерживает грубая сила. Если ребенку три года, а родители говорят: "Хорошо, оставайся дома", терапевта это не беспокоит, он надеется на то, что ребенок сможет прийти, когда перестанет стесняться. Но семилетний ребенок должен ходить в школу, и если он не может выйти из дома, значит, в семье возникла проблема, которая требует немедленного разрешения.

В определенном возрасте дети начинают интересоваться окружающим миром. Если они чувствуют себя в достаточной безопасности, они выходят из дома на короткое расстояние. Затем пугаются и убегают обратно, прячутся за спинами родителей и снова выглядывают из дома. Как только страх проходит, они опять отправляются "в мир". У детей должен быть дом, куда они могут вернуться и где никто не будет пугать их, говоря: "Будь осторожнее!", "Берегись!". Такие предостережения только подогревают чувство опасности. Если у детей есть возможность вернуться в безопасный дом и ждать, пока пройдет страх, и при этом никто не будет напоминать им об опасности, с годами они станут уходить из дома на более долгий срок.

46. Основное положение: *Дети всегда присматриваются и прислушиваются к тому, что говорят и делают родители. Однако им вредно быть участниками или "побудителями" процесса их взаимодействия.*

46. Ориентирующий принцип: *Семейный терапевт посвящает свою работу тому, чтобы взрослые брали на себя полную ответственность за свою роль, а также тому, чтобы освободить детей от исполнения роли "побудительной силы" в семье.*

Дети должны стоять в стороне от взрослых проблем. Они могут наблюдать и слушать. В здоровых семьях дети отвлекаются друг на друга, когда терапевт разговаривает с родителями. Данный "сегмент" сессии, посвященный взрослым, детям неинтересен – и это нормально. Но как только им становится интересно, их "ушки на макушке", и они возвращаются к происходящему на сессии. Родители спокойны за детей, пока видят, что дети в безопасности, им не нужно, чтобы дети постоянно смотрели им в рот.

Для таких ситуаций семейному терапевту хорошо иметь в кабинете бумагу для рисования, карандаши, несколько игрушек или книжек, чтобы дети могли не скучать и чем-нибудь заняться. Терапевт должен объяснить им, как они могут выйти из комнаты и вернуться назад. Детям, как правило, нужно проверить это несколько раз, и тогда они будут вести себя спокойно.

Дисфункция в семье возникает, когда дети постоянно вовлечены в отношения родителей. Это часто происходит в семьях с пьющим родителем (или родителями). В таком случае родители не ведут себя, как взрослые. Подчас в этих семьях дети берут на себя ответственность за происходящее, и, возможно, для них это единственный выход из положения. Что поделаешь, в семье кто-то должен быть взрослым.

Я работал с семьей, в которой был один ребенок и практически беспомощная мать. Одиннадцатилетнему мальчику приходилось говорить ей: "Мама, нам пора обедать" или: "Мама, тебе надо подписать мой дневник, а то меня будут ругать в школе". Этот ребенок играл в семье роль взрослого. Хорошо ли это для ребенка? Думаю, что нет. Но для них это было выходом из положения, раз некому было быть взрослым. Терапевтические интервенции в моей работе фокусировались на том, чтобы мать могла пересмотреть свою родительскую роль, а сын снял с себя неподобающую ему ведущую роль.

Если дети не могут вести себя как дети – это трагично. Доля их ответственности за происходящее в значительной степени определяет их страхи и напряжение.

4в. ОСНОВНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: *В здоровых семьях всегда ясно, где сильная сторона. В таких семьях власть находится в руках у родителей.*

4в. ОРИЕНТИРУЮЩИЙ ПРИНЦИП: *Если власть распределяется неравномерно, терапевту необходимо исследовать это явление.*

Вопрос о распределении власти актуален в жизни семьи, особенно если власть между членами субсистем распределена несправедливо. В здоровых семьях взрослые имеют больше власти и применяют ее в соответствии с возрастом детей. Над маленькими детьми они осуществляют больше власти, над старшими – существенно меньше. В проблемных семьях существуют две крайности, связанные с распределением власти:

1. Отсутствие четкого распределения власти, когда в семье не соблюдается принцип ведущий-ведомый и ее жизнь становится хаотичной.

2. Грубая сила, которая применяется независимо от возраста детей. Например, родители могут бить маленьких детей и осуществлять жесткий контроль над старшими детьми.

Психологи создали модель использования власти в семье. Принимая на себя роль родителя, терапевт может в большей или меньшей степени применять свою власть при принятии решений, он может высказывать свои соображения по поводу жизненных ценностей семьи. Такая власть должна хорошо восприниматься. Чем здоровее семья, тем меньше власти нужно применять терапевту. Дезорганизованная семья требует от терапевта применения большей власти и сильного лидерства, для того чтобы склонить ее членов к более приемлемому и слаженному поведению.

Семья Миллеров состоит из родителей, Артура и Джейн, им около сорока; их восемнадцатилетнего сына Рика и пятнадцатилетней дочери Гейл. Отец занимает должность вице-президента маленькой издательской компании, а мать работает медсестрой. Рик учится на первом курсе университета, Гейл – в колледже.

Семья явилась на терапию, потому что дочь замкнулась в себе, засела в своей комнате и ни с кем не общается. Ее друзья стали проявлять беспокойство. Недавно, когда отец позвал Гейл обедать, она даже не откликнулась. Он постучал к ней в дверь, позвал ее по имени, но она не ответила. И только когда он постучал громче и попытался открыть дверь, Гейл отозвалась. Открыв дверь, отец увидел, что она выглядела болезненно. Кроме того, родителям позвонила школьная учительница Гейл, которая сказала, что девочка стала хуже учиться, пропускать занятия, плохо выглядит, сильно похудела.

Таких пациентов, как Гейл, мы называем ИП - идентифицированными пациентами. В семейной терапии мы не фокусируем внимание на одном ИП. Мы фокусируем внимание на семье как группе людей, которые собрались вместе, чтобы улучшить ситуацию. Тем не менее ИП является членом группы и выразителем боли, существующей в семье.

Наше первое положение основано на том, что здоровая семья поддерживает себя сама и терапевт прежде всего может помочь ей увидеть то, что она делает хорошо.

На первой сессии родители обсуждали исключительно проблемы Гейл и свою беспомощность в данной ситуации. Гейл заговорила, когда брат спросил ее о потере веса и ухудшении успеваемости в школе. Она утверждала, что с ней все в порядке.

В конце первой сессии мы сообщили Миллерам о том, что они делают хорошо. Мы прокомментировали их умение обсуждать друг с другом трудные ситуации и свои ошибки. Дети, похоже, тоже смогли выразить друг другу свою заинтересованность в происходящем. К счастью, эта семья была способна выражать свои глубокие переживания, особенно в рамках двух субсистем, и делала это очень хорошо.

На последующих сессиях ко-терапевты увидели "оборотную сторону медали". Родители не вовлекали в работу детей, то же происходило и с детьми – ни взаимных вопросов, ни столкновений. Внутри каждой системы существовало своеобразное слияние, а между родителями и детьми не существовало никаких свободных взаимодействий. У сына и дочери были хорошие дружеские отношения, вместе они создавали сильную, слаженную команду. Слабым звеном семейной системы были взаимоотношения между родителями и детьми. На лицах детей отражался настоящий страх, когда им нужно было выражать свои чувства. Они постоянно всматривались в лица родителей, чтобы понять, можно ли им говорить.

Раньше родители были заняты собой и не особенно задумывались над нуждами своих детей. Дети так или иначе были предоставлены самими себе, они стали друзьями по играм и научились сами заботиться друг о друге. Это случилось потому, что отца и мать вполне устраивало такое положение вещей, они не хотели заниматься детьми.

Так было раньше. Но за последний год, когда Рик стал учиться в университете, жизненный цикл семьи круто переменялся. Рик выбрал местное учебное заведение, мог жить дома и быть ря-

дом с Гейл, однако большую часть времени он проводил в учебе и общении с друзьями. Родители, Артур и Джейн, в данный момент находились на вершине своей карьеры, наслаждаясь успехом, которого добились годами упорного труда. Будучи застенчивой, Гейл не смогла получить поддержку ни у одноклассников, ни у родителей. Она испытывала глубокое чувство одиночества и псевдо-независимости: на самом деле ей не нужна независимость, однако жизнь поставила ее в такие условия.

Для того чтобы усилить субсистему родителей и детей, необходимо сделать следующие комментарии.

Терапевт: Рик и Гейл, вы кажетесь очень сильными, когда разговариваете друг с другом. Это очень выразительно. А вы, Джейн и Артур, тоже очень хорошо общаетесь между собой. Но обратите внимание, что вы, дети, почти ничего не говорите своим родителям, а вы, мама и папа, почти не обращаетесь к своим детям. Мы хотели бы, чтобы вы попробовали прямо поговорить друг с другом. Давайте посмотрим, что у вас получится.

Нужно начать с общего предложения, чтобы посмотреть, насколько им это удастся. Если у них возникнут трудности, мы можем провести эксперимент. Например:

Терапевт: Дети, мы попросили вас поговорить с вашими родителями, а родителей мы попросили поговорить с вами, но у вас возникли трудности, и всякий раз вы снова возвращаетесь друг к другу. Поэтому я предложу вам сделать следующее. Я бы хотел, чтобы мужчины поговорили между собой, а женщины просто послушали их.

В данном случае мы изолировали реально существующие субсистемы и образовали две новые. Одной новой субсистеме дано задание слушать, а другая будет служить примером. Дальше мы говорим следующее.

Терапевт: Вы можете говорить на любую тему, которая вас интересует, а я послушаю. Если у вас возникнут сложности, я помогу вам.

Сначала отец и сын запинаются и говорят нерешительно. Артуру трудно спрашивать Рика про университет, потому что у него почти нет конкретной информации. Но затем неожиданно Рик сам начинает рассказывать о том, как он всегда скучал по отцу, когда играл в футбол в школе. Сквозь слезы Рик рассказывает отцу, как ему всегда было обидно, когда вечно занятый отец не приходил посмотреть школьный матч с его участием. Артур сильно взволнован, он кладет свои руки на плечи сына и говорит, что очень сожалеет: он был так занят на работе, что у него даже не было времени подумать о том, чтобы пойти и посмотреть, как сын играет в футбол, а это была бы хорошая идея. Тогда Джейн попробовала перебить его.

Джейн. Да, твой отец слишком много работал в то время.

Терапевт (прерывая ее): Простите, но я бы попросил вас побыть в стороне и не вмешиваться. Сейчас разговаривают Артур и Рик. У вас будет возможность поговорить со своей дочерью.

Семья Миллеров защищена от вторжения извне, в свою семью они впускают немногих. Они не очень общительны. Однако их дети недостаточно защищены. В частности, детям предоставлена слишком большая свобода действий. Позволяя им пользоваться определенной независимостью, родители совсем не следят за тем, как дети используют эту независимость. Они совсем не знают, что переживают их дети, а они могут страдать от неразделенной любви или сложных отношений с друзьями. Получается, что эта семья представляет собой в некотором роде парадоксальное явление. Они абсолютно изолированы друг от друга, позволяют своим детям выходить в мир, но у детей это вызывает только чувство одиночества и неудовлетворенности, потому что им не хватает общения с родителями.

Границы семьи расширились, когда сын стал учиться в университете. Сейчас, когда дети стараются быть автономными, родители снова стали супружеской парой. Однако дочь со своими симптомами депрессии заставила их вернуться в семью. И тут они сплотились, чтобы помочь ей. Гейл становится "идентифицированным пациентом", а дисфункция семьи заключается в недостатке взаимодействия и энергетического обмена между двумя субсистемами. Самыми слабыми по уровню энергии получились субсистемы мать и сын, отец и сын, отец и дочь.

Один из способов перераспределить энергию состоит в том, чтобы побудить семью пересечь старые границы и создать новые субсистемы. В этом случае терапевт может предпринять сле-

дующую интервенцию.

Терапевт: Хорошо, Рик, как ты относишься к тому, что говорит твоя мать? Может быть, ты хочешь сказать им что-нибудь по этому поводу?

Если клиенты не смогут самостоятельно начать разговор, вы сами можете выбрать любую нужную комбинацию партнеров.

Как вы могли видеть по предыдущему примеру, энергия возрастает, а взаимодействие оживляется. Сын вовсе не обязательно должен впадать в отчаяние. Он может, например, разозлиться на отца: "Ты теперь меня спрашиваешь? А где ты был раньше? Когда я четыре года учился в школе? Где же ты был?" А затем у них может происходить некоторая борьба. С точки зрения мобилизации энергии терапевту не столь важно, как они это делают – рыдают друг у друга на груди или громко ссорятся. Главное, что в данной подсистеме повышается уровень энергии, а контакт становится острее и осязаемее. Это проходит и во время беседы матери с дочерью. Джейн начинает осторожно спрашивать Гейл о ее друзьях по школе, но Рик резко перебивает ее.

Рик. Знаешь, сейчас ты такая нежная и ласковая с Гейл, а ведь она уже давно страдает от депрессии, в то время как ты работаешь в своей больнице сверхурочно и даже в голову не берешь, что она рассталась со своим другом. Тебе было все равно. А теперь ты такая нежная и ласковая!

После этого терапевт может заменить следующее:

Терапевт: Мне нравится, что вы наконец смогли разговаривать друг с другом по-другому. Я гораздо больше верю вам, когда вы можете даже в резкой форме указать другому на то, что ему надо изменить. Иногда и в хороших семьях приходится напоминать, что кому-то плохо и он нуждается в помощи.

Для этой семьи характерна ретрофлексия, поэтому если кто-то испытывает боль, он не просит о помощи, а тот, кто видит эту боль, помощи не предлагает. Ретрофлексия этой семьи проявляется не сразу, так как самая важная культурная ценность родителей – ответственность за других. Каждый из них выбрал профессию, которая с очевидностью связана с заботой о людях, и оба чрезвычайно преуспели на своем поприще. Но после тяжелой работы у них остается лишь минимум энергии друг для друга и практически ничего для своих детей.

На первой встрече Миллеры предъявили терапевту такой образ: "Мы пришли на терапию, потому что хотим проявить заботу о дочери в присутствии терапевта. Мы хотим проявить себя как любящие родители. Но когда Рик и Гейл заговорили о своих чувствах, картина резко изменилась.

Последнее "основное положение" гласит: ни одна семья не может быть идеальной, и редкие семьи могут достичь оптимального состояния. Терапевт должен признать, что существуют некоторые вещи, которые просто "достаточно хороши" для данной семьи. Он также может найти способ порадоваться с ними тому хорошему, чего он добился, даже если не все проблемы решены.

Терапевт: В близких отношениях мы можем себе позволить жаловаться своему любимому, когда нам плохо, больно и тому подобное.

Итак, Миллеры начали учиться жаловаться друг другу. Гейл первая начала рассказывать своей матери о том, как трудно ей было в школе и как после расставания со своим другом ей было тяжело сосредоточиваться на учебе. А после этого и Джейн смогла рассказать Гейл о том, что, когда она училась в институте, она тоже тяжело пережила разрыв с молодым человеком. Теперь, быть может впервые, Джейн и Гейл стали делиться друг с другом своими переживаниями.

То, что мы называем "достаточно хорошим", означает, что дочь стала чуть менее изолирована и не несет всю тяжесть собственных проблем на своих плечах. Ее мать, отец и брат могут взять на себя часть ее боли, тем самым она теряет статус фигуры ИП. Эта фигура распространилась на всех членов семьи. Теперь, когда отец приходит домой с работы, он поднимается к Гейл в комнату и спрашивает ее, как прошел день. Она уже не настолько замкнута в себе и принимает это общение.

Парадокс состоит в том, что подростки могут быть более независимыми, они действительно должны иметь возможность уходить из дома. В нашем примере у родителей возникает соблазн вернуть отбившихся детей обратно. Они хотят наладить более тесный контакт с детьми, чтобы спокойно отпускать их из дома. Если Гейл познакомится с новым молодым человеком, будем надеяться, родители помогут ей разобраться в новых отношениях.

Когда юноши и девушки близки со своими родителями и чувствуют себя более защищенными, они спокойнее уходят из дома, потому что их дом становится намного прочнее. С этой точки зрения, если дети чувствуют за своей спиной защиту и любовь родительского дома, они должны смелее общаться с миром.

Заключение

В этой главе были представлены основные положения и ориентирующие принципы, которые могут служить руководством гештальт-терапевтам, работающим с семьями. Я снова хочу подчеркнуть значение признания состоятельности семьи и того, что определяется для семьи как “достаточно хорошее” функционирование. В данной главе подчеркивается необходимость организации таких границ семьи, которые соответствуют конкретному этапу ее развития. Я продемонстрировал вам, каким образом нагрузка “идентифицированного пациента” может распределяться на всю семью. И тогда боль одного члена семьи облегчается, так как другие разделяют ее. Работа, как я неоднократно мог наблюдать, фокусирует внимание и осознание семьи на самой себе и на ее способности приходить к согласию.

Достижение терапевтических изменений в семейной системе — сложное и рискованное дело. Даже если мы вооружимся теорией, лупой и техническими средствами, описанными в этой книге, нам все равно потребуются наша находчивость и умение пойти на риск. И это симптоматично: ведь даже добавление одного человека в систему усложняет возможные взаимодействия в геометрической прогрессии. Это особенно наглядно, когда имеешь дело с супружеской парой или с семьей и работаешь с такими сложными проблемами, как ложь и правда, с такими травматическими переживаниями, как потеря одного из членов семьи. Но главное, что мне хотелось бы сказать: если вы видите и чувствуете семейную систему, с которой работаете, у вас всегда есть шанс достичь терапевтического эффекта.

Далее мы рассмотрим проблему правды и лжи в отношениях между близкими людьми.

10. ПРАВДА И ЛОЖЬ В БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЯХ*

[[[[*Основные материалы для этой главы основаны на беседах Сони Невис и Джозефа Зинкера. См. “Ложь в интимных системах” (1981, Спринг), News (Центр по изучению интимных систем, Гештальт-институт в Кливленде), 1(2), 1-2.]

Одно лживое слово может уничтожить тысячу правдивых слов.

Западно-африканская пословица

Наши родители всегда учили нас: “Говори только правду”. Были ли они правы? Несомненно: им было важно, чтобы дети не врали *своим родителям*. Отношения родителей и детей — очень близкие отношения, а близким отношениям ложь вредна. Однако большинство родителей умалчивают о том, что близкие отношения — лишь малая часть всей нашей жизни. Близость или интимность дает нам эмоциональное богатство, без нее наша жизнь будет пустой, но в основном отношения с людьми близкими не являются.

Ложь и правда не имеют смысла вне контекста. Заявление: “Я еврей” несет самый разный смысл для разных людей. Что значит подобное заявление для человека с пистолетом, который охраняет полет трансатлантического лайнера? Что это значит для тихого священника, изучающего Талмуд? Что это значит для маленького ребенка? Что это значит, когда обратившаяся в иудейскую веру женщина сообщает об этом своей матери католичке? Что это значит для иммиграционного служащего в Тель-Авиве, Египте или Москве? Как это звучало для офицера СС в Бухенвальде? Как это переживает близкий друг?

Сейчас мы обсуждаем правду и ложь не для того, чтобы оценивать их с точки зрения морали и этики. Нам интересно, как эта тема преломляется в человеческих *взаимоотношениях*.

Главное в близких отношениях — знать другого и быть узанным другим. Признание в еврейском происхождении близкому другу отличается от этого же сообщения человеку в самолете. В этом контексте мы говорим о лжи или правде не в моральном или познавательном смысле — пусть это делают философы¹. Мы исследуем ложь и правду как феномен, который укрепляет или разрушает близость. Это явление рассматривается не как единая концепция, а как сложный процесс — средство, ведущее человека к близости или отталкивающее от нее. Говорить правду — значит бороться.

Как мы учимся лгать

Мы не обязаны говорить правду каждому, кто об этом попросит.

Иногда, например, на вечеринке, перебрав лишнего, нам случается “выложить душу” мало-знакомому человеку. Зато наутро, вспоминая об этом, чувствуешь себя не в своей тарелке. Дело в том, что у каждого из нас есть психологические границы, внутри которых мы чувствуем себя защищенными и целостными. В этих границах мы ощущаем себя самими собой. Внутренний диалог (явление вполне нормальное) проходит в этих границах для тех из нас, кто глубоко внутри знает себя, свои потребности, мотивы и проблемы. Мы решаем для себя, что нужно оставлять “при себе”, а что удобно показать наружу. Даже с близкими друзьями мы не обсуждаем все, что нас беспокоит.

Люди всегда функционируют в рамках границ, чтобы осуществлять контроль за тем, кем и как они выглядят в глазах разных людей, в разных обстоятельствах.

“Ложь во спасение” стара как мир, и мы практикуем ее разнообразными, порой невинными способами. Вот признание шестнадцатилетнего мальчика, которого нашли ночью в лагере в палатке девочек: “Директор лагеря, мужчина огромного роста, зашел в палатку и заорал: “Ты что здесь делаешь?” Я не мог сказать в свое оправдание ничего вразумительного и стал говорить на идиш. Я говорил на идиш до тех пор, пока он не вышвырнул меня из палатки. Не мог же я сказать ему, почему я был там. Это было бы странно, в тот момент мы были едва знакомы”².

У вашего близкого друга роман с замужней женщиной. Другой близкий друг спрашивает вас, так ли это. Как вам поступить? Как, сохраняя верность одному, не обмануть другого? Трудно разделить себя на части. Вы можете ответить так: “Я бы хотел сказать тебе то, что знаю, но я не волен говорить с тобой об этом, потому что это мои отношения”. И таким образом вы пролезете в игольное ушко.

Говорить правду – значит рисковать доверием. Я должен верить в то, что это будет воспринято хорошо. Если я скажу незнакомому человеку в самолете: “Я психолог. Я очень тяжело работал все выходные и очень устал. Сейчас я бы предпочел помолчать”. Будет ли такая правда воспринята так же искренне, как она была произнесена? А если нет, если человек будет уязвлен и обижен? Тогда между нами возникнет напряжение, и мы оба будем мучаться в течение всего полета. Иногда проще, а чаще мудрее сказать неправду или, промолчав, избежать правды.

Ложь для близких

Что происходит, когда кто-то лжет близкому человеку³? Ложь мгновенно создает дистанцию между ее отправителем и ее получателем. Кто-то говорит: “Я не хочу, чтобы ты знал (или знала) обо мне”. Люди часто говорят: “Я сказал неправду, чтобы не причинять ему боль”. Это похоже на проекцию, когда на самом деле человек боится выразить свой страх причинить боль тому, кто был обманут или предан. Значит, мы защищаемся от травмы, которую может причинить наша “правда”.

Если у вас роман и вы скрываете его от своего супруга или супруги, вы создаете дистанцию между собой и этим человеком. Третий человек вклинивается между вами, а возникающие проблемы не решаются прямо, они косвенно влияют на всех вас.

Ложь означает, что вы отворачиваетесь от близкого человека и не позволяете ему знать о том, что с вами происходит. Существует множество причин, вынуждающих нас скрывать правду о себе, но при всех обстоятельствах близкий вам человек будет переживать это как потерю. Если таким способом мы “защищаем” того, кого любим, мы одновременно утрачиваем силу и богатство красок в этих отношениях. А это очень прискорбные потери.

Ложь не только разъединяет и разобщает, она также лишает наших близких возможности сопереживать нам и разделять с нами вашу жизнь. Ложь отнимает у людей и другое преимущество – реагировать на “актуальные” отношения, оставляя близких в неведении о том, что действительно происходит между ними.

Вас может прельщать перспектива завести сексуальные отношения с другим человеком, потому что с вашим актуальным партнером у вас существуют проблемы в этой сфере. Ваш партнер не обсуждает с вами свои трудности и не предлагает свою помощь в разрешении этой проблемы. Он лишает себя возможности выразить свой гнев, обиду или разочарование вашим предательством.

Ложь или искажение правды в супружестве чаще всего связаны с денежными проблемами или сексуальными отношениями на стороне.

Ложь или неполная правда о деньгах часто бывает вызвана повышенным контролем или влиянием другого. В некоторых “традиционных” семьях мужа не отчитываются перед женами в

своих финансовых делах, а просто регулярно выдают им определенную обговоренную сумму денег. В более современных семьях ситуация не так примитивна, потому что многие жены тоже зарабатывают деньги и вносят свой, порой немалый, вклад в общую копилку.

Скрытность в сексуальных отношениях “на стороне” имеет общие черты. “Гуляющий на стороне” партнер сохраняет контроль и власть над другим и не делится с ним своим опытом. У пребывающего в неведении нет прямых оснований для ответной реакции – обиды, гнева, скандала, слез, разрыва или ответной измены. Такая ложь сохраняет в семье статус-кво.

Некоторые терапевты считают, что *супружеские пары* непредумышленно сговариваются, приглашая третьего человека, некоего “сексуального врачевателя”, для сохранения стабильности в интимных отношениях. Я был свидетелем таких отношений. В этих случаях *все окружение* оказывается в курсе дела, но обманутый партнер никогда не задает “ненужных” вопросов, и отношения вне брака поддерживаются и сохраняются. Порой такие мужья и жены годами живут в молчании и изоляции друг от друга.

Исходя из теории систем, “тот, кому лгут”, несомненно является союзником того, кто лжет. “Обманутый” не задает лишних вопросов, не устраивает сцен, всем своим поведением поддерживая сложившееся положение вещей. Людям не всегда хочется вынуждать своих супругов отчитываться в финансовых или сексуальных делах. Но если “тот, кому лгут”, не может открыто указать на обман, как же ему выразить свои претензии, не показав себя мнительным человеком или даже параноиком? Недаром существует выражение: “Если вы чувствуете себя параноиком, возможно, кто-то пытается сделать вас таким!”⁴

Супруги редко конфликтуют между собой из-за того, что не хотят чего-то знать. Знание отвергается, отталкивается и вытесняется, потому что приносит болезненные переживания. Какая бы правда ни умалчивалась – сексуальные похождения, финансы или что-то другое, важное для супругов, – результат всегда один: утрата близости и доверия.

Выбор между правдой и ложью

Если вы скрываете от близкого что-то важное, вам приходится справляться с этим самому, будь это чувство вины или ответственности. Это сокрытие фокусирует ваше внимание на вас самих и вызывает чувство тяжести и одиночества. Ложь или сокрытие правды изолирует вас от близкого человека. Вас наполняет печаль и чувство опустошенности, потому что вы отворачиваетесь от любимого человека, и нет никого, кто мог бы вас утешить.

“Трудная” правда тоже имеет свои последствия. Если вы делитесь ею с близким, вам приходится обсуждать и рассматривать ее со всех сторон. Но зато вы несете это бремя вдвоем. Близкий вам человек узнает вас с новой стороны. Это новое знание усложнит ваши отношения, но ваша близость может углубиться или, наоборот, даст трещину. Может быть, и ваш партнер тоже проявит себя с неожиданной стороны, и тогда между вами родится нечто новое. Такая “взаимная работа” обогащается доселе неизведанными чувствами, мыслями и идеями.

Ложь изолирует, но и правда тоже может изолировать в зависимости от того, какой отзыв она получит. Однако у правды есть потенциальные возможности объединить людей и сделать их отношения богаче и глубже.

Близкие отношения не обещают легких решений. Здесь никто не может гарантировать успех, и не существует никаких единых формул успеха. Но мы можем постараться быть лучше. Как сказал Эпиктет*: [[[[*Эпиктет (ок. 50 - ок. 130) - греческий философ-стоик.] “И что говорит Сократ? Один человек находит удовольствие в том, чтобы ухаживать за своей землей, другой – за своими лошадьми. Мое удовольствие в том, чтобы наблюдать, как я с каждым днем становлюсь все лучше и лучше”⁵.

Правда и доверие

Как правило, новые отношения мы начинаем со лжи или “маленькой правды”, упрощая то, что знаем о себе и других. Мы говорим что-нибудь вроде: “У тебя красивые глаза” или: “Я психолог”. По сути дела, это ложь, так как мы не говорим всего, что думаем и чувствуем.

Доверие растет по мере того, как у нас появляется опыт успешного общения. Когда мы откровенны друг с другом, у нас возникает чувство удовлетворения, что мы смогли выразить свои мысли и чувства. Постепенно мы позволяем себе говорить больше и больше правды, открывая близкому человеку все больше правды о своих переживаниях.

Правда должна быть полной и сложной. Если любимый человек спрашивает вас: “Ты любишь меня?”, настоящий ответ должен занять у вас полдня, только тогда вы сможете выразить все, что чувствуете и думаете о нем. Говоря правду, вы вынуждены формулировать свои чувства и

мысли. Это трудно, ведь вам не всегда нравится все, что творится у вас в голове или на сердце, да и не всегда вы отчетливо понимаете это, пока не выскажете вслух. Кроме того, вы не всегда можете предположить, как это будет воспринято другим человеком. Говоря правду, мы рисуем картину нашего внутреннего мира:

Да, я люблю твой образ мыслей – как он упрощает вещи. Да, иногда мне трудно, когда ты справедливо судишь обо мне. Эта добродетельная часть выталкивает меня. Я думаю, это происходит потому, что мне не нравится собственная добродетель.

И мне нравится, как ты учишь – громко, ясно и прозрачно, ученик может чувствовать себя с полной безопасностью.

Твой темперамент для меня — что-то особенное. Иногда ты удивляешь меня своей практичностью. Ты говоришь: "Сегодня вечером мне надо сделать два дела – просмотреть с тобой рукопись и заняться с тобой любовью". Ты застаешь меня врасплох, а потом успокаиваешь меня. Ты постоянно очаровываешь меня.

Ты умеешь воплощать желания.

Ты можешь испытывать благодарность. Я практически никогда не видел тебя неповоротливой. Ты ходишь и танцуешь с таким изяществом. Ты даже плаваешь грациозно. Только однажды, когда ты вела семинар со студентами, один из них задал тебе провокационный вопрос, ты закрылась и потеряла свое изящество.

Я люблю твои споры и твои жалобы. Они оживляют и мобилизуют меня. Но когда я путешествую, мне трудно выслушивать твои жалобы по телефону. Я не могу слушать их, если не вижу тебя, твоё лицо. Моей энергии не хватает.

Этот отрывок – пример того, как можно говорить правду близкому человеку. Даже прикладывая очень большие усилия, человек все равно "редактирует" ее и преподносит близким "мелкую ложь". Он оставляет в сторону слишком болезненную информацию или не произносит то, что может разрушить гармонию отношений. Например, ради какого-то события — будь то юбилей или другое торжество — человек акцентирует внимание на сильных сторонах любимого или любимой, оставляя в стороне слабые. Такие переходы из тональности в тональность – это способ учиться говорить правду.

Мелкую ложь мы можем даже не заметить, но если человек говорит правду, ему придется рассказывать свою историю до конца и подбирать нужные слова, чтобы достоверно выразить все свои переживания. Для этого нужно много времени. Настоящая близость – нелегкий труд.

Когда в близких отношениях что-то всплывает наружу, внезапно мы начинаем чувствовать слишком хорошо знакомое ощущение боли от обиды или предательства. Но у нас нет времени, чтобы как следует поплакать и дать волю эмоциям. Так возникает ложь, которая помогает людям смягчать контакт. Для того чтобы выслушать или высказать правду, нужно потратить силы и время – этого не сделаешь на бегу. Говоря неправду, избегая разговоров на некоторые темы, упрощая что-либо, мы экономим силы и время, но при этом откатываемся назад.

Как правильно воспринимать правду? Все зависит от того, насколько устойчиво и твердо чувствуете себя вы и насколько сильно чувствует другой. В идеальных условиях вам нужно дать возможность другому высказаться до конца, не перескакивая с предмета на предмет, и отвечать по порядку. Дайте другому сказать все полностью. Вы сами получите удовольствие от его речи, а затем вам придется усвоить все сказанное, чтобы не испытывать боль от "неприятной" правды. Отставьте в сторону то, что не можете принять, подумайте об этом потом, когда вы сможете рассуждать здраво и непредвзято. Попробуйте просто принять все сказанное и посмотрите, что произойдет. Если же в такой момент вам что-то непонятно, у вас есть выбор:

1. Задавайте вопросы, чтобы прояснить непонятное.

2. Отправьте это в свой "психологический багаж", где лежат вещи, которые кажутся "неприемлемыми" и не принимаются даже от близкого человека.

Вредная правда

Мы, как правило, не доверяем человеку, который начинает со слов: "Честно говоря..." Подобное заявление подчас является указателем того, что кто-то хочет уязвить ваше самолюбие. Такая "правда" часто говорится для того, чтобы сделать другому больно или обидеть его.

"Честно говоря, мне наплевать на то, что ты делаешь..."

"Честно говоря, ты мне совсем безразличен..."

"Честно говоря, мне все равно, останешься ты или уйдешь..."

“Честно говоря, я думаю о тебе не больше, чем о вчерашней газете...”
“Честно говоря, я хочу тебе сказать, что ты всегда все делаешь не так...”

Такая правда может быть обидной, если у человека есть, возможно, даже неосознанное намерение обидеть другого. Если говорить болезненную правду с нежностью или сожалением, она не будет вызывать таких болезненных переживаний, так как не вызвана желанием причинить боль. Это не значит, что горькая правда, сказанная доброжелательно, не травмирует человека. Однако деликатность дает человеку больше шансов быть услышанным и вызвать реальные изменения. В ситуации полной близости “трудная” правда может быть сказана только при условии, когда вся ее сложность выходит наружу. Такая правда не должна оттолкнуть людей друг от друга – они могут погрустить и стать мудрее.

Лживость и правдивость в терапевтических отношениях

Терапия – это односторонняя близость. Терапевт старается не открываться перед своим клиентом, чтобы клиент был относительно свободен от него. Терапевт сохраняет *tabula rasa** [[[*Чистое поле.] для взаимодействий супружеской пары или семьи.

Этот принцип не является для терапии простой формальностью. Он имеет под собой простые практические основания: пара или семья должны провести этот час терапии, работая над *своей* проблемой. Таким образом, степень правдивости или лживости в семейной терапии задают сами клиенты. Терапевта должна беспокоить лишь правдивость супругов или семьи, их способ управлять своей жизнью, манера говорить друг с другом. Значит, терапия является односторонней близостью, так как терапевт может не открывать перед клиентом сложных переживаний своей души.

Каким образом сам терапевт говорит правду или ложь своим клиентам? Терапевтические интервенции базируются на большом количестве данных, которые получает терапевт, наблюдая за интерактивным пространством супругов или семьи. В данном контексте правда соответствует полученному материалу. Когда терапевт говорит: “Мне кажется, вы, Джон, декларируете что-то, а вы, Салли, слушаете и задаете вопросы”, – он просто сообщает супругам о том, что видит и слышит. Практик может сказать: “Продолжайте разговаривать”, или: “Обратите внимание на это и подумайте, кажется ли вам это правдивым”. А клиницист спросит: “Случается ли такое у вас дома или я наблюдаю уникальную ситуацию?” Терапевт объективен. Его правда – то, что происходит *здесь*.

В таком контексте, если терапевт говорит неправду, она может служить интервенцией, *не* основанной на феноменологических данных. Если терапевт говорит: “Вы оба не знаете, что такое супружество”, он может обращаться к собственному эмоциональному дискомфорту, а не к тому, что происходит с супругами. В таком случае терапевт лжет. С другой стороны, если терапевт заявляет: “Вам трудно слушать друг друга” и подтверждает свое заявление конкретными примерами, он как можно ближе подходит к правде происходящего и к текущей ситуации. Руководствуясь представлением, что умение хорошо слушать другого необходимо в супружестве, терапевт докладывает о том, что действительно слышит и видит, а клиенты могут принять или отвергнуть это.

Жесткая фраза “Вы оба не знаете, что такое супружество” заставляет клиентов защищаться, фокусирует их внимание на терапевте и мобилизует сопротивление, даже если речь идет о молодых супругах, у которых действительно нет опыта семейной жизни. Правда должна быть конкретной, простой, ощутимой, она должна приносить терапевтический эффект.

Любое конкретное наблюдение может быть правдивым, но жесткость усваивается гораздо труднее, ее трудно принять, даже если она находит подтверждение в жизни.

Терапевт выбирает что-нибудь небольшое, “подслащивает пиллюлю” и предлагает ее к употреблению в соответствии со своим опытом. В этом смысле тактика терапевта состоит в осознании нужной дозы и основного смысла предлагаемого клиенту заявления. Все это мы называем *манипуляциями*. Всякий раз, когда мы говорим что-то хорошее, мы оказываем влияние. Всякий раз, когда мы проявляем энтузиазм, мы манипулируем. Это наша работа, а не ругательное слово.

Слово *манипуляция* становится ругательным, когда мы пытаемся прорваться через сопротивление клиента, не обращаясь к его осознанию. Такая уловка вызывает лишь поверхностные поведенческие реакции, а не активное участие. Если терапевт не уважает желания и переживания клиента, манипуляция может быть формой хитрости, обмана или даже чем-то вроде предательства.

А как быть с неправдой в индивидуальной работе с клиентом или субсистемой в рамках супружеской или семейной терапии? Как рассматривать это явление? Какова роль терапевта в данном случае? С одной стороны, терапевт не подписывает с клиентами контракт, в котором обязуется говорить правду. Терапевт не дает клятву “говорить правду и только правду” в присутствии при-

сяжных. С другой стороны, терапевт также не обязан непременно указывать на ложь или искажения со стороны клиентов, он не обязан говорить о том, "что на самом деле происходит" с его клиентами. Роль терапевта заключается в том, чтобы помогать членам семьи или супругам лучше общаться друг с другом. Он способствует созданию *процесса*, при котором люди не будут втянуты в обычные дрязги, а начнут вместе преодолевать трудности.

Когда удачный опыт общения имеет подтверждение, это усиливает доверие. Тогда сказанная правда принимается очень хорошо, и постепенно супруги или семья все ближе и ближе подходят к разоблачению тяжелой и болезненной правды, доселе глубоко скрытой от глаз. Значит, задача терапевта состоит в том, чтобы создать условия для плавного процесса, при котором можно без страха поделиться своими мыслями и чувствами, не вызвав при этом катастрофических последствий.

Мы должны помнить, что умалчивание правды служит эффективным противовесом авторитарной системе. Дети врут родителям, которые не признают правды и наказывают их, если те говорят "не ту правду" – правду, которую родители не хотят слышать, правду, угрожающую их собственным нарциссическим ценностям, представлениям и восприятию. Некоторые жены лгут своим мужьям, чтобы защитить себя от побоев. Мужья лгут, потому что не могут доверять им.

Терапевт живет среди мелкой неправды, большой лжи, искажений, подтасовок, обычной правды и грубой правды. И во всем объеме он сталкивается с этим в своей ежедневной практике. Мы принимаем систему клиентов такой, какая она есть, но по большей части не говорим об этом вслух. Мы не предлагаем себя в качестве священника или раввина. Мы допускаем, что у людей могут быть причины говорить неправду. Мы способствуем хорошему функционированию, а не пытаемся кого-то разоблачать или переубеждать.

В награду за помощь терапевт получает удовлетворительные результаты в разрешении трудных проблем семьи или супружеской пары. Цена, которую терапевт платит, достаточно высока: ему одному приходится нести на себе груз лжи, который ему не с кем разделить в процессе терапии. Обмен должен происходить в рамках семейных границ. Эти истории не принадлежат терапевту, а потому он не может рассказывать их за пределами данных границ.

Остерегайтесь бескомпромиссных "правдолюбцев". Они либо упрямы и наивны, либо безжалостно жестоки. Всеми возможными способами "правда" используется для различных целей и по самым разным мотивам. Правда может и ранить, и лечить.

Как говорить правду

Когда человек хочет поделиться с кем-то информацией, он прежде всего должен спросить себя: "Каковы мои мотивы? Почему я собираюсь что-то сообщить? Чего я хочу добиться?" Прежде чем вообще говорить что-либо, ему необходимо ответить на вопрос: "Насколько хорошо подготовлен этот человек к тому, что я скажу ему?" В зависимости от его взаимоотношений он может спросить себя: "А как это повлияет на наши отношения?" Отвлекаясь от себя, он хочет быть причастным к другому человеку, к их отношениям – к "третьей реальности", делающей их парой. И в данном контексте очень важно – "как это делать":

- Говорите правду деликатно и мягко, не смотрите пристально в глаза собеседнику.
- Говорите правду без всякого чувства праведности или легкомыслия.
- Говорите правду, когда другой человек не спешит и может вас выслушать.
- Говорите правду в обстановке взаимопонимания, когда вы находитесь в хорошем контакте с другим.
- Говорите правду с сочувствием (так, как вы бы хотели услышать ее от другого).
- Говорите правду, не проясняя своих настоящих мотивов и того, что для вас значит эта правда в данный момент.

Правда – это "воздух", который вдыхают отношения близких людей, он сохраняет их живыми и подвижными. От качества и количества правды зависит здоровье супружеской или семейной системы. Важно также помнить, что не существует одной-единственной правды: есть только "моя правда" и "твоя правда", и только с помощью диалога, терпения и взаимопонимания обе правды становятся "нашей правдой".

Заключение

Я включил в эту книгу главу, посвященную правде и лжи близких отношениях, потому что, проходя через мириады событий, вторгающихся в жизнь, наша личная правда часто попадает в

область “непереносимого осознания и слишком трудных поступков”. Эта тема была изложена в главе 6. Такие проявления особенно заметны, когда семейная система переживает смерть одного из ее членов и травматическое событие порождает самую болезненную, невыразимую “правду” человеческого существования – душевную боль, страх, утрату, гнев и горе. Воздействие этой “правды” на семью или супружескую пару значительно. Поэтому, работая с такими переживаниями, терапия выходит за рамки малой системы, приближаясь к наиболее важной правде – правде человеческого существования.

11. УТРАТА, ГОРЕ И РИТУАЛЫ

Мы оплакиваем того, кого потеряли,
а должны бы радоваться тому, что имели вообще.
К. Дж. Уэллс

“Я даже не хочу думать о том, что мой отец умер, что его тело остыло, что его душа улетела навсегда. Часть меня онемела, лишена всяких мыслей, ничего не знает, ни во что не верит”, — такими были мои мысли, когда я ехал на похороны моего отца. Как сказала бы Джудит Виёрст, жизнь полна *неизбежных потерь* – рождение, уход из дома в школу, болезнь, разлука и смерть¹. Смерть имеет много личин, но утрата – ее неизменное выражение. Утрата работы, утрата достоинства, утрата любви, утрата самооценки, утрата безопасности, утрата чьей-то родной души. Плачевный итог.

Переживания утраты существуют в структуре нашего общества – в супружестве, дружбе, семье, в работе. Человеческий дух вскормлен общением с людьми и несет в себе боль и утраты, вызванную этим общением.

Потеря и тяжелая утрата являются частью человеческой драмы. Каждая утрата, большая или маленькая, вплетается в общую канву наших взаимоотношений, привязанностей и уклонений от них. Каждая потеря окрашивает наш мир в другие цвета. Потеря не подчиняется логике и правилам. Люди внезапно покидают нас или неожиданно умирают. Они заболевают или утрачивают вкус к жизни, разочаровываются в тех, кем восхищались до этого, отстраняются от чужой жадности, злобы, постыдных поступков или просто избегают страданий.

То же самое происходит и в семьях. Существует энергия, которая склеивает семью и сохраняет ее жизнеспособность, но та же сила запускает механизм конфликта. Когда вложенные чувства растоптаны и человек чувствует себя отвергнутым, возникает чувство утраты. Утрата не всегда вызывает только боль и печаль, она также может сопровождаться ощущением освобождения, яростью, жадной мести и чувством вины.

В семье живут два брата, которые постоянно конкурируют из-за родительской любви. Внешне семья кажется очень привлекательной и дружной, но родные недостаточно любят и уважают друг друга. Итак, пути двух братьев расходятся. Каждый захотел выразить себя по-разному. Один в знак протеста стал мелким воришкой и торговцем наркотиками — крутым, отчаянным и хвастается своими подвигами. Другой брат решил доказать, на что он способен, показав матери, что может добиться большего, чем его отец. Он продолжил учебу, достиг на этом поприще значительных успехов и всегда посылает родителям свои публикации.

Постепенно братья стали сильно отдаляться друг от друга. Каждый таил надежду, что они смогут стать друзьями, когда отца и матери не станет, и в конце концов семейная система победит. Родители оставили завещание, по которому все, чем они владеют, досталось “хорошему” сыну, а “плохой” не получил ни пенни. “Победитель” дал “побежденному” символический взнос, но в результате победа и ощущение предательства оказались настолько сильными, что отторжение братьев стало неизбежным. Два человека разошлись навсегда, потому что видеть друг друга – значит снова испытать боль, ярость и жажду жизни.

Таким образом, утраты вплетаются в жизнь одной конкретной семьи. Горечь и ненависть победили силу прежней любви и страстных желаний.

Для того чтобы ощущать полноценность существования, человеку необходимо приложить немало усилий в работе, в контактах с другими людьми, в любви, в близких отношениях. Это означает, что мы вкладываем в свои действия всю свою энергию и убежденность и воздействуем на других людей. Мы впускаем их внутрь себя. Это значит, что мы включаем их в свое существование. В любовных отношениях мы впускаем своих любимых в душу, сердце, и если они отвергают нас, предают или умирают, наше сердце остается “разбитым”.

Когда мы переживаем утрату любимого человека, он с кровью уходит из нашего сердца.

Такое событие дезориентирует. Элеонора, у которой скоропостижно умер тридцатилетний муж, так описывает свои переживания: "Меня ничто не трогало. Я жила на автопилоте, как говорил мой сын. Я делала только то, что могла делать по привычке, что не требовало концентрации и мыслей. Что бы ни приходило мне в голову, все вызывало только отвращение".

Человек, у которого жена умерла от рака, так описал свои чувства:

"Марсия была доказательством моей жизни. Я хотел жить, радоваться жизни, всему, что происходит в ней. Я хотел соединиться с миром, окружающим меня. Я ел и пил с удовольствием. Я брал от жизни самое лучшее... Когда Марсия умерла, меня больше ничто не притягивало к этой жизни, ничего не напоминало мне, что я нужен здесь, никто не напоминал мне, что я живу, что у меня есть прошлое и будущее, никто не вдыхал запах моей кожи, никто не занимался со мной любовью... никто не говорил со мной об обычных событиях будничной жизни. Когда рядом со мной не стало ее реального образа, я пытался оживить его в своем воображении, но мог удержать его только несколько секунд. Я стал тихим и безучастным ко всему. Я чувствовал себя так, будто подтверждение жизни, которое я давал ей, глубоко закопали вместе с ней в черную осеннюю землю... Мне было легко плакать, когда шел дождь. Я плакал, пока не засыпал, свернувшись клубком. Я чувствовал себя, как маленький оставленный в лесу ребенок. Я не мог встать, не мог есть. Я просыпался в четыре утра, и сна не было в помине. Но что мне было делать? Сначала я просто хотел быть один, но прошли недели, и я начал говорить со своими друзьями о боли своей утраты".

Поддержка с помощью наблюдения и ритуалов

Когда мы сталкиваемся с непереносимой болью утраты, у нас возникает искушение отвергнуть ее. В противном случае мы чувствуем себя беспомощными и потерянными перед болью. Мы хотим видеть боль и тем не менее стремимся убежать от нее. Умерший человек пробуждает те же чувства — и гнев, и боль, и сожаление, и вину. Что же делать терапевту? Поддержка часто приходит с простым человеческим *"я с тобой"* — полноценное присутствие, наблюдение за происходящим и проявление чувства сострадания, при сохранении личных границ.

Элеонора, которая была близка к самоубийству после смерти своего мужа, сказала о своем терапевте Соне Невис: "Ее борьба не закончилась просто сама по себе. Прежде всего Соня сказала мне самую главную вещь: "Да, ты хочешь умереть, но дай себе срок два года, а потом уж решай!" Я не испугала ее своим горем, она придала силу моей борьбе и рискнула поставить мне ультиматум... Время, которое я провела с ней, стало почти ритуальным — это была не терапия, мы просто были вместе. Это не было и заменой терапии, для меня это было безопасное место, где слезы и гнев не кажутся безумием, а навязчивые мысли можно высказать вслух".

В этом контексте быть свидетелем означает:

- Быть рядом и слушать.
- Не форсировать результат.
- Проявлять уважение и принимать то, что происходит.
- Видеть пользу и даже красоту в выражении человеком его скорби и чувства утраты.
- Позволить себе стать твердой опорой, на которую другой человек может опереться.

Наблюдение и присутствие терапевта позволяет семье увидеть собственный процесс взаимодействия, увидеть именно самих себя, а не избегать друг друга. Терапевт, как наблюдатель, помогает пациентам осознать их боль и чувство беспомощности.

Семья Харрисон и их борьба с горем

Когда семья Харрисон пришла на первую терапевтическую сессию, они находились в кризисном состоянии, предвосхищая свою огромную утрату. Они уныло вошли в кабинет. Макс, старший сын, был худым и угрюмым, а его средний брат Фрэнк казался крепким и энергичным. Оба мальчика выглядели безутешными. За ними шли их родители, пара среднего возраста, с третьим ребенком, ясноглазой девочкой Беллой. Максу было восемнадцать, Фрэнку — шестнадцать, а Белле исполнилось только десять. Отцу, Эджеру, было сорок пять, а матери, Эллен — сорок два.

Когда, наконец, все расселись по местам и начали говорить, выяснилось следующее: месяц назад Макс поставили диагноз — лейкоemia. Медики дали ему не больше трех лет жизни. Родители жаловались на то, что Макс не принимает лекарства и чувствует себя совершенно беспомощным. Двое младших детей кивали, пока говорили родители. Макс оставался безучастным.

Терапевт поговорил с семьей в течение нескольких минут, а затем сориентировал их на то,

как будет организована сессия, – он попросит их разговаривать друг с другом, чтобы узнать их поближе.

Члены семьи довольно активно поддерживали беседу. Центральная тема беседы была посвящена жалобам на Макса, на то, как он усложняет всем жизнь, отказываясь принимать лекарства. Пока все жаловались, Макс не сказал ни слова.

Терапевт: Я хотел бы прервать вас, чтобы рассказать о своих наблюдениях. Я вижу, как вы все настаиваете на том, чтобы Макс принимал лекарства. Снова и снова, слишком опекая его. А ты, Макс, твердо стоишь на своем – просто не принимаешь лекарства. Я вижу, что вы делаете это все время. Вы знаете о том, что поступаете так?

Эллен: Да, конечно, знаю, что мы так поступаем. Мы просто хотим, чтобы он поберег себя.

Элджер: До того как вы сказали об этом, я не осознавал, что так происходит... Но было бы лучше, если бы он заботился о себе...

Белла: Доктор говорит, что он должен их принимать.

Фрэнк: Мы беспокоимся о том, чтобы ему не стало хуже. *(Он замолкает, смотрит вниз на свои руки, а затем его голос как-то теплеет, и он снова начинает говорить.)* Но человек должен иметь право делать то, что хочет. *(Он смотрит на свою мать, как будто проверяя, может ли она смягчить свою позицию.)*

Макс: Вот это правильно! Я хочу, чтобы меня оставили! *(Он поворачивается к терапевту.)* Вы совершенно правы, они действительно так делают. Они достают меня. Я это знаю!

Терапевт: Я рад, что вы все, кажется, знаете, как вы с этим справляетесь, и более того, я услышал, что вы удовлетворены тем, как это делаете, за некоторым исключением в лице Фрэнка. *(Все присутствующие кивают в знак согласия.)*

Семья продолжила свою дискуссию. Все, за исключением Фрэнка, внушали Макс, что надо слушаться доктора. При этом Белла тихо плакала, а отец нежно гладил ее по голове, пока другие говорили. Прежде чем закончить сессию, терапевт снова заговорил:

Терапевт: Каждый из вас нашел свой способ реагировать на этот кризис, и каждого это устраивает. Со своей стороны, я бы хотел предложить вам обратить внимание на то, каким образом вы могли бы дальше жить вместе с Максом. Если вас это не устроит, позвоните мне, и я смогу назначить другую встречу.

На этом сессия закончилась.

Примерно через год Элджер позвонил и попросил о встрече. По телефону он сказал: "Мне кажется, мы больше не в состоянии нормально относиться к болезни Макса". Даже когда они еще сидели в приемной, было видно, как все изменилось за этот год. Вся семья стала как будто тише. Макс выглядел совсем больным – его кожа была бледной и пастозной, а щеки ввалились.

Терапевт: Вначале я хочу выслушать каждого из вас.

Элджер: Сегодня все изменилось. Я думаю, вы предполагали, что так и будет.

Терапевт: Да, я предполагал это.

Эллен (глядя очень печально): Это был очень тяжелый год.

Фрэнк: На самом деле тут нечего сказать.

Терапевт: Благодарю вас всех. Спасибо за то, что вы сказали мне об этом.

Макс: Вы знаете, им было очень тяжело.

Терапевт: И я полагаю, тебе тоже было тяжело от этого, Макс.

(Белла сидит тихо, как будто депрессия матери поглотила и ее.)

Терапевт: Хорошо, хотя Белла ничего не сказала, могу ли я снова попросить вас поговорить друг с другом о том, что важно для вас, и вновь буду просто слушать вас? Я заговорю, когда я увижу нечто, что может быть полезным для вас. Пожалуйста, если вам будет трудно, попросите меня о помощи. Всех это устраивает?

Терапевт снова полностью положился на то, что реально переживает семья. Во время сессии возникает множество возможностей. Внимание может обращаться к любой теме: семья может, например, выразить желание исследовать переживания утраты себя как системы, свое восприятие горя или возможность мобилизовать свою энергию, чтобы выразить всю беду, гнев, ужас, боль или тревогу. Акцент и направление становятся очевидными после феноменологической проверки системного процесса.

Позже терапевт может переключиться на обычную тему, не касаясь собственных чувств или горестных переживаний (хотя у него, как у каждого человека, должен быть подобный опыт), а

также не касаясь и того, о чем говорилось между членами семьи. Произнесенная тема дает смысл их существованию, смысл, который они могут воспринимать как приемлемую форму поддержки. Далее темы можно преобразовать в эксперимент, который послужит потенциальной почвой для ритуала.

Один за другим Харрисоны закивали и начали говорить друг с другом. Терапевт наблюдал за ними в течение пятнадцати минут. Уровень их энергии оставался довольно низким, поэтому сначала было трудно определить, что было важным, а что оставалось второстепенным.

Терапевт: Я хочу, чтобы вы все знали: я с вами и чувствую тяжесть и печаль.

Элджер: Да, конечно, но именно слово "печаль" мне так трудно произнести.

Эллен (с некоторым раздражением): Мы не собираемся сдаваться! Мы собираемся в Миннесоту на лечение.

Макс: Вот об этом я и говорю, доктор. Вот от чего мне так тяжело. У меня лейкемия – пора опустить руки!

Фрэнк (мягко): Мама, я все время говорю тебе об этом. Ты должна сдаться.

(Элджер начинает плакать. Белла плачет вслед за ним. Он подвигается к ней и обнимает ее.)

Белла: Я тоже хочу плакать.

Эллен: Вам что, больше нечего делать? Только плакать?

(За окном осенний день, идет мелкий дождь, небо серое, а в комнате царит полная тишина.)

Макс (тихо): Уж лучше бы ты плакала, а не сходила с ума из-за меня.

Прошел еще год, и Эллен позвонила терапевту и сообщила: Макс умер шесть месяцев назад. Она сказала, что не очень понимает, что им нужно, но что-то им нужно обязательно. Встреча была назначена на следующую неделю.

Повесив трубку, терапевт загрустил. Оборвалась молодая жизнь. Семья осталась с зияющей раной в сердце. Расстроенный, он подошел к стереопроигрывателю и нашел среди пластинок "Реквием" Форэ* [[[* Габриель Форэ (1845-1924) – французский композитор и пианист.] Музыка лилась и была удивительно светлой и красивой. Он слушал музыку и думал: "Может быть, эта или другая музыка поможет им? Но я даже не знаю, что им нужно... Ведь это то, что сейчас нужно мне. Это для меня".

На следующей неделе Харрисоны вошли в комнату. Они выглядели совершенно потерянными.

Терапевт: С тех пор, как я узнал, что Макс умер, я все время думал о вас. Поговорите со мной и расскажите, как вы живете.

Эллен (слегка раздраженно): Каждому хочется знать, как я живу. Что я могу сказать? Зачем вы задаете такой вопрос?

Терапевт: Потому что я хочу поговорить с вами и не могу придумать ничего лучшего.

(Эллен одобрительно кивает.)

Элджер: Я думаю, мы в порядке. Что я могу сказать? Мы мало разговариваем друг с другом. Я был так рад, когда Эллен позвонила вам. Я боялся предложить это сам, думал, Эллен это не понравится.

Терапевт: Спасибо, что сказали мне это.

Фрэнк: Да-а, нам не позволяют говорить о Максе. Я больше не могу находиться в доме. Наш дом похож на морг.

Терапевт: Спасибо, что ты сказал мне это, Фрэнк.

Белла: Я бы хотела, чтобы все было как раньше.

Терапевт: Я вижу, как ты хочешь этого, Белла. *(Ко всем)* А сейчас, я бы хотел, чтобы вы повернулись друг к другу и сказали друг другу то, что сейчас сказали мне. Позвольте мне просто посидеть рядом и послушать вас. Я вступлю в ваш разговор, как только возникнет что-то полезное. Помните, что если кому-то из вас станет трудно и понадобится помощь, просите меня об этом. Сейчас я просто отсяду от вас и стану наблюдать и думать, не могу ли я понять, с чем вы не справляетесь.

(Члены семьи вяло переговариваются между собой минут пятнадцать, часто меняя темы.)

Терапевт: Можно я прерву вас и расскажу, что увидел. Я увидел, как вы могли бы воспользоваться моей помощью. Похоже, вам на самом деле тяжело говорить о чем бы то ни было, никто никому не помогает высказаться до конца. Каждый из вас выглядит погруженным в себя.

Элджер: Да, я чувствую себя именно так: я совершенно один. До сих пор я не осознавал,

что тоже оставляю других в одиночестве. Раньше я никогда таким не был.

Эллен: В жизни все меняется.

Элджер (поворачивается к ней): Это правда, но я больше не хочу быть один и не хочу оставлять тебя одну.

Эллен: Я не знаю, как могу быть с тобой после этого...

Элджер: "Этого"... наш сын умер, и я больше не хочу оплакивать его в одиночестве.

(Эллен молча смотрит на своего мужа, у нее мрачное и усталое выражение лица.)

Фрэнк: Я хочу иметь возможность говорить о Максе.

Белла: Я скучаю по Максусу.

Терапевт: Я могу представить себе, как тяжело вам всем говорить и общаться друг с другом, потому что от этого ваша печаль становится еще тяжелее. Но правда состоит в том, что вы полны печали и слез. А иногда вам полезно некоторое время погрузиться друг с другом, чтобы не погружаться в печаль все время. Как вы думаете, есть в этом смысл? *(Все кивают.)* Может быть, у кого-то из вас есть свои соображения? *(Члены семьи молчат.)* Вы хотите, чтобы я высказал какую-нибудь идею?

Белла: Да, скажите нам.

Терапевт: Хорошо, у меня есть одна идея – в день рождения Макса...

Белла: Его день рождения на следующей неделе!

Терапевт: Спасибо, Белла. День рождения Макса – это хороший повод, чтобы побыть вместе и вместе погрузиться. Каждый из вас может сказать, как он скучает по Максусу, и чтобы он подарил Максусу на день рождения, если бы он был здесь. Как вы думаете?

Фрэнк: Мне это нравится.

(Остальные также проявляют интерес к этому.)

Терапевт: Давайте сделаем это сейчас, как будто его день рождения уже сегодня. Вы хотели бы попробовать?

(Долгая пауза. Затем все встают и меняются стульями, не глядя друг на друга и на терапевта. Внезапно молчание прерывается...)

Фрэнк: Я хочу попробовать. С днем рождения, Макс! Ты знаешь, что у тебя сегодня день рождения? Тебе сегодня двадцать. Я знаю, как ты любишь баскетбол, поэтому купил тебе настоящий, профессиональный мяч... Я могу представить себе твое улыбающееся лицо, как ты подпрыгиваешь высоко в воздух, чтобы попасть мячом в корзину. С днем рожд... *(Он не может выговорить слово).* Я так скучаю по тебе.. Я скучаю даже по тому, как ты пихаешь меня, когда мимо проходят твои подружки, а ты валяешь дурака, чтобы привлечь их внимание.

Эллен (вытирая слезы): Это было так мило, так трогательно.

(Все плачут и вытирают слезы.)

Белла (у нее детский голос, нежный и невинный): Угадай, что я приготовила тебе на день рождения, большой Макс. Тебе так нравилась Дженни с Беркшир-стрит. Так вот, она собирается прийти к нам и посмотреть телевизор, как в прошлом году, помнишь?

Эллен: Бедный Макс, ты никогда уже больше не влюбишься по-настоящему, и ты никогда не поедешь учиться в Европу. Ты никогда больше не подерешься со своим братом или сестрой. Что я могу тебе дать сегодня, мой бедный, любимый, родной? Может быть, я могу дать тебе обещание, что твоя любимая душа будет жить во мне, в каждом из нас. Я все еще помню, как носила тебя в своей утробе и какой ты был живой там, внутри меня... как будто это было вчера. Я надеюсь, что в этот день рождения твоя душа спокойна... *(Элджер подсаживается поближе к жене и бережно берет ее за руку.)*

Наступила еще одна пауза, но атмосфера в комнате изменилась. Отчаяние и растерянность сменились нежными чувствами и даже некоторым удовольствием, как будто Макс сел посередине комнаты и соединил всех вместе.

Элджер: А я дарю тебе лыжи, которые ты так хотел, и теперь мы можем кататься вместе. С днем рождения, сынок. Пусть твой дух возвращается к нам каждый день рождения, чтобы мы могли вместе вспоминать тебя каждый год и снова любить тебя. А между днями рождения мы можем отпускать тебя и оставлять в мире и покое... да, в мире и покое. *(Он отводит свой взгляд от воображаемого духа и смотрит на терапевта своими нежными и влажными глазами.)* Это то, что вы имели в виду?

Терапевт: Да, именно то, это было замечательно. Я желаю вам, чтобы это повторилось на следующей неделе в настоящий день рождения Макса. Я думаю, вам захочется так погрузиться вместе, как вы сделали это сегодня.

(Долгое молчаливое согласие, и затем терапевт продолжает.)

Терапевт: Вы отвернулись от Макса, потому что были в смятении и чувствовали опустошенность, поэтому же вы отвернулись и друг от друга. Вы потеряли не только Макса, вы потеряли друг друга, комфорт и теплоту, наполнявшие вашу семью.

Элджер: Да, Макс живет в каждом из нас, и он хотел бы, чтобы мы снова стали семьей, не только в его день рождения.

Терапевт: Именно так. Если вы повернетесь друг к другу и просто посмотрите друг другу в глаза, какие чувства посетят вас? Сможете ли вы поделиться своими чувствами с другими? Пожалуйста, попробуйте посмотреть друг на друга.

Белла: Мама, папа, Фрэнк, я люблю вас.

(Все в унисон отвечают Белле: "Я люблю тебя", тихо плачут.)

Элджер (тепло глядя на Эллен): Я так соскучился по тебе, Эллен...

Эллен: И я тоже соскучилась по тебе, по Фрэнку и по Белле. *(Она раскрывает свои объятия Белле, которая подходит к ней и тоже обнимает ее.)*

Элджер (поднимается и подходит к Фрэнку): Я отвергал тебя так долго. Мне было не до тебя, и я отвергал тебя, сын.

Фрэнк (обнимая отца): Все в порядке, папа, я тоже был в плохой форме.

Члены семьи продолжали разговаривать между собой, делиться своими чувствами и плакать вместе. Терапевт сидел в одиночестве. Он понял, что, помогая их скорби, он помог возродить их семейный союз. Он был доволен. Он вспоминал о своих утратах, об умершей жене и о своих победах.

Заключение

В семейной терапии существует много способов работы с горем и утратой. Семья Харрисонов – только один пример той силы, которую придает семье присутствие терапевта, наблюдающего, как семья разделяет общую боль. Как и любая гештальт-терапия, работа с семьей и супружескими парами полагается на феноменологические данные, представленные данной системой. Работа с горем и утратой предполагает несколько методов, с помощью которых присутствие терапевта становится эффективным.

Вы можете присоединиться к той скорби, которую переживает семья, даже не имея опыта таких переживаний, и искать вместе с ними лучший способ самовыражения. Важно не иметь заранее наработанной модели работы с горем, а просто помогать данной семье найти свой собственный путь, который будет соответствовать их потребностям.

Временами вам, может быть, придется соединяться с семьей для совместных усилий, чтобы остановить их импульсивное желание уйти от ситуации.

Вы можете помочь семье найти новую форму и помочь им включиться в системный процесс переживания горя, а не подгонять их к какому-то завершению.

И, наконец, вы можете способствовать семье в создании ритуала или ритуалов, поддерживающих их потребность в скорби и сохранении памяти об ушедшем. Эти ритуалы можно обнаружить в любой культуре, от древних времен до наших дней, они помогают людям избежать блуждания в темноте их утраты и облегчают возвращение к нормальной жизни.

Религиозные ритуалы, дающие людям возможность чтить память ушедшего родственника, являются сильно действующим средством как для семьи, так и для общества в целом. Таким способом и окружающие люди также имеют возможность поддержать людей в период их скорби. Семью посещают друзья и родственники, они приходят на церковную службу в дни памяти, присылают письма с соболезнованиями, а иногда даже помогают устроить поминки.

Работа, которую мы делаем в терапии, не имеет заранее придуманных ритуалов, но она позволяет семье и терапевту создавать ритуал, который будет соответствовать традициям данной семьи. Наша работа принимает во внимание индивидуальные потребности каждого члена семьи, их темперамент и определенные способы сопротивления контакту, касающегося данной утраты. Необходимо также считаться и с тем конкретным периодом жизни, который переживает семья. Так, например, семье Харрисонов нужно было в течение некоторого времени бороться с кризисом самостоятельно, прежде чем они созрели для второй интервенции терапевта.

Ритуал, созданный Харрисонами, объединил их, снова позволил им почувствовать себя семьей, связанной воедино. Он и впредь будет соединять их многие годы. Когда они дарили Макс подарком на день рождения, то выбирали самое любимое и вспоминали какой-нибудь важный штрих в их отношениях с ним. Каждый изобразил или высказал что-то сердечное и трогательное, связанное с его собственным отношением к Максусу.

В семье не может существовать "правильного" или "неправильного" траура по ушедшему.

Ученые признают некоторые аспекты траура – принятие, ярость и печаль, – но это не более чем теория на фоне настоящих переживаний конкретной семьи. Когда к этому прибавляются реальные обстоятельства их жизни – состав семьи, возраст родителей и детей и т.д., – теория оказывается бесполезной.

Формальный религиозный молебен по умершему предполагает почтение к событию, Богу и данному обществу. Семейный ритуал дает возможность каждому выразить свои личные чувства к потерявшему брату, сестре, ребенку или родителю. Такие ритуалы позволяют членам семьи говорить в один голос, даже если они испытывают разные чувства.

А что же происходит с голосом самого терапевта? Он постоянно взывает, напоминает, общается, разрешает, успокаивает и свидетельствует. Реже — выражает собственные мысли или делает героические усилия для сольного выступления. Голос терапевта не является первым голосом, он отходит на задний план и уступает место хору голосов семьи.

Тему смерти, возможно, самую болезненную и огромную тайну человеческого существования, мы вставили почти в самый конец книги. Мистики верят в то, что смерть – это только изменение формы, переход в другую реальность. В этой мысли кроется правда: если существует “хорошая форма” для жизни, значит, может быть “хорошая форма” даже для смерти.

Мы начали книгу с поисков “хорошей формы”, как будто это идеальное состояние находилось “где-то вовне”, как будто с помощью волшебства его можно найти, если только искать долго, трудно, подбирая нужные инструменты. Это правда лишь на поверхностном уровне. Но на более глубоком уровне эстетика хорошей формы существует всегда и едва ли нуждается в том, чтобы ее исправлял терапевт. Когда она осознается, ее красота проявляется сама по себе. Мы завершаем нашу дискуссию, размышляя на тему, как осознание процесса приводит к раскрытию “хорошей формы”.

12. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ЭСТЕТИКА ГЕШТАЛЬТ-ПОДХОДА

Мы путешествуем по всему миру в поисках красоты
и не можем найти ее, а ведь на самом деле мы носим ее с собой.

*Ральф Уолдо Эмерсон**

[[[[*Эмерсон Ральф Уолдо (1803-1882) – знаменитый американский поэт и философ.]

Благодаря своему уникальному психологическому наследию гештальт-подход более, чем любая другая школа психологической мысли, руководствуется исследованием эстетической модели¹.

Гештальт-подход: по направлению к эстетическому видению

Гештальт-психология выросла из экспериментального и феноменологического исследования зрительного восприятия. Основатели гештальт-психологии фокусировали свое внимание на принципах работы *зрения* – на том, как человек организует зрительное поле, на тех факторах, которые влияют на восприятие, и т.д. Их интересовали передний и дальний план, линии, очертания, контуры, приближение, глубина, цвет, движение и пространство. Идея формы – особое понятие гештальт-психологии – было центральным². Коротко говоря, гештальт-психология явилась психологической теорией и методологией, созданной для изучения эстетических норм.

Несмотря на то, что гештальт-психологи направили свое внимание на организацию психологического и географического пространства, они также периодически ссылались на проблему эстетического восприятия³. Таким образом, гештальт-психолог не должен удивляться, узнав, что термин *эстетика* происходит от древнегреческого слова “воспринимать”.

Отправной точкой развития эстетического видения человеческого общения и терапевтической интервенции в контексте гештальт-психологии стали обычные человеческие ценности, а не такие абстракции, как доброта или красота. Принятие таких ценностей, как, например, восприятие и организация зрительного феномена, было очень важным для гештальт-психологов, особенно для Кёлера⁴.

Для того чтобы в общих чертах описать рабочую гипотезу эстетики человеческого общения в рамках гештальт-теории, мы прежде всего должны дать определение наших ценностей, задавая себе следующие вопросы:

Почему мы предпочли гештальт-подход другим психологическим теориям?

Что в нас самих отзывается в гештальт-терапии? *Чего мы ожидаем* от терапевтической сессии?

Чем мы руководствуемся в терапевтической работе?

Что означает для нас быть гештальт-терапевтом?

Думая о ценностях гештальт-теории и практики, мы ищем то, что нам особенно важно, ясно, дорого, значимо. Ответы на эти вопросы ведут нас к системе ценностей, заложенной в структуре нашей личности.

Историческое развитие гештальт-ценностей похоже на расцветающий цветок. Вначале все идеи были конденсированы в нежном бутоне ранних работ Фрица Перлза и Пауля Гудмана. Спустя некоторое время, когда цветок распустился, каждое представление придавало цветку собственный живой цвет, детали и красоту. Но развитие продолжается, и в общих чертах его можно разделить на четыре класса ценностей, которые появились в последние десятилетия — родовые ценности, содержательные ценности, процессуальные ценности и системные ценности.

1. *Родовые ценности (folk values)*. Родовая ценность, или, как ее часто называют, “народная мудрость”, является категорическим императивом. Это вполне интроективные лозунги, которые появились на знаменитых перлзовских демонстрациях и в некоторых его поздних работах. Они фактически “озаглавили” личностный рост и субкультуру 1960-х годов. Эти ценности настолько монолитны, что не пошатнулись за все эти годы. Приведу некоторые лозунги, которые выражают гештальт-концепцию:

“Будь здесь и сейчас”;

“Перестань думать и начни чувствовать”;

“Я делаю свое, а ты свое...”;

“Живи сейчас, а не завтра”;

“Я и ты, что и как, здесь и сейчас”.

Эти высказывания не являются ложными. Они содержали в себе туманные ссылки на глубокую правду и играли для нас в 1960-е годы очень важную роль. Это было время бунта против почтенности, интеллектуальности и академичности ортодоксального психоанализа и других дисциплин. Но их сила постепенно убывала от слишком интенсивного использования (и игнорирования), и вскоре люди забыли, что эти дисциплины тоже были созданы как реакция против раздробленности человеческих мыслей, чувств и действий. В основном Перлз, Хефферлайн и Гудман опирались на человеческие переживания и отрицали фрагментарность. Такие категории они характеризовали как “фальшивое деление” чувств⁵:

- Я и внешний мир
- Организм и среда
- Сознательное и бессознательное
- Тело и разум
- Инфантильный и зрелый
- Биологическое и культурное
- Поэзия и проза
- Спонтанный и умышленный
- Личный и социальный
- Любовь и агрессия
- Болезнь и здоровье

Перлз, Хефферлайн и Гудман особенно подчеркивали важность контекста и поля человеческого общения. Вот как они описывали свой “контекстуальный” метод: “Единственный полезный метод аргументации – внести в картину общий контекст проблемы, включая в нее условия переживаний, социальную среду и личную “защиту наблюдателя”⁶. Они хорошо понимали теорию поля Левина и выбрали ключевую цитату для подтверждения своей точки зрения на терапию: “Необходимо, чтобы тот, кто предлагает изучать феномен, мог устоять от желания объять необъятное. Реальная задача состоит в том, чтобы изучать структурные свойства данного целого, выяснять его связи и определять границы системы, с которой имеешь дело. В физике есть правило: “Все зависит от чего-то еще”, но оно не годится для психологии”⁷.

Перлз, Хефферлайн и Гудман используют это высказывание особым образом. Они настаивают на том, что мы не учитываем все социальные ценности данной терапевтической ситуации, а фокусируемся на общении пациента и терапевта в мире пациента и на потенциале *саморегуляции организма*. Они предупреждают терапевтов от навязывания пациенту своей теории болезни и

здоровья, а вместо этого включаются в его процесс переживаний, поставив границы вокруг этого феномена: "Естественно, хотелось бы, чтобы терапия имела поменьше нормативов и могла бы получить побольше от структуры актуальной ситуации "здесь и сейчас"⁸. Поле терапии у Перлза, Хефферлайна и Гудмана выстраивается в границах, очерченных вокруг феноменологии пациента, а также его отношений с терапевтом. Именно в рамках этого поля и проходит психотерапевтическая работа. В то же время это был стандарт эстетики индивидуальной терапии.

В 1950-х годах, даже на горизонте, еще не предвиделось психотерапии супружеской пары, семьи и социальной группы и применения к этим системам принципов формации и деструкции гештальта. Тогда гештальт-теория была только сформулирована. Кроме того, сам Перлз все еще находился под влиянием своих ранних работ по психоанализу⁹.

2. *Содержательные ценности.* Содержание заполняется материалом личной жизни человека: "предъявленные жалобы, выводы, проблемы". Мы различаем постоянное содержание, которое отвечает на вопрос "что" в жизни человека, и смысловое содержание, то есть то, что человек переживает и сознательно выбирает в жизни и терапии.

Когда вы наблюдаете малую систему – супругов или семью, – то видите и слышите огромное количество сложного материала. Вас может привлекать и интересовать то, о чем они говорят: обычно это и принято считать содержанием. Содержание успокаивает, оно вовлекает вас, потому что часто возникает из конфликта и несогласия; оно поляризовано и спорно; оно намагничено контрпереносом терапевта. В полемическом несогласии обе стороны либо терпят поражение, либо побеждают. Если они лишь поляризованы (но не обсуждают это), они пребывают в несогласии, но не хотят тратить усилия, чтобы каким-то образом разрешить эту проблему. Если вы продолжите наблюдение за такой системой, то сможете заметить, что, независимо от содержания, здесь существует процесс. Например, вы можете увидеть, что разговоры носят циклический характер: они ходят по кругу, попадают в тупик и постоянно повторяются. Если вы станете обращать внимание на то, как говорят ваши пациенты, где садятся, кто является раздражителем или "плохим", а кто "хорошим" и т.д., вы сможете получить много правдивой информации. Но если вы будете фокусироваться на содержании – на материале, который разделяет систему, – то рискуете впасть в следующие характерные заблуждения.

1. Вы непременно обнаружите, что одна сторона привлекательнее, чем другая (эффект контрпереноса).

2. Вы можете выразить желание разрешить эту проблему, предлагая сторонам найти компромисс. Слабость такой интервенции заключается в том, что стороны толком не понимают, где находится источник раздора в их отношениях. Таким образом, разрешив данный конкретный конфликт, вы не оградите их от похожих конфликтов в будущем.

3. Вы можете выразить желание научить их говорить по-другому, предлагая им, например: "Скажите "Я хочу..." вместо "Я должна..."

Прерывание процесса в системе имеет тенденцию повторяться, независимо от возникающей проблемы. Мы не столько заинтересованы в логическом анализе того, как человек приходит к решению и что он чувствует в процессе решения. Мы заинтересованы в том, как делается этот выбор: нам важен процесс, а не содержание.

Обычное будничное содержание заманчиво, потому-то оно так затягивает, но это ловушка: здесь осознание может быть лишь поверхностным. Обмен мнениями не создает достаточного объема энергии для того, чтобы остановить эту бесконечную дискуссию. Существует масса слов, но никакого движения вперед по направлению к ясности. Если у членов системы нет контакта, у них не будет и чувства завершенности, они наталкиваются лишь на неизбежную фрустрацию, пока не начнут прилагать усилия для того, чтобы что-то произошло. *Смысловое содержание, по нашему определению, причинно и соответствует аспекту процесса:* что человек делает в данный момент и как он это делает.

3. *Процессуальные ценности.* Процесс представляет собой действие, которое продолжается и развивается. Процесс подразумевает живое, естественное и спонтанное развитие. Процесс извилист, постоянно меняет направление, произволен, неизбежен, приводится в движение с помощью энергии двух или нескольких людей. Процессуальное мышление лишено навязчивости или привязки к определенному содержанию, а также не побуждается конкретными целями или результатами. *Быть в процессе – значит быть совершенно живым.*

Участие в процессе терапевтической сессии почти всегда заменяет содержание того, о чем говорит пациент. Приведу некоторые высказывания Перлза, Хефферлайна и Гудмана о процессуальных ценностях с точки зрения гештальт-подхода:

Пациент... находит и делает самого себя.

Собственное "я" – это граница контакта в работе.

Собственное "я" является синтетическим соединением... становится художником жизни. Работа с осознанием сопротивления означает работу с творческой энергией человека. Все контакты являются творческим согласованием организма с окружающей средой¹⁰.

В противовес таким категориальным суждениям, как, например: "Человек – это мыслящее животное", природа человека в рамках гештальт-подхода представляет собой *процесс*. Такая оценка предполагает развитие: мы постоянно пребываем в состоянии *становления*, наша природа содержит *потенциальные возможности*, она не предопределена заранее. Наша сущность – процесс. Мы представляем собой процесс в постоянном движении; наши границы никогда не повторяются. Особенно важным в процессуальной модели Перлз, Хефферлайн и Гудман считали направленное осознание и концентрацию, которая возникает в контакте терапевта и клиента. Это волнующее место, поле брани, где каждый может видеть и слышать другого, задавать вопросы и делиться наблюдениями, очевидными для терапевта, но не явными и не чувствительными для пациента.

Давайте рассмотрим эти положения на примере. Вы наблюдаете за супружеской парой, которая ссорится по поводу того, как вести дела. Жена собирается планировать дела по крайней мере на три месяца вперед. Муж, со своей стороны, любит подождать и получить побольше информации, прежде чем принять решение. Это и есть их содержание.

А теперь об их процессе. Полемика начала накаляться, и вы наблюдаете феноменологию их взаимодействия. Жена повышает голос, а муж становится все напряженнее и еще больше укрепляется в своей позиции. Здесь очевидно, что в интерактивном цикле опыта (Interactive Cycle of Experience) они находятся где-то в фазе энергии/движения и застряли между энергией и контактом. В таком случае вы можете произвести первую интервенцию.

Терапевт. Я наблюдаю за тем, как вы разговариваете в течение десяти минут. Вы разговариваете хорошо и не отклоняетесь от темы, но есть нечто еще. Когда вы, Барбара, повышаете голос, это сильно мешает вам. А вы, Билл, становитесь ожесточенным и более вязким — как психически, так и интеллектуально. Вы когда-нибудь обращали на это внимание?

Теперь вы нашли модель, полностью свободную от содержания, но совершенно реальную, ее можно легко увидеть и воспроизвести много раз. Вы выбрали модель, лишенную хаоса, модель, феноменологически достоверную. Пара может задаться вопросом о пользе вашего наблюдения и заметить: "Но какая польза нам от того, что мы будем знать об этом?" На такой вопрос можно ответить следующим образом.

Терапевт: Видите ли, если вы зададитесь вопросом, почему вы постоянно застреваете в процессе вашего спора, то сможете преодолеть это, независимо от того, достигнете ли вы согласия по поводу ваших планов на отдых, рабочих дел, времени обеда и многого другого. Если хотя бы один из вас научится изменять свое поведение, например, понизив голос, Барбара, или расслабившись, сидя на стуле, Билл, – вам очень поможет это, какую бы тему вы ни обсуждали.

Итак, они "решили попробовать", но это совершенно новое поведение для них, вам придется немного помочь.

Терапевт: Сейчас, Билл, попробуйте снова вернуться в состояние торможения, только теперь постарайтесь не ожесточаться, каким бы злобным тоном ни говорила Барбара. А вы, Барбара, попробуйте немного поработать со своим голосом, когда Билл начнет напрягаться и настаивать на своем.

И вот они начинают этот эксперимент – чудо из чудес! Их *содержание* меняется, а сами они начинают говорить друг с другом в более мирном тоне. Здесь можно использовать метафору, описывающую интервенцию в эстетических категориях.

Терапевт: Ваш разговор похож на танец, где оба партнера хотят быть ведущими. Но я прошу вас, забудьте о том, кто ведет в этом танце, просто включитесь в его ритм. Вы можете даже не знать, какой это танец – танго, фокстрот или что-то еще.

В данном случае нам важна не столько эстетика интервенции, сколько артистичность супругов. Злобный голос жены и напряженность мужа являются эстетическим выражением того, что "недостаточно хорошо" для них. Терапевт старается достичь лучшей формы.

4. *Системные ценности.* Гештальт-подход высоко ценит теории систем и полей, потому что

они создают рамку для целостного и динамичного понимания событий человеческой жизни. Идея о том, что большинство психологических систем фактически идентичны психологическим полям и психологическому гештальту, является фундаментальной для гештальт-подхода. Перлз, который использовал терминологию теории полей и часто говорил об «отношениях организма и среды», не терпел теорию, если она не касалась человеческой борьбы и действия. Если бы сегодня Перлз был жив, он стал бы критиковать теорию систем, потому что она показалась бы ему слишком абстрактной. Его внимание всегда было приковано к активной природе человека и ее становлению¹¹.

Приведу в пример одно типичное замечание Перлза, Хефферлайна и Гудмана, сделанное однажды по поводу ориентации гештальт-психологии на поля. Они часто говорили: «...В целостном поле уместно все, кроме факторов человеческой заинтересованности»¹². В силу своей интеллектуальной ориентации, Перлз, Хефферлайн и Гудман не смогли осознать, что в поле человеческих переживаний уместно все, и все это может быть прекрасным.

Они были знакомы с работами Левина и других теоретиков, но прежде всего фокусировали свое внимание на человеке, а не на окружающей среде. Они чувствовали, что индивидуум подстраивал свое собственное «я» под ожидания общества, а общество замышляло недоброе. И, возможно, они были правы, потому что именно в конце 1930-х годов разгорелась глобальная война, и одна из культурнейших наций на земле использовала свои высокие технологии, чтобы уничтожать миллионы людей. Общество не замышляло ничего хорошего, когда согласие с диктатом значило больше, чем добрая воля человечества.

В течение Второй мировой войны и после нее экзистенциалисты, теологи и психологи начали формулировать онтологические заявления о смысле индивидуального развития. Стала популярной феноменология Гуссерля, потому что она предлагала систему для изучения феномена, субъективно переживаемого одним человеком.

Следует сказать, что интеллектуальная атмосфера конца 1940-х годов и до 1960-х, поддерживала свободу индивидуума. В этом контексте Перлз, Хефферлайн и Гудман фокусировали свое внимание на индивидууме и его границах. Только когда схлынула эта волна индивидуализма, мы снова смогли оценить социальное объединение как поддерживающую систему для человека и его роста. Западная система не требовала тотального подчинения индивидуальных потребностей потребностям группы, как это происходит на Востоке. На Западе человек может реализовать себя в семье, в дружбе, на работе. В этом смысле теория систем получила новый смысл и статус.

Феномен границ контакта был расширен от понятия интрапсихического до интерпсихического, до группы, а далее — до мирового сообщества наций и Космоса. На интерпсихическом или семейном уровне, например, подталкивая пациента к выражению гнева по отношению к отцу или матери, можно добиться отторжения кого-то из них и укрепления ригидной адаптивной позиции. Если предложить родителям разрешить ребенку ответить на их гнев, можно дать им возможность прийти к созидательному решению, что улучшит взаимодействие обеих сторон.

Ценности системы глубоко сопоставимы с гештальт-теорией в применении принципов целого и его частей к большим объединениям. Так, мы должны рассматривать целые города, чтобы понять степень их износа, хотя они безусловно различаются в своих частях. Весьма неразумно строить новые дома с целью улучшения условий жизни. Такое решение предусматривает изменение всей структуры метрополии — семейного института, системы образования, социального и экономического статуса, городских парков и музеев, системы социального страхования и т.д. Как подчеркивал Левин, в представлении о том, что в данном поле все зависит друг от друга, существует опасность. Это слишком усложняет исследования человеческого феномена. Левин очень хорошо знал подобные проблемы, так как действительно многие годы исследовал различные социальные феномены.

Учитывая эти ценности, проблема рассмотрения человеческих взаимодействий через призму системного подхода представляется более серьезной. Рассматривая все факторы данной ситуации, мы рискуем стать благодушными релятивистами в своих оценках.

Если мы хотим избавиться от причин и следствий, кто будет отвечать за трагедию, которая может произойти? Что мы сделаем с законом о виновности в преступлении? Для терапевта такая проблема может стать чудовищной. Неужели мы готовы быть благодушными, когда насильник или муж-садист, жестоко избивающий свою жену или детей, рассказывает нам о своих проблемах, потому что мы «понимаем его сложности»? А как насчет мафиози, который убивает себе подобного, — он тоже является «жертвой общества»? Как терапевты, мы должны бороться с результатами сохранения социального порядка. Мы не можем укрываться в наших кабинетах, как в башне из слоновой кости и уподобляться священнослужителям. С чувством сострадания и большого сожаления мы должны сообщать властям об убийствах, насилии, избиениях и других преступлениях против человечности. Почему с сожалением? Потому что мы знаем, что тюремная решетка не решает психологических и социальных проблем. Такие меры являются лишь единственным средством защиты по-

тенциальной жертвы от повторного преступления.

Значит, потенциальный релятивизм системного мышления не освобождает нас от болезненной ответственности за то, что мы можем принять в семье, в нашем обществе, в нашей жизни или в данной терапевтической сессии.

Системная ориентация предлагает некоторые ценности в понимании структуры первичных групп, различных социальных институтов, политических событий, стихийных бедствий, экологических проблем и межнациональных отношений. Системное мышление помогает нам понять сложные проблемы, уклончивые споры или упрощенные решения. Рассматривая мир как всеобъемлющее целое, мы можем использовать эффективные стратегии, чтобы повлиять на него. И если мы сообщаем в полицию о насильнике, то не лишаем себя возможности поговорить с его семьей, возможности повлиять на сотрудника полиции, возможности пообщаться с жертвой насилия и т.д.

Короче говоря, у нас есть шанс повлиять на всю структуру социальной адаптации нашего пациента. Всякий раз, действуя подобным образом, мы оставляем маленький след не только в одной данной семье, но и в части социальной структуры, в которой живем. Такое отношение говорит о повышенной заинтересованности гештальт-терапевта в благополучии *сообщества людей*, а также в его экзистенциальной свободе и ответственности за свой выбор. Конечно, мы не можем быть уверенными в том, что все терапевты, включая гештальтистов, делают выбор в пользу такой социальной активности, но мы уверены, что большинство поступают именно так.

Несмотря на интерес Перлза к границам контакта, он фокусировал свое внимание в основном на индивидуальных способностях человека к функционированию в этих границах. Он имел в виду скорее некий абстрактный мир, нежели реальные взаимоотношения. В его подходе всегда отсутствовало активное качество мира, то, как мир отвечает человеку, супружескому союзу, семье. Перлз выразил это мнение, когда говорил, что хороший психоаналитик не может быть чистой доской или простым интерпретатором феномена переноса, – есть другие люди, которые позволяют пациенту стать лучше хотя бы в *данных* отношениях на *данном* отрезке времени.

С появлением теории систем многие гештальт-терапевты, которых интересовал интерактивный процесс, начали пересматривать концепцию сопротивления как *индивидуального* переживания. Например, рассуждая о ретрофлексии, Перлз, Хефферлайн и Гудман, говорили: “Когда у человека имеются признаки ретрофлексивного поведения, он делает себе то, что на самом деле делал или пытался сделать с другими людьми или объектами”. Возникает вопрос: почему же этот человек перестает взаимодействовать с окружающей средой? Что происходит со средой?

После некоторых размышлений ученым стало ясно, что *сопротивление создается и сохраняется при участии двух или более человек*. Например, в ретрофлексивных семьях или супружеских парах “люди не могут найти контакт ни в гневе, ни в теплом участии, ни в интересе друг к другу, ни в попытках взаимного влияния. Когда никто не выражает протеста или настойчивости в его преодолении, сопротивление сохраняется”¹⁴. Люди с ретрофлексией не просят других о помощи, а их партнеры ее и не предлагают: “Все считают, что границы должны быть пересмотрены, но настойчивость считается неуместной”¹⁵.

Постепенно многие гештальт-терапевты поняли, что отнюдь не всегда хорошо соблюдать только свои интересы: “Я делаю свое дело, а ты свое”. Эта народная мудрость, или родовая ценность, является не чем иным, как интроектом. На этом месте собственная автономия перестает являться ответственностью перед самим собой и превращается в бессердечность или безнравственность.

Спустя годы работы с супружескими парами, группами, семьями и корпорациями, мы сосредоточились на прямом или скрытом смысле взаимодействия на границах контакта. Мы начали разрабатывать более согласованный процесс, моделируя концепцию Перлза об индивидуальном восприятии, осознании, возбуждении, развитии и контакте. Мы создали цикл, в котором один феномен следует за другим как звенья одной цепи, двигаясь от смутного чувственного переживания к формированию гештальта, возбуждению, которое требует удовлетворения, а затем движению и, наконец, к контакту, приносящему удовлетворение. Совершенствуя нашу работу, мы адаптировали ряд ценностей и принципов системной теории к гештальт-подходу. Положение о движении от ощущения к осознанию, а затем к завершению и удовлетворению стало нашей первой и фундаментальной эстетической ценностью.

Кардинальные ценности и принципы гештальт-теории

Эти “кардинальные” ценности, как мы их называем, разрабатывались многие годы путем проб и ошибок. Мы насчитываем двадцать две ценности, включая и принципы интервенции. Эти ценности и принципы имеют тенденцию перекрывать друг друга, поэтому мы объединили их в шесть подгрупп: Баланс, Изменение, Развитие, Самосознание, Целостность и Форма.

Ценности баланса

1. Ценность: *Сбалансированные взаимоотношения.*

Принцип: *Существование человеческих существ является одновременно и зависимым, и автономным. Мы учимся оказывать помощь самим себе и в то же время поддерживаем другого. В этом заключается сбалансированный ритм существования супружеских пар и семей – слияние и индивидуальная отстраненность.*

Жизнь человека можно выразить тремя глаголами - *быть, делать и иметь*¹⁶. От слияния с родителями в детстве мы движемся к независимости в зрелости, а затем снова к слиянию с другим и опять к независимости. Это и есть ритм бытия. Пребывание в слиянии можно считать инфантильным процессом. Тенденция к абсолютному сохранению изоляции и личной автономии является шизоидной.

Гештальт-терапевт должен быть чрезвычайно чувствительным к естественному ритму человеческих взаимодействий. Работая с семьей, мы очень внимательны к степени защиты, которую дают детям взрослые. Примером может послужить венгерская семья, работа с которой описана в предыдущих главах. Они пережили тяжелые времена и находились в опасности. Родители были настолько озабочены поисками убежища для своих детей, что это надолго затормозило процесс развития независимости детей.

2. Ценность: *Важность разделения власти в семье или супружеской паре.*

Принцип: *Необходимо видеть и понимать, кому принадлежит власть в малой системе. Сильные противоречия в распределении власти в семье могут привести к насилию или оскорбительному поведению.*

Власть в семейной системе с очевидностью должна находиться в руках взрослых до тех пор, пока дети не достигнут определенного уровня самостоятельности. Семья не может быть "демократической", пока дети не повзрослеют – это скорее "диктатура". Мы ищем взаимного дополнения в применении силы у супругов и во взрослой семейной системе. Власть предполагает ответственность и не должна использоваться безответственно или грубо. Это также справедливо и для больших социальных или политических систем.

3. Ценность: *Четкие границы между терапевтом и семьей или супружеской парой.*

Принцип: *Никогда не принимайте чью-то сторону и не преступайте границы контакта. Интервенции должны быть сбалансированы. Разрабатывайте определение хороших границ и управления им.*

Где кончается "Я" и начинается "Ты"? Когда мы становимся парой? Что является моим, что твоим, а что нашим? Создавая смысл, граница может включать и исключать. Границы размыывают, спутывают смысл и затормаживают взаимоотношения, если в системе существует такие симптомы, как недостаток осознания, проблемы слияния и разделения, а также такие способы сопротивления, как интроекция, ретрофлексия и проекция.

Критерием функционирования хорошей пары и семьи можно считать способность формировать и перестраивать распределение ролей и субгрупп. Этот процесс весьма полезен и может считаться "хорошей формой".

Терапевт держится в границах наблюдателя. Пока главная задача состоит в том, чтобы помочь данной системе осознать процесс своего взаимодействия, делая его творческим и позволяя ему двигаться дальше, здесь не будет места для короткой беседы или перерыва в рамках терапевтической сессии.

Ценности и изменения

4. Ценность: *Самоактуализация с помощью саморегуляции организма.*

Принцип: *Супружескую пару или семью надо рассматривать как систему, которая стремится к целостности, интеграции, изменчивости и спонтанности функционирования. Такая система ищет баланс между застоем и движением вперед.*

Саморегуляция организма является камнем преткновения гештальт-подхода, начиная с выхода первой книги Перлза "Эго, голод и агрессия" ("Ego, Hunger and Agression") в 1940-х годах. Мы стремимся рассматривать саморегуляцию не с точки зрения индивидуального организма, а скорее

через призму организма и его взаимодействий (исключение составляют подсистемы). Возьмем, к примеру, короткий случай работы с Джоном и Нелли Матинсон (глава 5). Их "семейный" организм стремится к саморегуляции потребности в сексуальном удовлетворении. Как отдельные индивидуумы, оба они представляют собой два здоровых взрослых организма, но когда они вместе, их ритмы саморегуляции не совпадают. Помогая Джону и Нелли приспособиться друг к другу, а именно: Джону — высказывать свои фантазии и потребности, а Нелли — стимулировать ее осознание, мы привели их совместный сексуальный ритм к большей синхронности.

5. Ценность: *Обучение на практике.*

Принцип: *Обучение на практике работает лучше, нежели рациональные рассуждения. С помощью эксперимента мы обучаем, побуждаем и помогаем достичь нового поведения и преодолеть заблуждения и трудности, возникающие в семье или супружеской паре.*

Как в индивидуальной, так и в семейной гештальт-терапии, эксперимент ценится очень высоко. В нашем подходе эксперимент используется прежде всего как инструмент для повышения осознания — не столько того, что происходит, сколько того, что *может произойти*. Беседа хороша как упражнение фантазии, но активное действие значительно лучше: оно мобилизует энергию, приводит к контакту с другими и позволяет попрактиковаться в новом поведении. Это так называемый "безопасный риск" (safe emergency) в терапевтическом пространстве.

Эксперимент — это взаимное творчество терапевта и его клиентов. Терапевт его организует, а клиенты исполняют. Эксперимент является частью эстетического процесса гештальт-терапии, так как поддерживает и унифицирует фигуру его внимания. Именно поэтому гештальт-терапию называют "феноменологическим бихевиоризмом".

6. Ценность: *Изменения с помощью осознания.*

Принцип: *Если изменения происходят с помощью осознания и активного выбора, они бывают гораздо более полноценными, интегрированными и продолжительными, чем изменения, которые происходят неосознанно.*

Гештальт-терапия отличается от всех терапевтических школ наличием формальной теории и модели осознания. Использование осознания как фундаментального инструмента для изменения — самая большая ценность гештальт-терапии. Дело в том, что мы, возможно, более серьезно, чем представители других терапевтических школ, рассматриваем смысловые изменения в исключительной зависимости от интенсивности осознания. Степень реализации изменений равна степени усиления осознания. В семейной терапии мы обучаем не кратковременному и преходящему, а активному осознанию. Ведь мы учителя, а не волшебники или гуру. Мы побуждаем клиентов принимать активное участие в обучающем процессе (задавая вопросы, споря, обсуждая и т.д.), подключаясь к терапевтическим интервенциям, идеям и образам. И, напротив, мы стараемся не допускать интроекцию в наши интервенции.

7. Ценность: *Парадоксальные изменения.*

Принцип: *Способствуя сопротивлению в работе с супружеской парой или семьей, можно также добиться изменений. Чем больше вы способствуете ему, тем больше изменений возникает.*

Парадоксальным образом, способствуя "болезни" семейной или супружеской системы, можно также достичь изменений. Каждой системе, как правило, соответствует свой стиль сопротивления. Мы относимся к сопротивлению как к здоровому способу самозащиты в стремлении к гармонизации взаимоотношений. Мы способствуем осознанию того, как семья или супружеская пара справляется с тем, что дорого для нее, как для индивидуальности и как группы. Это утверждение естественным образом ведет системное осознание к негативной стороне их поведения — то есть к тому, как они тормозят данный процесс и в то же время как выходят из этого положения. Именно по этим причинам мы критикуем другие психотерапевтические подходы, отвергающие сопротивление или уделяющие ему мало внимания, добиваясь при этом весьма кратковременных изменений. Поэтому мы отводим терапевту роль свидетеля, а не агента изменений.

8. Ценность: *Процесс важнее содержания.*

Принцип: *Определяя точки неблагополучия в семейной или супружеской системе, гораздо важнее уделять внимание не содержательной стороне проблемы, а способу ее выражения.*

С точки зрения гештальт-подхода, содержание является "мертвой точкой" терапии, в противоположность процессу, который несет живую энергию, драму и динамику взаимодействия. Нам

не так важно, будет ли конкретная проблема решена в течение данного терапевтического часа, потому что на месте этой проблемы возникнет следующая. Проблемы похожи на голову мифической Гидры: стоит отрубить ее, и на ее месте появляется еще две. Это жизнь. Порой содержание оказывается очень скучным — учеба детей, магазины, пища, телефонные счета, ритуальный секс, отношения с родственниками и т.д. Нет ничего вдохновляющего в том, чтобы решить, когда супругам лучше ехать в отпуск.

Эстетика “разлаженной” семейной системы в ее взаимодействии. Снова вернувшись к паре “Билл и Барбара”, мы вспомним, что их процесс был далек от интересной интриги. Очень много времени они просто обсуждали свои проблемы. В течение пятнадцати или тридцати дней все это не имело никакого смысла. Но когда Барбара начала говорить громко, а у Била возникло явное физическое напряжение, что выразилось в его позе, тогда терапевту и его клиентам стало по-настоящему интересно. Такое направление осознания позволило им начать эксперимент, который дал толчок к бесконечным изменениям в будущем.

Ценности развития

9. Ценность: *Исключение подтверждает правило.*

Принцип: *Вам необходимо понимать и признавать развитие и то, что соответствует развитию в ваших интервенциях. Но каждое правило (включая и это) может быть негодным и даже опасным.*

Есть такая поговорка: “Нет ничего менее здорового, чем здравый смысл”. Лучше не скажешь. Интервенции должны соответствовать супружеской паре или семье, а это значит, что терапевт должен учитывать развитие содержания и процесса. Если сомневаешься, полагайся на то, что происходит “здесь и сейчас”.

10. Ценность: *Равенство в развитии опыта, или “что хорошо гусыне, хорошо и гусю”.*

Принцип: *С терапевтами, как и с их клиентами, происходят постоянные изменения. Они, так же как и клиенты нуждаются в подпитке — как терапии, так и собственной жизни в целом.*

Дело в том, что в природе не существует такого биологического вида, как “терапевт”, — это просто более опытный пациент. Многие из наших коллег захотят с нами поспорить, утверждая, что нет нужды самому испытывать несчастье или болезнь, чтобы иметь возможность помочь другому человеку в подобных ситуациях. Действительно, опыт одного, даже очень старого человека не может исчерпывать все, что происходит с людьми. И тем не менее, помощь в пути особенно эффективна, когда ты по-настоящему подготовлен к нему. Однако одно дело помочь человеку справиться с ситуацией и совсем другое — полноценное присутствие, которое не просто способствует выживанию, но и стимулирует духовный рост.

Природная способность терапевта создавать “благотворное присутствие” зависит от глубины его “апперцептивной массы”, личного жизненного опыта. Именно поэтому объем наших собственных переживаний — наши радости и печали, знания и опыт, увлечения и воспоминания — все это важно для нас и как для индивидуумов, и как для профессионалов.

Ценности собственного осознания

11. Ценность: *Терапевт стремится “приукрасить” образ семьи или супружеской пары.*

Принцип: *Терапевт должен постоянно следить за своими настроениями, мечтами, конфликтами, потребностями и меняющейся идеологией, так как супруги или члены семьи, осознанно или неосознанно, попадают под его влияние.*

Личными границами трудно управлять. Терапевт всего лишь человек, с его собственной силой и слабостью. Мы считаем, что в семейной гештальт-терапии у терапевта есть тенденция воздействовать на клиентов с помощью личного участия в данный момент. И в этом случае важнее наш облик, нежели то, что мы делаем. Хотя, конечно, то, что мы собой представляем, безусловно, влияет и на то, что мы делаем. А это, в свою очередь, влияет и на процесс терапии в целом.

12. Ценность: *Профессиональная скромность.*

Принцип: *Уважайте интеграцию семейной системы. Как бы плохо она ни выглядела в ваших глазах, у нее всегда есть возможность измениться к лучшему.*

В конце концов, пара или семья живет за пределами нашего кабинета. Наше влияние настолько сильно, насколько это возможно в ограниченный промежуток времени. Терапевт похож на валун в реке: течение омывает его, и он может лишь чуть-чуть изменить его ход. Свидетель свидетельствует, только находясь "здесь и сейчас"... Что же еще мы можем ждать от себя?

Ценности целостности

13. Ценность: *Целое влияет на все части собственного "я" человека и становится больше, чем сумма этих частей.*

Принцип: *Малые системы всегда существуют в расширенном контексте – родственники, община, социум, человеческий род. Мы же делаем попытки понять человека или систему вне этого контекста.*

Ни один человек никогда не бывает совершенно один. Даже отшельник, сидящий на вершине горы, связан с кем-то... где-то... хотя бы в своей памяти. Даже у городского сумасшедшего есть связи с другими людьми – с теми, у кого он просит денег, с полицией, с социальными работниками. Человек – стадное существо, он всегда связан с другими людьми, и если у него нет близких друзей или семьи, это могут быть просто "незнакомцы" в огромном скоплении людей нашей социальной системы. Человеческая общительность – только вопрос степени.

14. Ценность: *Ни один человек, мужчина или женщина, не бывает "Робинзоном".*

Принцип: *Каждая интервенция должна нести в своей основе соответственный паттерн семьи или пары вне терапии. Вы должны постараться понять, в каком "котле варится" данная семья каждый день. (Представьте себе, что за спиной ваших пациентов, как "греческий хор", стоят связанные с ними люди.)*

Мы должны помнить, что помимо социального контекста за той или иной семьей стоит по меньшей мере два поколения, включая любого "транзитного" члена семьи, который может существовать в любом времени и пространстве. Мы также должны учитывать влияние людей, находящихся далеко или существовавших в далеком прошлом. Примерами таких включений могут быть отношения с умершими членами семьи. Вспомним "Сон Сэмюэля", в котором он вступает в контакт со своим прадедом. Незавершенные отношения существуют как привидения, в тени, незаметно, они по-прежнему волнуют нас, и мы возвращаемся к ним в семейной терапии.

15. Ценность: *В человеческих взаимоотношениях есть объективное существование "третьего лица".*

Принцип: *Интервенция в семейной терапии должна быть одновременно системной и дополняющей. Интервенция, ориентированная только на одного человека - позитивная или негативная, – не будет полезна системе.*

Эта ценность и принцип говорят о том, что каждая семья или пара состоят из трех "индивидуумов" – "Ты", "Я" и "Мы". Гештальт-терапия супружеских пар, ориентированная на системный подход, стремится изучать пространство, возникающее между двумя людьми. В работе с супругами мы обращаем особое внимание на взаимодействие партнеров как на объединение и стараемся проводить интервенции в рамках соединения "Мы". Это происходит даже в работе с одним пациентом, как мы могли это наблюдать на примере Габриэля и его отсутствующей жены Сью.

16. Ценность: *Коллективный голос супружеской пары или семьи.*

Принцип: *Прислушивайтесь к уникальному голосу семьи.*

Когда супруги или члены семьи общаются между собой в вашем присутствии, вы можете слушать их голоса как музыкальное произведение, с эстетической позиции. В данном случае это напоминает оперу: есть гармония и какофония, высокие и низкие тона, различные тембры, ритмические перебивки разговоров. Все это сообщает нам много информации о каждом из присутствующих и обо всей системе в целом. В вокальных партиях ваших пациентов содержится много характеристик – энергия, границы, доминантность, сопротивление и многое другое.

Ценность формы

17. Ценность: *Завершенный гештальт.*

Принцип: *Мы фокусируем внимание на том, как супружеская пара или семья с помощью своих сильных сторон восстанавливает свои отторгнутые части, чтобы снова приобщить их к семейной жизни. Мы всегда начинаем с сильных, а не со слабых сторон системы.*

Сильная сторона семьи Харрисонов (глава 11) заключалась в том, что все они объединились вокруг Макса в связи с его смертельной болезнью. Но после его смерти они стали переживать эту потерю в одиночку и отстранились друг от друга, утратив способность делиться своим горем. Гештальт смерти Макса остался незавершенным, ощущение утраты продолжалось, а боль не утихла. Горе семьи Харрисонов напоминает греческую трагедию: боги забирают прекрасного сына, и дом рушится под гнетом этого горя. Разница состоит только в том, что Макс не был трагическим героем... Родные были не в состоянии объединиться и скорбеть вместе – было ли это их трагической ошибкой?

Однако даже простого эксперимента с импровизированным ритуалом "День рождения Макса" было достаточно, чтобы вновь соединить семью вместе, "замкнуть круг" и завершить гештальт.

Парадоксально, что сила семьи часто оборачивается ее слабостью, и наоборот. Именно поэтому мы начинаем работу с акцента на сильной стороне, а затем переходим к слабым сторонам системы. Чтобы поддержать диалог или дискуссию в поисках истины, необходима форма, – так считал Платон. В семейной терапии изменения происходят в процессе повышения осознания с помощью контакта. Контакт может принимать различные формы, но главная его форма – это встреча "Я-Ты".

Наша трехшаговая стратегия интервенции представляет собой диалектический процесс с его кульминацией в эксперименте. Наши интервенции стремятся усилить осознание и научение, прежде всего поддерживая то, "что есть", затем противопоставляя ему то, "чего нет", и, наконец, соединяя обе стороны воедино в новый гештальт.

18. Ценность: *Хорошая форма.*

Принцип: *Мы даем возможность супругам или семье "быть", а затем отпускаем их. (И неважно, каким способом они смогли "быть" и куда они уходят. Мы поддерживаем "хорошую форму", которая "просто достаточно хороша" для них.)*

Каждая супружеская пара или семья, как живописное полотно, имеет форму: ее можно воспринимать, оценивать, восхищаться и критиковать. Эстетическое суждение о живописи обычно основано на принятой системе ценностей, а значит, не является уникальным. Но живописное произведение не может быть "правильным" или "неправильным" – каждое произведение искусства бывает просто "другим". Однако и критик не может быть неправым: он основывается на своих предпочтениях.

Если мы посмотрим на семью Хьютонов, то увидим, что форма их системы зажата взаимными обвинениями. Их взаимоотношения были основаны на оценках и интерпретациях. Такое поведение можно рассматривать как "хорошую форму" – они чувствовали себя уверенно и прилагали усилия к общению. Но является ли эта форма "достаточно хорошей"? Возможно, они что-то упустили – определенный интерес к близким, который побуждает членов семьи получить больше информации, больше понимания, больше терпимости и взаимного удовлетворения? Стали ли они идеальной семьей? Нет, но форма их семьи была упрочена и на тот момент стала "достаточно хорошей". Терапевту удалось ослабить напряжение и тревогу, просто позволив им извлечь выгоду из этого опыта и таким образом подготовить их к внутренней работе в будущем.

19. Ценность: *Важность всех терапевтических отношений как интегрированной целостности и эстетического события.*

Принцип: *Мы уделяем особое внимание терапии процесса (и интервенции) и его качества развития. Мы оцениваем красоту и уродство происходящего, а также эстетическую ценность борьбы семейной системы со своими симптомами и патологией.*

20. Ценность: *Развивающая интеграция гештальт-терапии.*

Принцип: *Мы ищем простую красоту терапевтических интервенций, с их темами, развитием и решениями. Каждая терапевтическая встреча потенциально является фактом искусства.*

21. Ценность: *Интеграция супружеской пары или семьи, как она есть.*

Принцип: *Мы принимаем человека или систему как он (она) есть и с уважением присоединяемся к нему (к ней).*

Мы рассматриваем не только процесс работы семьи или супругов, но и внутреннюю систему терапии, включая эстетическую форму терапевтического присутствия и интервенций как эстетического события. Система клиента, как индивидуума и целого, борется со своими проблемами, пока терапевт работает на границах как благожелательный, поддерживающий и принимающий участие свидетель происходящего. Так же, как и на ранних этапах, когда мы получали опыт индивидуальной гештальт-терапии, мы помогаем нашим клиентам покидать нас с чувством дружеского расположения, несмотря на весь пласт сложных и болезненных переживаний. Мы помогаем им признать за своими симптомами, поведением и даже сопротивлением творческие попытки, у которых есть свои причины и эстетическая ценность. Мы прилагаем усилия к тому, чтобы после сессии они уносили с собой ощущение уверенности в том, что они "хорошие люди".

Мы люди искусства, и многое из того, что мы делаем, основано на очерчивании феноменологического материала в терминах метафоры или темы. Это дает семейной системе большие возможности в работе со своими проблемами.

22. Ценность: *Феноменология "здесь и сейчас"*.

Принцип: *Мы ищем паттерны для индивидуальной и более крупной системы. Наиболее полезные наблюдения основаны на актуальных феноменологических (процессуальных) наблюдениях.*

Семейная гештальт-терапия ценит то, что актуально, мгновенно и осязаемо. Нас не интересуют спекуляции, интерпретации и классификации. Однако это вовсе не означает, что мы избегаем такие важные инструменты работы психолога, как проективные тесты, генограммы и другие диагностические исследования. Например, в гештальт-подходе есть тенденция к постановке "диагноза" в классификациях феномена системы в терминах контакт-сопротивление и пограничных паттернов. Такие инструменты важны для клинических исследований и для получения нужной информации. Однако они оставляют за скобками фоновые события и переживания.

В работе с семьей Мадьяр было важно указать на ретрофлексивный способ ее сопротивления, это логически вытекало из их истории и актуального поведения и было полезно для терапии. Но как они поведут себя на следующей сессии? Или через месяц?

Каждая терапевтическая встреча – новое знакомство. Все, что становится фигурой нашего внимания, является лишь феноменологическим аспектом мгновенного взаимодействия с членами семьи и их взаимоотношений. Это аспекты включают: временные рамки, пространство, изменения, осознание, ощущения, полярности, энергию, хореографию движений и поз, красоту, баланс, гармонию, взаимную дополняемость, ритм, контраст, качество контакта, способность продолжать движение и начинать снова и снова, юмор и философское отношение к происходящему – все, что является предметом пристального наблюдения терапевта.

С нашей точки зрения, каждая сессия с семьей или супружеской парой – это новая встреча с тем, "что есть", а значит, она похожа на посещение мастерской художника, где всегда можно увидеть его новые произведения.

Заключение

Все описанное выше является сердцевиной нашего гештальт-подхода к семейной терапии. Обратите внимание на то, как каждая из указанных ценностей помогает нам, поддерживает наше техническое мастерство и предостерегает от опрометчивых шагов. Возможно, из каждого принципа можно сделать тенденциозные выводы. Безусловно, когда вы свободны в своем выборе, вам легче активно действовать. Другими словами, если полагаться только на технические приемы, можно существенно ограничить свое поле зрения и профессиональный рост.

Находя же необходимые для себя ценности и присваивая их, вы приобретаете свой "стиль" – различимую позицию "как-жить-в-этом-мире". Тогда вам могут не понадобиться техники, так как вы приобретете нечто гораздо более мощное и значительное – философский подход, дающий вам неограниченные возможности для личного творчества.

Гештальт-ценности предоставляют нам определенный способ "вмешательства" в супружескую или семейную систему, но их нельзя использовать как категорический императив. Необходимо осторожно и осознанно "переваривать" эти ценности. В противном случае, если "заглотить" все целиком, через некоторое время наши суждения могут превратить эти принципы в новую догму. Гештальт-терапия, как и другие терапевтические школы, имела достаточно догм в своей истории.

И, наконец, последнее преимущество изложенных ценностей состоит в том, что каждый может сделать *выбор*, основанный на предложенных правилах, зная при этом, что они не являются монополярными. Они тоже живут, дышат и меняются вместе с этим меняющимся миром.

Мы изложили наши ценности, живя и действуя в этом мире¹⁷. Мы должны действовать. Вы-

бирая бездействие, наша пассивность выражает наши ценности (скуку, безразличие, временное согласие, пассивный протест и т.д.). Кроме того, обуздывая свою активность, мы поддаемся ретрофлексии: направляя энергию против нас самих, мы часто наносим себе травму. Вопрос состоит в том, каким образом мы можем "хорошо вести себя" в этом мире?

Когда в библейские времена Исхода дети Израиля уходили из Египта, Господь помогал им через Моисея. Перечитывая Книгу Исхода, мы находим, что очень часто израильтяне не слушали Бога и поступали бездумно. В результате, когда Моисей получил Завет и дал его своим людям, они воскликнули: "Все, что сказал Господь, сделаем и будем послушны"¹⁸. Команда состояла в том, чтобы поступать в соответствии с Заветами Бога и *только после понимать это*. Бог поступил с евреями так же, как поступаем мы со своими детьми, принимая осознание на себя. Они были Его "детьми".

Мы говорим двухлетнему ребенку: "Не трогай, Джонни", потому что маленький ребенок не может адекватно осознать и самостоятельно осуществлять контроль над своим поведением. Когда же человек становится взрослым, он начинает нести всю меру ответственности за осознание своего поведения и в этом смысле становится "собственным Богом". Можно сказать так: я становлюсь личностью, когда начинаю полностью осознать, что делаю. Когда это происходит, я отдаю команды собственному божественному категорическому императиву. Я говорю себе: "Я сделаю так, потому что считаю это правильным".

По словам Сони Невис, "Наша судьба – разрушать. Разрушение необходимо для того, чтобы произошло что-то новое и продолжалось развитие. Нам часто нравится принимать участие в разрушении. Как бы там ни было, удовольствие не является достаточным условием для действия. "Удовольствие" – детский критерий, а взрослые люди действуют, когда к ним приходит осознание. Например, кому-то может казаться, что лучше прервать отношения с близкими, но в данном конкретном случае такой поступок может быть аморальным, если рассмотреть его всесторонне... Кому-то кажется, что было бы хорошо задушить жену из ревности, но это аморально..."¹⁹

Когда мы находимся под высшей властью категорического императива, это удобно хотя бы потому, что в момент выбора нет нужды выдерживать внутреннюю борьбу. Тем не менее, все конечные действия находятся под строгим судом. Невозможно действовать правильно, не отвергая часть реальности. *Абсолютно морального поведения не существует*. Если человек делает выбор быть "свободным" и уходит из семьи, это также выбор – покинуть близкого человека и реже видеть своих детей. Если женщина выбирает аборт по медицинским показателям, она также выбирает возможные горести в своем будущем. Если же она решает оставить ребенка, она тоже может выбрать страдания, связанные с возможными осложнениями, – вероятно, ей придется оставить ребенка без материнской заботы и хороших условий для его развития. Если некоторая группа людей решит освободить животных из лаборатории, они также делают выбор прервать научные исследования и остановят работу других.

Наша теория побудила нас завершить гештальт и тем самым разрешить некоторые свои задачи. Мы чувствуем, что сделали это. Но я снова слышу голос Сони Невис: "Слабое место нашей гештальт-теории заключается в том, что она представляет идеальную картину нарушения поля. Но нарушения поля и за его пределами – значительны... [и порой] лучшее, что мы можем сделать – уменьшить внутренние нарушения, потому что у нас нет возможности уменьшить внешние"²⁰.

Мы не можем контролировать окружающую среду. Самое большее, что мы можем сделать, – использовать наше богатое осознание, ведь человеческое поведение имеет полярные возможности. Мы прислушиваемся к тем и к другим голосам, звучащим в нашей голове, а затем действуем. Чем сложнее осознание, тем сложнее наше потенциальное поведение. Осознанные действия позволяют нам знать множество сторон данного результата. Такой тип поведения носит название "действие с сожалением". Он дает человеку выбор совершать активное действие и одновременно признавать, что оно может иметь различные последствия. Некоторые из этих последствий могут оказаться пагубными для самого человека, а другие навредят другим людям или даже всему окружающему его миру.

Человек может никогда не совершать зла, но благодаря своей противоречивой природе его решение всегда порождает сожаление; выбор – лучшее из возможного. Мы не можем избежать зла, поэтому нам приходится учиться нести в себе неодобрение и боль других. Императив, который мы выбираем, – самый высокий стандарт ответственности. И мы можем научиться делать это с некоторой видимостью смирения, смелости и сострадания.

Может быть, сегодня, как никогда, мы должны нести ответственность за наши поступки, проявлять смелость и сострадание. Терапевт обязан помогать и лечить нарушенные, разбитые и больные семьи. В наш век разобщенности, нам нужно особенно уважать и лелеять прекрасные старомодные традиции *заботы о детях, а также значимости и поддержки супружества*. Мы должны постоянно повторять себе: в наш век сильных стрессов, детских садов, перегруженных родителей

кто может дать детям заботу и поддержку? Наши дети – дети компьютерного мира и высоких технологий. Это означает, что взрослые должны подготовить их к двадцать первому веку.

Эта книга обращает особое внимание читателя на то, как супружеская пара или семья может усваивать основные ценности взаимной заботы и уважения, переходя от одной стадии жизни к другой. Терапевт не является целителем, он выступает также как родительская фигура, которая дарует благословение поколению молодых родителей, отцы которых не имели знаний, навыков или времени для того, чтобы подготовить их к сложностям современной жизни.

Приложение ОСНОВНЫЕ ШКОЛЫ СЕМЕЙНОЙ ТЕРАПИИ*

[[[*Этот список я составил, собирая и перерабатывая информацию из книги A.S. Gurman & D.P. Kniskern (1991), *Handbook of family therapy* (Vol. 1 & 2) (New York: Brunner/Mazel). Я не претендую на абсолютное знание всех этих школ, поэтому заранее прошу у читателя прощения за возможные искажения.]]

Поведенческая семейная терапия¹

Предшественники Уотсон, Скиннер, Бандура, Гриндер.

Философия Эмпиризм.

Модель Бихевиоризм, ориентация на содержание.

Основные влияния Модификации поведения, теория познания, управляемые условия, непредвиденные обстоятельства.

Представления о норме Достижение целей; равное влияние всех членов.

Представления о нарушениях Члены семьи с трудом признают отклонения в поведении; семейные правила не отличаются достаточной ясностью; дефицит эмоциональных отношений.

Представления об осознании Формальная теория осознания отсутствует.

Представления об изменениях Определяются поведением и поддерживаются обучением и условиями.

Терапия Боуэна²

Предшественники Медицина, физика.

Философия Натуральная философия, эмпиризм, эволюционизм.

Модель Медицинская, природные системы; ориентирована на процесс.

Основные влияния Биология, эволюционизм, теория систем.

Представления о норме "Жизнь движется по направлению к жизни" в природных процессах, ведущих к достижению полного развития и саморегуляции.

Представления о нарушениях Недостаточная саморегуляция от "незрелости".

Представления об осознании Формальной теории осознания не существует.

Представления об изменениях Самовоспроизведение с помощью различения, саморегуляции и ответственности перед собой; терапевт присутствует как агент изменений.

Краткая терапия (MRI)³

Предшественники – Бейтсон, Эриксон, Фозестер.

Философия Конструктивизм.

Модель Кибернетическая, ненормативная, ориентированная на процесс и содержание.

Основные влияния Кибернетика, теория коммуникаций.

Представления о норме Эффективное преодоление трудностей.

Представления о нарушениях Проблемы возникают от "плохого обращения" с трудностями.

Представления об осознании Второстепенное; нет формальной теории осознания.

Представления об изменениях Возникают от внедрения в причинно-проблемные "решения", используемые клиентом, чтобы решить актуальную проблему.

Контекстуальная терапия⁴

Предшественники Фрейд, Ференци, Кляйн, Фэйрбейрн, Винникотт, Гантрип, Салливан, Бурбур, Вайнер, Бейтсон, Бузормени-Наги.

Философия Диалектическая, диалогическая; философская антропология.

Модель Относительная, ориентированная на процесс.

Основные влияния Кибернетика, межличностная психиатрия, теория коммуникаций.

Представления о норме – Сбалансированное распределение семейных ресурсов и обязанностей.

Представления о нарушениях Несбалансированное распределение ресурсов; застой, ущербная конфигурация взаимоотношений, отсутствие преданности, сговор, эксплуатация, доминирование родителей.

Представления об осознании Преобладает "относительная подотчетность"; нет формальной теории осознания.

Представления об изменениях Главным компонентом процесса исцеления является инсайт; изменение зависит от углубления "относительной реальности" группы.

Эриксоновская семейная терапия⁵

Предшественники Фрейд, гипноз.

Философия Эклектизм и прагматизм.

Модель Экосистемы.

Основные влияния Гипнотерапия, ориентация на содержание.

Представления о норме Рост и развитие с помощью творческого решения проблемы, что позволяет стимулировать индивидуальные ресурсы.

Представления о нарушениях Неосознание личных ресурсов, недостаточное общение, симптомы как общение.

Представления об осознании Вторичные; пренебрежение инсайтом в пользу обучения с помощью действия; нет формальной теории осознания.

Представления об изменениях Достижение цели, что усиливает изменчивость и потребность в самовыражении; движение в сторону эволюции семьи.

Фокусная семейная терапия⁶

Предшественники Фрейд, Кляйн, Блон, Винникотт.

Философия Эмпиризм.

Модель Системная; ориентированная на содержание и процесс.

Основные влияния Психоанализ, клиническая психиатрия, объектные отношения, групповая и семейная терапия.

Представления о норме Семь уровней иерархии функционирования – смысл, аффект, общение, границы, общность, стабильность и состоятельность.

Представления о нарушениях Прошлая травма проявляется в повторях, порочных кругах, принужденности, чрезвычайных ситуациях и актуальных проблемах (симптомы).

Представления об осознании Одинаковая важность изменений и паттернов поведения; нет формальной теории осознания.

Представления об изменениях Разрешение от травмы и восстановление традиций семьи.

Функциональная семейная терапия⁷

Предшественники (?)

Философия Эмпиризм и (очевидно) релятивизм.

Модель Теория систем и бихевиоризм; относительная; ориентированная на процесс и содержание.

Основные влияния Группа Пало Альто.

Представления о норме Эффективный связанный процесс и составные относительные результаты; посредничество между дистанцией и близостью во взаимоотношениях.

Представления о нарушениях "Проблемы" и "симптомы" (так называемый культурный консенсус) являются проявлениями функциональности во взаимоотношениях.

Представления об осознании Смешанные; нет формальной теории осознания.

Представления об изменениях Изменения происходят после того, как изменяются представления членов семьи о них самих и других.

Интегративная семейная терапия⁸

Предшественники Ауэрсвальд, Бейтсон, Эриксон, Минухин, Пиаже, Сатир.

Философия Эклектизм.

Модель Системная; органическая; ориентированная на содержание и процесс.

Основные влияния Теория систем.

Представления о норме Сознательная способность упражняться в различных вариантах поведения, вместо того чтобы предъявлять повторяющиеся автоматизированные реакции; устойчивое чувство собственной состоятельности, нормальности, достоинстве.

Представления о нарушениях Система отмечена автоматическим поведением, отсутствием новизны, блокадой новой информации, закрытыми границами; общение блокировано, нежелательно и недоступно.

Представления об осознании Основное и многоуровневое в поддержании интегрированного системного подхода; нет формальной теории осознания.

Представления об изменениях Изменения происходят после того, как разрушается клише автоматического и привычного поведения.

Миланская школа системного подхода⁹

Предшественники Фрейд, Джексон, Хейли, Вацлавик, Бейтсон.

Философия Экосистемная эпистемология.

Модель Системная; контекстуальная; ориентированная на процесс и содержание.

Основные влияния Кибернетика второго порядка ("кибернетика кибернетики"); конструктивизм.

Представления о норме То, что работает на людей.

Представления о нарушениях Проблемы представляют собой смысловые составляющие, созданные потерпевшими аварией и всеми членами, подключенными к поддержанию смысла, который приводит к компромиссу.

Представления об осознании Смешанные: изменения зависят от новых взаимоотношений и значений, а не от инсайтов; нет формальной теории осознания.

Представления об изменениях Уровни изменения значений на более высокий порядок изменений мировоззрения и поведения.

Стратегическая семейная терапия¹⁰

Предшественники Эриксон.

Философия Прагматизм

Модель Прямая, плановая интервенция; ориентирована на содержание.

Основные влияния Лэйнг, Хейли, Мадеанес.

Представления о норме Контроль над негативными проблемами, создание позитивного контекста и совместное решение проблем.

Представления о нарушениях Все проблемы происходят от одной дилеммы – любовь и насилие.

Представления об осознании Решение проблем с предпочтением инсайта или осознания; нет формальной теории осознания.

Представления об изменениях Изменения происходят, когда семья учится преодолевать кризис и переходит к новой стадии своего развития.

Структурная семейная терапия¹¹

Предшественники Фрейд, Салливан.

Философия Конструктивизм.

Модель Биосоциальная, системная; ориентирована на процесс и содержание.

Основные влияния Монтальво, Хейли, Минухин, Кестлер, Пригогайн.

Представления о норме Семья эффективно переносит стресс и выполняет свои функции по воспитанию и развитию своих членов.

Представления о нарушениях Семья не может выполнять функцию по воспитанию и развитию своих членов.

Представления об осознании Смешанные: практически применяются в технических приемах, как, например, "отыгрывание" и структурные изменения; с другой стороны, сопротивление либо обходят стороной, либо вступают с ним в борьбу. Формальной теории осознания не существует.

Представления об изменениях Ответственность терапевта за то, “чтобы это произошло”.

Символическая экспериентальная семейная терапия¹²

Предшественники Фрейд, Ранк, Кляйн, Айхорн.

Философия (?)

Модель Ориентирована на процесс.

Основные влияния Детская психиатрия, игровая терапия.

Представления о норме Структурная интеграция; четко определенные границы; подвижные subsystemы; эмоциональные процессы поддерживают самовыражение и любовь.

Представления о нарушениях Нарушенные границы; нефункциональные subsystemы; эмоциональные процессы поддерживают недостоверность и конфликт.

Представления об осознании Ценность непосредственных переживаний и аффекта; инсайт рассматривается как побочный продукт; когнитивная реализация изменений вторична; нет формальной теории осознания.

Представления об изменениях Новые отношения и поведение ускоряют изменения.

КОММЕНТАРИИ

К главе 1

1. F.S. Perls (1947), *Ego, hunger and aggression* (London: Allen & Unwin).

2. F.S. Perls (1947), *Ego, hunger and aggression* (London: Allen & Unwin). Интересно, что идея “метаболизма сознания” впервые была изложена в статье, написанной Фрицем Перлзом об оральном сопротивлении, которая была продолжением исследования Лауры Перлз, посвященного “челюстной агрессии”. См. E.M. Stern (1992), “A dialog between Laura Perls, Richard Kitzler and E. Mark Stern” в E.W.L. Smith (Ed.) *Gestalt voices* (Norwood, NJ: Ablex, p.22).

3. F.S. Perls, R. Hefferline, & P. Goodman (1951), *Gestalt therapy: Excitement and growth in the human personality* (New York: Julian Press).

4. В первом примере: я делаю себе, что хочу делать тебе, а во втором случае: – я даю себе то, что хочу, чтобы ты дал мне (например, гладить меня по голове, держать меня за руку и так далее).

5. J. Kepner (1987), *Body process: Gestalt approach to working with the body in psychotherapy* (New York: Gardner Press). См. также – M. Schiffman (1971) *Gestalt self therapy and further techniques for personal growth* (Berkeley, CA: Wingbow Press).

6. J. Zinker & S. Nevis (1981), *The gestalt theory of couple and family interactions*, Gestalt Institute of Cleveland working paper, Cleveland, OH. См. также главу 4 настоящего издания.

7. Индивидуальное общение.

8. Эта история относится к 1960–м годам. В то время еще ничего не было известно об возможности использования бета-блокаторов в кардиоваскулярном феномене.

9. J. Zinker & J. Leon (1976), “The Gestalt perspective: A marriage enrichment program”, in O. Herbert (Ed.) *Marriage and family enrichment* (Nashville, TN: Abingdon Press, pp. 144–157). См. также – J. Zinker (1980) *Complementary and the middle ground: The two forces for couple's binding*, Gestalt Institute of Cleveland working paper, Cleveland, OH.

10. B. Zeigarnik (1927) “Über das Behalten von erledigten und unerledigten Handlungen (On the persistence of finished and unfinished tasks), *Psychologische Forschung*, 9, 1–85. Смотри M.R. Ovsiankina (1976) “The resumption of interrupted activities”, in J. Rivera (Ed.) *Field theory as human science* (New York: Gardner Press). Как Зейгарник, так и Овсянкина экспериментально доказали, что устойчивость памяти на незавершенные задания в два или три раза сильнее, чем память на завершённые задания.

11. C.C. Clements (1992), “Acting out vs. acting through: An interview with Frederick Perls, MD, Ph.D.”, in E.W. Smith (Ed.), *Gestalt voices* (Norwood, NJ: Ablex, pp. 10–17).

12. G. Bateson, J. Jackson & J. Weakland (1968), “Toward a theory of schizophrenia”, in D. Jackson (Ed.), *Communication, Family and marriage* (Palo Alto, CA: Science and Behavior Books).

13. C.B. Broderick & Schrader (1991), “The history of professional marriage and family therapy” in A.S. Gurman & D.P. Kniskern (Eds.), *Handbook of family therapy* (Vol. 2) (New York: Brunner/ Mazel, p.26).

14. J. Zinker (1977), *Creative process in Gestalt therapy* (New York: Brunner / Mazel, p.126). Смотри также – E. Kepner & L. Brien (1970), “Gestalt therapy and behavioristic phenomenology” in J. Fagan & I. Shepherd (Eds.), *Gestalt therapy now* (York: Science and Behavior Books).

15. J. Zinker (1992), “Gestalt therapy in permission to be creative: A sermon in praise of the use of experi-

ment in Gestalt therapy”, *Gestalt voices* (Norwood, NJ: Ablex, pp.51–53).

16. H.A. Guttman (1991), “Systems theory, cybernetics, and epistemology” in A.S. Gurman & D.P. Kniskern (Eds.), *Handbook of family therapy* (Vol. 2) (New York: Brunner/ Mazel, p.56).

17. Смотри описание интерактивного цикла в главе 4 данной книги.

18. Смотри V.Satir, J. Stachoviac, & H. Taschman (1977), *Helping families to change* (New York: Aronson), and V. Satir (1964), *Conjoint family therapy* (Palo Alto, CA: Science and Behavior Books).

19. C.B. Broderick & S.S. Schrader (1991), “The history of professional marriage and family therapy” in A.S. Gurman & D.P. Kniskern (Eds.), *Handbook of family therapy* (Vol. 2) (New York: Brunner/ Mazel, p.29).

20. V. Satir, J. Stachoviac, & H. Taschman (1977), *Helping families to change* (New York: Aronson).

21. V. Lewin (1951), *Field theory in social science* (New York: Harper-Collins).

22. L. Von Bertalanffy (1950), “The theory of open system in physics and biology”, *Science*, 3, 23–29.

23. Для более полного описания Дзен смотри. E. Herrigel (1971), *Zen in the art of archery* (New York: Vintage Books).

24. B.Feder & R. Ronall (1980), *Beyond the hot seat: Gestalt approaches to group therapy* (New York: Brunner/Mazel). Смотри также – E. Polster (1969), “Encounter in community,” in A. Burton (Ed.), *Encounter* (San Francisco: Jossey–Bass).

25. S. Freud (1915), *General introduction to psychoanalysis* (New York: Liveright).

26. Для более подробного исследования понятий ответственности, свободы и созидания смотри: J.-P. Sartre (1956), *Being and nothingness: An essay on phenomenological ontology* (H.E. Barnes, Trans.) (New York: Philosophical Library).

27. G. Wheeler (1991), *Gestalt reconsidered: a new approach to resistance and contact* (New York: Gardner Press).

28. L. Selzer (1984), “The role of paradox in gestalt theory and technique,” *Gestalt Journal*, 7(2), 31-42.

29. A.R. Beisser (1970), “The paradoxical theory of change,” in J. Fagan & E.L. Shepherd (Eds.), *Gestalt Therapy now* (New York: Harper–Collins). Для более детального рассмотрения парадоксальной теории изменения смотри главу 5 данной книги.

30. Для дальнейшего изучения того, что я называю “эстетика хорошей формы” смотри главы 2 и 12 данной книги.

31. V.D. Foley (1979), *An introduction to family therapy* (Philadelphia: Grune & Stratton, p.85).

32. M. Bowen & M.E. Kerr (1988), *Family evaluation and approach based on Bowen theory* (New York: Norton).

К главе 2

1. L. Perls (1992), “Concepts and misconceptions of gestalt therapy,” in E.W.L. Smith (Ed.), *Gestalt voices* (Norwood, NJ: Ablex, p.5.).

2. Гештальт, или образ, формируется для того, чтобы приспособиться к данной ситуации. Он может быть идеей, определяющей ситуацию и придающей ей смысл. Когда ситуация изменяется, творческая адаптация требует “разрушения” старого гештальта и определения того, что возникло с рождением нового гештальта, который реорганизует старый.

3. Система ценностей, лежащая в основе гештальт-терапии будет более подробно рассматриваться в главе 12.

4. B. Zeigarnik (1927), “Uber das Behalten von erledigten und unerledigten Handlungen (On The persistence of finished and unfinished tasks), *Psychologische Forschung*, 9, 1-85.

5. См. главу 4.

6. См. главу 7.

7. См. главу 6.

8. См. главу 7, раздел “Границы терапевта: организация присутствия и управление границами” и главу 11, раздел “Поддержка с помощью наблюдения и ритуалов”.

9. B.J. Boelen (1971), *Existential thinking: A philosophical orientation* (New York: Herder and Herder, pp. 112-113.).

10. M. Farber (1943), *The foundation of phenomenology: Edmund Husserl and the quest for rigorous science of philosophy* (Albany: State University of New York Press, p. 203, курсив автора). Сам Перлз не был бы согласен с этим, потому что, как он часто говорил, если в терапевтической работе ему надо сделать выбор между глазами и ушами, он скорее откажется от глаз. Для него выслушивание было совершенно необходимым. Я же переживаю феноменологическую реальность всеми органами чувств. Но чувствую, что тренировка в феноменологическом видении является основной для психотерапии. Для этого разработана простая трениговая программа, она описана в книге R.L. Harman (1990), *Gestalt therapy: Discussions with the masters* (Springfield, IL: Thomas). Я приведу выдержку из нее:

Джозеф. Да, я думал о том, чтобы разделить группу людей по трое, вы знаете, как мы это делаем. Я бы фокусировал внимание на наблюдателе, а не на терапевте и сделал бы наблюдение наиболее важным мастерством. Я бы оценивал наблюдение и основное умение подключаться к феноменологическим данным. И только потом, когда терапевт научится быть хорошим наблюдателем, я учил бы его интервенции, помимо той интервенции, которая состоит в том, чтобы видеть "что есть". Я бы поставил то, "что есть", на самую вершину, на самый верхний уровень обучения психотерапевтов. Я бы обучал этому неделями, просто спрашивая их, что они видят, что слышат, как они воспринимают меня, и ни одного слова о том, чтобы что-то сделать или провести эксперимент. Думаю, мы прошли полный цикл. Десять лет назад я любил эксперимент и делал упор на экспериментальной работе. Теперь я делаю упор на феноменологии осознания. Сейчас я полагаю, что у каждого есть род феноменологического рвения, что было и у меня, когда я делал эксперимент. Конечно, необходимо иметь некоторые установления, и люди действительно не видят и не слышат. Вот такая у меня мысль по поводу тренинга. В основном тренер должен отвечать за то, "что есть": "вы наморщили лоб, ваш рот расслаблен, ваши глаза смотрят на меня и так далее". Я думаю именно поэтому Фриц говорит, что гештальт-терапия – осознание состояния "здесь и сейчас".

Харман. Что еще будет у вас в тренинговой программе?

Джозеф. Мы будем ходить на экскурсии. Это запланировано на первом этапе нашего интенсива... в Музей естественной истории, в Кливлендский музей искусств, в Кливлендский институт искусств, на концерты Кливлендского оркестра. Я посажу перед картиной двух учеников и скажу им: "Напишите пять-шесть страниц текста о том, что вы увидели на картине". Я сам так делал. Я занимался этим около шести месяцев назад и... не мог остановиться. Это была картина XVII века, где были изображены мать, отец и ребенок с собакой. Это было потрясающе: сколько я увидел. Итак, первая часть процесса – просто смотреть. Другая часть процесса – найти язык, чтобы выразить то, что видишь [pp. 52–53].

11. Термин *фактичность* (facticity) в данном случае близок к экзистенциальному употреблению. Прекрасное определение было дано J. Vacquarrie (1972), *Existentialism* (Harmondsworth, England: Penguin Books, p. 190,):

"Экзистенциалисты употребляют слово *фактичность*, чтобы обозначить ограниченный фактор существования. Оно было придумано от немецкого "Faktizitat" и французского "*facticite*" и не означает то же, что и действительность (factuality). Когда мы говорим чем-то фактическим, основанном на фактах, мы указываем на объективное состояние дел, наблюдаемое в мире. Фактичность можно назвать внутренней стороной действительности. Это не наблюдаемое состояние, это внутреннее экзистенциальное осознание одного отдельного существования. Никто сам не выбирает себе время бытия. Он просто обнаруживает себя существующим... Фактичность дана, но, помимо всего, она – данность нашего существования. То, что *мы здесь*, это, если хотите, необъяснимый грубый факт... Однако человеческое существование не исчерпывается данной действительностью. Мое существование, ваше существование, его существование, ее существование – в каждом случае они характеризуются фактичностью. Из вводных дискуссий о концепции существования мы можем вспомнить, что его базовая характеристика – это "самость"... Я обнаружил, что я не просто существую, а что я существую, как конкретное "Я". Я не могу поменять свое существование на существование другого. Я есть я. Это предложение, конечно, является тавтологией, но одновременно — это тайна, необъяснимый факт, который говорит о том, что я определенный и никакой другой человек. У меня есть определенное тело; я определенной расы и цвета; у меня есть определенная наследственность, коэффициент интеллекта, определенные эмоции и так далее. Я был рожден в этот определенный исторический момент, в определенном обществе, которое окружает мою жизнь и ограничивает меня."

Хайдеггер пользуется термином (thrownness – Geworfenheit) в качестве эквивалента фактичности. Я использую *фактичность* как описательный синоним для апперцептивной массы, потому что он выделяет главные характеристики, жизненные структуры и переживания, которые оставляют человека без выбора.

К главе 3

1. R.M. Pirsig (1974), *Zen and the art of motorcycle maintenance* (New York: Bantam Books).
2. S. Freud (1964), *Moses and monotheism: An outline of psycho-analysis and other works* (Hogarth Press and Institute of Psycho-Analysis).
3. C. Hall, C. Lindsey (1957), *Theories of personality* (2nd ed.) (New York: Wiley, p. 207).
4. Koffka (1935), *Principles of Gestalt psychology* (New York: Harcourt Brace).
5. M. Wertheimer (1944), "Gestalt theory", *Social Research*, 11, 78-99.

6. W. Kohler (1947), *Gestalt psychology* (New York: Liveright).
7. K. Lewin (1936), *Principles of topological psychology* (New York: McGraw–Hill); K. Lewin (1951), *Field theory in social science* (New York: HarperCollins).
8. K. Lewin (1917), “Krieglandschaft” (War landscape), *Zeitschrift Angewandter Psychologie*, 12, 440–447.
9. L. Von Bertalanffy (1950), “The theory of open system in physics and biology”, *Science*, 3, 23.
10. L. Von Bertalanffy (1950), “The theory of open system in physics and biology”, *Science*, 3, 23.
11. F.S. Perls (1947), *Ego, hunger and aggression* (New York: Vintage Books).
12. B. Zeigarnik (1927) “Über das Behalten von erledigten und unerledigten Handlungen (On the persistence of finished and unfinished tasks), *Psychologische Forschung*, 9, 1–85.
13. F.S. Perls, R. Hefferline, & P. Goodman (1951), *Gestalt therapy: Excitement and growth in the human personality* (New York: Julian Press, p.229).
14. Более подробно интерактивный цикл опыта описан в главе 4 данной книги. Смотри также – J. Zinker (1977), *Creative process in Gestalt therapy* (New York: Vintage Books).
15. B. Brown (1980), *Super–mind: The ultimate energy* (New York: HarperCollins, p.274).
16. Глава 7 настоящего издания посвящена управлению границами супружеских пар и семьи.
17. Для более подробного изучения использования метафоры и творческого воображения смотри: J. Zinker (1977), *Creative process in Gestalt therapy* (New York: Vintage Books).
18. Процессуальная терапевтическая работа более детально описана в 8 и 9 и главах данной книги.
19. H.B. English & A.C. English (1958), *A comprehensive dictionary of psychological and psychoanalytical terms* (New York: McKey, p.184).
20. См. M. Ferguson (1980), *The aquarian conspiracy* (New York: St. Martin’s Press).

К главе 4

1. Цикл опыта, разработанный в Кливлендской школе, в основном является расширением “цикла инстинкта”, впервые предложенного Перлзом (1969), *Ego, hunger and aggression* (New York: Vintage Books). Потом он превратился в последовательность “творческого согласования” – “преконтакт – контакт – конечный контакт – постконтакт”, описанную в работе – F.S. Perls, R. Hefferline, & P. Goodman (1951), *Gestalt therapy: Excitement and growth in the human personality* (New York: Julian Press). Более полное описание его применения можно найти в монографии – J. Zinker (1977), *Creative process in Gestalt therapy* (New York: Vintage Books). Этот цикл, описанный как экзистенциальный процесс, подразумевающий систему мышления, рассматривается в главе 3 данной книги.
2. Например, осознание само по себе ведомо собственной энергией, хотя энергия, требуемая для процесса мышления значительно ниже, нежели в активной фазе, которая часто подключает также и подвижность мускулатуры.
3. Я всегда подчеркиваю, что “сопротивление – это то, что переживает терапевт. Клиент представляет собой то, что он о себе думает; в данном случае он заботится о самом себе”. (J. Zinker (1977), *Creative process in Gestalt therapy* (New York: Vintage Books, p.24). Подробно о сопротивлении смотри в главе 6 данной книги.
4. F.S. Perls, R. Hefferline, & P. Goodman (1951), *Gestalt therapy: Excitement and growth in the human personality* (New York: Julian Press, p. viii, курсив автора).
5. Гудман делает интересное различие между феноменами осознания, сознания, фантазии, мечты, надежды и веры:
 “Осознание – простое проявление, как перцептивное, так и моторное. Опыт в аристотелевском понимании – актуальная память и привычки. Сознание является ограничителем настоящего для безопасного восприятия, обдумывания, отсрочки и исключает сильные моторные реакции. Фантазия и мечта – более пространное чистое сознание. Надежда – расширенная фантазия и просто сознание. А неограниченный актуальный компонент надежды – это вера в собственное мнение, амбиции, определенность, доверие, риск. В наиболее полной форме, более, чем в мнениях, вера всегда безосновательна, хотя a posteriori* [[[* лат. – В последствии?] ее основы очевидны [P. Goodman (1966), *Five Years* (New York: Brussel and Brussel, pp. 19–20, курсив автора)].
6. В главах 8 и 9 этой книги подробно обсуждается тема интервенций в семейной терапии.
7. Понятие контакта в гештальт–теории, как показывает Wheeler (1991) in *Gestalt reconsidered: A new approach to contact and resistance* (New York: Gardner Press) – претерпело многие противоречивые толкования и путаницу. По-разному его определяют и F.S. Perls, R. Hefferline, & P. Goodman (1951), в своей монографии *Gestalt therapy: Excitement and growth in the human personality* (New York: Julian Press). – (1) как осознание и движение по направлению к творческому разрешению и ассимиляции/ отказу на границе между организмом и окружающей средой; (2) как осознанный ответ; (3) как процесс формирования фигуры внимания организма/ окружающей среды.

8. Более полное описание концепции взаимного дополнения и средней позиции будет дано в главе 8. Читатель также может ознакомиться с этой темой в книге J. Zinker, "Complementary and middle ground in couples" *Gestalt Journal*, 6(2), 13–27.

9. Дополнительно о творческом применении эксперимента смотри – J. Zinker (1977), *Creative process in Gestalt therapy* (New York: Vintage Books).

К главе 5

1. Я не настолько безрассуден, чтобы ввязываться в философскую полемику, которая началась, возможно, с того момента, когда Аристотель впервые скрестил шпаги со своим учителем Платоном. В этой главе я просто попытался определить свою позицию по поводу важности осознания. Тем, кто заинтересуется этой темой подробнее, я рекомендую следующую литературу: A.Castell (1965), *The self in philosophy* (New York: Macmillan); L.A. Pervin (1978), *Current controversies and issues in personality* (New York: Wiley); P. Young-Eisendrath & J.A. Hall (Eds.) (1987) *The book of the self: Person, pretext and process* (New York: New York University Press); A. Wandersman, P.J. Poppen, & D.F. Ricks (Eds.) (1976), *Humanism and behaviorism* (Oxford, England: Pergamon Press).

2. См. обсуждение теории систем в главе 3.

3. W. Buckley (1967), *Sociology and modern systems theory* (Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall); M. Shaw & P.R. Constanzo (1970), *Theories of social psychology* (New York: McGraw-Hill); E. Laszlo (1972), *Introduction to system philosophy* (New York: HarperCollins); R. Becvar & D.S. Becvar (1982), *System theory and family therapy* (New York: University Presses of America).

4. Это напоминает мне загадки, которые учитель Дзен загадал своим ученикам. Ни один ответ на эти загадки не может быть "правильным" или "неправильным".

5. M. Erickson (1982), *My voice will go with you* (New York: Norton).

6. Парадокс, о котором здесь говорится, используется как техника стратегических семейных терапевтов.

7. Если вы хотите поразмышлять на эту тему, смотрите: C.J. Kershaw (1991), *The couple hypnotic dance: Creating Erickson strategies in marital therapy* (New York: Brunner/Mazel).

8. e.e. cummings (1971), *Six nonlectures* (New York: Atheneum).

9. C. Rogers (1961), *On becoming a person* (Boston: Houghton-Mifflin).

10. Это не нападки на использование идей, так как без них эта книга не была бы написана. Без существования идей мы не смогли бы записать нашу историю, изучать математику, писать романы или создавать теории. Без идей мы не были бы человеческими существами, но с одними лишь идеями без исследования восприятия и определения качеств, мы бы свели себя на уровень компьютерных устройств.

11. Эти работы посвящены дискуссии о нелинейной сложности осознания с точки зрения психоанализа, биологии и физики – J. Winson (1985), *The biology of the unconscious* (New York: Anchor Press/Doubleday); M.F. Reiser (1985), *Toward a convergence of psychoanalysis and neuro-biology* (New York: Basic Books); F.A. Wolf (1985), *Mind, consciousness and quantum physics* (New York: Macmillan).

12. A.R. Beisser (1970), "The paradoxical theory of change," in J. Fagan & E.L. Shepherd (Eds.), *Gestalt Therapy now* (New York: Harper-Collins, p. 77, курсив мой). Я также рекомендую – L. Selzer (1984), "The role of paradox in gestalt theory and technique," *Gestalt Journal*, 7(2), 31–42; а также K.J. Schneider (1990), *The paradoxical self: Towards an understanding of our contradictory nature* (New York: Insight Books).

13. E. Nevis (1987), *Organizational consulting: a Gestalt approach* (New York: Gardner Press, p. 124–140).

14. Укореняя себя в то, "что есть", буквально: в "ЕсТественность" (isness) системы, наш подход философски возвращается к гуссерлианской феноменологии ("к вещам как таковым") и онтологическому положению Хайдеггера "быть там" (*Dasein*). Таким образом, как любил говорить Перлз, гештальт-терапия – это "философия очевидного". Читатель также может обратиться к: L. Binswanger (1963), *Being-in-the-world: Selected papers of Ludwig Binswanger* (J. Needleman, Trans.) (New York: Basic Books); H.L. Dreyfuss (1991), *Being-in-the-world: A commentary on Heidegger's being and time, division I* (Cambridge, Mass.: MIT Press); M. Heidegger (1962), *Being and time* (J. Macquarrie & E. Robinson, Trans.) (New York: HarperCollins).

15. Понятия полярности и поляризации являются ключевыми в гештальт-терапии, однако еще с древних времен они также являются частью философии, психологии и теологии. Полярные качества человеческой души напоминают диалектическую тезу-антитезу Гегеля. Определения полярностей дается Ирвином Польстером (Ирвин Польстер "Интегрированная гештальт-терапия". М., НФ "Класс", 1997). Он пишет: "Нет ничего нового в том, чтобы увидеть в человеке полярности. Новизна состоит в гештальт-видении того, что каждый человек есть бесконечная последовательность полярностей. Как только человек распознает в себе один аспект, он обнаруживает наличие проти-

воположного ему качества. Оно прячется на дальнем плане, давая соразмерность актуальному переживанию, однако оно достаточно могущественно, чтобы возникнуть в качестве фигуры, если соберет нужное количество энергии. Когда эта сила имеет поддержку, между любыми полярностями, возникающими в противовес друг другу, может быть достигнута интеграция.” Я также рекомендую прочесть: R. Fantz (1973), *Polarities: Differentiation and integration* (Cleveland, OH: Gestalt Institute of Cleveland).

16. Для дальнейшего изучения возможностей эксперимента в гештальт-терапии смотрите – J. Zinker (1978), *Creative process in Gestalt therapy*, Gestalt Institute of Cleveland working papers, Cleveland, OH.

К главе 6

1. Это схоже с сартровской триадой: свобода – ответственность – страдание. Смотри следующий абзац: J.P. Sartre (1957), *Existentialism and human emotions* (New York: Philosophical Library): “Эта та самая идея, которую я попробую выразить, когда я говорю, что человек осужден быть свободным. Осужден, потому что он не сам создает себя, хотя в глазах других свободен: потому что с тех пор, как был выброшен в мир, он несет ответственность за все, что делает”. (с.23) Далее похожие наблюдения: “Основное следствие наших ранних замечаний заключается в том, что человеческое существо, осужденное быть свободным, несет на своих плечах себе весь груз мира; его ответственность за мир и за самого себя есть способ его бытия”. (с.52)

2. Некоторые гештальт-теоретики не согласны с тем, что сопротивление не несет негативную функцию блокады, которую необходимо снять, прежде чем может произойти контакт. Они не согласны с тем, что сопротивление является одной из форм контакта. Идея рассмотрения сопротивления как “позиции” клиента впервые привлекла мое внимание в 1981, когда я прочел неопубликованную рукопись Эдвина Харриса (Сент.Льюис, штат Миссури). Его статья называлась “Новый взгляд на гештальт-теорию сопротивления”. Представление о сопротивлении как о функции контакта основано на предположении о том, что осознание не может *не* быть вне контакта – человек всегда находится в контакте с чем-нибудь. Впервые такой взгляд высказал Дж. Уиллер – J. Wheller (1991), *Gestalt reconsidered: a new approach to contact and resistance* (New York: Gardner Press). Уиллер заявляет: “...Такой вещи, как “чистый контакт”, не существует, его нет в идеальном воплощении. В реальности к контакту, к сожалению, примешиваются разные виды сопротивления – конфлюенция, интроекция, дифлексия и все остальное. То, что мы называем “функциями контакта”, можно описывать, анализировать и классифицировать как различные сочетания всего вышеперечисленного. Однако контакт не существует сам по себе без этих примесей. Уберите все способы сопротивления... и то, что останется вовсе не будет контактом, это будет лишь присутствие мертвого тела, которое в конце концов, впервые полностью находится “вне контакта”. [с.113].

До некоторой степени я присоединяюсь к этому мнению, однако в своей работе придерживаюсь традиционной точки зрения на сопротивление как на прерывание функции контакта.

3. J. Kepner (1987), *Body process: A Gestalt approach to working with the body in psychotherapy* (New York: Gestalt Institute of Cleveland Press); L. Wyman, lectures and personal communication with the author, Gestalt Institute of Cleveland, 1980–1989.

4. Описание семьи Мадьяр в 5 и 7 главе иллюстрирует типичную ретрофлексивную семью.

5. В главе 8, я привожу пример терапевтической работы с супружеской парой с поведением по типу дифлексии – Джим и Лоретта.

К главе 7

1. См. – F.S. Perls, R. Hefferline, & P. Goodman (1951), *Gestalt therapy: Excitement and growth in the human personality* (New York: Julian Press). Перлз, Хефферлайн и Гудман заявляют, что “рост является функцией границы контакта в поле организм/ среда; именно с помощью творческого регулирования, изменения и роста законченное органическое соединение может жить в огромном окружающем его поле. Мы можем сказать, что психология – *изучение творческого регулирования*. Это всегда обновляющийся переход от старого к новому, в результате которого и происходит приспособление и рост”. (с. 230, курсив автора).

2. Здесь, конечно, я имею в виду человеческие энергетические поля, психологическое и личное пространство. Смотри – I. Bentov (1988), *Stalking the wild pendulum: On the mechanics of consciousness* (Rochester, VT: Destiny Books); B.A. Brennan (1988), *Hands of light: A guide to healing through the human energy field* (New York: Bantam Books); F. Capra (1991), *The Tao of physics: An exploration of the parallels between modern physics and Eastern mysticism* (Boston: Shambhala).

3. Терапевтическая задача по созданию присутствия будет обсуждаться позже в этой же главе.

4. Донна Руменик впервые познакомила меня с понятием присутствия как важного терапевтического "инструмента" в гештальт-терапии. Руменик рассуждает на эту тему в своей неопубликованной работе "Гештальт-принципы работы с неблагополучными супружескими парами и семьями" ("Gestalt principles for working with dysfunctional couples and families" (1983). У нас было много очень важных бесед на тему терапевтического присутствия и его целебного эффекта. Работы Донны Руменик повлияли на мое представление о терапевтическом присутствии и внесли весомый вклад в создание работы "Присутствие как побудительная сила терапии" ("Presence as evocative power in therapy", *Gestalt Review*, 1(2), 1-2, 1987), а также в создании раздела этой главы.

5. О "творческой отстраненности" смотри также: F.S.Perls (1947), *Ego, hunger and aggression* (New York: Vintage Books). Перлз говорит, – "Фридлендер делает различие между незаинтересованностью – "мне нет дела до..." – и "творческой отстраненностью". Творческая отстраненность – крайняя заинтересованность, которая тождественна абсолютной нулевой точке, но при этом всегда сохраняет баланс. Смотри также: G. Wheeler (1991), *Gestalt reconsidered: a new approach to resistance and contact* (New York: Gardner Press). Здесь Уиллер делает следующие комментарии к концепции:

"Саламо Фридлендер (1871-1946) теперь почти совсем забытый критик, поэт, ученик Ницше и даже сатирический новеллист (он печатался под псевдонимом Минона) времен Второй Германской Империи. В своей работе, написанной в 1918 году *Schoepferische Indifferenz* (это название никогда не переводилось, но по-английски лучше сказать "творческое неразличение", а не "отстраненность". К сожалению, в английском языке нет точного аналога). На манер Ницше он спорит с описательным или оценивающим отношением к главному аристотелевскому понятию полярной непрерывности восприятия... Квалификация – "хорошо" – не может быть абсолютной оценкой, так как предполагает "лучшее", что само по себе имеет связь с некоторыми корреспондирующими полярными терминами, в данном случае "плохо". Конечно, это представляет определенный контраст с иудейско-христианской моделью, которую критиковал Ницше (1886), или с платоновой моделью, где такие понятия, как "хорошо" и "плохо", хотя и могут иметь связь, каждое исходят из отдельных абсолютов, от которых они отталкиваются и которые идут от некоторых источников извне самого перцептивного процесса. (с.47-48).

К главе 8

1. Я представляю этот процесс как интерактивный цикл опыта, описанный в главе 4.
2. См. главу 7, дискуссию о терапевтическом "присутствии".
3. Основная структура построения терапевтической сессии и интервенции в семейную систему была разработана на основе исследований Сони Невис и представлена студентам Гештальт-института Кливленда.
4. В главе 3 я обсуждаю супружескую пару как систему, в главе 4 объясняю, что такое Интерактивный цикл опыта.
5. Глава 6 посвящена сопротивлению изменениям.
6. См. главу 7, в которой более подробно описано создание границ.
7. Эта дискуссия переписана из моей работы "Гештальт-подход к терапии супружеских пар" ("Gestalt approach to couple therapy", 1992) в – E.C. Nevis (Ed.), *Gestalt Therapy: Perspectives and applications* (New York: Gestalt Institute of Cleveland Press.) Я также рекомендую: "On stimulation: A conversation with Dr. Wes Jackson" (1981, Winter), *News* (Center for study of Intimate Systems, Gestalt Institute of Cleveland), 1(3), 1-2; "Couples: How they develop and change: An interview with Barbara Lynch, Ph.D." (1982, Fall), *News* (Center for study of Intimate Systems, Gestalt Institute of Cleveland), 2(1), 1-2; "Intimacy and sexuality: An interview with Sol Gordon, Ph.D." (1984, Fall), *News* (Center for study of Intimate Systems, Gestalt Institute of Cleveland), 4(2), 1-2; "Marriage: The impossible relationship: A conversation with Sonia Nevis, Ph.D., and Joseph Chaim Zinker, Ph.D." (1985, Fall), *News* (Center for study of Intimate Systems, Gestalt Institute of Cleveland), 5(1), 1-2; "What do you think?" (1987, Spring), *News* (Center for study of Intimate Systems, Gestalt Institute of Cleveland), 7(1), 1-2;
8. Одна модель такой работы с супругами, где требуется слушать друг друга и достигать компромисса, не теряя своего лица, описана в моей работе: J. Zinker (1977), *Creative process in Gestalt therapy* (New York: Vintage Books).
9. Для более детального рассмотрения проблемы постановки эксперимента смотри: J. Zinker (1977), *Creative process in Gestalt therapy* (New York: Vintage Books, chaps. 6 and 7).
10. Данная демонстрация переписана из в моей работы: J. Zinker (1981) *Complementary and the middle ground: The two forces for couple's binding*, (Cleveland, OH: Gestalt Institute of Cleveland). Она происходила на Конференции по гештальт-подходу к семейной терапии в Гештальт-институте в Кливленде (1980) (Я благодарю Филиппа Розенталя за запись и тщательную редактуру).

К главе 9

1. См. главу 5.

2. См. главу 3.

3. Эта гештальт-терапевтический технический прием, при котором на пустой стул помещается отдельная часть "Я" таким образом, чтобы человек мог вступить в диалог с этой частью и достичь реинтеграции. Благодаря публичным демонстрациям Перлза, эта техника стала настолько популярна, что, к несчастью, у многих людей, в том числе и наших коллег, стала ассоциироваться с гештальт-терапией в целом.

4. Использовано с разрешения: J. Andrew, D. Clark & J. Zinker (1988), "Accessing transgenerational themes through dreamwork," *Journal of Marital and Family Therapy*, 14(1), 15-27. Авторы этой работы обучались в различных институтах гештальт-терапии в Лос Анжелесе, Чикаго и Кливленде. В своей клинической практике все они пришли к системному мышлению в семейных системах (Зинкер, Невис) или модели гештальт-интегрированной семейной терапии (GIFT) (Эндрю и Кларк).

5. H.J. Aponte & J.M. VanDeusen (1991), "Structural family therapy," in A.S. Gurman & D.P. Kniskern (Eds.), *Handbook of family therapy* (Vol. 1) (New York: Brunner/Mazel, p. 314). Авторы пишут: "трехсторонняя форма "коалиции", в которой "каждый из двух противоположных сторон ищет возможности присоединиться к похожему человеку, чтобы противостоять другому; с наличием третьей стороны, которая по каким-либо причинам делает необходимым сотрудничество то с одним, то с другим из противоположных сторон" (с. 314).

6. Подробную информации о динамике ребенок-родитель см.: "My Children? A conversation with Edwin Nevis, Sonia Nevis, and Joseph Zinker" (1984, Spring), *News* (Center for study of Intimate Systems, Gestalt Institute of Cleveland), 4(1), 1-3. Информацию о видеозаписи семейной гештальт-терапии смотри – C.O. Harris & S.M. Nevis, *Gestalt Family Therapy*, produced by Center for study of Intimate Systems, Gestalt Institute of Cleveland) in collaboration with Harriet Harvey Enterprises and Herbert Wolf, producer.

К главе 10

1. О философском исследовании лживости и правдивости в связи с такими темами как "вероломство" и "подлинность", смотри J.-P. Sartre (1957), *Being and nothingness: An essay on phenomenological ontology* (H.E. Barnes, Trans.) (New York: Philosophical Library). Сартр так пишет о разнице между "вероломством" и простой ложью: "Мы с готовностью соглашаемся с тем, что вероломство – это ложь самому себе, при условии, что мы делаем различие между ложью самим себе и ложью вообще. Ложь является негативным отношением, с этим мы согласимся. Но это негативное отношение само по себе не переносится в сознание; оно целится дальше. Сущность лжи заключается в том, что лжец в действительности полностью владеет правдой, которую скрывает. Человек не станет лгать о том, чего не знает; не станет лгать, когда распространяет заблуждения, в которых он сам одурочен; не станет лгать, когда ошибается. Идеальное описание лжеца было бы описанием циничного сознания, утверждающего правду внутри самого себя, отрицая ее на словах... [с. 48] ...

Ситуация не может быть подобной вероломству, которое, как мы уже сказали, является ложью себе самому. Нет сомнения в том, что тот, кто склонен к вероломству, скрывает неприятную правду или предъявляет приятную неправду. Вероломство являет собой структуру фальши. Вероломство случается тогда, когда я скрываю правду от самого себя. Двойственности обманщика и обманутого здесь не существует". [с. 49]

См. также: S. Bok (1989), *Lying: Moral choice in public and private office* (New York: Vintage Books); M. Heidegger (1977), "On the essence of truth," in *Basic Writings* (New York: HarperCollins); J.-P. Sartre (1992), *Truth and existence* (Chicago: University of Chicago Press).

2. Эта история кажется забавной (О! Только спустя много лет!), кроме того она связана с тяжелой травмой, смущением и сильно напоминает "Взгляд" Другого из знаменитого примера Сартра: "будучи-пойманным-при-заглядывании-в-замочную-скважину". Смотри: J.-P. Sartre (1957), *Being and nothingness: An essay on phenomenological ontology* (H.E. Barnes, Trans.) (New York: Philosophical Library).

3. Можно написать целую книгу, чтобы ответить только на один вопрос: "Что происходит, когда человек лжет близким?" Глубокие философские, психологические и духовные последствия этого общечеловеческого явления настолько многогранны, что не смогут поместиться в этой книге. Мне кажется, что обманывая Другого, мы также обманываем, отторгаем и отвергаем себя. Бубер называл это *самопротиворечием* (self-contradiction). Смотри: M. Buber (1958), *I and Thou* (R.G. Smith, Trans.) (New York: Charles Scribner's Sons). Я процитирую отрывок из этого произведения Бубера:

"Самопротиворечие!"

Если человек не представляет себе, что для него главное в мире, в котором он живет, если он не разобрался и не понял заложенное в нем *Ты*, оно уйдет вовнутрь. Это приведет к неестественному невозможному субъекту *Я*, который существует там, где совершенно нет места для его развития. Таким образом, противостояние живет внутри него самого, и здесь не может быть зависимости, присутствия или взаимодействия, здесь есть только самопротиворечие. Человек может пытаться объяснить это отношение, возможно, как религиозное, чтобы вырваться из ужаса внутреннего раздвоения; но он обречен снова и снова искать объяснений. Это край жизни, борьба неосуществленной жизни с бессмысленной видимостью осуществленности, это блуждание по лабиринту и еще большая утрата себя". [с. 69-70].

Краткое исследование самообмана смотри: W.F. Fisher (1985), "Self-deception: An empirical-phenomenological inquiry into its essential meaning", in A. Giorgi (Ed.), *Phenomenology and psychological research* (Pittsburgh, PA: Duquesne University Press).

4. Автор этих слов неизвестен, однако легко предположить, что они были сказаны кем-то с параноидальными тенденциями.

5. Epictetus (1937), "The golden sayings of Epictetus" (Trans. H. Crossley), in C.W. Eliot (Ed.) *The Harvard classics* (New York: Collier).

К главе 11

1. J. Viorst (1986), *Necessary losses* (New York: Simon & Schuster).

2. E. Kubler-Ross (1969), *On death and dying* (New York: Macmillan). Смотри также – "Marie Creelman at 77" (1986, Spring), *News* (Center for study of Intimate Systems, Gestalt Institute of Cleveland), 6(1), 1-2; "Loss and growth: An interview with Eleanor Warner" (1981, Spring), Center for study of Intimate Systems, Gestalt Institute of Cleveland), 1(3), 1-2; (Center for study of Intimate Systems, Gestalt Institute of Cleveland), 1(2), 1-3; J. Zinker (1966), *Rosa Lee: Motivation and the crisis of dying* (Painesville, OH: Lake Erie Press).

К главе 12

1. Я благодарен моему близкому другу и коллеге Донне Румерик за наши долгие беседы о важных ценностях гештальт-терапии. Наши беседы привели меня к семинарам "Развитие терапевта", которые мы вели вместе многие годы. Эти семинары помогали терапевтам лучше осознавать ценности их собственной работы. Румерик вдохновила меня представить мои взгляды на большую аудиторию – Гештальт-конференцию 1986 года. Многие годы она читала, перечитывала и поддерживала мои работы в этой области. Этот раздел переработан из моего доклада на конференции.

2. Идея эстетической оценки феномена зрения была присущей гештальт-психологии. Смотри – W. Kohler (1947), *Gestalt psychology: An introduction to new concept in modern psychology*, (New York: Liveright, pp. 176-177, original emphasis):

"Простой", "сложный", "регулярный", "гармоничный" – эти слова, которые, несомненно, являются результатом организации. Когда мы называем что-то "симметричным", это что-то — безусловно выделенный объект. Также и "тонкий", "круглый", "угловатый", "неуклюжий", "грациозный" – определенные очертания, выявляющие характеристики вещей или событий. От этих примеров один шаг до более точных, конкретных качеств, как, например, круг, треугольник, груша, дуб и так далее. Эти качества тоже возникают как атрибуты особой реальности... Эренфельс считал подобные очертания наиболее важными и очевидными качествами и использовал для них термин "Gestaltqualitaten"... Главное определение этого термина применимо для особой принадлежности мелодии, например, для ее "мажорного" и "минорного" характера. Движение визуального события имеет "Gestaltqualitaten" (гештальт-качество), которые имеют пространственные и временные рамки. Примером могут служить танцы или характерные движения животных такие, как "прыжки" или "ползание".

3. См. – K. Koffka (1935), *Principles of Gestalt psychology* (New York: Harcourt Brace).

4. Келер был человеком образованным, он любил искусство и особенно музыку. Одну из своих первых книг он посвятил ценностям жизни. Смотри – W. Kohler (1966), *The place of value in the world of fact* (New York: Liveright, originally published in 1938)/

5. F.S. Perls, R. Hefferline, & P. Goodman (1951), *Gestalt therapy: Excitement and growth in the human personality* (New York: Julian Press).

6. F.S. Perls, R. Hefferline, & P. Goodman (1951, pp. 2-287).

7. F.S. Perls, R. Hefferline, & P. Goodman (1951, p. 32).

8. 7. F.S. Perls, R. Hefferline, & P. Goodman (1951, p. 329).

9. Так считает Исидор Фром, который начинал работать с Перлзом в 1946 году, в то время Перлз все еще был близок к психоанализу. Смотри: E. Rosenfeld (1981), "An oral history of gestalt therapy, part two: A conversation with Isadore From," in J. Wysong & E. Rosenfeld (Eds.), *An oral history of Gestalt therapy* (Highland, N.Y.: Gestalt Journal, p. 27).

10. Первая цитата применительно к контексту психотерапии. Эти цитаты взяты из – 7. F.S. Perls, R. Hefferline, & P. Goodman (1951, pp. 275-276, 294).

11. Перлз был лично и интеллектуально раздражен против Абрахама Маслоу, потому что чувствовал: это *активное* качество было утрачено в работах Маслоу. Платоновские идеалы Маслоу были недостаточно динамичны для Перлза.

12. 7. F.S. Perls, R. Hefferline, & P. Goodman (1951, p. 271).

13. 7. F.S. Perls, R. Hefferline, & P. Goodman (1951, p. 171).

14. S. Nevis & E. Warner (1983), "Conversation about Gestalt couple and family therapy," *Gestalt Journal*, 6(2), 9.

15. S. Nevis & E. Warner (1983, p. 9).

16. Этот раздел переработан из тезисов выступления на конференции, посвященной гештальт-терапии – J. Zinker (1993), "Polemics, systems, and the nature of interventions," (the seventh British Gestalt Conference, Cambridge University, England).

17. Идея "сожаления" была выдвинута Соней Невис и Эдвином Невисом. Смотри: Nevis (1987), *Organizational consulting: a Gestalt approach* (New York: Gestalt Institute of Cleveland Press).

18. Я привожу весь отрывок: "и взял [Моисей] книгу завета и прочитал вслух народу, и сказали они: все, что сказал Господь, сделаем и будем послушны. И взял Моисей крови и окропил народ, говоря: вот кровь завета, который Господь заключил с вами о всех словах сих." (Исход 24:7-8).

19. Из личной беседы.

20. Из личной беседы.

Комментарии к приложению

1. I.R. Fallon (1991), "Behavioral family therapy", in A.S. Gurman & D.P. Kniskern (Eds.), *Handbook of family therapy* (Vol. 2) (New York: Brunner/ Mazel, pp. 65-85).

2. E.H. Friedman (1991), "Bowen theory and therapy", in A.S. Gurman & D.P. Kniskern (Eds.), *Handbook of family therapy* (Vol. 2) (New York: Brunner/ Mazel, pp. 134-170).

3. L. Segal (1991), "Brief therapy: The MRI approach," in A.S. Gurman & D.P. Kniskern (Eds.), *Handbook of family therapy* (Vol. 2) (New York: Brunner/ Mazel, pp. 171-199).

4. I. Boszormenyi-Nagy, J. Grunebaum, & D. Ulrich (1991), "Contextual therapy," in A.S. Gurman & D.P. Kniskern (Eds.), *Handbook of family therapy* (Vol. 2) (New York: Brunner/ Mazel, pp. 200-238).

5. S.R. Lankton, C.H. Lankton, & W.J. Matthews (1991), "Ericksonian family therapy," in A.S. Gurman & D.P. Kniskern (Eds.), *Handbook of family therapy* (Vol. 2) (New York: Brunner/ Mazel, pp. 239-283).

6. A. Bentovin & W. Kinston (1991), "Focal family therapy: Joining systems theory with psychodynamic understanding," in A.S. Gurman & D.P. Kniskern (Eds.), *Handbook of family therapy* (Vol. 2) (New York: Brunner/ Mazel, pp. 284-324).

7. C. Barton & F. Alexander (1991), "Functional family therapy," in A.S. Gurman & D.P. Kniskern (Eds.), *Handbook of family therapy* (Vol. 1) (New York: Brunner/ Mazel, pp. 403-443).

8. B.S. Duhl & F.J. Duhl (1991), "Integrative family therapy," in A.S. Gurman & D.P. Kniskern (Eds.), *Handbook of family therapy* (Vol. 1) (New York: Brunner/ Mazel, pp. 483-513).

9. D. Campbell, R. Draper, & E. Crutchley (1991), "The Milan systemic approach to family therapy," in A.S. Gurman & D.P. Kniskern (Eds.), *Handbook of family therapy* (Vol. 2) (New York: Brunner/ Mazel, pp. 325-362).

10. C. Madanes (1991), "Strategic family therapy," in A.S. Gurman & D.P. Kniskern (Eds.), *Handbook of family therapy* (Vol. 2) (New York: Brunner/ Mazel, pp. 396-416).

11. J. Colapinto (1991), "Structural family therapy," in A.S. Gurman & D.P. Kniskern (Eds.), *Handbook of family therapy* (Vol. 2) (New York: Brunner/ Mazel, pp. 417-443).

12. L.G. Roberto (1991), "Symbolic-existential family therapy," in A.S. Gurman & D.P. Kniskern (Eds.), *Handbook of family therapy* (Vol. 2) (New York: Brunner/ Mazel, pp. 444-476).

Joseph C. Zinker

IN SEARCH OF GOOD FORM

Gestalt Therapy with Couples and Families

Jossey-Bass Publishers
San Francisco

Джозеф Зинкер

В ПОИСКАХ ХОРОШЕЙ ФОРМЫ
Гештальт-терапия с супружескими парами и семьями

Перевод с английского А.Я. Логвинской
под редакцией М.И. Берковской

Москва
Независимая фирма "Класс"
2000

УДК 615.851
ББК 53.57
3 73

Зинкер Дж.

3 73 В поисках хорошей формы: Гештальт-терапия с супружескими парами и семьями /Пер. с англ. А.Я. Логвинской. — М.: Независимая фирма "Класс", 2000. — с. — (Библиотека психологии и психотерапии, вып. 83).

ISBN 5-86375-026-X (РФ)

Книга известного американского психотерапевта Джозефа Зинкера в значительной степени посвящена эстетическим ценностям – творческому пониманию "хорошей формы" человеческих взаимоотношений и терапии в рамках гештальт-подхода к работе с семейными парами и семьями. "Хорошая форма" - это результат совместного творчества семьи и терапевта, в котором главное место отводится осознанию семьей позитивных сторон своего взаимодействия и восстановления его непрерывного цикла. Зинкер подробно рассматривает модель интерактивного цикла и иллюстрирует его примерами из практики. Книгу отличает удивительно целостный взгляд на методологию работы, гуманистическое отношение к миру и человеческим переживаниям.

Для специалистов, работающих с семьями и супружескими парами, она предлагает еще один хорошо работающий инструмент, а для "просто читателей" - повод поразмышлять о собственных семьях и неожиданных поворотах семейных отношений.

Главный редактор и издатель серии *Л.М. Кроль*
Научный консультант серии *Е.Л. Михайлова*

ISBN 0-7879-0019-6 (USA)
ISBN 5-86375-026-X (РФ)

© 1994, Joseph Zinker
© 1994, Jossey Bass Publishers
© 2000, Независимая фирма "Класс", издание, оформление
© 2000, А.Я. Логвинская, перевод на русский язык
© 2000, Т.С. Драбкина, предисловие
© 2000, В.Э. Королев, обложка

Исключительное право публикации на русском языке принадлежит издательству "Независимая фирма "Класс". Выпуск произведения или его фрагментов без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Отдельные экземпляры книг серии можно приобрести в магазинах Москвы:
Дом книги "Арбат", Торговых домах "Библио-Глобус" и "Молодая гвардия", магазинах № 47 "Медицинская книга" и "Путь к себе".

СОДЕРЖАНИЕ

"На фоне Пушкина снимается семейство..." *Предисловие Т.С. Драбкиной*

Гордон Уиллер Вступительное слово

Об авторе

Благодарность автора

Пролог

Часть I. ТЕОРИЯ

1. Наши исходные позиции
2. В поисках хорошей формы
3. Системы: супружеские пары и семьи как целостное явление
4. Интерактивный цикл
5. Осознавание и изменения
6. Сопротивление контакту
7. Границы и управление границами

Часть II. ПРАКТИКА

8. Вмешательство в супружескую систему
9. Интервенция в семейную систему
10. Правда и ложь в близких отношениях
11. Утрата, горе и ритуалы
12. Заключение: эстетика гештальт-подхода

Приложение. Основные направления семейной терапии

Примечания

Джозеф Зинкер

В ПОИСКАХ ХОРОШЕЙ ФОРМЫ
Гештальт-терапия с супружескими парами и семьями

Перевод *А.Я. Логвинской*

Научный редактор
М.И. Берковская

Редактор
А.Н. Печерская

Ответственная за выпуск
И.В. Тепикина

Компьютерная верстка
С.М. Пчелинцев

Главный редактор и издатель серии
Л.М. Кроль

Научный консультант серии
Е.Л. Михайлова

Изд.лиц. № 061747
Гигиенический сертификат
№ 77.99.6.953.П.169.1.99. от 19.01.1999 г.
Подписано в печать2000 г.
Формат 60 x 88/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л.... Уч.-изд. л. 15. Тираж 2 тыс. экз.
Заказ №

М.: Независимая фирма "Класс", 2000. — с.
103104, Москва, а/я 85.
E-mail: kroll@aha.ru
Internet: <http://www.igisp-klass.aha.ru>

ISBN 0-7879-0019-6 (USA)
ISBN 5-86375-026-X (РФ)